КОРНИЛОВ





Александр Ушаков
Владимир Федюк



ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ


SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Книга посвящена судьбе харизматического лидера русской контрреволюции — генерала Лавра Георгиевича Корнилова.

Казалось, судьба готовила его к тому, чтобы возглавить Россию в самый переломный период ее истории. Выходец из бедной казачьей семьи, благодаря таланту и трудолюбию получил блестящее военное образование. Смелый и наблюдательный исследователь Азии, разведчик, приобрел доверие и уважение простых казаков и западных дипломатов. Генерал, завоевал авторитет мужеством на фронтах Первой мировой; и возглавил русскую армию летом 17-го… В августе того же года он безуспешно попытался остановить сползание к большевистскому перевороту (Корниловский мятеж), в декабре — встал во главе Добровольческой армии на Юге России, а весной 18-го погиб…

Авторы книги на основе широкого круга уникальных архивных источников и литературы впервые попытались объективно раскрыть причину успехов и неудач яркой личности генерала Корнилова.

- А.И. Ушаков, В.П. Федюк
  - ○
  - ○ ПРЕДИСЛОВИЕ
  - ○ ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.
    - ■ ДЕТСТВО
    - ■ СТУПЕНИ ВОЕННОЙ КАРЬЕРЫ
    - ■ АКАДЕМИЯ ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА
    - ■ ЭКСПЕДИЦИИ В АФГАНИСТАН, КИТАЙ, ПЕРСИЮ И ИНДИЮ
    - ■ ВОЙНА С ЯПОНИЕЙ
    - ■ НА ВОЕННЫХ И ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ПОСТАХ
    - ■ ВЕЛИКАЯ ВОЙНА
    - ■ ПЛЕН
    - ■ ПОБЕГ
  - ○ ЧАСТЬ ВТОРАЯ.
    - ■ ПЕТРОГРАД
    - ■ АРЕСТ ИМПЕРАТРИЦЫ-МАТЕРИ
    - ■ АПРЕЛЬСКИЙ КРИЗИС
    - ■ «ПОДПОЛЬЕ» И «НАДПОЛЬЕ»
    - ■ ОФИЦЕРСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ
    - ■ ВОСЬМАЯ АРМИЯ
    - ■ ПОСЛЕДНЕЕ НАСТУПЛЕНИЕ

        - ВОКРУГ ВОЖДЯ
        - ВО ГЛАВЕ ЮГО-ЗАПАДНОГО ФРОНТА
        - КЕРЕНСКИЙ
        - ВЕРХОВНЫЙ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ
    - ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.
        - МОГИЛЕВ
        - БОЛЬШАЯ ИГРА
        - КОРНИЛОВ И КЕРЕНСКИЙ
        - МОСКОВСКОЕ СОВЕЩАНИЕ
        - ЗАГОВОРЩИКИ
        - ПАДЕНИЕ РИГИ
        - МИССИЯ САВИНКОВА
        - КОРНИЛОВ И ЛЬВОВ
        - РАЗРЫВ
        - ПРОТИВОСТОЯНИЕ
        - МЯТЕЖНИК
        - ГЕНЕРАЛ КРЫМОВ
        - АРЕСТ
        - ТЮРЬМА
    - ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.
        - «АЛЕКСЕЕВСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ»
        - ДОБРОВОЛЬЦЫ
        - ПЕРВАЯ КРОВЬ
        - БЫХОВСКИЙ ИСХОД
        - ТЕКИНЦЫ
        - КОРНИЛОВ И АЛЕКСЕЕВ
        - АРМИЯ И ПОЛИТИКА
        - БОИ НА ДОНУ
    - ЧАСТЬ ПЯТАЯ.
        - ОЛЬГИНСКАЯ
        - «КОЧУЮЩАЯ АРМИЯ»
        - НА КУБАНИ
        - В КОЛЬЦЕ
        - ПОХОДНЫЕ БУДНИ
        - ОТРЯД ПОКРОВСКОГО
        - ШТУРМ ЕКАТЕРИНОДАРА
        - СМЕРТЬ КОРНИЛОВА
        - ГНАЧБАУ
    - ЛЕГЕНДА.
    - ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Л.Г. КОРНИЛОВА
    - ИЗБРАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ
    - ИЛЛЮСТРАЦИИ
- notes

- 1
- 2
- 3
- 4
- 5
- 6
- 7
- 8
- 9
- 10
- 11
- 12
- 13
- 14
- 15
- 16

- comments
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27

- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71

- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115

- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159

- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182
- ○ 183
- ○ 184
- ○ 185
- ○ 186
- ○ 187
- ○ 188
- ○ 189
- ○ 190
- ○ 191
- ○ 192
- ○ 193
- ○ 194
- ○ 195
- ○ 196
- ○ 197
- ○ 198
- ○ 199
- ○ 200
- ○ 201
- ○ 202
- ○ 203

- ○ 204
- ○ 205
- ○ 206
- ○ 207
- ○ 208
- ○ 209
- ○ 210
- ○ 211
- ○ 212
- ○ 213
- ○ 214
- ○ 215
- ○ 216
- ○ 217
- ○ 218
- ○ 219
- ○ 220
- ○ 221
- ○ 222
- ○ 223
- ○ 224
- ○ 225
- ○ 226
- ○ 227
- ○ 228
- ○ 229
- ○ 230
- ○ 231
- ○ 232
- ○ 233
- ○ 234
- ○ 235
- ○ 236
- ○ 237
- ○ 238
- ○ 239
- ○ 240
- ○ 241
- ○ 242
- ○ 243
- ○ 244
- ○ 245
- ○ 246
- ○ 247

- ○ 248
- ○ 249
- ○ 250
- ○ 251
- ○ 252
- ○ 253
- ○ 254
- ○ 255
- ○ 256
- ○ 257
- ○ 258
- ○ 259
- ○ 260
- ○ 261
- ○ 262
- ○ 263
- ○ 264
- ○ 265
- ○ 266
- ○ 267
- ○ 268
- ○ 269
- ○ 270
- ○ 271
- ○ 272
- ○ 273
- ○ 274
- ○ 275
- ○ 276
- ○ 277
- ○ 278
- ○ 279
- ○ 280
- ○ 281
- ○ 282
- ○ 283
- ○ 284
- ○ 285
- ○ 286
- ○ 287
- ○ 288
- ○ 289
- ○ 290
- ○ 291

- ○ 292
- ○ 293
- ○ 294
- ○ 295
- ○ 296
- ○ 297
- ○ 298
- ○ 299
- ○ 300
- ○ 301
- ○ 302
- ○ 303
- ○ 304
- ○ 305
- ○ 306
- ○ 307
- ○ 308
- ○ 309
- ○ 310
- ○ 311
- ○ 312
- ○ 313
- ○ 314
- ○ 315
- ○ 316
- ○ 317
- ○ 318
- ○ 319
- ○ 320
- ○ 321
- ○ 322
- ○ 323
- ○ 324
- ○ 325
- ○ 326
- ○ 327
- ○ 328
- ○ 329
- ○ 330
- ○ 331
- ○ 332
- ○ 333
- ○ 334
- ○ 335

- ○ 336
- ○ 337
- ○ 338
- ○ 339
- ○ 340
- ○ 341
- ○ 342
- ○ 343
- ○ 344
- ○ 345
- ○ 346
- ○ 347
- ○ 348
- ○ 349
- ○ 350
- ○ 351
- ○ 352
- ○ 353
- ○ 354
- ○ 355
- ○ 356
- ○ 357
- ○ 358
- ○ 359
- ○ 360
- ○ 361
- ○ 362
- ○ 363
- ○ 364
- ○ 365
- ○ 366
- ○ 367
- ○ 368
- ○ 369
- ○ 370
- ○ 371
- ○ 372
- ○ 373
- ○ 374
- ○ 375
- ○ 376
- ○ 377
- ○ 378
- ○ 379

- ○ 380
- ○ 381
- ○ 382
- ○ 383
- ○ 384
- ○ 385
- ○ 386
- ○ 387
- ○ 388
- ○ 389
- ○ 390
- ○ 391
- ○ 392
- ○ 393
- ○ 394
- ○ 395
- ○ 396
- ○ 397
- ○ 398
- ○ 399
- ○ 400
- ○ 401
- ○ 402
- ○ 403
- ○ 404
- ○ 405
- ○ 406
- ○ 407
- ○ 408
- ○ 409
- ○ 410
- ○ 411
- ○ 412
- ○ 413
- ○ 414
- ○ 415
- ○ 416
- ○ 417
- ○ 418
- ○ 419
- ○ 420
- ○ 421
- ○ 422
- ○ 423

- ○ 424
- ○ 425
- ○ 426
- ○ 427
- ○ 428
- ○ 429
- ○ 430
- ○ 431
- ○ 432
- ○ 433
- ○ 434
- ○ 435
- ○ 436
- ○ 437
- ○ 438
- ○ 439
- ○ 440
- ○ 441
- ○ 442
- ○ 443
- ○ 444
- ○ 445
- ○ 446
- ○ 447
- ○ 448
- ○ 449
- ○ 450
- ○ 451
- ○ 452
- ○ 453
- ○ 454
- ○ 455
- ○ 456
- ○ 457
- ○ 458
- ○ 459
- ○ 460
- ○ 461
- ○ 462
- ○ 463
- ○ 464
- ○ 465
- ○ 466
- ○ 467

- ○ 468
- ○ 469
- ○ 470
- ○ 471
- ○ 472
- ○ 473
- ○ 474
- ○ 475
- ○ 476
- ○ 477
- ○ 478
- ○ 479
- ○ 480
- ○ 481
- ○ 482
- ○ 483
- ○ 484
- ○ 485
- ○ 486
- ○ 487
- ○ 488
- ○ 489
- ○ 490
- ○ 491
- ○ 492
- ○ 493
- ○ 494
- ○ 495
- ○ 496
- ○ 497
- ○ 498
- ○ 499
- ○ 500
- ○ 501
- ○ 502
- ○ 503
- ○ 504
- ○ 505
- ○ 506
- ○ 507
- ○ 508
- ○ 509
- ○ 510
- ○ 511

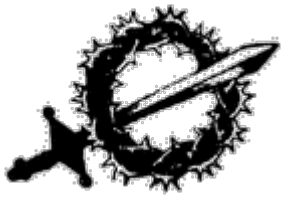
- ○ 512
- ○ 513
- ○ 514
- ○ 515
- ○ 516
- ○ 517
- ○ 518
- ○ 519
- ○ 520
- ○ 521
- ○ 522
- ○ 523
- ○ 524
- ○ 525
- ○ 526
- ○ 527
- ○ 528
- ○ 529
- ○ 530
- ○ 531
- ○ 532
- ○ 533
- ○ 534
- ○ 535
- ○ 536
- ○ 537
- ○ 538
- ○ 539
- ○ 540
- ○ 541
- ○ 542
- ○ 543
- ○ 544
- ○ 545
- ○ 546
- ○ 547
- ○ 548
- ○ 549
- ○ 550
- ○ 551
- ○ 552
- ○ 553
- ○ 554
- ○ 555

- ○ 556
- ○ 557
- ○ 558
- ○ 559
- ○ 560
- ○ 561
- ○ 562
- ○ 563
- ○ 564
- ○ 565
- ○ 566
- ○ 567
- ○ 568
- ○ 569
- ○ 570
- ○ 571
- ○ 572
- ○ 573
- ○ 574
- ○ 575
- ○ 576
- ○ 577
- ○ 578
- ○ 579
- ○ 580
- ○ 581
- ○ 582
- ○ 583
- ○ 584
- ○ 585
- ○ 586
- ○ 587
- ○ 588
- ○ 589
- ○ 590
- ○ 591
- ○ 592
- ○ 593
- ○ 594
- ○ 595
- ○ 596
- ○ 597
- ○ 598
- ○ 599

- ○ 600
- ○ 601
- ○ 602
- ○ 603
- ○ 604
- ○ 605
- ○ 606
- ○ 607
- ○ 608
- ○ 609
- ○ 610
- ○ 611
- ○ 612
- ○ 613
- ○ 614
- ○ 615
- ○ 616
- ○ 617
- ○ 618
- ○ 619
- ○ 620
- ○ 621
- ○ 622
- ○ 623
- ○ 624
- ○ 625
- ○ 626
- ○ 627
- ○ 628
- ○ 629
- ○ 630
- ○ 631
- ○ 632
- ○ 633
- ○ 634
- ○ 635
- ○ 636
- ○ 637
- ○ 638
- ○ 639
- ○ 640
- ○ 641
- ○ 642
- ○ 643

- ○ 644
- ○ 645
- ○ 646
- ○ 647
- ○ 648
- ○ 649
- ○ 650
- ○ 651
- ○ 652
- ○ 653
- ○ 654
- ○ 655
- ○ 656
- ○ 657
- ○ 658
- ○ 659
- ○ 660
- ○ 661
- ○ 662
- ○ 663
- ○ 664
- ○ 665
- ○ 666
- ○ 667

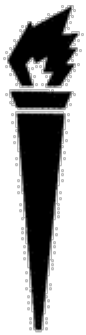
А.И. Ушаков, В.П. Федюк
ЛАВР КОРНИЛОВ



Жизнь замечательных людей®

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким



ВЫПУСК

1164

(964)

«Молодая гвардия», 2006

ПРЕДИСЛОВИЕ

Имя генерала Корнилова было известно в нашей стране практически каждому со школьной скамьи. «Контрреволюционный генерал», «неудавшийся Бонапарт», «несостоявшийся диктатор», «заговорщик», «один из основателей белого движения»… Только этими эпитетами и характеристиками оперировала в основном советская историография, говоря о Корнилове. И совсем мало, а практически ничего в советские времена не писалось о его исследовательских и разведывательных операциях в Центральной Азии и Индии, о его службе военным атташе в Китае, о его храбрости и находчивости в годы Русско-японской и Первой мировой войн, о том, что это был единственный русский генерал, из шестидесяти двух находившихся в австро-германском плену, бежавший из плена…

О генерале Корнилове писали много и разно. Его боготворили и проклинали, обвиняли и мифологизировали. Но, как правило, все сходились в одном — Лавр Георгиевич Корнилов был личностью, и личностью неординарной и неоднозначной. Интерес к жизни и деятельности мятежного генерала не пропал и в наши дни. Свидетельством тому являются книги и статьи, вышедшие в последние годы. В данной работе авторы предприняли попытку как можно объективнее нарисовать портрет одного из действительно замечательных людей нашего не столь уж и далекого прошлого.

Эта книга не могла бы быть написана без помощи и поддержки многих людей. Особенно хочется поблагодарить Валерия Александровича Дурова (Москва, Государственный исторический музей) за помощь ценными советами и фотоматериалами; Сергея Павловича Петрова (Калифорния,

США) и руководство Архива Гуверовского института войны, революции и мира Стэнфордского университета (Калифорния, США) за предоставленные фотоматериалы, Алексея Анатольевича Федюхина (Москва, Научная библиотека Государственного архива Российской Федерации) за помощь в работе и поиске нужных изданий.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.
НАЧАЛО ПУТИ

ДЕТСТВО

18 августа 1870 года в маленьком сибирском городке Усть-Каменогорске, в семье хорунжего Сибирского казачьего войска Егора (Георгия) Корнилова, выслужившего свой невысокий офицерский чин за четвертьвековую добросовестную службу, родился сын. Ребенок был хилым и слабым, непонятно было, выживет он или нет. Потому решили спешно его окрестить, мол, если уж Богу угодно будет взять к себе новорожденного, то хоть с христианским именем. Мальчику дали имя Лавр.

Считается, что предки нашего героя пришли в Сибирь с дружиной Ермака. Один из первых биографов Л.Г. Корнилова Н. Туземцев (Н.Т. Добровольский) в 1919 году писал, что Корнилов был потомком «русских пионеров, поклонившихся некогда Грозному царю царством Сибирским»{1}.

Каких-либо полных сведений о родителях и дедах Лавра Георгиевича не осталось. Известно лишь, что его отец, выйдя в отставку, продолжил службу писарем волостной управы (коллежским секретарем) в станице Каркаралинской Семипалатинской области[1]. Мать — Мария Ивановна, по некоторым данным, «простая казашка из кочевого рода, обитавшего на левобережье Иртыша»{2}, по другим, являлась казачкой станицы Кокпектинской{3}. Кровь предков по материнской линии заметно сказалась на восточном типе лица Корнилова. «В Корнилове, несомненно, текла кровь сибирских инородцев, так как он отличался ярко выраженными чертами монгольского типа, делавшими его похожим на бурята», — писал Е.И. Мартынов, один из первых советских биографов Корнилова, бывший его начальником в 1912 году и находившийся с ним в плену во время Первой мировой войны{4}. Мать Лавра Корнилова, как большинство женщин того времени, занималась хозяйством и воспитанием детей.

Лавр был старшим ребенком в семье и потому должен был опекать младших — брата Петра и сестру Анну. С малых лет Лавру приходилось бегать на посылках, выполняя мелкие поручения по хозяйству, ездить с лошадьми в ночное. Как правило, у детей, растущих в такой обстановке, вырабатывается воля, уверенность в себе, закаляется натура. Первые одиннадцать лет жизни Корнилова прошли в станице Каркаралинской, которая появилась в 1820-х годах как опорный пункт русских войск, охранявших границу России. С расширением российского влияния в сторону Семиречья эта станица одной из первых стала выделять отряды казаков для участия в экспедициях против

кочевников Киргизской степи[5]. Станица располагалась «при речке Каркаралинке, у подошвы горы того же имени»[6], почтовый тракт к ней шел из Павлодара. В 1878 году в Каркаралинской проживало 862 человека, были кожевенный завод, три кузницы, водяная мукомольная мельница, почтовая станция, питейное заведение и винный склад. От Санкт-Петербурга до станицы было 4029 верст, от Москвы — 3425, а от Омска — 720.[7]

С детства Корнилов соприкасался с тяжелой казачьей службой и, хорошо зная жизнь, быт и психологию казаков, в дальнейшем пользовался их уважением и поддержкой.

Сибирское казачье войско не было, подобно Донскому, Яицкому, Запорожскому и части других казачьих войск, продуктом вольной колонизации окраин Московского государства недовольными тогдашними порядками людьми: Оно образовалось почином самого российского правительства, принудительно заселявшего новые обширные земли[8]. Сибирские казаки никогда не были «вольными», а всегда исключительно «служилыми».

В XVI — первой половине XVIII столетия все военнослужащие в Сибири назывались общим именем «служилые люди», которые подразделялись на дворян, детей боярских, стрельцов, служилых татар и казаков. Последние и составляли главную массу сибирского служилого люда, особенно в XVI и XVII веках, так что слова «казак» и «служилый человек» на языке и в понятиях того времени являлись как бы синонимами, и потому даже в официальных бумагах нередко заменялись одно другим[9].

Сибирские казаки делились на группы по городам и местностям, к которым были приписаны, по роду службы и по происхождению. Были тобольские, тюменские, пелымские, березовские, томские, кузнецкие городовые казаки. С начала XVIII века, когда на южных и юго-восточных окраинах России стали появляться новые поселения, то вместо городков и острожков их стали именовать крепостями, а поселяемые в них казаки стали именоваться крепостными — омские, железинские, семипалатинские, устькаменогорские, ямышевские крепостные казаки. Во второй половине XVIII века, когда все крепостные казаки и большая часть выдворенных на линии городовых тобольских, тарских, тюменских, томских казаков поступили под одну общую команду или атаманство проживавшего в Омской крепости войскового атамана, они стали называться собирательным именем «сибирских линий казаки».

В начале XIX столетия сплочение разбросанных по разным западносибирским городам и крепостям казаков завершилось сформированием из них десяти конных полков и двух конных батарей. Так образовалось Сибирское линейное казачье войско,

переименованное в 1861 году, с включением в него остатков тобольских, томских и сургутских городовых казаков, просто в Сибирское казачье войско{10}.

В середине XIX века казачьи поселения выдвигаются южнее в Семиречье и Зайсанский край (Кокпекты, Копал, Лепса, Урджар). Основным их занятием были «всесторонняя» служба на линиях и внутри степи, поиски «неспокойных» киргизов. В это время проходят первые серьезные экспедиции в Семиречье под начальством полковника Карбышева, заложившего город Верный, «столицу» Семиреченского казачьего войска, а также экспедиции в район озера Иссык-Куль. В 1861 году для действий против кокандцев формируется значительный смешанный отряд «из всех родов оружия» с преобладанием казаков и их артиллерии. Под командованием полковника Циммермана он выдвинулся по реке Чу, разбил близ Кастека многочисленное кокандское войско, а затем взял и разрушил две крепости — Токмак и Пишпек{11}. В середине 1860-х сибирские сборные сотни в составе отряда генерала Черняева принимали участие в захвате ханских крепостей и городов — Аулие-Ата, Чимкента и Ташкента. В 1867 году из сибирских казаков, поселенных в Семиречье, было образовано Семиреченское казачье войско.

В 1875—1876 годах сибирские казаки участвуют в походе и окончательном завоевании Кокандского ханства. Отличились казаки и в штурме Андижана, когда три сотни сибирцев впереди штурмовых колонн, лично возглавленные начальником кавалерии полковником Скобелевым (затем прославленным генералом), первыми ворвались в город и заняли цитадель и ханский дворец{12}.

Вторая половина 1870-х ознаменовалась мирными реформами. В это время для Сибирского казачьего войска были изданы земельные положения, обеспечивавшие быт казаков и офицеров, в крае были открыты многие учебные заведения, начиная с университета и кончая гимназиями, училищами и школами. Законами от 7 мая и 9 июня 1877 года сибирским казакам предоставлялось право на земельный надел от 30 до 60 десятин на душу, в то время как все прочие казачьи войска в европейской России имели на душу не более 10—25 десятин. По закону 1880 года о воинской повинности, Сибирское казачье войско было обязано в мирное время направлять на службу три, а в военное время — девять конных шестисотенных полков (около девяти тысяч человек){13}.

* * *

В 1879 году девятилетний Лавр поступает в Каркаралинскую приходскую школу, в которой обучалось всего 23 человека. Как правило, преподавание в таких школах велось людьми случайными, далекими от педагогической работы — более или менее грамотными казаками, в основном стариками. Кроме чтения и письма, детей знакомили с основами истории, географии, литературы. Обязательным и главным предметом был Закон Божий.

После заключения в 1881 году между Россией и Китаем Петербургского договора русские войска были вынуждены покинуть временно оккупированный Илийский край. За русскими частями, покидавшими район Или, следовали многочисленные толпы мусульман, спасавшихся от китайских властей после подавления антицинского восстания в Восточном Туркестане в 1878 году. За десять лет мусульмане «убедились в благах, которые несла им русская администрация»[{14}]. Поэтому тысячи беженцев устремились в Семиречье и земли Сибирского казачьего войска. Это потребовало от властей усиления охраны границы с Китаем и увеличения числа чиновников приграничной администрации, решавших вопросы, связанные с беженцами и переселенцами.

Отставной хорунжий Корнилов не смог отказаться от предложенной административной должности в приграничном городке Зайсане. На решение перебраться из обжитого дома с хозяйством в далекое и неизвестное место повлияли прибавка к жалованью, несколько лишних десятин земли и дополнительные льготы.

Ехали к новому месту очень долго, пересекая бесконечную девственную прииртышскую степь. Каждый день Лавр со своим братом отставали от повозок, охотясь за утками, шурпанами и другой степной дичью. Часто ночью, у потухавшего костра, мальчик просыпался и слушал степь. Как пишет один из первых биографов Корнилова: «Неясный, смутный гул ночной жизни несся над степью, разрастаясь широкой гармонией под темными небесами. Неясные тени бежали от костра и толпились у изголовья, свист пробужденных птиц, обрывки долгой песни полусонного киргиза, звук бубенчика, далеко упавший на краю ночи, волновали фантазию, звали к подвигу, заставляли с жуткой радостью впивать в себя неотразимые чары вольной, бродячей жизни»[{15}]. Быть может, в эти звездные ночи и родились отвага и наблюдательность бойца и путешественника, которые мы заметим у нашего героя позже?

Перебравшись на китайскую границу, семья Корниловых живет привычной трудовой жизнью. Большую помощь родителям

в ведении хозяйства оказывали дети. Лесов в тех местах практически не было. Строили из сырцового кирпича, который твердел в жаркое летнее время. Дом рядового казака в тех местах представлял собой невысокое одноэтажное строение с двумя или четырьмя окнами, выходящими на улицу. На окнах обязательно были ставни, постоянно закрытые в летнее время из-за невыносимой жары. Вход в дом был со двора, в который входили с улицы через калитку в воротах, сделанных в ограде. Внутри дома, кроме неотапливаемых сеней, были кухня и общая комната-спальня. Из сеней, через чуланчик, можно было попасть на чердак.

Исследователь Западной Сибири Ф.Н. Усов так описывал быт сибирских казаков того времени: «Потолки и стены белят глиной, полы каждую субботу моют, скоблят и покрывают половиками. Иногда стены обивают дешевенькими обоями, а полы красят. Печи в комнатах голландские… Убранство делается у всех по одной манере. В углу, против входа, образа, иногда в ризах и киотах, потускневших от времени… Более зажиточные имеют перед образом лампадку с деревянным маслом, а на угловом столике псалтырь в кожаном переплете. В простенке два-три стола, покрытые белой скатертью; у стен несколько стульев, а в углу диван с ситцевой обивкой или без обивки, все это самой простой работы. Одно или два небольших зеркала, обвешанные полотенцем с вышитыми узорами на концах. Несколько общеизвестных лубочных картин военного содержания. Но непременные атрибуты убранства в чистой половине составляют: во-первых, семейная кровать с взбитыми перинами, с одеялом, которое сшивается из разноцветных ситцевых лоскутков, и с яркоцветными занавесками, которые спускаются от потолка до полу; во-вторых, шкафиккомод с посудою, на котором блестит медный самовар, и, в-третьих, красиво обитые белою жестью сундуки с имуществом. Если чистых комнат несколько, то эти предметы ставятся в первой со входа. Чайную и столовую посуду имеют самого дешевого фаянса, но ярко расписанную и в самом незначительном количестве; употребляя тарелки, блюда, вилки и ножи для гостей, обыкновенно, сама семья пьет из деревянной и глиняной посуды… У разбогатевших казаков обстановка в доме уже совершенно в купеческом тоне и довольно роскошная: большие зеркала, десертные и ломберные столы, оклеенные стулья и кресла, ковры. Равным образом в шкафу напоказ соответствующая посуда из фарфора и серебра.

В кухне чуть не половину пространства занимает широкая русская печь; преимущественно она делается глинобитная, так как кирпича не умеют делать. Рядом с печью, под потолком,

полати; кругом стен широкие лавки. В углу перед печкой две полки (поставец) для повседневной посуды, в переднем углу большой четырехугольный обеденный стол, на нем же приготовляется стряпня. В заднем углу чугунный или глиняный умывальник (рукомойник), в виде чайника, и под ним деревянная лохань. Кухня освещена одним или двумя окнами, в которых вместо стекол часто вставлены коровьи пузыри… Кухонная посуда совершенно такая же, как и везде: глиняные горшки, кринки, корчаги, латки, деревянные ведра для воды. Чугунные кастрюли и железные ведра признаются большинством дорогими. За печью хранится ухват, сковородник и лопата… Кухня служит любимым местопребыванием семьи… Большая часть членов семьи спит в кухне: на печке, на полатях, на лавках и на полу… Станичные жители ложатся спать рано, а встают часов в 5 утра, на заре, поэтому освещение не составляет важной статьи расхода в домашнем бюджете»{16}.

В среднезажиточных семьях утром и вечером пили чай, как правило, без сахара, так как сахар стоил довольно дорого (11 — 16 рублей за пуд), с пшеничными калачами. Сахар заменяли медом или изюмом. По воскресеньям к чаю готовили горячие шаньги — круглые пшеничные булки, запеченные в сметане. Обедали казаки в одиннадцать часов утра, а ужинали зимой в шесть, а летом в восемь вечера. В постные дни на обед подавали щи из капусты, или с ячневой крупой, горох, рыбу, кислую капусту, квас с редькой, кашу и картофель с конопляным маслом. В скоромные дни пища была побогаче — щи и картофельная похлебка с приправами, просяная и ячневая каши на молоке, картошка, облитая яйцом, молоко и творог. По праздникам готовили мясной и рыбный студень, щи с говядиной и бараниной, жареную говядину и баранину, жаркое из кур, гусей, уток, пироги с рыбой, паштеты с курицей, блины и оладьи. Весьма распространенным кушаньем были пельмени, которые заготавливали практически в каждом доме «на Рождество и святки целыми тысячами для гостей» и «сберегали» замороженными в сенях и чуланах{17}. Нельзя не упомянуть и о том, что сибирские казаки, впрочем, как и остальные подданные империи, любили выпить. Современник писал, что водка и вино «употребляются станичными жителями, по свидетельству людей, знакомых с казачьим бытом, очень часто и в значительных размерах. В каждый семейный праздник, в свадьбу, именины и т. п., по случаю приезда родственника, а также после похорон устраивается попойка. По принятому обычаю, каждый из гостей должен непременно в тот же день отпотчевать у себя всю компанию. Таким образом, ходят из дома в дом, напиваясь до

бесчувствия… Женщины пьют вместо водки какое-нибудь дешевое вино и наливку, не отставая от мужчин»[18].

В 1878 году в Зайсанской станице проживало всего 150 человек, исключительно казачьего сословия. Несмотря на то что Зайсан пользовался репутацией глухого угла, здесь бывали и весьма известные гости. В нем работали известные российские географы — М.В. Певцов, Г.Н. Потанин, В.И. Роборовский, а весной 1880 года там жил Н.М. Пржевальский, третья экспедиция которого проходила из Зайсана через китайский город Хами в Тибет. Население этого приграничного русского городка с большим уважением относилось к путешественникам, оказывая всемерную помощь в подготовке и проведении экспедиций. От местных жителей, участвовавших в разных экспедициях, Корнилов часто слышал рассказы о дальних и таинственных землях Китая, Тибета и Гималаев.

Став взрослым, Корнилов не любил рассказывать ни о детстве, ни о своей семье. Последние месяцы жизни при нем неотступно находился его адъютант — поручик Хаджиев. Корнилов часто разговаривал с ним, и Хаджиеву было известно многое, чего не могли знать другие. Но даже он позднее признавался в том, что ничего не знает ни об отце, ни о деде своего генерала, не говоря уже о более отдаленных его предках[19]. Напрашивающееся предположение о том, что Корнилов стеснялся своего происхождения, вряд ли соответствует истине. Он никогда не скрывал, а во время революции даже несколько бравировал тем, что являлся сыном «казака-крестьянина». Дело, скорее всего, в другом. Детство просто не отложилось в памяти Корнилова, настоящая жизнь у него началась позже.

Действительно, детство не сулило нашему герою никаких перспектив. Единственное, на что он мог рассчитывать, это, так же как и отец, к концу жизни дослужиться до первого офицерского чина. Единственным способом изменить предопределенный путь было получение образования. Поэтому во что бы то ни стало юный Корнилов мечтает поступить в кадетский корпус.

СТУПЕНИ ВОЕННОЙ КАРЬЕРЫ

В июне 1883 года тринадцатилетний Лавр с отцом отправляются в дальнюю дорогу, в Омск (расстояние от Зайсана до Омска — 1333 версты), где находился Сибирский кадетский корпус. Это учебное заведение вело свое начало от Войскового казачьего училища, основанного в 1813 году по инициативе начальника пограничной линии и командира 24-й дивизии, генерал-лейтенанта Г.И. Глазенапа. За время своего существования корпус пережил три «состояния». С 1813 по 1826 год он назывался Войсковым казачьим училищем и не имел установленного комплекта учеников и штатных программ. Число учеников в это время колебалось от 30 до 322 человек. С 1826 по 1845 год он назывался Училищем Сибирского линейного казачьего войска, имел утвержденный штат служащих, в нем обучалось 250 человек. По-прежнему не было точно установленных учебных программ. Количество и объем предметов согласовывались с нуждами края и зависели от усмотрения местного начальства. Нередко поэтому одни предметы заменялись другими и вводились новые, имевшие весьма отдаленную связь с прямыми обязанностями офицера, например агрономия и ветеринария.

К моменту поступления Лавра Корнилова корпус уже (с января 1845 года) именовался Сибирским кадетским корпусом[2] и жил общей жизнью со всеми другими средними учебными заведениями России. По времени учреждения Сибирский кадетский корпус являлся шестым из всех тридцати существовавших в стране кадетских корпусов[3], был первым провинциальным корпусом вообще и первым Сибирским в частности{20}. В корпус могли поступать только «сыновья офицеров отдельного сибирского корпуса и гражданских чиновников из дворян, служащих в Сибири»{21}.

В разное время в корпусе обучались: географы и исследователи степи и Семиречья М. Петров, П. Герасимов, И. Шубин и Н. Потанин; основатель города Кокчетав М. Казачинин; исследователь Западной Сибири и издатель первой сибирской газеты в Иркутске Нестеров; известный путешественник и исследователь Сибири и Монголии Г. Потанин; археолог Н. Ядринцев; редактор журнала «Русское богатство» Н. Анненский; профессора Михайловской артиллерийской академии Н. Цытович, А. Панкин и С. Шарпантье; профессор Петербургского политехникума А. Ломшаков; профессор Михайловской артиллерийской академии и Института путей сообщения А.

Сапожников; профессор Инженерной академии Н. Коханов и профессор астрономии Санкт-Петербургского университета Н. Каменьщиков. Десять выпускников Сибирского кадетского корпуса, в том числе и Генерального штаба подполковник Л.Г. Корнилов, были удостоены высшей боевой награды — ордена Святого Георгия за подвиги, совершенные во время Русско-японской войны[4].

На юного Лавра, не бывавшего никогда в крупных городах, Омск — типичный сибирский, быстро развивающийся губернский город — произвел огромное впечатление. Мощенные булыжником улицы, Войсковой сад, голубые купола с золотыми крестами Войскового Свято-Николаевского собора, дома и, наконец, само здание корпуса, огромное, растянувшееся чуть ли не на версту, поражали мальчика. Вступительные экзамены начались сразу же на следующий день после приезда. Идя на экзамены, Корнилов, естественно, волновался, понимая довольно-таки серьезные пробелы своего образования. Он увидел холеных, обученных со всем старанием детей и страшился результатов испытаний. И результаты эти действительно были плачевными. Однако 13 сентября 1883 года Корнилов был зачислен в корпус. Видимо, экзаменаторы почувствовали в нем незаурядность, запас скрытых сил и необъятную тягу к знаниям.

Юный кадет был определен в начальный класс, так называемый «первый» возраст. С тревогой и волнением, понимая, что наступила новая жизнь, входил он в вестибюль корпуса. Корнилов, надевший белые с желтым кантом погоны Сибирского корпуса, не подвел зачисливших его в кадеты. С первой же учебной четверти он стал по успехам во главе класса. Следует сказать, что корпус делился на роты, а классы на отделения. Во главе младших классов стоял гражданский педагог, а во главе каждого отделения — офицер-воспитатель. И ротные командиры, и офицеры-воспитатели, и гражданские педагоги были «проникнуты заражавшим кадет духом дисциплины, порядка, порядочности, чести и долга»[22]. Помещения рот были похожи одно на другое. В ротных залах и коридорах были развешаны портреты царей и картины на батальные и патриотические темы.

От кадет требовались большая чистоплотность и аккуратность. Форма одежды должна была быть чистой и исправной, пуговицы, бляха на ремне и сапоги — хороши начищены. Кадет должен был иметь «воинский вид». Ведь, чтобы носить военную форму, нужна не только привычка, но и умение. Мундир, шинель, фуражку и даже башлык надо уметь носить, «без чего из мальчика никогда не получится “отчетливого кадета” и вообще военного»[23]. Поэтому практически всем поступившим в

кадетский корпус приходилось заново учиться сидеть, ходить, стоять, говорить, здороваться.

Перед сном кадеты должны были умыться и почистить зубы. В теплое время рекомендовалось мыться по пояс. Наказаниями за нарушение правил были: стояние под часами, оставление без сладкого, без отпуска, снижение балла за поведение. За особо тяжелый проступок — позорное для кадет наказание, которое состояло в лишении права ношения погон и права становиться в общий строй. За чаем, завтраком и обедом такой кадет должен был сидеть за отдельным столом. В младших классах, где еще не укоренились кадетские традиции, бывали самосуды. За ябедничество, доносы и особенно за выдачу товарища и «подмазывание» к начальству жестоко били, иногда даже целой группой{24}.

Большое внимание в корпусе уделялось строевой подготовке. В младших классах на занятиях учились отдавать честь, рапорт, ходить строевым шагом. В старших — проводились ротные учения с винтовками. Кадеты выпускных классов после экзаменов выезжали на шесть недель за город, в лагерь, где изучали уставы строевой и внутренней службы, учились плаванию, фехтованию, делали глазомерную съемку.

Благодаря своим способностям и трудолюбию Корнилов уже в первый год обучения вышел в число лучших учеников. При переходе из первого класса во второй на экзаменах он получил следующие оценки: Закон Божий — 10 баллов; грамматика и словесность — 10; французский язык — 11; немецкий язык—12; арифметика — 10; естественная история — 10; география — 11; чистописание — 12; рисование — 10.{25} Таким образом, средний балл— 10,66 из 12 максимально возможных. Знания оценивались по двенадцатибалльной системе, которая, как писал генерал А.А. Игнатьев, «являлась номинальной, так как полный балл ставился только по Закону Божьему… неудовлетворительным баллом считалось 5—4»{26}.

В аттестации на Корнилова, подписанной директором корпуса генералом Пороховщиковым, указывалось, что он «развит, способности хорошие, в классе внимателен и заботлив, очень прилежен… Скромен, правдив, послушен, очень бережлив, в манерах угловат. К старшим почтителен, товарищами очень любим, с прислугою обходителен»{27}. И через пять лет в аттестации, составленной за последний год пребывания в корпусе, можно прочитать, что он «скромен, откровенен, правдив. Трудолюбив и постоянно с охотою помогает товарищам в занятиях. Серьезен. Послушен и строго исполнителен. К порядкам и правилам, установленным в заведении, относится с полным

вниманием. К родным относится с любовью и часто пишет им письма. Со старшими почтителен и приветлив. Товарищами очень любим и оказывает на них доброе влияние. С прислугою обходителен»[28].

Выпускные экзамены Корнилов сдал на высшие баллы, поэтому имел право выбора военного училища для дальнейшего обучения. Он выбрал Михайловское артиллерийское, куда, по обычаю всех корпусов, стекались наиболее способные и талантливые кадеты.

В августе 1889 года Корнилов поступает в избранное им училище.

Артиллерийское училище было образовано в 1820 году генерал-фельдцейхмейстером, великим князем Михаилом Павловичем. В течение первых тридцати лет своего существования оно состояло под «непосредственным начальством своего Августейшего Учредителя»[29]. Устав нового учебного заведения начинался так — «Артиллерийское Училище учреждено для образования искусных артиллерийских офицеров, поступающих в оное из молодых людей, несколько уже приготовленных к артиллерийской службе»[30]. После кончины великого князя Михаила Павловича училище стало именоваться Михайловским и поступило в ведение наследника престола, а затем и императора Александра II.

Военная реформа, проводившаяся в 1860—1870-е годы, затронула и Михайловское артиллерийское училище. Существенные изменения в военной сфере связаны непосредственно с великим князем Михаилом Николаевичем и военным министром Дмитрием Милютиным. В 1860 году великий князь Михаил Николаевич был назначен Главным начальником военно-учебных заведений, но и до своего назначения он как генерал-фельдцейхмейстер следил за развитием артиллерийских академии и училища. Михаил Николаевич часто посещал академию и училище (они представляли собой единое учебное заведение, только в училище обучались юнкера, а в академии — офицеры), почти постоянно присутствовал на выпускных экзаменах по артиллерии. Вопросы, задаваемые великим князем выпускникам, существенно отличались от тех, которые предлагались бывшим начальником штаба военно-учебных заведений. Если раньше преобладали общие вопросы, то теперь вопросы по артиллерии стали на первое место. Михаил Николаевич, отдавая должное уважение артиллерийской науке «в ее высшем развитии, требовал вместе с тем, чтобы офицеры, выходящие из академии, знали также и те, по-видимому, мелочные, но в сущности очень важные предметы, усвоение

которых составляет первую насущную потребность офицера, вступающего на службу в артиллерию»[31]. Так, иногда случалось, что выпускник Артиллерийской академии, только что рассказавший с мелкими подробностями об организации английских батарей, затруднялся ответить, например, сколько лошадей везут русский зарядный ящик, или где сидит ездовой. Боязнь «срезаться» при великом князе заставляла бывших кадет перед экзаменом по артиллерии просить своих товарищей, воспитанников училища, о «посвящении в тайны артиллерийского строя»[32].

Заведование Михаила Николаевича академией и училищем продолжалось около трех лет, но, несмотря на такой относительно короткий срок, в этот период произошло много существенных перемен. Таких, например, как изменения в академических курсах с целью дать более широкое развитие предметам ученого и технического образования артиллеристов. В разное время в академии и училище преподавали такие известные ученые, как математики М.В. Остроградский и П.Л. Лавров, химики Г.И. Гессе, Л.Н. Шишков и Н.П. Федоров, физики Э. Х. Ленц (при нем курс физики в училище был поднят до университетского уровня), А.В. Га-долин, А.А. Фишер и Ф.Ф. Петрушевский, механики И.А. Вышнеградский и А.М. Беляев и многие другие. Особенно запомнился выпускникам училища академик М.В. Остроградский, выдающийся математик, который вместе с тем преподавателем был «не из самых исправных». Случалось, что целые лекции он проводил в разговорах о предметах, не относящихся к математике. Очень любил Остроградский рассуждать о военной истории и тактике, о Цезаре и Наполеоне. Обладал он и своеобразным чувством юмора. Так, одному ученику он поставил на экзамене двенадцать баллов потому, что его звали Цезарем[33].

Человеческие качества юнкеров училища характеризует такой случай. В 1868 году, когда жители некоторых областей империи страдали от неурожая, юнкера обратились к начальнику училища с просьбой «давать им за обедом вместо трех блюд — два, с тем чтобы стоимость третьего блюда в течение пяти месяцев (то есть с 1 марта по 1 августа) обратить в распоряжение Комитета на пособие страдающим»[34].

Время поступления Корнилова в училище, как писал современник, было эпохой «самой черной реакции. Место благородного Д.А. Милютина занял… ограниченный П.С. Ванновский, установивший на артиллерию и на науку вообще крайне обскурантский взгляд… Узкий формализм, война против независимой мысли, борьба с гуманитарными идеями, слепая

муштра вводились везде, и особенно в военной школе, как спасительное лекарство против свободомыслия предшествующей эпохи 60—70-х годов»{35}.

С первых дней пребывания в училище Корнилов и прибывшие с ним кадеты-земляки увидели разницу между укладом жизни в кадетском корпусе и училище, в провинциальном Омске и столичном Петербурге. Кадеты перестали быть детьми. Начиналась новая, взрослая жизнь. В училище никто не заставлял в назначенный час готовить уроки, надо было лишь «отбыть» назначенные лекции и строевые занятия, два раза в неделю сдать вечерние «репетиции» (своего рода промежуточный экзамен), а остальное время предоставлялось самому себе. Как «тратить» это время, юнкер должен был решать сам — сходить ли в увольнение или же усваивать учебную программу. А. Марков, уже в эмиграции, вспоминал, что «михайловцы и обстановка их училища произвели… впечатление настоящего храма науки, а… давние товарищи по классу приобрели скорее вид ученых, нежели легкомысленных юнкеров. Чувствовалось, что училище живет серьезной трудовой жизнью и в нем нет места показной стороне»{36}.

С первых дней пребывания в училище юнкера старших курсов начинали приобщать вновь прибывших к обычаям и негласным правилам. Юнкера младшего курса получали название «сугубые звери» и поступали по строевой части в полное распоряжение старшего курса. Приказы так называемых «благородных офицеров» (старшекурсников) должны были исполняться без промедления и беспрекословно. Так, при появлении в помещении любого юнкера старшего курса «звери» должны были вскакивать и становиться «смирно» до получения разрешения сесть. Данная «традиция» приучала видеть начальство в каждом старшем, что продолжалось затем и во время дальнейшей службы в строевых частях. Считалось, что это давало «правильное понятие о дисциплине», так как невнимание к старшему в училище «легко приучало к недостаточному вниманию к старшим вообще»{37}. Однако, согласно обычаям, старшекурсники не имели права «задевать личного самолюбия “молодого”. Последний был обязан выполнить все то, что выполняли до него юнкера младшего курса из поколения в поколение. Но имел право обжаловать в корнетский комитет то, в чем можно усмотреть “издевательство над личностью”, а не сугубым званием зверя. “Корнеты”, например, не имели права с неуважением дотронуться хотя бы пальцем до юнкера младшего курса, уж не говоря об оскорблении. Это правило никогда не нарушалось ни при каких обстоятельствах. Немыслимы были и столкновения юнкеров

младшего курса между собой с применением кулачной расправы или оскорбления; в подобных случаях обе стороны подлежали немедленному отчислению из училища независимо от обстоятельств, вызвавших столкновение»[38].

Обладавший способностями к различным наукам, в первую очередь к математике, трудолюбивый и скромный, Корнилов почти сразу же снискал уважение товарищей. Неоднократно они обращались к нему как к третейскому судье, а при общих выступлениях юнкеров делегатом к начальству выбирали всегда его. Гордый юнкер Корнилов мог постоять и за себя. Однажды один из курсовых офицеров позволил себе обидную бестактность по отношению к нему и получил должный отпор. Взбешенный офицер сделал движение, но внешне спокойный Корнилов положил руку на эфес шашки. Увидевший это начальник училища генерал Чернявский поспешно отозвал офицера в сторону. И только признанная всеми талантливость юнкера Корнилова и всеобщее уважение спасли его от суда и увольнения из училища. Однако с этого времени и до окончания училища за поведение юнкеру Корнилову ставили неудовлетворительные баллы[39], и только «благородный Чернявский в самом конце добился 11 баллов»[40]. В аттестации, составленной в последний год пребывания в училище, можно прочитать, что он «тих, скромен, добр, трудолюбив, послушен, исполнителен, приветлив, но вследствие недостаточной воспитанности кажется грубоватым и может показаться даже резким, что нельзя приписать его недисциплинированности. Будучи очень самолюбивым, любознательным, серьезно относится к наукам и военному делу, он обещает быть хорошим офицером. Дисциплинарных взысканий не было»[41].

Военные училища давали своим выпускникам профессиональную квалификацию очень высокого уровня. Однако гуманитарная составляющая была представлена в военном образовании гораздо слабее. Много позже журналисты пытались узнать у адъютанта Корнилова Хаджиева кто из русских художников, писателей и поэтов нравился покойному генералу. По словам Хаджиева, Корнилов «не думал о них, так как не позволяло время»[42]. Дело было, конечно, не в этом. Обстановка, в которой прошли детские годы Корнилова, не могла зародить в нем любовь к книге или музыке (хотя народные песни слушать он любил). В этом нет ничего порочного, но определенная узость знаний в последующем стала серьезной помехой для Корнилова, когда ему пришлось от вопросов сугубо военных переходить к проблемам политическим.

В 1892 году Корнилов успешно заканчивает училище по

первому разряду (11,46 балла) и получает назначение в Туркестанскую артиллерийскую бригаду. После месячного отдыха, проведенного у родителей, в сентябре того же года он прибывает в Ташкент, в управление бригады, где и получает назначение в Пятую батарею. Для большинства офицеров, получивших назначение в Туркестан, это был путь в тупик. Но только не для энергичного и инициативного подпоручика Корнилова, к тому же уроженца этих мест. Здесь Лавр Георгиевич, отдавая должное службе, усиленно продолжает заниматься самообразованием, изучает «туземные» языки, бегает по урокам ради заработка, помогая материально нуждающейся семье отца. В то же самое время он, сверх обычной службы, занимается просвещением солдат, которых любил и которые отвечали ему взаимностью.

Через три года Корнилов добивается права сдавать вступительные экзамены в Академию Генерального штаба. До поступления в Академию необходимо было «держать» предварительные испытания в штабе округа. Весной 1895 года в Ташкент на испытания прибыли двенадцать офицеров. Только пять прошли предварительный отбор. Среди них был и Корнилов. В июле 1895 года командующий войсками Туркестанского военного округа подписал приказ, согласно которому офицеры отправлялись в Петербург для подготовки и сдачи вступительных экзаменов в Академию.

АКАДЕМИЯ ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА

Академия Генерального штаба была образована в 1830 году, когда был утвержден разработанный генерал-квартирмейстером Нейдгартом «Устав Военной академии». Целью Академии являлось «образование офицеров для службы в Генеральном штабе и распространение военных познаний»{43}, кроме того, с 1854 года на Академии лежала еще «обязанность образовывать деятелей и руководителей для государственных геодезических работ и съемок»{44}. За пятьдесят лет существования Академии поступить в нее пыталось 3322 офицера, из которых 2088 были приняты (не считая геодезического отделения), а закончили ее только 1274.{45} Так, например, в 1832 году из 39 желающих обучаться в Академии Генерального штаба было принято 27, в 1862 году принято 77 из 144 поступавших, а в 1880-м — 125 из 215.{46} А.И. Деникин вспоминал, что «мытарства готовящихся в Академию начинались с экзаменов при окружных штабах. Просеивание этих контингентов выражалось такими приблизительно цифрами: держало экзамен при округах 1500 офицеров; в Академию на экзамены являлось 400—550; поступало 140—150; на дополнительный курс (3-й) переходило 100; причислялось к Генеральному штабу 50. То есть, другими словами, от отсеивания оставалось всего 3,3%»{47}.

Во времена Корнилова академический курс был рассчитан на два года. Правом поступления пользовались все обер-офицеры до штабс-капитанского чина, отлично аттестованные и выдержавшие вступительные испытания. Зачисленные офицеры числились в своих полках и пользовались «всеми преимуществами службы наравне с офицерами при войсках состоящих»{48}, но поступали в распоряжение академического начальства. Сама Академия непосредственно подчинялась начальнику Главного штаба.

По возложенной на нее задаче, по объему прав и размерам учебных курсов российская Академия Генерального штаба была поставлена гораздо выше существовавших в то время за границей высших военно-учебных заведений, таких, например, как берлинская Кригс-академи или парижская Эколь д'аппликасьон д'Этат-мажор.

Положение обучавшихся в Академии офицеров было довольно тяжелым. Частые периодические испытания, поверки, экзамены и сочинения заставляли напряженно работать. Кроме этого, были и наряды в караулы, и дежурства, и строевые учения, которые также отнимали немало времени.

В 1855 году происходит слияние трех высших военно-учебных

заведений: Николаевской инженерной академии, Михайловской артиллерийской и Императорской военной, переименованной в Николаевскую академию Генерального штаба, в одну Академию, которая получила наименование Императорской военной академии. Эти объединенные академии управлялись общим для них советом, председателем которого являлся начальник Главного штаба по военно-учебным заведениям генерал Я.И. Ростовцов. В годы реформ Александра II военным министром был назначен бывший в течение одиннадцати лет (1845—1856) профессором военной статистики Академии, выпускник 1836 года, генерал Д.А. Милютин, который взял дальнейшее устройство Академии «под личное свое руководство»{49}. Было решено «изъять» Академию из ведомства военно-учебных заведений и непосредственно подчинить военному министру, передав в ведение генерал-квартирмейстера.

Это мероприятие совпало с назначением в 1862 году начальником Академии генерала А.Н. Леонтьева, при котором была предпринята полная переработка академических курсов и учебных занятий. В новом положении говорилось, что «прямое назначение Академии состоит в приготовлении офицеров к службе в Генеральном штабе, причем должно быть обращено особое внимание на практические требования службы; затем уже второю целью должно быть поставлено распространение военных познаний в армии, но цель эта должна достигаться не столько постановкою предметов преподавания в Академии, сколько научными трудами профессоров, как лиц “ученого сословия”»{50}.

В 1878 году начальником Академии был назначен генерал М.И. Драгомиров — выпускник 1856 года, бывший в Академии Генерального штаба в 1860—1869 годах профессором тактики, герой последней Русско-турецкой войны. Своим авторитетом выдающегося военного ученого и опытного педагога он много сделал для подъема значения Академии, а главную задачу видел в упрочении и усовершенствовании порядка, установленного его предшественником. За одиннадцатилетнее пребывание Драгомирова на посту начальника Академии учебные курсы полностью установились и вылились в стройную систему. Так, курсы тактики, стратегии и военной истории, объединенные в одну кафедру военного искусства, «вошли в гармоническую между собою связь, взаимно дополняя друг друга, — писал генерал А.А. Гулевич. — Военная история выработалась в критическое исследование главнейших войн и кампаний, в которых стратегия и тактика черпали материалы для своих исследований. Стратегия перешла на путь научного изучения разных явлений войны в критико-исторической форме. Тактика

установила свой курс в определенных пределах и выработала приемы для практического изучения свойств и способов употребления войск»[51].

В 1889 году начальником Академии был назначен генерал Г.А. Леер, более тридцати лет занимавшийся военно-научной и педагогической деятельностью. Современники отмечали его необычайную эрудицию, глубокое знание военного дела, огромное количество научных трудов по самым разнообразным вопросам военного дела, искусство незаурядного лектора, стойкость и определенность его убеждений. По настоянию Леера в Академии была образована новая кафедра русского военного искусства. Девять лет во главе Академии стоял генерал Леер, и «научная ее репутация никогда не стояла так высоко, как в это время»[52]. А.И. Деникин писал, что под влиянием Драгомирова и Леера «воспитывалось несколько поколений Генерального штаба, и без преувеличения можно сказать, что их идеи воплощались на полях сражений в трех кампаниях: турецкой, японской и мировой»[53].

В назначенный день прибывшие для поступления офицеры представились начальнику Императорской военной академии генерал-лейтенанту Г.А. Лееру и получили расписание предстоящих экзаменов. На семьдесят вакансий претендовало триста тридцать человек[54]. Поступавшие в Академию офицеры за четыре месяца до экзаменов освобождались от своих непосредственных служебных обязанностей. С первого же дня по прибытии в столицу офицеры вынуждены были решать ряд бытовых задач, прежде всего поиск подходящего места жительства. Многие стремились снять квартиры или комнаты в центре города, близ Английской набережной, где находилась Академия. Но в центре жилье стоило дорого, тем более что молодой поручик Корнилов должен был помогать семье. Поэтому он снял недорогую комнату в отдаленном районе, «убогую мансарду», как пишет современник[55]. В этой мансарде Корнилов стал усиленно готовиться к экзаменам.

Вступительные экзамены в Академию, по образному выражению генерала Деникина, были «страдной порой»[56]. Кроме лихорадочной зубрежки дома по ночам, поступающие присутствовали на экзаменах других отделений, чтобы ознакомиться с требованиями и приемами экзаменаторов. «Офицеры, даже пожилые, — отмечал А.И. Деникин, — превращались на время в школьников, с их психологией, приемами, с их ощущениями страха и радости»[57]. Сдавать вступительные экзамены было нелегко. Профессора-экзаменаторы были строги. «По установленному с давних пор порядку, —

вспоминал А.А. Игнатьев, поступавший в Академию в 1899 году, — первым был экзамен по русскому языку. Требовалось получить не менее девяти баллов по двенадцатибалльной системе… Экзамена по русскому языку особенно боялись, так как наперед знали, что он повлечет за собою отсев не менее двадцати процентов кандидатов… Оказался опасным экзамен по математике… За длинным столом сидели имевшие вид пришельцев с того света два старика в ветхих черных сюртуках Генерального штаба с потускневшими от времени аксельбантами и генеральскими погонами.

Один из них, профессор Шарнгорст — маленький, седенький, с наивным, почти детским выражением лица, говорил мягко, вкрадчиво, но не без ядовитости, а другой — Цингер — высокий брюнет, с впавшими глазами и всклокоченными бакенбардами, ревел как лев, а в сущности, как потом оказалось, был гораздо безобиднее своего коллеги. Тут же присутствовал генерал — профессор Штубендорф. Эти три обрусевших немца были столпами, на которых держались в академии математика, астрономия и геодезия»[58].

Высшие двенадцатибалльные оценки Корнилов получил на экзаменах по математике, фортификации, военной географии, администрации и политической истории[59]. Интересен также следующий факт, что, по правилам приема в Академию, все офицеры должны были «держать экзамен из обоих иностранных языков — французского и немецкого… Кто на приемном экзамене получил из иностранных языков 9 баллов и более, тот освобождается от обязательных занятий ими в Академии»[60]. В дальнейшем желающим слушателям была предоставлена возможность факультативно изучать английский язык.

Блестяще сдавшего экзамены (средний балл 10,93) Корнилова в начале октября 1895 года зачисляют в разряд слушателей Академии.

Корнилов застал Академию в пору серьезных преобразований. После двухлетнего обучения на основном курсе офицеры на конкурсной основе должны были пройти дополнительный курс. Причисленными к Генеральному штабу могли считаться только закончившие этот курс. «Окончившие два курса с чувством нескрываемой гордости украсили правую сторону своих мундиров, — писал граф Игнатьев, — серебряными значками в виде двуглавого орла в лавровом венке. Но не для всех этот день оказался одинаково счастливым. На дополнительный курс, предназначавшийся для специальной подготовки офицеров Генерального штаба, перевели только около шестидесяти человек, а остальные были отчислены обратно в

свои части с проблематической надеждой получить в будущем внеочередное производство из капитанов в подполковники»[61].

Одновременно с Корниловым в Академии Генерального штаба обучались будущие известные генералы императорской армии: А.К. Байов (1896 года выпуска), И.Г. Эрдели (1897), А.С. Лукомский (1897), Ф.Ф.Абрамов (1898), М.Д. Бонч-Бруевич (1898), Д.В. Филатьев (1898). Будущий Донской атаман А.П. Богаевский, окончивший Академию в 1900 году, писал в своих воспоминаниях, что «с генералом Корниловым я был вместе в Академии Генерального штаба. Скромный и застенчивый армейский артиллерийский офицер, худощавый, небольшого роста, с монгольским лицом, он был малозаметен в академии и только во время экзаменов сразу выделился блестящими успехами по всем наукам»[62].

В 1896 году поручик Корнилов женится на дочери титулярного советника Владимира Марковина — Таисии, а в 1897-м у них рождается дочь Наталья.

Материальное положение офицеров, обучавшихся в Академии, было незавидным и даже плачевным. В среднем офицер получал примерно 80 рублей в месяц. Из этих денег производились вычеты в заемный капитал своей части и Академии, а также портному, который в рассрочку шил обмундирование. На жизнь, таким образом, оставалось не более пятидесяти рублей, что для Петербурга было очень мало. И если холостяки кое-как сводили концы с концами, то женатые офицеры «положительно бедствовали»[63]. Около трех лет обучения для многих офицерских семей были настоящим испытанием. Как правило, жены активно помогали своим мужьям: занимались перепиской выполненных заданий набело, статистическими подсчетами и т. п.

В 1897 году, закончив второй курс, Корнилов в июне находится в летнем лагере в Луге, проводит глазомерные съемки в окрестностях Петергофа. В июле его производят в очередной штабс-капитанский чин[64], а в августе, после успешно сданных экзаменов он переведен на дополнительный курс. На дополнительном курсе лекции не читались, а сам курс предназначался для самостоятельной разработки слушателями трех контрольных тем — военно-исторической, по теории военного искусства и решение стратегически-административной задачи «на действия армейского корпуса применительно к определенному театру войны с описанием стратегических и географических особенностей этого театра»[65]. Первая, военно-историческая тема должна была подготовить будущего генштабиста к научно-исследовательской работе. Для этого

выбирались операции отдельных крупных соединений или армий в войнах XIX века. Задания выбирались путем жребия. Задание по теоретической теме слушатель тянул «из кучи билетов» и должен был составить обширный доклад. Лучшие доклады публиковались. Для разработки третьей темы офицеров разбивали по группам в пять-шесть человек во главе с руководителем. Надо было сделать доклад с подробнейшим топографическим описанием конкретного района предполагаемых боевых действий, на основании статистических данных представить «наглядную картину снабжения корпуса всеми решительно видами довольствия, с графиками движения железнодорожных поездов и обозов, до полковых включительно»{66}. Для выполнения поставленных задач офицерам приходилось просиживать много часов в библиотеках и архивах, делать выписки статистических данных из ежегодных губернаторских отчетов. Потом получившуюся работу, «солидного объема», надо было переписать от руки без единой помарки с приложением образцово вычерченных схем, диаграмм и таблиц.

На каждую тему отводилось два — два с половиной месяца, после чего происходила публичная защита темы. Оценка публичной защиты тем являлась критерием для суждения о подготовленности слушателя Академии к выполнению обязанностей офицера Генерального штаба.

По всем трем темам Корнилов успешно защитился и получил высокий балл. За успехи в науках был награжден малой серебряной медалью «с занесением фамилии на мраморную доску с именами выдающихся выпускников Николаевской академии в конференц-зале Академии»{67}. Одновременно ему присваивается досрочно чин капитана — «за успешное окончание дополнительного курса»{68}.

Среди выпускников Академии, как писал А.А. Игнатьев, «были люди более или менее талантливые, были даже совсем бесталанные, но за всех можно было поручиться, что они подготовлены к выполнению любого порученного им дела с усердием и настойчивостью. При всех ее недостатках, академия все же готовила, бесспорно, квалифицированные кадры знающих и натренированных в умственной работе офицеров»{69}.

Как выпускник Академии Генерального штаба по первому разряду да еще с малой серебряной медалью, Корнилов мог воспользоваться правом преимущественного выбора места службы. Но двадцатисемилетний капитан отказывается от места в Петербурге и выбирает снова Туркестан, а до назначения туда, до глубокой осени 1898 года, проводит время на полевых занятиях в Варшавском военном округе.

ЭКСПЕДИЦИИ В АФГАНИСТАН, КИТАЙ, ПЕРСИЮ И ИНДИЮ

Осенью 1898 года Корнилов прибывает в Туркестан, в распоряжение известного исследователя Центральной Азии, начальника 4-й Туркестанской линейной бригады генерала М.Е. Ионова. Сразу же молодой офицер покоряет старого исследователя тягой к новым знаниям и исследованиям.

В это время русские войска занимают важный стратегический пункт на правом берегу Аму-Дарьи — древнюю столицу Бактрии — город Термез, где и располагается штаб-квартира генерала Ионова. Прямо напротив Термеза на другом берегу реки находился Мазари-Шариф, столица «афганского Туркестана». Здесь, у выхода из ущелья Гинду-Куш, для прикрытия путей и перевалов через Бамьян в Кабул, афганцы соорудили крепость Дейдади. Крепость была построена не афганскими, а британскими фортификаторами, по последнему слову европейской военно-инженерной мысли. Таким образом, британцы укрепляли дальние подступы к Индии.

Первая разведывательная экспедиция Корнилова связана с рекогносцировкой приграничной с Афганистаном полосы. Официальных данных об этой командировке нет, кроме указаний в финансовых отчетах 13-го Туркестанского линейного батальона о том, что необходимо «выдать капитану Генерального штаба Корнилову до 300 рублей денег для разведок в Афганистане»{70}, и поэтому она приобрела полумифический, легендарный характер.

«Мне, — рассказывал М.Е. Ионов, — страстно хотелось выяснить характер работ, предпринятых афганцами, и по возможности воздвигнутых ими укреплений. Однако крепость стояла в пятидесяти верстах от берега, афганцы были бдительны и неумолимы к нашим разведчикам, и сведений об укреплении мы не имели»{71}. Как-то раз Ионов сетовал на недоступность Дейдади в присутствии Корнилова. Молча слушал молодой капитан сетования старого генерала, а в конце вечера попросил разрешения уехать в отпуск на три дня. Балуя симпатичного и старательного офицера, Ионов отпустил его, даже не спросив, куда он собирается ехать.

У Корнилова были знакомые туркмены, которых он любил за смелость и гордый нрав. Туркмены отвечали ему взаимностью, прежде всего потому, что он говорил на их языке так же хорошо, как и они сами. Не раз спрашивал русский офицер у них, что

делается в Дейдади, но они лишь улыбались.

«— Поезжайте сами и посмотрите, что там делается, — сказал туркмен Корнилову, когда тот на настойчивый вопрос получил туманный и неопределенный ответ, — писал В. Севский. Вспыхнул Корнилов:

— Меня некому вести на том берегу, но я бы поехал, если бы нашлись проводники.

— Таксыр, я поведу тебя, если ты поедешь, — сказал один туркмен.

Другой прибавил:

— Но ты обещаешь нам, что ты не отдашься живым, если попадешь в плен. Будет неудача — мы все примем страшную смерть.

— Последняя пуля будет мне. Люди вашего народа не возьмут меня живым»[{72}]. В этот же вечер Корнилов обрил себе голову, подстриг усы, «вобрал в плечи» афганский полосатый халат и явился к готовым его сопровождать туркменам, которые не сразу узнали его. В сорока верстах от Термеза всадники нашли подходящее место для переправы. Сделав плот из козьих бурдюков, они сумели переправиться через бурные воды Аму-Дарьи.

На рассвете, отдохнув на постоялом дворе близ Дейдади, разведчики достигли крепости. Недалеко от Дейдади навстречу Корнилову подъезжает всадник. Туркмены предупреждают, что это афганский офицер, наблюдающий за крепостью. Заметив четырех всадников, он спрашивает их, кто они и куда едут. «Кланяется Корнилов афганцу и отвечает на его языке, четко выговаривая каждое слово:

— Великий Абдурахман, эмир Афганистана, собирает всадников в конный полк. Я еду к нему на службу.

— Да будет благословенно имя Абдурахмана, — отвечает афганец и проезжает дальше»[{73}]. Опасность миновала, и Корнилов со спутниками едет к крепости, попутно отмечая в памяти каждую деталь. Ему удается сделать пять фотоснимков и хладнокровно произвести съемку двух дорог, ведущих к российской границе. С тем же невозмутимым хладнокровием, какое проявляла группа в течение всей разведки, проехав пятьдесят верст по неприятельской территории средь бела дня, разведчики, при помощи команды охотников 13-го туркестанского батальона, переправляются на свой берег.

Вернувшийся из «отпуска» Корнилов молча подал генералу Ионову фотографии и объяснительную записку, в которой говорилось о том, что в случае боевых действий сложность положения российских войск состоит в том, что они будут

оперировать в практически не освоенных и слабо укрепленных районах. Здесь же он предостерегал русское командование, в случае наступления на Афганистан, от втягивания войск в глубокие и узкие ущелья Гиндукушских гор. Удивлению Ионова не было предела.

— Но ведь вас же могли посадить на кол афганцы! — воскликнул генерал, обнимая разведчика.

— Я знал, на что шел, но зато вы получили необходимые вам сведения, — хладнокровно отвечал Лавр Георгиевич.

Ионов немедленно отправил в Ташкент, командующему войсками округа, подробный рапорт, требуя наградить капитана Корнилова орденом Святого Владимира с мечами и бантом. Но командующий посмотрел иначе на несанкционированную акцию. Генерал Ионов получил строгий выговор за то, что рисковал молодым способным офицером в делах, за которые афганцы «посадили бы Корнилова на кол»[{74}]. Сам же Корнилов получил выговор и угрозу месяца ареста за повторение подобного. Но выговор и угроза ареста — это одно, а взять на заметку инициативного, владеющего иностранными языками и способного к разведывательным операциям офицера — другое. В дальнейшем рекогносцировка, проведенная Корниловым, послужила отправным пунктом в мероприятиях по военной подготовке на границах Туркестана, а самому Корнилову стали поручать серьезные и ответственные задания.

Летом 1899 года ему поручают изучить район Кушки, направление на Мейман и Герат. В этом также непростом деле Лавру Георгиевичу опять помогают верные туркмены. Не успел Корнилов сдать эту работу, как в конце 1899 года ему поручают новую, серьезную и ответственную. Его командируют в Кашгарию. Командующий войсками Туркестанского военного округа генерал-лейтенант Н.А. Иванов в секретном рапорте на имя военного министра Куропаткина докладывал, что в Кашгарию «назначены были… Генерального штаба капитан Корнилов, помощником его 3-го Туркестанского стрелкового батальона подпоручик Кириллов и для заведывания почтовым сообщением между Кашгаром и Памирами 1-го Ташкентского резервного батальона поручик Бабушкин»[{75}].

Кашгария, или Восточный Туркестан, по терминологии того времени, была практически неисследованной, древней (имеются упоминания в китайских источниках II века до Рождества Христова) и загадочной страной. Название Кашгария было дано этой местности по имени города Кашгара, бывшего одно время столицей независимого государства. Национальный состав населения был довольно разнообразен. Основную массу оседлого

населения составляли так называемые «восточные туркестанцы», потомки «древних аборигенов этой страны, народа несомненно арийского происхождения, перемешавшегося с пришлыми тюрко-монгольскими племенами… В Южной Кашгарии хорошо сохранились отличительные признаки иранской расы, в Западной яснее выражена тюркская, а в оазисах Северной Кашгарии (начиная с Аксу) монгольская…»{76}. Китайцев же, живших там в то время, было всего 0,4 процента населения (меньше было только индусов и цыган, 0,3 и 0,1 процента соответственно). В конце XIX века Кашгария входила в состав Синьцзянской провинции Китая. На севере она граничила с Урумчийской и Илийской областями Синьцзянской провинции и с российской Семиреченской областью. На западе—с Ферганой, «русскими Памирами» и афганским Ваханом. На юге — с подконтрольными британцам Канджутом, Кашмиром и китайским Тибетом, а на востоке — с Ансийским и Куня-туффанским округами той же китайской Синьцзяндкой провинции{77}. Лежащая на пересечении древних караванных маршрутов Великого шелкового пути Кашгария открывала достаточно удобные выходы на российские территории — Алай, Тянь-Шань и Памир. Геостратегическое положение этой территории послужило причиной многолетнего англо-русского соперничества за политическое доминирование в этом регионе.

Экспедиция Корнилова совпала по времени с периодом наиболее активного изучения этой территории европейскими исследователями — шведским географом Свеном Гедином и британским археологом Марком Стайном, находки которого произвели «подлинную сенсацию в научном мире»{78}.

Сразу же по прибытии в Кашгарию Корнилов начинает активно работать — встречается с китайскими чиновниками и предпринимателями, налаживает агентурную сеть, много ездит по стране. Естественно и то, что отрад Корнилова находился в поле зрения как китайских властей, так и британской разведки. Британский консул Маккартни постоянно информировал разведывательный департамент штаба индо-британской армии о известных ему передвижениях русской группы.

Восемнадцать месяцев небольшой отряд из семи человек во главе с капитаном Генерального штаба Корниловым скитался по пустыням и оазисам Китайского Туркестана, по неприступным районам Тянь-Шаня, вдоль границ Ферганы, Семиречья, Индии и Тибета. Неделями и месяцами по обожженному солнцем и ветром краю ехал маленький караван, возглавляемый «сухощавым крепким человеком», заносившим на карту все изгибы гор и рек, все капризы природы. Для Корнилова была составлена

специальная инструкция и определялись задачи и прежде всего: «…сбор точных и обстоятельных сведений военно-политического характера о Кашгарии вообще и Сарыколе в частности, а равно сбор тех же сведений о всех сопредельных с Кашгарией странах, причем имеете обратить особое внимание на деятельность везде там англичан и других»[79]. Русских разведчиков в Кашгарии интересовало буквально все — местные глинобитные крепости и укрепленные пункты (Кашгар, Яркенд, Сугун, Байлур и др.); вооруженные силы и их комплектование и организация; провиантские магазины и санитарные части; административное устройство, подати и повинности; численность, размещение и деятельность населения (земледелие, огородничество, садоводство, шелководство, скотоводство, рыболовство, горный промысел, ремесла и пр.); степень религиозности и воинственности людей, населявших этот край; температура воздуха в разное время года и фауна; леса, горы (Тянь-Шань, Алай, Заалайский хребет, Кунлунь, Сарыкольский хребет, Каракорум), пустыни, солончаки и болота; реки, озера и ключи. Особенный интерес представляли пути сообщения: с Памира, из Ферганы, из Семиречья, дороги внутри страны и в сопредельные территории. В этой экспедиции Корнилов продолжает совершенствоваться в восточных языках и наречиях.

В середине 1901 года разведывательная группа возвращается в Ташкент из своей опасной командировки. Итогом экспедиции стала подготовленная Корниловым и вышедшая в 1903 году книга «Кашгария или Восточный Туркестан», принесшая автору заслуженный успех. Эта солидная работа является существенным вкладом в географию и этнографию. Немаловажными являются военные прогнозы и геополитические выводы, сделанные автором.

«Кашгария, представляя собой далеко вдавшуюся между Индией и нашими владениями территорию Китая, охвачена последними с двух сторон и подвержена нашему вторжению из Ферганы и Семиречья, — пишет Корнилов. — От областей внутреннего Китая страна отделена обширными пустынями Хами и Юго-западной Монголии, поэтому в случае столкновения нашего с Китаем Восточный Туркестан явится второстепенным театром, почти совершенно обособленным от других театров Центральной Азии. Вступление наших войск в пределы этого театра может быть вызвано необходимостью: 1). Помешать китайцам притянуть войска, расположенные в Кашгарии, на главный театр, каковым при операциях, направленных против китайцев из туркестанского округа, является Илийский край; 2). Угрозой наступления к Хами, на единственный путь,

связывающий Илийский край и Урумчи с областями Внутреннего Китая, ослабить упорство обороны китайских войск, действующих по ту сторону Тянь-Шаня; 3). Обеспечить спокойствие собственных границ, ввиду волнений, которые могут быть вызваны в Кашгарии столкновением нашим с Китаем на его северо-западной границе.

Занятие Кашгарии приведет нас в непосредственное соприкосновение с Северной Индией. Но вышеуказанные свойства южной (индийской) границы Восточного Туркестана и местности, прилегающей к ней, исключают возможность считать его плацдармом для наших операций к стороне Индии. Кашгария лежит вне той зоны, где разыграются главные акты борьбы между двумя могучими державами, Россией и Англией, соперничающими за преобладание в Азии. Однако англичане не отказываются от мысли включить в эту зону и Кашгарию, если не в смысле театра непосредственных боевых столкновений, то в смысле политической базы, которая дала бы им возможность оказать ближайшее воздействие, конечно, в направлении враждебном нам, на мусульманское население русского Туркестана и тем обеспечить себе лишние шансы в предстоящей борьбе»[{80}].

Интересным и немаловажным является то, что работа Корнилова была «оценена» и британскими специалистами. Современный исследователь М.К. Басханов пишет, что, «работая в фондах India Office Library and Records, удалось установить, что картографический материал к британскому изданию “Военный отчет по Кашгарии” (1907) представляет собой сопровождаемые английским текстом планы городов и укреплений Восточного Туркестана, снятые на местности капитаном Корниловым и подпоручиком Кирилловым и опубликованные в работе Л.Г. Корнилова…»[{81}].

По возвращении в Россию Корнилов получает свою первую награду — орден Святого Станислава 3-й степени. В том же 1901 году он с двумя казаками и двумя туркменами отправляется в новую командировку. На сей раз его путь лежал в Восточную Персию, в малоизведанные провинции Хоросан и Сеистан. Экспедиция в Персию была для Корнилова неожиданной. Он еще не оправился после напряженной и утомительной кашгарской командировки, да еще и «под именем члена Императорского географического общества, путешествующего с целью исследования некоторых научных вопросов»[{82}]. Из Ташкента Лавр Георгиевич выезжает в Асхабад, где тщательно готовится к новой экспедиции. Он изучает британские исторические и географические работы по Персии, материалы предшественников,

побывавших там — капитана Стрельбицкого, поручика Баумгартена, штабс-капитана Туманского, капитана Орановского, поручика Риттиха, капитана Томилова.

В конце ноября 1901 года небольшой отряд подполковника Корнилова пересекает российско-персидскую границу и за несколько дней, проехав 275 верст, добирается до Мешхеда, где через российского генерального консула получает секретные инструкции. В инструкциях ставилась задача провести рекогносцировку персидско-афганского участка границы у Герата и Гильменда, а затем, двигаясь на юг, выйти в Сеистан. Там нужно было получить сведения о строящейся британцами в Белуджистане стратегической дороге.

В январе 1902 года Корнилов прибывает в Сеистан, где занимается выполнением возложенных на него задач: выезжает к афганской границе, чертит схемы и кроки местности. Нанеся на карту долину реки Гильменд, он приступает к заключительной, наиболее сложной части своей миссии — разведке строящейся англичанами Нушкисеистанской дороги. В течение полутора недель корниловский отряд совершает стремительный рейд по Южному Сеистану. Сбор нужных сведений происходил путем опроса местных жителей и странствующих купцов. Практически в каждом населенном пункте небольшой отряд делал привал и в местной чайхане велись долгие разговоры, в результате которых и получалась нужная информация. На основе полученной информации Корнилов сделал вывод о преувеличении военно-стратегического значения Нушкисеистанской дороги в упрочении британского военного положения. Эта дорога была важна прежде всего для усиления политического и торгового преобладания англичан на Среднем Востоке.

Обратный путь из Сеистана до Мешхеда проходил вдоль афгано-персидской границы. В этих знойных персидских пустынях и дебрях, населенных «суровыми жестокими племенами»{83}, экспедиция должна была пройти три с половиной тысячи верст, изучить географию районов, собрать этнографические материалы и представить точные, объективные и по возможности полные характеристики. Об опасности этого мероприятия говорит и то, что англичане — отважные путешественники и исследователи — обходили эту «Степь отчаяния — Дашти-Наумед» только по параллели{84}, не углубляясь в нее. Попытки путешественников проникнуть туда, как правило, оканчивались весьма печально. Смельчаки умирали от голода и невыносимой жары. В начале XX века на географических картах эта область современного Ирана изображалась, в прямом смысле, белым пятном с надписью «неисследованные земли». До Корнилова эти земли не посетил ни

один европеец.

На сотни верст кругом лежали бесконечные пески, над которыми властвовал ветер. Воду находили с большим трудом, а единственной пищей отряда из пяти человек были мучные лепешки. Муку превращали в тесто на туркменском халате, затем пекли на углях. Силы лошадей и людей таяли. Поэтому разведчики были вынуждены избавляться от обременявшего их груза. Походные кровати и палатки, вьюки и утварь бросали в степи. Оставляли только самое необходимое: оружие, муку, бумагу и карандаши. Так тянулись месяцы изучения «Степи отчаяния».

Вернувшись в марте 1902 года в Ташкент, Корнилов привез богатейший материал географического, этнографического и военного характера: карты, схемы, зарисовки, дневниковые записи. Эти материалы он активно использовал в своих очерках, публиковавшихся в Ташкенте и Петербурге{85}.

Осенью 1903 года, после обязательного годичного командования «цензовой ротой» в первом Туркестанском стрелковом батальоне{86}, Корнилова командируют в Индию для изучения языков, нравов, обычаев и традиций народов Белуджистана. К этому времени, кроме обязательных немецкого и французского языков, он уже хорошо владел английским, персидским и урду. «При командировании меня в Индию, — писал Корнилов в своем отчете, — было решено, не входя в предварительные сношения с индо-британскими властями, предоставить мне самому озаботиться выбором средств для достижения поставленной цели; причем было признано неудобным, чтобы я ехал под чужой фамилией. В предвидении, что мне не удастся проехать в Сеистан, мне приказано попытаться осмотреть Пишинский укрепленный район, в случае же неудачи здесь — ограничиться осмотром оборонительной линии Инда»{87}.

В ноябре 1903 года Корнилов прибыл из Одессы в Константинополь, где первым делом посетил российского генерального консула П.Г. Панафидина. Рекомендательные письма и советы Панафидина очень пригодились Корнилову в дальнейшем. Так, например, консул посоветовал ему не скрывать своего офицерского звания, так как фамилия Корнилова наверняка известна британцам и по путешествиям в Кашгарии, и по пребыванию в Персии. Из египетского Порт-Саида на почтовом пароходе Лавр Георгиевич отправился в Бомбей. На этом пароходе он встретил двух британских офицеров, возвращавшихся из отпуска, которым была знакома его фамилия.

Из Бомбея Корнилов направился в город Пуна, где находился

штаб Бомбейского округа. Там он встречается с английскими офицерами, в том числе и с командующим округа генералом А. Хантером. По его приглашению подполковник Корнилов присутствует на параде войск местного гарнизона. С профессиональным интересом он наблюдает за военнослужащими британской армии, с которой в случае боевых действий в Центральной Азии или Закавказье должны были столкнуться русские туркестанские и кавказские части. «Внешний вид войск был хорош, — писал Корнилов в своем отчете. — Красные парадные мундиры и белые каски ланкаширцев, оригинальное национальное одеяние шотландцев (Skill), “хаки” туземных полков, темные мундиры артиллерии, красивые темно-синие мундиры и цветные тюрбаны конницы, — все это, в общем, давало весьма эффектную картину…»{88} После Пуны Корнилов посещает Агру (военный центр британской Индии), Дели, Лагор, Джелум, Равалпинди, Пешавар, Хайдарабад, Кветту и другие индийские города и территории. Везде он встречается с англичанами, анализирует состояние британских колониальных войск. В 1905 году Главный штаб публикует его секретный «Отчет о поездке по Индии».

Путешествия по Афганистану, Китаю, Персии и Индии стали для Корнилова самым ярким временем в жизни. Позднее он любил об этом вспоминать, и всякий раз эти рассказы поднимали ему настроение. Будучи обычно человеком замкнутым, Корнилов в таких случаях становился на удивление словоохотливым. Это можно связать и с сожалением о прошедшей молодости, но свою роль играло и то, что тогда он чувствовал себя на своем месте. Корнилов — путешественник и разведчик был почти киплинговским персонажем с поправкой на русскую специфику. Но судьба готовила ему другую роль.

В июне 1904 года, по возвращении в Россию, Корнилова назначают столоначальником (начальником отдела) в Главный штаб{89}, в Петербург. Тридцатичетырехлетний подполковник настойчиво требует откомандирования на фронт начавшейся войны с Японией, но начальство не торопится посылать на войну «ученого исследователя, Пржевальского в обер-офицерском чине»{90}. Но Корнилов настойчив и в конце сентября получает должность «штаб-офицера при управлении 1-й стрелковой бригады»{91}, отправлявшейся на театр боевых действий.

ВОЙНА С ЯПОНИЕЙ

Одним из центральных направлений внешней политики России на рубеже веков была так называемая «большая азиатская программа», ставившая целью экономическое продвижение на рынки Дальнего и Среднего Востока, приобретение или захват новых территорий. По словам военного министра А.Н. Куропаткина, Николай II мечтал не только о присоединении Маньчжурии (Северо-Восточного Китая) и Кореи, но и о захвате Афганистана, Персии и Тибета. В 1898 году Россия получила от китайского правительства разрешение на строительство Китайско-Восточной железной дороги, проходящей через Маньчжурию. В 1898 году министр финансов С.Ю. Витте добился от Китая уступки: в аренду Порт-Артура и Дальнего. В Порт-Артуре была создана военно-морская база, что вызвало негативную реакцию со стороны Японии — произошло столкновение двух держав.

Пользуясь сложностями в англо-русских отношениях, Япония заключила союз с Британской империей. Война началась в январе 1904 года нападением отряда японских миноносцев на русский флот, стоявший на внешнем рейде Порт-Артура. Вооруженные силы России были значительно мощнее, чем у противника, и царское правительство не верило, что «маленькая» Япония первой нападет, поэтому основные силы сухопутной армии находились у западных и южных границ империи. Даже сделав ставку на войну с Японией, не было принято мер к отправке на Дальний Восток воинских контингентов. На Дальнем Востоке к 1904 году, по разным местам, было размещено около ста тысяч солдат{92} из более чем миллионной российской армии, а подвоз войск затруднялся недостроенностью Транссибирской магистрали на Кругобайкальском участке. В хорошо вооруженной и обученной немецкими инструкторами японской действующей армии насчитывалось более ста пятидесяти тысяч человек, не учитывая флот и резерв.

Решающее и определяющее значение в войне имело превосходство на море. Количественное превосходство японских кораблей по броненосцам и тяжелым крейсерам было незначительным, но они имели больше крейсеров и миноносцев. Они были новейшего типа, быстроходны и с лучшим артиллерийским вооружением. К сожалению, российское правительство недооценило роль флота в складывающейся ситуации, так как в случае превосходства на море победа России была бы обеспечена, потому что противник не смог бы высадиться

в Маньчжурии. Примером недальновидной политики царского правительства может служить тот факт, что незадолго до войны Россия отказалась купить у Аргентины два новейших броненосца, которые немедленно были приобретены Японией{93}.

В середине апреля 1904 года начинаются боевые действия на суше, когда сорокапятитысячная Первая японская армия генерала Куроки наступает на девятитысячный отряд генерала Засулича в районе Тюренчена. В бою на реке Ялу русские войска терпят поражение. Потери русских составляют три тысячи человек, а японцев — чуть более тысячи. В конце апреля в районе Бицзыво высаживается Вторая японская армия генерала Оку, а у Дагушаня — Четвертая армия генерала Нодзу. В начале июня против Порт-Артура сосредоточиваются силы Третьей армии генерала Ноги.

В это время между главнокомандующим русским флотом адмиралом Алексеевым и командующим сухопутными войсками генералом Куропаткиным начинаются серьезные трения. Алексеев опасался за флот и призывал ударить всеми сухопутными силами по Второй японской армии, уже перерезавшей железную дорогу к Порт-Артуру. Куропаткин же ссылался на нехватку войск и опасности с фланга. Генерал от инфантерии А.Н. Куропаткин был крайне нерешителен. Легендарный генерал М.Д. Скобелев, у которого во время Русско-турецкой войны 1877—1878 годов Куропаткин был начальником штаба, говорил ему: «Помни, что ты хорош на вторые роли. Упаси тебя бог когда-нибудь взять на себя роль главного начальника, тебе не хватает решительности и твердости воли… Какой бы великолепный план ты ни разработал, ты никогда не сумеешь довести до конца»{94}. Из Петербурга приходит указание спасти Порт-Артур, и Куропаткин посылает против Второй японской армии один корпус генерала Штакельберга, который и был разгромлен превосходящими силами под Вафангоу.

После поражения под Вафангоу Куропаткин вновь получил предписание дать сражение японцам. 17 августа началась битва под Ляояном. Три наступавшие японские армии, с огромными потерями, были отброшены назад. Но Куропаткин не закрепил успех, а, наоборот, преувеличивая силы японских войск, приказал отступать к реке Шахэ. Следующее поражение русские войска потерпели там же, в районе реки Шахэ в сентябре. Несмотря на то что обстановка здесь была еще более благоприятной, чем под Ляояном, Куропаткин использовал только часть имеющихся сил. В результате обе стороны перешли к позиционной войне, продолжавшейся три месяца.

В конце ноября, после кровопролитных боев, японские войска взяли господствующие над Порт-Артуром высоты, а 20 декабря

крепость была сдана. Падение Порт-Артура поставило точку в кампании 1904 года, а фактически и в войне в целом. Хотя после сдачи Порт-Артура война продолжалась еще почти восемь месяцев, принципиальных перемен в расстановке сил противников за это время не произошло.

Когда Корнилов с Первой стрелковой бригадой, преодолев тысячи верст Транссибирской магистрали и КВЖД, в декабре 1904 года прибыл на театр боевых действий, русская армия уже потерпела ряд поражений.

Первым сражением, в котором ему довелось принять участие, была битва под Сандепу. Петербург в очередной раз требовал от Куропаткина решительных действий, которые должны были выразиться в наступательной операции и победе. Порт-Артур еще не был сдан, и еще теплилась надежда на прорыв его блокады. В январе 1905 года в штабе Куропаткина «разработали» план грядущего наступления — Вторая Маньчжурская армия под командованием генерала О.К. Гриппенберга в составе ста двадцати пехотных батальонов и ста двух кавалерийских сотен и эскадронов, двенадцати инженерных рот, более четырехсот артиллерийских орудий должна была нанести главный удар по флангу японской армии генерала Оку и занять неприятельские позиции между реками Хунхэ и Шахэ на фронте Сандепу — Халентай. Огневую поддержку армии Гриппенберга должны были оказать соседние Первая и Третья Маньчжурские армии, которые сразу же после первоначального успеха переходили в наступление.

В ночь на 12 января началось наступление на деревню Сандепу. Артиллерийская подготовка должного результата не принесла, так как стреляли из легких, скорострельных орудий и огневые точки японцев подавлены не были. Первый Сибирский стрелковый корпус под командованием Г.К. Штакельберга внезапной стремительной атакой выбил противника и захватил всю линию реки Хунхэ.

Первая стрелковая бригада, в которой служил Корнилов, входила в состав Сводно-стрелкового корпуса и вместе со Второй и Пятой стрелковыми бригадами находилась в армейском резерве. С началом русского наступления этим стрелковым бригадам было приказано выдвинуться как можно ближе к месту событий. Первый Сибирский корпус выполнил поставленную перед ним задачу. Участвовавший в этих событиях А.А. Игнатьев вспоминал: «…дела у сибиряков шли, как казалось, блестяще: после занятия двух-трех деревень на правом берегу Хунхэ полки все той же славной 1-й бригады с вечера ворвались, а к рассвету овладели почти без потерь селением Хэгоутай, на левом берегу

реки. Этим была выполнена основная задача, поставленная 1-му Сибирскому корпусу; вся 2-я армия получила возможность наступать на пресловутое Сандепу, не опасаясь за свой правый фланг. Сил у нее для этого было достаточно — целых три корпуса. Но каково же было мое негодование, когда первым распоряжением Штакельберга была срочная отправка 1-й бригады моего ляоянского друга Леша в распоряжение 8-го армейского корпуса — такова была диспозиция стратегов 2-й армии. Вместо развития удачно начатой операции мы лишились нашей лучшей бригады»{95}.

Утром 13 января русская артиллерия начала обстрел Сандепу и прилегающих территорий. Видимого успеха достигнуто не было, а густой туман затруднял движение наступавших русских войск. Из-за тумана некоторые полки сбились с курса и, вместо восточного, взяли юго-западное направление. В ночь на 14 января два полка 14-й дивизии генерала С.И. Русанова ворвались в какое-то китайское селение, из которого спешно ретировались японцы, «…к Штакельбергу подбежал один из адъютантов с радостной вестью:

— Победа! Сандепу взята!

…Составив подробное донесение Куропаткину, я отправился разыскивать в темноте телеграфную роту, — вспоминал граф Игнатьев, — чтобы лично удостовериться в отправке своей телеграммы… Совсем веселым вернулся я в нашу фанзу, но был сразу поражен угрюмым видом сидевших вокруг карты чинов штаба!

Сандепу не была занята!

Штурмовавшая ее 14-я дивизия, несмотря на то что уже была измучена тяжелыми трехдневными переходами, вызванными бестолковой переброской ее с одного места на другое, пошла в атаку с развернутыми знаменами. В тумане полки потеряли направление и, в конце концов, понеся тяжелые потери от пулеметного и ружейного огня, ворвались с наступлением ночи в какую-то соседнюю деревню, которую по ошибке приняли за Сандепу… В конечном итоге сам Куропаткин был введен в заблуждение и “утешил батюшкуцаря” телеграммой об “одержанной победе”. Конфуз получился большой»{96}. Взятый и обстреливаемый в течение двух дней населенный пункт оказался деревней Боатайцзы, находившейся на четыреста метров севернее Сандепу, а хорошо укрепленной Сандепу огонь русской артиллерии не принес никакого ущерба.

Дальнейшие попытки взять Сандепу не увенчались успехом. Японцы отразили все атаки 14-й дивизии, которая, потеряв свыше тысячи ста человек, вынуждена была отступить. Генерал

Гриппенберг, узнав о «роковой ошибке», назначил на следующий день «отдых» войскам Первого Сибирского корпуса. В это время на правом фланге корпуса начинает атаковать неприятеля переправившийся через реку кавалерийский отряд под командованием генерала П.И. Мищенко, который «лично вел спешенных казаков в атаку, в которой и был ранен»{97}. Сибирский корпус по собственной инициативе стал снова наступать. Однако эта инициатива не получила поддержки «сверху», а корпусу приказано было прекратить наступление и перейти к обороне. Поэтому японское командование «получило» целые сутки для принятия мер против начавшегося наступления Второй Маньчжурской армии генерала Гриппенберга.

Генерал Мищенко, почувствовав возможность большого тактического успеха, обратился к Штакельбергу с просьбой начать наступление в восточном направлении, пока противник не подтянул туда резервы. Сибирские полки, перешедшие немедленно, благодаря решению Штакельберга, в наступление, сразу же добились видимых успехов — была практически уничтожена японская дивизия, защищавшая селение Сумапу. Теперь русские войска получили хорошую возможность взять в кольцо японские войска, сосредоточенные в Сандепу. Кавалерия генерала Мищенко стала выходить в японские тылы и заняла деревню Цзяньцзявопу. Сложившаяся обстановка требовала от русского командования решительных действий, так как победа становилась очевидной.

Но как только это стало известно командующему армией Гриппенбергу, он, мотивируя тем, что нельзя «ломать» общую позиционную линию, отдает Штакельбергу приказ остановиться. Тем временем японцы подтянули свои резервы и отбили Сумапу. «Наше новое поражение, — писал генерал Игнатьев, — приписывают в главной квартире как раз действиям славного 1-го Сибирского корпуса, поплатившегося на моих глазах сорока процентами своего состава за преступления высшего командования.

Решение об отступлении было принято Куропаткиным после получения от некоего генерала Артамонова, занимавшего участок на фронте бездействовавшей 3-й армии. Артамонову почудилось скопление каких-то крупных сил противника»{98}, что оказалось на руку русскому главнокомандующему, давно лелеявшему мечту отказаться от широких планов наступления. Попытки Первого Сибирского корпуса развить наступление не входили в планы Куропаткина, и виновным оказался не Артамонов, дезинформирующий командование, а инициативный и решительный барон Штакельберг, притянувший на себя

значительные силы противника и обеспечивавший дальнейший успех. Первая и Вторая русские армии так и остались стоять в бездействии на своих позициях. Так закончилось январское наступление Второй армии. Под Сандепу потери русских войск составили около двенадцати тысяч человек, японцы же потеряли около девяти тысяч.

В это время Первая стрелковая бригада, находящаяся в резерве, то подтягивалась к Сандепу, то перебрасывалась на другой участок. Участие в боевых действиях бригада приняла только несколькими батальонами и всей артиллерией. Для подполковника Генерального штаба Корнилова участие в боях под Сандепу стало боевым крещением.

В 1905 году произошло два самых крупных сражения не только в ходе Русско-японской войны, но и по тем временам в мировой истории. На суше это была битва под Мукденом, в которой участвовало с обеих сторон свыше полумиллиона человек на более чем стокилометровом фронте. На море это было сражение в Цусимском проливе, когда в середине мая была полностью разбита русская эскадра под командованием вице-адмирала З. П. Рожественского.

Сражение под Сандепу стало своеобразным прологом последней битвы этой войны — битвы под Мукденом.

12 февраля Пятая и Первая японские армии начинают яростно атаковать части Первой армии генерала Линевича. Начинается двухнедельное кровопролитное Мукденское сражение. Пять дней продолжался ожесточенный бой на фронте армии Линевича. «Если в предыдущих сражениях у Куропаткина имелся какой-то заранее намеченный план, — писал генерал Игнатьев, — то под Мукденом он как бы добровольно передал с самого начала всю инициативу в руки Ойямы, а тот играл с нами, как кошка с мышкой»{99}. 16 февраля японцы вводят в бой свою резервную ударную группу. Основной удар этой группы принимает на себя Сводно-стрелковый корпус, который располагался на правом фланге Второй армии. В сражение одновременно вступают все соединения и части корпуса.

Командир Первой стрелковой бригады докладывал в штаб корпуса, что к 15 февраля бригада занимала левый участок обороны корпуса и разведкой было установлено выдвижение значительных сил противника и спешное развертывание большого количества артиллерии{100}. Весь день 15 февраля японцы ведут артиллерийский и ружейный огонь по русским позициям. Русская артиллерия открывает ответный огонь, пытаясь отвлечь неприятеля от реки Шахэ, где продолжался нескончаемый бой. В следующий день японская артиллерия продолжает обстреливать

позиции корпуса, а ранним утром 17 февраля, после массированной артподготовки, японская пехота атакует у деревни Чжаньтань центр и левый фланг корниловской бригады.

Подпустив противника максимально близко, роты 3-го и 4-го полков открывают ружейно-пулеметный огонь, сметающий наступавших японцев. Атаки японцев были отбиты, но и русские части понесли значительные потери. Утром 18 февраля бой у Чжаньтани разгорается с новой силой. Японская артиллерия открывает огонь по позициям 7-го пехотного полка, и в течение часа деревня была практически уничтожена. Командир бригады докладывал, что «вышли из строя все пулеметы, три роты 2-го и 7-го пехотных полков потеряли половину своего состава… Резервы с передачей 2-го батальона в распоряжение начальника левого участка исчерпаны»{101}. По решению командующего корпусом бригада оставляет свои позиции под Чжаньтанью.

По приказу Куропаткина в бой вводится последний резерв русских войск — 16-й корпус. Вторая русская армия вынуждена отойти на север, преграждая японцам путь к Мукдену, стратегически важному узлу обороны в тылу русских войск. 22 февраля в жестоком бою под Юхуантуном русские войска останавливают наступление японской армии генерала Оку. В следующий день остановлено наступление армии генерала Ноги. Японское наступление по всему фронту захлебнулось. Однако 24 февраля генерал Куроки прорывает фронт под Киузаном и вводит в сражение японскую гвардию, которая прорвалась в тылы Третьей Маньчжурской армии. Вечером того же дня Куропаткин отдает приказ об общем отступлении.

Отход частей Сводно-стрелкового корпуса проходил в обстановке общей неразберихи и хаоса. Штабы Второй армии оказались парализованными, и вся тяжесть ответственности за судьбы русских солдат легла на офицеров батальонного и полкового звена. Одним из таких офицеров, принявшим на себя ответственность за спасение людей, стал подполковник Корнилов. 25 февраля, собрав 1-й и 3-й стрелковые полки своей бригады, он доводит их до предместий Мукдена. Там он организует вынос раненых и больных из горящего госпитального барака. Отряд Корнилова, собранный из остатков 1, 2-го и 3-го стрелковых полков, выдвигается в направлении деревни Унготунь. Достигая северной окраины Мукдена, русские войска попадают под сильный огонь японской артиллерии. Корнилов приказывает рассредоточиться. Избежав больших потерь, выставив дозоры, бригада продолжает движение вдоль железнодорожного полотна. Недалеко от железнодорожного переезда у деревни Вазые Корнилов получает приказ генерала Церпицкого явиться к нему с

командирами полков. Корнилов с офицерами прибывают в означенное место, но Церпицкого уже там нет. В это время послышалась перестрелка с запада, северо-запада и северо-востока. Японцы начинали окружать бригаду, стремясь перерезать пути отхода вдоль железной дороги. Корнилов принимает решение вернуться к бригаде, которая, «перевалив через железную дорогу, уже втягивалась в селение, — доносил Корнилов. — Ружейный огонь противника все усиливался. Северо-восточнее Вазые на высоте дер. Унготуня неприятель поставил пулеметы и начал обстреливать переезд через железную дорогу. Видя, что противник начинает охватывать нас со всех сторон, а начавшееся вновь обстреливанием шимозами увеличивало панику среди нижних чинов, отбившихся от полков, я решил занять селение, чтобы прикрыть отход обозов и разрозненных команд на север, где огонь был еще сравнительно слаб и, видимо, противник еще не успел сомкнуться… Приказав обстрелять расположение противника сильным огнем, я при помощи офицеров 1-го стрелкового полка послал поставить в команды людей разных полков, сбившихся в толпу, и, назначив им начальников из офицеров, отбившихся от полков, стал направлять их на север вдоль железной дороги. К сожалению, многие из солдат оказались пьяными, попрятавшись в фанзы, они не желали уходить даже под угрозою стрелять по ним»[{102}].

Отстреливаясь и постоянно атакуя, войска бригады под командованием Корнилова в полном боевом порядке, со знаменами и ранеными перешли на восточную сторону железной дороги и прибыли на станцию Усутхай. В штабе армии в это время считали, что 1-я стрелковая бригада окружена и уничтожена. В заключение своего донесения о бое у деревни Вазые Корнилов писал, что считает своим долгом засвидетельствовать, что «1, 2 и 3-й полки, несмотря на крайнее утомление, большие потери, понесенные в предшествующих боях, недостаток в офицерах… и, наконец, несмотря на панику, охватившую части разных полков, отходивших по этой же дороге, держались на занятой позиции с непоколебимою твердостью под убийственным огнем пулеметов, шимоз и пехоты противника, ясно осознавая необходимость держаться для спасения других»[{103}].

За личную храбрость и правильные действия, проявленные в бою у Вазые, Лавр Георгиевич награждается орденом Святого Георгия 4-й степени. Орден Святого Георгия был заветной наградой каждого офицера. Этот орден (полное его название — Императорский военный орден святого великомученика и победоносца Георгия) был официально учрежден 26 ноября 1769

года. В статуте ордена говорилось, что «ни высокий род, ни прежние заслуги, ни полученные в сражениях раны не приемлются в уважении при удостоении к ордену св. Георгия за воинские подвиги; удостаивается же оного единственно тот, кто не только обязанность свою исполнял во всем по присяге, чести и долгу, но сверх сего ознаменовал себя на пользу и славу Российского оружия особенным отличием»{104}. Заслужить этот орден в боевой обстановке было чрезвычайно трудно. Так, за первые сто лет существования этой награды орден 4-й степени за храбрость, проявленную в бою, получили 2239 человек, 3-й степени — 512, 2-й — 100 и 1-й — только 20 человек{105}. Среди удостоенных высшей, 1-й степени были выдающиеся российские военачальники — П.А. Румянцев, А.Г. Орлов, А.В. Суворов, М.И. Кутузов, М.Б. Барклай-де-Толли. Кавалерами 2-й степени были Ф.Ф. Ушаков, П.И. Багратион, М.И. Платов, А.П. Ермолов, П.С. Нахимов, М.Д. Скобелев. Последним кавалером ордена Святого Георгия 2-й степени стал современник Л.Г. Корнилова, генерал от инфантерии Н.Н. Юденич, награжденный в 1916 году за Эрзерумскую операцию. В числе награжденных орденом 3-й степени в годы Первой мировой войны — генералы А.А. Брусилов, А.Е. Гутор, А.М. Каледин, А.И. Деникин, Л.Г. Корнилов… В декабре 1905 года Корнилов «за боевые отличия»{106} получает чин полковника.

После неудачного сражения под Мукденом русские армии вынуждены были отступить на север. В начале марта русские войска сосредоточились на Сыпингайских позициях, а Корнилов, назначенный начальником штаба авангарда, находился на передовой у деревни Шуаныуза. В конце марта он участвует в боях корпуса на Цулюну. С апреля по декабрь находится Корнилов на Сыпингайской позиции, участвует в переформировании частей бригады в дивизию. В конце декабря Лавр Георгиевич сдает должность начальника штаба Первой стрелковой бригады и отправляется в Петербург, в распоряжение Главного управления Генерального штаба.

НА ВОЕННЫХ И ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ПОСТАХ

1 мая 1906 года полковник Корнилов назначается делопроизводителем Управления генерал-квартирмейстера Генерального штаба. На этом посту он прослужил всего одиннадцать месяцев. За это время Корнилов совершает ряд поездок в Европу, Туркестан и на Кавказ. В апреле 1907 года его — одного из самых способных офицеров Генерального штаба, крупного специалиста-востоковеда — назначают военным агентом России в Китай. Четыре года проведет он на этом посту.

В начале XX века ведущие мировые державы — Британская империя, Франция, Германия, Япония и Североамериканские Соединенные Штаты сосредоточивали свои усилия по контролю за Китаем. Россия также имела там свои интересы. Через Маньчжурию, из Забайкалья на Дальний Восток, тянулась Китайско-Восточная железная дорога. Интерес России к Китаю диктовался насущными экономическими, политическими и военными интересами.

«Новый народ, жизнь великой Срединной империи захватили Корнилова, — писал В. Севский. — Китай подымается, он разогнет могучую спину и покажет кулак маленькой Европе. К нему надо присмотреться, его надо изучать»{107}. Полковник Корнилов снова возвращается к любимому делу — исследовательской и разведывательной работе. Он продолжает изучать и совершенствовать китайский язык; с разрешения китайских властей путешествует по пограничным с Россией областям; беспрепятственно посещает провинциальные города; знакомится с крепостными сооружениями и коммуникациями; изучает историю страны, традиции и обычаи китайского народа. Верхом он объехал собственно Китай, Монголию, Тарбогатай, Илийский край, Синьцзян и уже знакомую Кашгарию. Все свои наблюдения Корнилов записывает, чтобы потом написать большую книгу о жизни современного ему Китая. Собираемые разведывательные данные он регулярно отправляет в Генеральный штаб и Министерство иностранных дел. Так, только в 1909 году генерал-квартирмейстер получил серьезные отчеты Корнилова «О полиции Китая», «Описание маневров китайских войск в Маньчжурии», «Телеграф Китая», «Охрана императорского города и проект формирования императорской гвардии».

Многие факты различных по времени экспедиций и путешествий Корнилова обросли мифами и легендами. Не

обошлась без легенды и его жизнь в Китае.

Как-то Корнилов выяснил, что китайцы скрывают от посторонних глаз отряд своих войск, который обучают по европейскому образцу. Больше всего китайцы опасались острого глаза русского военного дипломата. Корнилов не был бы Корниловым, если бы не попытался проникнуть в тайну этого отряда. Он одевается «в пышный китайский балахон, — пишет современник, — голову покрывает шапочкой с шишечками мандаринов и едет в город, где стоит китайский отряд»{108}. Себя Корнилов называет губернатором какой-то провинции, чуть ли не посланником «самого сына неба — Богдыхана». Его встречают с почестями, а отряд проходит церемониальным маршем мимо «русского мандарина», которому докладывают все, что должен знать посланник «сына неба».

Донесения военного агента в Китае внимательно изучались и оценивались в Генштабе и МИДе. Оценка деятельности Корнилова выразилась в награждении его в 1909 году орденом Святой Анны 2-й степени. Это был пятый российский заслуженный им орден, а еще в 1906 году он награждается мечами к ордену Святого Станислава 2-й степени и в 1907-м — Золотым (Георгиевским) оружием.

Однако боевой офицер и разведчик, герой минувшей войны не вписался в дипломатический мир. Он оказался чрезмерно независимым и самостоятельным. У полковника Генерального штаба Корнилова портятся отношения сначала с поверенным в делах русской дипломатической миссии в Пекине Арсеньевым, который в 1908 году писал в МИД, что вынужден «донести до сведения о ненормальных отношениях, создавшихся здесь между Военным Агентом и вверенной моему управлению Императорской миссией»{109}, а затем и с полномочным послом России в Китае Гирсом. Гире был опытным дипломатом, имевшим обширные связи в петербургских государственных, дипломатических и светских кругах. Конфликт между послом и военным атташе нарастал, а когда их отношения окончательно испортились, Корнилов был отозван из Пекина в Петербург. В сентябре 1910 года он получает уведомление генерал-квартирмейстера Генерального штаба генерала Ю.Н. Данилова о сдаче должности{110}. Возвращается Корнилов в Россию не по железной дороге, а совершив путешествие по Западной Монголии и знакомой уже Кашгарии. Целью такого пятимесячного путешествия было ознакомление с вооруженными силами Китая, дислоцировавшимися близ российской границы.

В Китае русский военный дипломат активно помогает российским офицерам, прибывавшим туда в командировки

(например, полковнику Маннергейму, путешествующему через Китай и Маньчжурию в Японию), знакомится как с коллегами из разных стран, так и с местными военнослужащими. Так, он познакомился с подающим надежды молодым армейским офицером Чан Кайши — будущим президентом Китайской республики.

Успехи Корнилова в Китае были несомненны. Он получил признание у иностранных дипломатов, о чем свидетельствуют награды Британии, Франции, Германии и Японии, пожалованные ему в этот период.

По возвращении в Россию, в феврале 1911 года, полковник Корнилов получает назначение командиром 8-го пехотного Эстляндского полка, расквартированного в Варшавском военном округе. Но, едва вступив в должность командира полка, в июне того же года он получает новое назначение.

Корнилов отправляется в уже знакомые ему места, в Маньчжурию, получая должность начальника 2-го Заамурского отряда пограничной стражи. В состав этого отряда входили 1, 2-й и 3-й конные и 3-й и 4-й Заамурские полки. По договоренности с правительством Китая 2-й Заамурский отряд охранял Китайско-Восточную дорогу в полосе ее прохождения. В начале июня 1911 года Корнилов прибывает в Харбин, а в декабре 1911 года получает чин генерал-майора.

Штаб 2-го Заамурского отряда пограничной стражи находился в столице КВЖД — Харбине, там же были расквартированы два конных полка и один пехотный.

Служба на любой границе является нелегким делом. Охрана же КВЖД, связывавшей русский Дальний Восток по суше с Россией, была делом ответственным и нелегким вдвойне. Потенциальными нарушителями и противниками являлись хорошо вооруженные многочисленные китайские бандиты-хунхузы, контрабандисты и японские шпионы. В начале XX века регулярные разбойничьи рейды хунхузов в районах приграничной полосы и в районе полосы отчуждения КВЖД представляли весьма определенную проблему для российских и китайских властей. Хунхузы (в переводе с китайского «краснобородые») отличались тем, что грабили не только местное население, но и непосредственно КВЖД и ее сотрудников. Не проходило и дня, чтобы от хунхузов не пострадали мирные жители, работники железной дороги и пограничники. Хунхузы были известны Корнилову по войне с Японией, когда, нанятые японцами, совершали бандитские рейды по тылам русских армий. В борьбе с хунхузами генерал Корнилов действовал оперативно и решительно. Банды хунхузов, замеченные вблизи железной

дороги, преследовались и по мере возможности уничтожались, а пленные передавались китайским властям, которые с ними не церемонились. Как правило, хунхузов ждала смертная казнь «путем отсечения мечом головы».

Приходилось воевать Корнилову не только с хунхузами и контрабандистами, пытающимися проникнуть в таежные районы России для обмена спирта и шелка на золото, но и со своими российскими чиновниками и казнокрадами. В 1912 году начальник Заамурского округа генерал-лейтенант Е.И. Мартынов приказал Л.Г. Корнилову произвести «дознание о систематическом снабжении войск, расположенных в Маньчжурии, недоброкачественными продуктами»{111}. В результате расследования подтвердились не только факты систематического снабжения войск некачественными продуктами, но и их порча в результате халатности чиновников, и взяточничество.

«В результате, — пишет генерал Мартынов, — дело было передано военному следователю, причем по постановлению прокурорского надзора, к следствию были привлечены, в качестве обвиняемых, помощник начальника округа генерал-лейтенант Сивицкий и другие деятели хозяйственного управления»{112}. Материалы многомесячного расследования полковника Данилова показали истинные размеры тотального воровства и взяточничества. Однако тогдашний «шеф пограничной стражи» В.Н. Коковцев, одновременно являющийся еще и министром финансов, пытаясь прикрыть эти вопиющие злоупотребления, «выхлопотал 2 февраля 1913 года высочайшее повеление о прекращении следственного производства»{113}. В это же самое время генерал Сивицкий и его «подельники» пишут в Петербург письма, в которых обвиняют Мартынова и Корнилова в «преступной предвзятости, подтасовке фактов и организации травли чинов управления снабжения по личным мотивам»{114}. Когда дело было прекращено, начальник Заамурского округа генерал Мартынов, известный своей порядочностью и честностью, «не желая при таких условиях продолжать службу, вышел в отставку». Сразу же после этого он публикует некоторые материалы следствия, за что и был предан суду.

Генерал-майор Корнилов, по его личной просьбе, был переведен из Пограничной стражи обратно в Военное ведомство. Он был назначен командиром 1-й бригады 9-й Сибирской стрелковой дивизии, расположенной во Владивостоке. Непосредственно во Владивостоке размещался штаб дивизии, а 1-я бригада располагалась на острове Русский, закрывавшем собой вход во внутреннюю гавань порта, бухту Золотой Рог.

Укрепления, сооруженные на этом острове, входили в состав Владивостокской морской крепости, а сибирские стрелки предназначались для пехотного прикрытия артиллерийских батарей и фортов, а также для отражения возможных неприятельских десантов.

Однако на Дальнем Востоке, на берегу Тихого океана, Корнилову не довелось долго прослужить. Началась Первая мировая война.

ВЕЛИКАЯ ВОЙНА

15 (28) июня 1914 года в боснийском городе Сараево были убиты эрцгерцог Франц Фердинанд и его жена герцогиня Гогенберг. Выстрелы в Сараеве стали первыми выстрелами новой войны и отозвались громовым эхом в столицах многих европейских держав. Повод к войне был найден, и все европейские государства демонстрировали свою готовность к решительным действиям. Особую активность в эти дни проявляла Германия.

25 июня Австро-Венгрия объявляет свои претензии в ультимативной форме Сербии: прекращения антиавстрийской пропаганды, удаления с государственной и военной службы враждебно настроенных к империи Габсбургов чиновников и военнослужащих, проведения совместного расследования, ввода в страну контингента австро-венгерских войск и т. д. Сербия пошла на серьезные уступки, кроме въезда в страну австрийских чиновников и военных. Это не удовлетворило правительство Франца-Иосифа, и 15(28) июля Австро-Венгрия объявляет Сербии войну.

17 июля в России начинается всеобщая мобилизация, а 19 июля (1 августа) Германия, не дождавшаяся от России удовлетворения своего требования о прекращении мобилизации, объявляет ей войну, а 21 июля (3 августа) — Франции. 4 августа в войну вступает Британия. 6 августа, под напором Германии, Австро-Венгрия объявляет войну России. Так началась Первая мировая война, в которой приняло участие 38 государств с населением свыше полутора миллиардов человек.

В середине августа 1914 года Корнилов прибывает в действующую армию, где получает должность командира 1-й стрелковой бригады 49-й пехотной дивизии, входившей вместе с 48-й дивизией в состав XXIV армейского корпуса 8-й армии Юго-Западного фронта. Командовал 8-й армией, в которую входили десять пехотных и три кавалерийские дивизии, известный генерал А.А. Брусилов, который позже напишет: «Корнилова я узнал в 1914 году при прибытии XXIV корпуса во вверенную мне армию. Он состоял командиром бригады, но тут же в начале военных действий, по ходатайству командира корпуса Цурикова, был мною назначен командующим 48-й пехотной дивизии. Это был очень смелый человек, решивший, очевидно, составить себе имя во время войны. Он всегда был впереди и этим привлекал к себе сердца солдат, которые его любили. Они не отдавали себе отчета в его действиях, но видели его всегда в огне и ценили его

храбрость»[115].

Выполняя задачу Ставки Верховного главнокомандующего, в середине августа войска Юго-Западного фронта наступают на Львов. Армия генерала Брусилова наступает южнее армии Рузского, на уступе назад на фронт Ходоров-Галич совместно с 3-й армией ведет ожесточенные бои на реке Гнилая Липа. Бригада Корнилова принимает активное участие в захвате Галича, сильно укрепленного узла обороны австро-венгерской армии.

За личное мужество и умелое руководство войсками бригады в сражениях под Львовом и Галичем Корнилов награждается орденом Святого Владимира 3-й степени с мечами.

25 августа Корнилов назначается командиром 48-й пехотной дивизии, раньше называвшейся Суворовской, в состав которой входили 189-й Измаильский, 190-й Очаковский, 191-й Ларго-Кагульский и 192-й Рымникский полки. До войны дивизия дислоцировалась в Казанском военном округе, а полки имели славную, более чем столетнюю историю. Очаковский полк был создан в 1804 году, а остальные в 1811-м.

Корнилову, как командиру дивизии, приходилось принимать ряд решений в сложной боевой обстановке. Как правило, он оценивал не только собственные возможности и потенциал противника, но и моральное состояние своих войск. Моральный дух своей дивизии командир не только «оценивал», но и старался развивать и поддерживать. Ведь он во многом основывался на быте и повседневной жизни: наличии хорошей полевой кухни, различных лавочек, где офицеры и солдаты могли что-то приобрести, сапожной и швейной мастерских, санчасти и многого другого. Всему этому Корнилов придавал особое значение. Пристальное внимание командир уделял артиллеристам, но и спрашивал с них строго, а неизбежную потерю артиллерийских орудий в бою переживал как личную трагедию.

От подчиненных он требовал такого же отношения к службе — активных действий, инициативы, четкого исполнения приказаний, отцовского отношения к «нижним чинам». Очень часто приходилось командиру 48-й дивизии спать всего по несколько часов в сутки. У воевавших вместе с ним «в памяти он так и остался — в землянке, где обосновался штаб дивизии, глубокой ночью при мерцающем масляном фонаре сидит сухопарый генерал с уставшими глазами»[116]. Штаб Корнилова, как правило, располагался в зоне, доступной для ружейного и пулеметного огня противника, что заставляло штаб работать очень интенсивно.

Энергичный и требовательный, не жалеющий себя Корнилов не всегда устраивал начальство. Возможно, поэтому у него и не

сложились отношения с командиром корпуса генералом Цуриковым и командующим армией генералом Брусиловым. Последний в своих «Воспоминаниях» писал, что был готов отстранить Корнилова от должности и предать суду. Цуриков же просто порочил боевую репутацию Корнилова, давая показания следствию, разбиравшему действия начальника 48-й дивизии в апреле 1915 года. Но это будет потом.

В конце августа 1914 года австро-венгерские войска предпринимают массированное наступление на корпуса 3-й армии генерала Н.В. Рузского в районе Равы Русской. Разгораются бои и на левом фланге 3-й армии, в полосе 8-й армии генерала Брусилова. Превосходящие силы противника наступают на участок, удерживаемый корпусом Цурикова. Брусилов приказывает Цурикову удерживать центр и правый фланг, а левым флангом (48-й дивизии) отойти, занять позиции и вести оборонительные бои. Прибывший к Брусилову начальник штаба XXIV армейского корпуса генерал-майор Трегубов просит разрешения 48-й дивизии не отступать, а оставаться на занимаемых позициях. Брусилов отстраняет Трегубова от должности, назначив вместо него генерала Байова{117}. Позднее Брусилов писал, что на второй день боя правый фланг «держался на месте и напор противника стал слабее, чем в предыдущий день; в центре VII и VIII корпуса, хотя и с трудом и большими потерями, также удержались на своих местах; но левый фланг, к сожалению, как я это предвидел, потерпел крушение. 48-я пехотная дивизия была охвачена с юга, отброшена за реку Щерик в полном беспорядке и потеряла 28 орудий. Неприятель на этом фланге продолжал наступление, и если бы ему удалось продвинуться восточнее Миколаева с достаточными силами, очевидно, что армия была бы поставлена в критическое положение»{118}. Создается впечатление, что виной всему была корниловская дивизия, не выполнившая приказа об отходе на другие позиции.

Многие историки сходятся во мнении, что сейчас довольно трудно определить степень чьей-то вины. Можно предположить, что приказ Брусилова запоздал. Сам Брусилов отмечал, что телефонная и телеграфная связь штаба армии с XXIV корпусом была нарушена, а восстановлена только «к полудню следующего дня». Возможным является и то, что Корнилов просил остаться на занимаемых позициях для того, чтобы не делать ночного марш-броска на необорудованные позиции. Однако несомненно и то, что причины неудачи корпуса Цурикова в целом и корниловской дивизии в частности кроются в просчетах самого брусиловского штаба. В штабе не усмотрели вовремя возможности подхода

свежих австрийских частей к участку обороны корпуса Цурикова. И неожиданно для русских 4-й венгерский корпус с троекратным превосходством начинает наступление на участке дивизии Корнилова. Брусилов начинает спешно искать резервы. Но их под рукой нет.

Тем временем доблестные полки 48-й дивизии, несмотря на большие потери, отражают атаку за атакой. Не менее тяжелое положение складывается и у соседей Корнилова, 49-й пехотной дивизии. Положение от полного разгрома спас конный корпус генерала Павлова, вовремя атаковавший венгерских пехотинцев в ночном бою. Противник был вынужден отступить. События этих недель войны получили название «Галицийской битвы», являвшейся, по выражению известного русского военного историка А.М. Зайончковского, «сложной стратегической операцией»{119}.

В начале сентября разгораются кровопролитные бои под Варшавой. 4 сентября все армии Юго-Западного фронта должны были перейти в общее наступление{120}. 4, 5-я и 9-я армии Юго-Западного фронта активно сражаются в районе Ивангорода и под Кельцами. 3-я же и 8-я армии, оставленные в Галиции, занимают оборонительный рубеж по реке Сан. Общее командование этими русскими силами возлагалось на генерала Брусилова. В это же время австрийское командование перегруппировывает свои силы с целью нанесения удара в Галиции. Брусиловские войска были вынуждены втянуться в затяжные оборонительные бои.

В конце сентября по всей линии фронта 8-й армии, от Хырова до Стрыя, начинаются кровопролитные бои. Русские войска, сдерживая стремительный натиск австро-венгерских частей, зачастую сами переходили в атаки. Неоднократно позиции переходили из рук в руки. Войска с обеих сторон имели большие потери. 11 октября XXIV армейский корпус, разгромив австрийские войска армии генерала Бем-Эрмоли, вышли во фланг противника и начали наступление. Австро-венгерские войска дрогнули и начали отступать по всему флангу. 22 октября 1914 года закончилось Хыровское сражение.

В это же время штаб Юго-Западного фронта получает указание Ставки о наступлении. Обеспечивая наступление основных сил фронта на виленском направлении, 8-я армия переходит к активным действиям в Карпатах.

10 ноября в ночном бою при Такошанах у Лупковского перевала группа добровольцев 189-го Измаильского полка 48-й дивизии под личным командованием Корнилова прорывает позиции австрийцев. Воспользовавшись паникой в расположении австрийских войск, отряду Корнилова удалось захватить 1200

пленных, а плененный австрийский генерал Рафт, пораженный смелостью, яростью и малочисленностью русских, сказал, что «Корнилов — не человек, стихия»[121].

11 ноября войска корниловской дивизии начинают спуск с Лупского перевала. Австро-венгерские войска еще не оправились от поражения, не имели перед русскими частями сплошного фронта обороны, и поэтому соблазн наступления со стороны русских был велик. Вместе с 48-й дивизией начинают наступать и другие части 8-й армии: 2-я сводно-казачья дивизия и VIII корпус. Командиры частей запрашивают штаб армии о дальнейших действиях — наступать ли дальше или закрепиться на достигнутых позициях. Брусиловский штаб колеблется. Достаточных сведений о противнике нет, свои войска измотаны и нуждаются в отдыхе, обозы отстали. Позже, в своих воспоминаниях, Брусилов отметит, что приказа переходить Карпаты частям своей армии он не давал, а Корнилов действовал вопреки имевшимся распоряжениям. «Корнилов, — пишет Брусилов, — опять отличился в нежелательном смысле: увлекаемый своею жаждой отличиться и своим горячим темпераментом, он не выполнил указания своего командира корпуса и, не спрашивая разрешения, скатился с гор и оказался, вопреки данному ему приказанию, в Гуменном; тут уже хозяйничала 2-я сводная казачья дивизия, которой и было указано, не беря с собой артиллерии, сделать набег на Венгерскую равнину, произвести там панику и быстро вернуться назад. Ген. Корнилов возложил на себя, по-видимому, ту же задачу, за что и понес должное наказание. Венгерская дивизия, двигавшаяся от Унгвара к Турке, свернула на Стакчин и вышла в тыл дивизии Корнилова. Таким образом, он оказался отрезанным от своего пути отступления; он старался пробраться обратно, но это не удалось, ему пришлось бросить батарею горных орудий, бывших с ним, зарядные ящики, часть обоза, около 2 тысяч пленных и с остатками своей дивизии, бывшей и без того в кадровом составе, вернуться тропинками»[122].

Сам же Корнилов, в своей записке «Закарпатский поход. Боевые действия 48-й пехотной дивизии с 26 октября по 20 ноября 1914 г»., указывал, что дивизия оказалась за Карпатами не по его инициативе, а «в результате развития оперативной обстановки в течение 10—12 ноября 1914 года»[123]. В этом документе он не упоминает о приказе Брусилова, запрещающем переход Карпат. Другие приказы, относящиеся к этому периоду, отражаются и даже частично приводятся. Все это позволяет предположить, что если и был приказ Брусилова, то его Корнилов мог и не получить из штаба корпуса, а потому и действовал в

соответствии со сложившейся боевой обстановкой.

15 ноября, после ожесточенных боев и атак местечка Такошаны, Корнилов начинает организованно выводить свою дивизию обратно, на карпатские перевалы. Выводить планомерно, без паники и деморализации частей. «Раненые и больные, — указывает Корнилов, — были подняты санитарным обозом, обывательскими повозками и, кроме того, их разместили по всем повозкам, где нашлось место… Части дивизии отошли без помехи со стороны противника, и только при отходе последних рот Измаильского полка, на рассвете, 15 ноября, противник попытался атаковать их из Синна, но, встреченный несколькими залпами измаильцев, тотчас же прекратил наступление. Подъем обозов и артиллерии на тяжелый, плохо разработанный перевал у д. Тюскес продолжался всю ночь… К вечеру 20 ноября. Следуя усиленными переходами, 48-я дивизия со всей артиллерией и обозами сосредоточилась в г. Санок, а на следующий день выступила двумя эшелонами к Гремнику»{124}. В этом же документе Корнилов указывает, что менее чем за месяц боев его дивизия взяла в плен более 6800 человек, в том числе одного генерала, а потери 48-й дивизии составили убитыми около 600 человек, ранеными чуть более 2500 и без вести пропавшими около двух тысяч человек.

После недельной передышки войска Юго-Западного фронта снова вступают в бой. В конце ноября разгорается ожесточенное Лимановское сражение, в котором принимают участие войска 3-й армии генерала Радко-Дмитриева и VIII и XXIV армейские корпуса 8-й армии Брусилова. В этом сражении полки корниловской дивизии перебрасываются с одного участка фронта на другой. В начале декабря 48-я дивизия, прозванная «Стальной», участвует в решающем наступлении корпуса, разбивает противника в боях под Гоголевым и Варжише и доходит до Карпат. В середине декабря, после ожесточенного боя корниловская дивизия занимает Крепну в Карпатах, на дороге из Земиграда в Сбор. В конце декабря на карпатском фронте наступает затишье: наваливший снег перекрыл все перевалы, горные дороги и тропы. 48-я пехотная дивизия, занимая район вдоль дороги Земиград — Сбор, получает короткий незапланированный отдых.

К январю 1915 года четыре месяца наступательной войны обескровили Российскую императорскую армию. Генерал Брусилов писал, что к началу кампании 1915 года регулярная армия исчезла и ее заменила армия, состоявшая из неучей. В армии прежде всего не хватало офицеров. Во многих частях было только 30 процентов положенных по штату офицеров. Огромные

потери понес и унтер-офицерский состав. «Кадровых офицеров, — пишет А.А. Брусилов, — в строю было очень мало, примерно 5—6 на полк; остальной состав офицеров, также в недостаточном количестве, состоял из прапорщиков, наскоро и плохо обученных, из части которых уже впоследствии на практике выработались хорошие командиры. Были не только роты, но и батальоны, во главе которых находились малоопытные прапорщики. Старых унтер-офицеров также почти не было…»{125} Первые месяцы войны подчеркнули и огромное значение проблемы руководства массовыми армиями. Так, с первых же сражений возник кризис командования во французской и русской армиях. А.М. Зайончковский указывает, что французский главнокомандующий Жоффр в течение первого месяца войны отрешил от должности около 30 процентов высшего командного состава, а «в русской армии процент негодного командного состава был еще выше»{126}. Но в русской армии отчисления не проводились.

На рубеже 1914 и 1915 годов обе противоборствующие коалиции пришли к выводу, что расчет на кратковременную войну оказался ошибочным и что война протянется еще не один год. Зимой 1915 года становится ясно, что Восточный фронт является главным для армий центральных держав. Основные операции в этом году развивались именно между русскими и австро-германскими армиями{127}.

В январе 1915 года происходит новое наступление «Стальной» дивизии Корнилова, в результате которого был занят главный гребень Карпат на линии Альзопагон — Фельзадор. В феврале этого же года за умелое руководство, проявленное в боях, Л.Г. Корнилова производят в генерал-лейтенанты, а его имя становится широко известным в действующей армии. «Странное дело, — писал А.А. Брусилов, — генерал Корнилов свою дивизию никогда не жалел, во всех боях, в которых она участвовала под его начальством, она имела ужасающие потери, а между тем офицеры и солдаты его любили и ему верили. Правда, он и себя не жалел, лично был храбр и лез вперед, очертя голову»{128}.

После небольшой передышки, в начале марта, опять бои — 48-я дивизия отличается при прорыве обороны 3-го австро-венгерского корпуса. В каждом бою Корнилов выбирал себе наблюдательный пункт в непосредственной близости к передовой и устанавливал наилучшую, насколько возможно, связь со всеми частями и штабом. «Так я могу видеть бой своими глазами и управлять им», — говорил командир «Стальной» дивизии{129}. Перед операцией Корнилов подолгу изучал карту местности, где должны были развиваться события. Точное знание местности, наряду с феноменальной памятью, часто выручало его из самых

сложных передряг.

Изощренная наблюдательность настоящего разведчика и исследователя, хладнокровный расчет и спокойствие часто поражали окружающих.

Так, например, в боях за городом Турка в Карпатах корниловская дивизия вела упорные бои с лучшими частями противника — боснийскими стрелками и венгерскими полками 7-го корпуса. Спокойно, несмотря на интенсивный вражеский обстрел, Корнилов наблюдает за ходом боя. Внезапно он спрашивает начальника штаба: «Что случилось в Очаковском полку?» Начальник штаба отвечает, что до исправления перебитого телефонного провода ответить невозможно. «Немедленно пошлите туда две роты из моего резерва, австрийцы вновь обходят наш левый фланг», — приказывает командир. Окружающие генерала офицеры, как ни смотрели на позиции Очаковского полка, ничего не смогли углядеть, кроме кучки солдат, залегших в придорожной канаве. Когда направленные роты поддержки были уже у цели, связь была восстановлена, и первое донесение командира Очаковского полка заключалось в просьбе о помощи против обходивших его левый фланг австрийцев{130}. По фигурам нескольких солдат Корнилов смог понять обстановку и принять правильное решение.

Еще одним качеством Корнилова, запомнившимся всем, кто его знал, была его поражающая храбрость. Иногда казалось, что он буквально играет со смертью. В боях под Самбором русских и австрийцев разделяло всего сто шагов. Однажды Корнилов шел по окопам во время обстрела со стороны противника. Ротный командир предупредил его, что, проходя у бойниц, нужно пригибать голову. Но Корнилов молча остановился у бойницы, медленно поднял бинокль и начал рассматривать вражеские позиции, потом также медленно отвернулся. Не успел он после этого сделать двух шагов, как позади него упал убитый солдат. Генерал перекрестил его и тихо прошептал: «Видно, не судьба еще…»{131}

В этих словах, как нам кажется, и скрыто объяснение. Страх за свою жизнь естествен для человека, но не приемлем *для* командира. Корнилову на помощь пришел фатализм. Собственно, средство это было открыто задолго до Корнилова, но для него, глубоко впитавшего культуру Востока, «кисмет» (судьба) была категорией почти материальной. Он научил себя не бояться, и другие вместе с ним также забывали про страх.

Последнее сопротивление австро-венгерские войска в марте 1915 года оказали перед городком Зборо, у высоты, обозначенной на карте под номером 650. Эта высота заметно выделялась среди

других гор. Оборона противника была организована на должном уровне: проволочные заграждения, несколько рядов глубоких окопов, хорошо укрепленные огневые точки, а на вершине — три редута. Единственную дорогу, ведущую в Венгрию, артиллерия противника держала в своих руках. Австрийцы по праву гордились этими укреплениями и не верили, что их можно взять, называя эту высоту «вторым Перемышлем». Взять эту высоту прямым ударом не представлялось возможным. Каждый день генерал Корнилов, оставаясь на своем наблюдательном пункте, рассматривал вражеские укрепления, нанося на карту новые и новые данные. Постоянно присутствуя на допросах пленных австрийцев, анализируя их поведение, он отмечал на карте позиции, где присутствовали наиболее слабые, в моральном отношении, и недисциплинированные части. Именно по этим позициям и готовил Корнилов свой удар.

В назначенный час русская артиллерия открывает ураганный огонь по высоте, а пехота наступает на передовые позиции противника. В это время главные силы наступающих, 11 батальонов из 16, обходят высоту и незаметно подходят к нужному месту и внезапно атакуют австрийцев. Не выдержав стремительной атаки на наиболее слабом участке обороны, австрийцы были вынуждены в панике бежать. «Второй Перемышль» пал, и русские войска готовы были к наступлению на Венгрию.

В это же время, в апреле 1915 года, германское командование проводит наступательную операцию на северных склонах Карпат у польского городка Горлице. Оборонявшаяся 3-я армия генерала Радко-Дмитриева оказалась сломленной. 21 апреля, вследствие прорыва фронта на линии Тарнов—Горлице, отсутствия боеприпасов и тяжелой артиллерии, начался отход русских войск из-за Карпат. Это общее отступление затронуло и войска 8-й армии. После победы у Горлице объединенные австро-германские войска под командованием генерал-фельдмаршала фон Макензена стали наступать на Перемышль и далее на Львов. Войска Юго-Западного фронта под командованием генерала от артиллерии Н.И. Иванова не сумели правильно использовать имевшиеся резервы, и русская группировка в Карпатских горах оказалась под угрозой быть отрезанной от основных сил фронта.

Весной 1915 года русские войска в Карпатах, в числе которых была и Корниловская дивизия, держали позиционную оборону. Наступавшие австро-венгерские войска выходят во фланг и тыл корпуса генерала Цурикова, и тот вынужден был отдать приказ об отступлении. В штаб 48-й пехотной дивизии приказ пришел с запозданием, что и сказалось на последующих событиях.

Вынужденные отойти назад на 25—30 километров, полки «Стальной» дивизии 23 апреля начинают окапываться и устраивать артиллерийские позиции. Вечером этого же дня Корнилов получает новый приказ из штаба корпуса — оставить занятые позиции и переместиться еще на 20 километров на рубеж Роги — Сенява. Уставшим частям дивизии предстояло сделать ночной марш-бросок, ориентируясь только на донесения полковой разведки и полагаясь на собственную интуицию.

В сложившейся ситуации войскам дивизии Корнилова отводилась роль прикрытия отхода других частей XXIV корпуса, без обеспечения с флангов. В результате, не успев вырваться на равнину с Карпатских гор, дивизия оказалась в клещах 2-го германского и 3-го австро-венгерского корпусов. Историки отмечают, что 48-я дивизия могла избежать окружения. Е.И. Мартынов пишет, что дивизия «имела полную возможность отойти и погибла лишь вследствие безобразного управления войсками со стороны командира корпуса Цурикова, и особенно самого Корнилова, который неверно оценивал обстановку, не исполнял приказаний, не поддерживал связи с соседней 49-й дивизией, не сумел организовать отступательное движение, а главное, неоднократно менял свои решения и терял время»{132}. Во многом теоретически Мартынов прав. Генерал Корнилов неверно оценил сложившуюся оперативную обстановку в результате отсутствия информации как о соседях, так и о противнике. «Неисполнение приказаний» выразилось в том, что он задумал нанести отвлекающий контрудар во фланг противника, сильно теснившего соседнюю 49-ю дивизию. Пытаясь выручить соседа, Корнилов не смог предугадать численность неприятельских войск, которая составляла два армейских корпуса. Тем временем немцы уже заняли господствующие высоты на пути движения 48-й дивизии, на реке Дукла. Узнав об этом, он приказывает Рымникскому полку, двум батальонам Очаковского и батальону Измаильского полков выбить с высот неприятеля. Однако атака таких малых сил против целого корпуса, да еще без артиллерийской поддержки, была заранее обречена на неудачу. Неся тяжелые потери, русские пехотинцы вынуждены были окопаться и залечь перед высотами.

Только лишь утром 24 апреля Корнилов смог полностью оценить сложившуюся ситуацию, когда из опросов пленных и захваченных документов стали известны положение противника и его реальная численность. Тем временем немцы и австрийцы, наращивая свои силы, продолжали окружать «Стальную» дивизию, оказавшуюся в ловушке на берегах Дуклы. Вырваться из западни можно было исключительно ценой огромных потерь.

Лично проведя рекогносцировку позиций противника на наиболее угрожаемых участках, командир дивизии решает пойти на прорыв, иначе кольцо окружения окончательно замкнется.

В первую очередь Корнилов решает спасти свою артиллерию, ибо потеря артиллерийских орудий «порочила» командира любого ранга. Лавр Георгиевич меняет маршрут движения артиллерийской бригады, которая теперь отходила с гор через Дуклу и Ясионку на Ивонич. Через некоторое время выяснилось, что путь уже прегражден немецкими войсками. Командир артиллерийской бригады открывает огонь по атакующему противнику и посылает донесение командиру дивизии, который, получив его, посылает на подмогу Измаильский полк, наиболее близкий по дислокации. Подоспевшие на подмогу артиллеристам пехотинцы, спешно развернувшиеся для штыковой атаки, неожиданно попадают под мощный пулеметный огонь противника. Спасаясь от обстрела, солдаты бросились в лес, роты смешались, а командир полка полностью потерял управление. То же случилось и в расположении артиллерийской бригады. Вечером того же дня, близ деревни Тилова, после «беспорядочного сопротивления» австрийцы берут в плен около трех тысяч артиллеристов и пехотинцев 48-й дивизии.

Оставшиеся полки «Стальной» дивизии вечером того же дня идут на прорыв, но превосходство немцев и австрийцев в бою на реке Дукла оказывается подавляющим. Только Ларго-Кагульский полк и один батальон Очаковского полка сумели вырваться из окружения, вы неся все знамена дивизии. Сохранение знамен прославленной суворовской дивизии, даже при почти что полном ее уничтожении, позволяло восстановить ее под прежним названием.

Генерал Корнилов, взяв на себя командование одним из батальонов Рымникского полка, прикрывает прорыв уцелевших частей дивизии. Практически весь батальон был уничтожен, в живых осталось только семь человек с дважды раненным в руку и ногу генерал-лейтенантом Л.Г. Корниловым. Четверо суток, израненные и обессиленные, скитались они по незнакомой местности, пытаясь прорваться к своим, пока их не взяли австрийцы, прочесывавшие леса Дуклы.

События этих дней так описывались в сообщении германского штаба. «7 мая (24 апреля) остатки этой дивизии появились на высоте Хировагора, перед войсками генерала ф[он] Эммиха. На предложение немецкого парламентера сдаться начальник дивизии ответил, что он не может этого сделать, сложил с себя командование и исчез со своим штабом в лесах. Вслед за этим 3500 человек сдались корпусу Эммиха. После

четырехдневного блуждания в Карпатах генерал Корнилов 12 мая (29 апреля), со всем своим штабом, также сдался одной австрийской войсковой части»{133}.

Несмотря на трагичный исход прорыва 48-й пехотной дивизии, ее действия в Карпатских горах были высоко оценены командующим войсками Юго-Западного фронта генералом Ивановым, направившим Верховному главнокомандующему великому князю Николаю Николаевичу-младшему ходатайство «о примерном награждении остатков доблестно пробившихся частей 48-й дивизии и, особенно ее героя, начальника дивизии генерала Корнилова»{134}. Ведь, по сути, своими действиями Корнилов спас от полного разгрома XXIV армейский корпус, в частности, и 3-ю армию, в которую корпус был переведен из 8-й, в целом. Указом императора Николая II от 28 апреля 1915 года генерал-лейтенант Л.Г. Корнилов был награжден орденом Святого Георгия 3-й степени.

ПЛЕН

После взятия в плен раненого генерала Корнилова первоначально помещают в элитный лагерь для высших и старших офицеров — замок Нейгенбах, недалеко от Вены. Там его держат до ноября 1915 года. Затем, после попытки бежать, захватив аэроплан, его перевозят в замок князя Эстергази в селении Лека, в юго-западной части Венгрии. Этот замок, в котором находилось несколько десятков пленных русских генералов, был окружен парком с прилегавшими лесами, охранялся значительными внутренними и внешними караульными постами и был практически лишен всяких сношений с внешним миром.

В Лекском замке Корнилов встречает своего бывшего начальника по Заамурскому округу пограничной стражи генерал-лейтенанта Е.И. Мартынова, который попал в плен в самом начале войны, 10 августа 1914 года, после того как аэроплан, на котором он вместе с летчиком А.А. Васильевым вылетел на разведку, был подбит под Львовом{135}. Однако опытному летчику, прославившемуся в свое время перелетом по маршруту Петербург — Москва, удалось посадить подбитый аэроплан и избежать гибели.

Оба генерала искренне обрадовались этой встрече, хотя ее обстоятельства нельзя было назвать слишком радостными. Успевшие хорошо узнать друг друга во время совместной службы, каждый понимал другого с полуслова. Весной 1916 года Корнилов и Мартынов решили бежать. Они начинают тщательно готовиться к побегу из замка Эстергази.

Несмотря на внушительную охрану, бежать было возможно. Но главные трудности могли возникнуть уже после побега, так как без необходимых документов передвигаться по стране было нереально. «Следовательно, — вспоминал генерал Мартынов, — прежде всего необходимо было найти сообщника из местных жителей, который раздобыл бы нужные документы и, по возможности, доставил бы беглецов до границы»{136}. С этой целью они решают обратиться к кастеляну замка, известному своим корыстолюбием, надеясь его подкупить. За помощь в организации побега Мартынов обещал кастеляну уплатить 20 тысяч крон золотом, как только они доберутся до России. Но корыстолюбивый кастелян не оправдал надежд русских генералов. Он доложил обо всем начальству, и явившийся на следующий день австрийский полковник, произведя дознание и обыск в комнате Мартынова, изъял найденный штатский костюм.

Корнилов остался в стороне, так как его имя не фигурировало в переговорах с оказавшимся неподкупным кастеляном. После этого случая побег из Лекского замка стал практически невозможен, так как были значительно усилены меры по охране военнопленных. Надзор за пытавшимися бежать генералами был особо строгим. Им даже ограничили общение с другими военнопленными.

Находившиеся в годы Первой мировой войны в плену высшие офицеры воюющих сторон вели относительно спокойный и почти что беззаботный образ жизни. Они получали хорошее питание, необходимую медицинскую помощь, возможность делать покупки, иметь денщиков и ординарцев. Следует сказать и о том, что все военнопленные находились под опекой Международного общества Красного Креста, с которым нельзя было не считаться. Комиссии Красного Креста, состоящие из представителей нейтральных стран, постоянно проверяли лагеря военнопленных воюющих сторон, делали выводы о состоянии лагерей и давали рекомендации. Особое отношение было к пленным генералам. Им можно было получить и личную свободу, но только при условии подписи о дальнейшем неучастии в войне вплоть до ее официального окончания. Когда Корнилова попросили, чтобы он обязался честным словом не повторять попыток побега, за что ему будет предоставлена большая свобода, он резко отказал и просил впредь не делать ему таких предложений{137}. Поэтому, ведя относительно сибаритский образ жизни, многие генералы и не стремились бежать. А в австро-венгерском и германском плену находилось в это время более шестидесяти русских генералов.

Мысль о побеге, несмотря на две неудавшиеся попытки, не оставляла Корнилова. И он пошел на хитрость: практически перестал спать и есть, пил только крепко заваренный чай, постоянное употребление которого вызывало частое сердцебиение. Все это делалось для перевода в другой лагерь, лагерь-госпиталь. Две недели самоистязания не прошли зря. Медицинская комиссия принимает решение о переводе генерала в лагерь-госпиталь в венгерском городке Кесег[5].

В начале июня 1916 года спокойная жизнь персонала и охраны лагеря-госпиталя в Кесегене была нарушена приказом выстроиться всем перед зданием канцелярии госпиталя. Из здания госпиталя вышли штабной врач, начальник госпиталя, начальник охраны и дежурный офицер. Последний зачитал приказ следующего содержания: «Во время победоносного прорыва русского фронта в Карпатах пленен был у города Горлице, со всем своим штабом, один из наилучших генералов русской армии, генерал Корнилов. В короткое время этот генерал

дважды пытался бежать из плена и, лишь благодаря наблюдательности и исполнительности стражи, повторенный (так в тексте. — *А. У., В. Ф.)* побег не удался. Генерал Корнилов теперь заболел и будет отправлен в здешнюю больницу на излечение. Военное командование видит в генерале Корнилове человека в высшей степени энергичного и твердого, решившегося на все, и убеждено, что оный от замысла побега не откажется, болезнь лишь симулирует, дабы легче было повторить попытку бегства. Бесспорно, что в случае удачного побега в настоящее время державы нашли бы в нем серьезного, военным опытом богатого противника, который все свои способности и полученные сведения в плену использовал бы для блага России и вообще наших врагов. Обязанность каждого этому воспрепятствовать. Высшее военное командование поэтому приказывает генерала Корнилова, хотя и тайно, но строго охранять, каждое сношение с кем-либо запрещать и, в случае попытки побега, воспрепятствовать этому любой ценой. Начальник больницы лично является ответственным за точное исполнение этого приказа и ежедневно обязан давать сведения о положении дела. Тот, кто будет способствовать побегу генерала Корнилова, будет осужден на основании § 327 воинского государственного закона, как за преступление против государственного благополучия, устанавливающего наказанием “смертную казнь”»[{138}].

Служивший в лагере помощником аптекаря чех Франтишек Мрняк решает, что если Корнилов появится, то он обязательно поможет ему. «Я старался себе представить тот переполох, — вспоминал в 1928 году Мрняк, — если бы мы с ген. Корниловым сделали прогулку за границу.

Это была только фантазия (ведь Корнилова здесь еще не было), но фантазия такая, которая в точности согласовалась с моим прежним желанием уйти, как можно дальше, из страны рабства туда… где за свободу славянских народов проливают кровь и жертвуют жизнью»[{139}]. До этого времени о Корнилове Мрняк ничего не слышал и поэтому стал наводить справки о таинственном генерале. Он был очень удивлен, когда узнал, что Корнилов — сын простого казака и всего добился своим трудом. Рассказали ему и о восточных путешествиях генерала, и о героизме, проявленном во время Русско-японской войны. Поэтому в воображении Мрняка Корнилов рисовался этаким широкогрудым исполином, увешанным орденами. Каково же было его разочарование, когда он увидел генерала — «человека небольшого роста, ничем не выделяющегося по наружности»[{140}]. Но на принятое Мрняком решение помочь Корнилову это уже никак не влияло.

По прибытии в госпиталь генерала Корнилова поместили в «офицерский павильон», в котором на втором этаже ему была отведена комната с еще одной небольшой комнатой для вестового. Вестовым у него был Д. Цесарский, «человек очень ловкий, — как писал Мартынов, — как говорят, служивший до войны в одесской охранке»[141]. Цесарского специально, по просьбе Корнилова, перевели в этот лагерь. Тем временем Мрняк налаживает отношения с русскими пленными санитарами, К. Мартьяновым и П. Веселовым, стараясь найти в них союзников для осуществления своего плана.

После приезда Цесарского Мрняк заметил, что его русские приятели ищут общества корниловского денщика и подолгу с ним беседуют. Доктор Гутковский, тоже военнопленный, прописывает Корнилову веронал, который Мрняк и должен был вручить «больному».

Генерал принял порошок, смерил принесшего его чеха недоверчивым взглядом и, предложив присесть, сказал:

— До меня дошел слух, что вы слишком заметно интересуетесь моей особой и участью. Советую вам вовремя это оставить. Иначе вы будете иметь крупные неприятности. Я знаю австрийские законы и знаю, что вас ожидает. Будьте поэтому осторожны и не подвергайте себя опасности[142]. Действительно, в случае неудачи побега, Корнилов подлежал лишь возвращению в лагерь, а Мрняк был бы предан военному суду за измену.

Слова Корнилова поразили австрийского солдата, чеха по рождению, который ожидал совсем другого. Опомнившись, Мрняк ответил, что будет счастлив помочь генералу в побеге. При этом, указав, что он чех, и объяснив свое отношение к Австро-Венгерской империи, заявил, что согласен помогать при любых обстоятельствах, по идейным соображениям. В советской же литературе многие десятилетия бытовала версия, изложенная Мартыновым, о том, что Корнилов подкупил Мрняка за 20 тысяч крон[143]. Эту версию можно встретить и в современной литературе[144]. Справедливости ради следует отметить, что пленный генерал пообещал оказать денежную помощь родным Мрняка по окончании войны.

После прочувствованной речи помощника аптекаря, помолчав немного, Корнилов сказал, что с удовольствием принимает его предложение.

Теперь дело оставалось за малым — разработать план побега и претворить его в жизнь.

ПОБЕГ

Первое, о чем подумал Франтишек, это о реальной возможности осуществить задуманное. Для успеха необходимо было все до мельчайших подробностей продумать, «застраховать» себя от непредвиденных случайностей, найти деньги, добыть документы и вещи, необходимые в дороге.

Мысли кружились в голове Мрняка и, как он потом вспоминал, «не давали ночами спать. За всю свою жизнь я не чувствовал большего напряжения нервов, как тогда»{145}. В означенный день и час приходит он к Корнилову с уже сложившимся планом побега. Оставалось только выбрать направление дороги. Генерал также не терял времени. Как только вошел чех, он достал карту Австро-Венгрии и, показав место их пребывания, Кесег, повел пальцем в направлении румынской границы. Показав на карте город Карансебеш[6], Корнилов сказал, что до этого места они должны добраться поездом через Сомбателы и Будапешт, затем пешком перейти границу с Румынией. Он подчеркнул, что это единственный путь, где легче всего «проскользнуть», но это должно случиться до конца августа. Пленный генерал предполагал, что Румыния вскоре вступит в войну. Действительно, в сентябре 1916 года Румыния объявила войну Австро-Венгрии.

Мрняк, убежденный в продуманности корниловских слов, сразу же согласился с направлением дороги. Теперь оставалось решить вопрос с документами, вещами и деньгами. Солдат признался, что у него есть около 180 крон, но этого явно мало. Корнилов дал ему еще 300 крон, заметив, что, если нужно, он добавит еще, но нужно экономить, так как денег осталось мало. Еще раз оговорив некоторые подробности предстоящего побега, Мрняк вернулся в аптеку, чтобы начать подготовку «операции».

Первым делом необходимо было добыть документы. Смекалистый помощник аптекаря поступил достаточно просто. В кантине купил два чистых бланка отпускных удостоверений, а в обеденный перерыв отправился в канцелярию, зная, что дежурные унтер-офицеры ушли, как обычно, на обед в город. В канцелярии Мрняку удается поставить на чистые бланки круглую печать «Запасная больница в Кесеге». Вернувшись к себе в аптеку, он заполняет их: один для Корнилова — на имя Штепана Латковича, а другой для себя — на имя Иштвана Нэмета. На обоих удостоверениях красными чернилами Франтишек делает надпись, разрешающую бесплатный проезд до Карансебеша и обратно, подделав при этом подпись начальника госпиталя доктора

Клейна. На всякий случай он на половинке листа с настоящей казенной печатью местного военного командования изготавливает фальшивое удостоверение, в котором говорится, что военному полицейскому Иштвану Нэмету поручается розыск бежавших военнопленных в лесах близ Карансебеша{146}. Это удостоверение было явной «липой», но тогда Мрняку оно показалось достаточно похожим на настоящее. К тому же использовать его надо было только в самом крайнем случае.

В городе Франтишек приобретает два поношенных штатских костюма, два ранца, револьвер и бинокль. Карта, компас и электрический фонарик у Корнилова уже были.

Заготовив все необходимое и назначив дату побега на 11 августа[7], Мрняк добивается шестидневного отпуска домой, в Чехию. «Как во сне убежали шесть дней и 26 июля, в день именин моей матери, — вспоминал он, — я готовился в обратный путь. Тяжело и больно мне было, когда, при прощании, мать со слезами и мольбою просила меня, предчувствуя что-то недоброе, быть осторожным… В Кесег я вернулся с большей решительностью, нежели когда-либо, добиться того, что задумал и пообещал»{147}. Прибыв в госпиталь, Франтишек прежде всего выясняет, все ли в порядке, нет ли каких-либо подозрений. После этого посещает Корнилова, который явно обрадовался возвращению добровольного помощника и согласился на предложение Мрняка, чтобы до дня побега напрямую не общаться, а связь поддерживать через Мартьянова и Цесарского, которые были посвящены в план побега.

Комната Корнилова располагалась в «офицерском павильоне», в котором находилась и канцелярия. У входа в здание постоянно стоял караул. Охране госпиталя было строго приказано особо наблюдать за входом в «офицерский павильон» и за окном комнаты Корнилова. Это было известно генералу, и поэтому он постоянно находился в постели, симулируя серьезную болезнь. Доктор Гутковский, несколько раз в день навещавший «больного» генерала, обязан был ежедневно сообщать начальству о состоянии здоровья Корнилова. За несколько дней до побега Гутковский заявил лагерному начальству, что состояние здоровья генерала резко ухудшилось, и потребовал отмены приказа, по которому дежурный санитар через каждый час лично наблюдал за ним. Врач доказывал, что для улучшения здоровья Корнилову нужен полный покой, а посещения санитара раздражают и нервируют больного. Настойчивые просьбы доктора были удовлетворены, но охрана снаружи была усилена.

11 августа 1916 года Мрняк, закончив работу в аптеке, разнес лекарства по назначению, после чего внимательно осмотрел

территорию госпиталя и околицу. Не увидев ничего подозрительного, он вернулся в аптеку, чтобы еще раз проверить, все ли готово. За несколько дней до этого Франтишек приобрел в городе небольшой запас продуктов, которых должно было хватить на пару дней: хлеб, сухую колбасу, коробку шпрот, бутылку вина, папиросы. Еще решил написать он прощальное письмо родным.

«Лучше смерть, чем жизнь невольника, — писал Мрняк, — прошу меня простить, если этим письмом причиню вам большую боль и заботу. Так должно быть. Убегаю вместе с пленным русским генералом Корниловым в Россию. Когда будете читать эти строки, я буду уже в безопасности, и поэтому никаким образом не старайтесь мне в этом помешать. Это было бы напрасно. Твердо надеюсь, что это нам удастся…»{148} Закончив писать, солдат свернул лист бумаги, заклеил и положил в ящик стола, чтобы позже достать и отправить со станции. Но при уходе забыл о нем. Несколько позже эта забывчивость дорого обернулась автору письма.

Через Мартьянова Мрняк уведомляет Корнилова, что готов и в 12 часов ждет генерала, переодетого в костюм Цесарского, у себя в аптеке. Цесарский же получил задание лечь в постель и изображать спящего генерала. Доктор Гутковский должен был, как и прежде, навещать «больного» и докладывать начальству. При планируемом развитии событий бежавшего генерала должны были хватиться только на четвертый или даже пятый день, когда беглецы были бы уже далеко.

Точно в означенный час Мрняк из окна своей комнаты в аптеке увидел, как Корнилов, с повязанной головой, переодетый русским пехотинцем, спрыгнул из окна уборной и побежал к аптеке. Быстро выбежав наружу, Франтишек осмотрел все вокруг, удостоверился, что никто ничего не видел, и только тогда вернулся в аптеку. Там он с помощью Мартьянова переодел генерала в форму австрийского солдата, подстриг Корнилову усы и выжег ляписом родинку на левой щеке. Теперь, надев темные очки и с трубкой во рту, русский генерал был готов представиться каждому, как солдат австрийской армии.

Быстро убрав следы беспорядка и взяв рюкзаки с цивильной одеждой и припасами, беглецы вышли из аптеки. Мартьянов и Веселов, вышедшие раньше «на разведку», знаками показали, что опасности нет. Быстро миновав госпитальный двор и беспрепятственно пройдя через ворота, Корнилов и Мрняк побежали на станцию, чтобы успеть на поезд. На станции они заверили свои удостоверения, получили бесплатные железнодорожные билеты и спокойно уселись в поезд, удалявшийся от Кесега.

В вагоне, усевшись напротив друг друга, сделали вид, что читают газеты. Через три часа они прибыли на станцию Раб, где нужно было сделать пересадку на поезд до Будапешта. До отхода поезда оставалось целых полтора часа, и поэтому русский генерал и австрийский солдат решили зайти в дешевый третьеклассный ресторан и выпить по кружке пива. Едва они расположились за столом, как в ресторан вкатилась группа пассажиров из только что прибывшего венского поезда. И среди вошедших оказался санитар офицерского отделения, хорошо знавший Корнилова в лицо. Санитар увидел беглецов, но переодетого Корнилова не узнал. Мрняк же сделал вид, что не знает соседа по столу, встал навстречу вошедшему и сел вместе с ним к другому столу. И здесь помощник аптекаря проявил завидную смекалку, заговорщическим тоном наврав знакомому про свои амурные дела с просьбой никому не говорить, что видел его{149}. Коллега-санитар, понимающе покивав и выпив пива, обещал молчать, а когда подошел его поезд, Мрняк «по-дружески» проводил его до вагона, желая убедиться в его отъезде.

Ужасно обрадовавшись подошедшему поезду, заняв места, беглецы в двенадцатом часу ночи прибыли в Будапешт. Там они узнали, что ближайший поезд до Карансебеша будет только в шесть утра. Нужно было искать ночлег, так как после полуночи на вокзале никто не мог оставаться. В отель с таким минимумом, да еще и поддельных, документов идти нельзя. Тогда Корнилов и Мрняк решили рискнуть, «нахально» обратившись в привокзальную солдатскую ночлежку. После довольно формального просмотра их документов им была выделена одна кровать на двоих. В пять утра их разбудили, дали бесплатный завтрак и вернули билеты, проштампованные станционной комендатурой. В шесть часов Корнилов с Мрняком уже сидели в вагоне поезда, направлявшегося в Карансебеш.

В поезде Мрняк вспоминает о неотправленном письме, но не решается рассказать об этом генералу. Просто став у окна вагона, он начинает внимательно наблюдать за всем, что происходило как в вагоне, так и на станциях, через которые проходил поезд. Через некоторое время к Франтишеку вернулись утерянные было решительность и спокойствие, когда он убедился, что опасности нет.

В Карансебеш поезд прибыл в шестом часу вечера. Каково же было состояние Корнилова и Мрняка, когда они увидели, что состав оцеплен войсками, а каждого выходящего из поезда уводят в вокзальное помещение. Войдя в здание вокзала, беглецы должны были проследовать в канцелярию комендатуры, где проверяли правильность документов. Здесь Корнилов и Мрняк

убедились, что все эти меры были приняты для их поимки, и были несказанно удивлены, когда после проверки им вернули документы и разрешили идти{150}. Офицер, проверявший документы, предупредил их о том, что, находясь в пограничной полосе, где действуют особые предписания, они обязаны явиться в местное военное управление.

Легко и радостно покидали беглецы здание вокзала, ведь, в сущности, это был последний пункт их поездки. Теперь только пешком. Они заходят перекусить в ближайший ресторанчик, чтобы затем без промедления продолжить свой путь. Пройдя город, Корнилов и Мрняк направляются к лежащему неподалеку горному хребту, покрытому лесом, до которого и добрались к полуночи. Почувствовав себя в некоторой безопасности, странники сняли военную форму, которую спрятали тут же в кустах, и облачились в цивильные костюмы. Немного позже они пожалеют об этом, так как своей штатской одеждой они резко выделялись, обращали на себя излишнее внимание. Поэтому приходилось скрываться и избегать встреч с местным населением.

Отдохнув пару часов, определив при помощи карты и компаса направление, Корнилов и Мрняк двинулись в путь. Они шли до самого утра, делая лишь небольшие остановки. Уставшие и голодные решают отдохнуть до вечера, а в сумерках продолжить путь. По пробуждении Корнилов замечает, что у него нет компаса, прикрепленного шнурком к петле пиджака. По всей видимости, компас потерялся, когда беглецы пробирались густыми зарослями. Искать его было бесполезно. Потеря компаса тяжело сказалась на их дальнейшем продвижении. Пришлось пробираться малопроходимыми местами и скрываться от периодически возникающих постов. Это отнимало много времени и сил. Иногда после длинного и утомительного перехода они оказывались в месте, где уже были.

«Предсказания генерала Корнилова, — писал Мрняк, — что в течение тридцати часов мы легко достигнем границы, оказались ошибочными. Мы блуждали таким образом пять дней, не зная, где находимся. Спрашивать или войти в одно из близлежащих поселений мы не решались»{151}. Продукты тем временем кончились, а малина и ежевика, встречавшиеся на каждом шагу, утоляли жажду, а не голод. Ночь с 17 на 18 августа беглецы вынуждены были провести на верхушке холма, а в третьем часу утра были разбужены стадом хрюкающих кабанов, которые, учуяв какие-то посторонние шорохи, разбежались. Проснувшиеся путники обратили внимание на мерцающий огонек и силуэт постройки с вившимся дымком. Подумав, что это хижина дровосека, они решили утром заглянуть туда. Вдруг удастся

раздобыть продуктов и узнать местонахождение?

С рассветом Корнилов и Мрняк отправились к замеченной постройке и около восьми часов утра оказались на краю поляны напротив деревянного строения с вывеской «Кантона Барловица». Посовещавшись, они решили, что генерал останется на краю поляны и будет наблюдать за кантиной и окружающей местностью, чтобы в случае опасности быстро скрыться, а Мрняк отправится за покупками.

Открыв дверь дома, Франтишек увидел пожилую женщину, наполнявшую вином бутылки. Чех обратился с просьбой продать чего-нибудь съестного. Хозяйка предложила черный хлеб, овечий сыр и солонину. Взяв все это и еще бутылку вина, Мрняк расплатился и повернулся к выходу. У двери стояли двое верзил с большими палками, загораживая путь. Через минуту показался «прилично одетый мужчина», спросивший, кто он и что здесь делает. Мрняк стал объяснять, что купил продукты, что расплатился и уходит, но мужчина попросил у него документы. Видя перед собой человека в штатском, чех ответил, что не обязан ему ничего показывать. Тогда «прилично одетый мужчина» предъявил удостоверение офицера пограничной стражи. Мрняку ничего не оставалось, как вытащить фальшивку, удостоверяющую, что он военный полицейский и является членом группы, разыскивающей бежавших пленных. На это пограничник ответил, что удостоверение не заверено местными властями и он обязан доставить его в жандармерию в Барло{152}. Мрняк угрожал, просил, убеждал и умолял отпустить его, но все напрасно. Стоявшие у двери детины взяли его за руки и потащили наружу.

Когда Корнилов увидел, как его товарища вытащили из кантины и повели куда-то, он не стал терять времени, поспешив скрыться в лесу. Почти через три недели, передвигаясь по ночам, скрываясь днем в дуплах и между корней деревьев, бежавший генерал вышел к румынской границе. Прожив два дня в шалаше укрывшего его пастуха, восстановив силы, Корнилов пересекает границу{153}.

Солнечным днем 22 августа[8] на площади румынского городка Турнсеверин перед русским военным агентом, капитаном второго ранга С.М. Ратмановым, стоит группа солдат, бежавших из австрийского плена. Офицер записывает фамилии беглецов в блокнот. «Он закончил опрос последней партии и приказывает солдатам идти, — писал Севский со слов Ратманова. — Девять браво поворачиваются и уходят, а десятый — маленький невзрачный оборванец — остается стоять.

— Ты что? — спрашивает у него офицер. — Тебе что-либо надо сказать?

— Да, нужно! Я — генерал-лейтенант Корнилов»[154]. Судьба преподносит иногда удивительные совпадения.

Полтора года спустя тот же Ратманов будет присутствовать при последних минутах жизни Корнилова.

Тем временем Мрняка допрашивают, сначала в Барло, затем в Карансебеше. При обыске в электрическом фонарике находят листок красной бумаги, которой была обмотана батарея. Этот листок оказался сопроводительным документом генерала Корнилова, выданным ему еще при взятии в плен. На пятый день после ареста Мрняка отправляют в братиславскую тюрьму, где он узнает о том, что арестованы Гутковский, Мартьянов, Веселов и Цесарский. После побега Корнилова из кесегского госпиталя события развивались следующим образом: умер русский офицер, а отсутствие на отпевании Корнилова сразу же вызвало подозрения, вскоре было обнаружено и злополучное неотправленное письмо Мрняка.

В двадцатых числах октября 1916 года состоялся суд. Гутковский, Мартьянов, Веселов и Цесарский открыто заявили, что принимали участие в организации побега Корнилова. Они считали, что «их прямой обязанностью было как можно лучше позаботиться об его успешном исходе. Повинуясь приказанию своего начальника, они не совершили преступления, за которое могли нести ответственность»[155], и просили на основании этого прекратить против них судебное дело. Четверо русских военнопленных были приговорены к дисциплинарному наказанию на восемь недель, а в отношении Франтишека Мрняка суд вынес следующий приговор: «Смертная казнь через повешение, лишение гражданских прав и исключение из списков армии…»[156]

Через девять долгих томительных месяцев верховный суд отменил смертную казнь, и после пересмотра дела Мрняка осудили на 10 лет заключения в крепости. Находясь в сырой и холодной камере, испытывая постоянный голод и побои, Франтишек продумывает план побега. Он начинает симулировать сумасшествие. И настолько успешно, что осматривавший его врач-психиатр предписывает отправить его в сумасшедший дом. 20 сентября 1918 года при перевозе его в военную лечебницу для душевнобольных Мрняк, прямо в смирительной рубашке, выскакивает из поезда и скрывается в лесу[157]. А через месяц Австро-Венгерская империя прекратила свое существование, и Франтишек Мрняк вернулся к себе на родину.

Корнилов так и не узнал, что человек, которому он обязан своим освобождением из плена, остался жив. Благодарность к Мрняку Корнилов выразил в том, что добился включения

«мертвого» чешского героя в состав первого взвода первой роты первого чешско-славянского полка чешского легиона, сражавшегося на стороне России. При ежевечерней полковой поверке дежурный унтер-офицер называл его имя, а взводный первого взвода первой роты ежедневно отвечал: «Расстрелян австрийцами в Прессбурге за освобождение генерала Корнилова». Пожалуй, ни один иностранный военнослужащий, да еще и из неприятельской армии, не был удостоен таких почестей.

Этот побег был действительно редчайшим случаем: из плена бежал генерал! Сам Николай II принимает Корнилова в Ставке, вручает ему орден Святого Георгия III степени. Газеты и журналы печатают портреты генерала, статьи о нем и интервью с ним. В Петрограде его чествуют юнкера Михайловского артиллерийского училища. Омский епископ Сильвестр шлет телеграмму. Земляки-казаки Каркаралинской станицы присылают нательные крест и образок…

В середине сентября 1916 года Корнилов назначается командиром XXV армейского корпуса Особой армии генерала В.И. Гурко и убывает на Юго-Западный фронт. Этим корпусом генерал-лейтенант Корнилов командовал вплоть до известных февральско-мартовских событий 1917 года.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

ПЕТРОГРАД

Новый, 1917 год начинался для России тревожно. Война шла уже третий год, и хотя сообщения с фронтов давно перекочевали на вторые полосы газет, она не давала забыть себя ни на один день. Резко поднялись цены. Продовольствие подорожало в четыре раза по сравнению с довоенным временем, а по некоторым видам товаров даже в шесть—восемь раз. Из продажи пропал сахар, понемногу начинал ощущаться недостаток хлеба. Дороговизна и товарный голод порождали недовольство городского населения и прежде всего рабочих. По фабрикам и заводам вновь прокатились прекратившиеся было с началом войны забастовки.

Император, прибывший в столицу на Рождество, задержался здесь дольше предполагавшегося срока. Только 22 февраля царь покинул Петроград для того, чтобы возвратиться в Ставку. Буквально на следующий день после этого в городе начались продовольственные волнения. В короткий срок они переросли в многолюдные демонстрации и митинги, проходившие уже под политическими лозунгами. Решающую роль в дальнейших событиях сыграло восстание частей петроградского гарнизона.

Старая власть перестала существовать. В Петрограде был создан Временный комитет Государственной думы под руководством М.В. Родзянко. Одновременно по инициативе думских социал-демократов был воссоздан Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов, короткое время существовавший в дни первой русской революции. Однако ни Совет, ни Временный комитет не имели эффективных рычагов воздействия на происходящее. Реальная сила была в руках восставших солдат. Под давлением солдатской массы Петроградский Совет 1 марта 1917 года принял «приказ № 1», узаконивший самочинно возникшие солдатские комитеты. Они получали право контролировать все распоряжения офицеров и высшего командования. Особым соглашением было оговорено, что петроградский гарнизон остается в столице для охраны завоеваний революции и ни при каких условиях не может быть выведен из города.

В составе петроградского гарнизона насчитывалось до 200 тысяч человек. Это была огромная сила, в любой момент грозившая превратиться в агрессивную вооруженную толпу. Нужно было срочно найти того, кто сумел бы восстановить дисциплину и взять ситуацию под контроль. Временный командующий гарнизоном генерал Ф.В. Рубец-Масальский

заигрывал с солдатскими комитетами и сочинял проекты нового государственного герба (на нем должен был быть изображен двуглавый орел без корон со сломанным скипетром в лапе)[158]. На его место требовался человек решительный и популярный. Выбор пал на Корнилова.

Трудно сказать, кто посоветовал эту кандидатуру. Предположительно, это мог быть генерал П.И. Аверьянов, фактически исполнявший в дни переворота обязанности начальника Генерального штаба. Годом раньше он заведовал отделом, опекавшим бежавших из плена, и должен был хорошо знать Корнилова[159]. Так или иначе, но уже вечером 2 марта на имя начальника штаба Ставки генерала М.В. Алексеева поступила телеграмма за подписью Родзянко. В ней говорилось: «Необходимо для установления полного порядка и для спасения столицы от анархии командировать сюда на должность главнокомандующего Петроградским военным округом доблестного боевого генерала, имя которого было бы популярно и авторитетно среди населения… Комитет Государственной думы признает таким лицом доблестного, известного всей России героя, командира 25-го армейского корпуса генерал-лейтенанта Корнилова».

Алексеев послал запрос главнокомандующему Юго-Западным фронтом генералу А.А. Брусилову, под началом которого находился Корнилов. Брусилов, не возражая в принципе, сообщил, что считает Корнилова «малоподходящим именно для этой должности», так как он «отличается прямолинейностью и чрезмерной пылкостью». Между тем Алексеев, не дожидаясь ответа Брусилова, телеграфировал в Псков, где стоял императорский поезд. Он просил дворцового коменданта убедить царя ускорить назначение Корнилова. Алексеев указывал, что «среди изменивших войск идет усиленная, небезуспешная пропаганда рабочих депутатов. Новая измена поведет к анархии и террору в столице. Еще надеются, что популярное имя Корнилова удержит войска от повторения бунта».

В ответ на это в Ставке была получена телеграмма из Пскова: «Государь император соизволил на отозвание в Могилев генерал-адъютанта Иванова и назначение главнокомандующим войсками Петроградского военного округа комкора-25 генерал-лейтенанта Корнилова». Было около 10 часов вечера 2 марта 1917 года. В это же самое время в Псков прибыли посланцы Временного комитета Государственной думы — А.И. Гучков и В.В. Шульгин. После долгой и тяжелой беседы с ними Николай II подписал отречение от трона. Корнилов, таким образом, стал последним из старших начальников, назначенным на свой пост императором.

Корнилов прибыл к новому месту службы 5 марта. За прошедшие дни многое изменилось. Отрекся от трона Николай II, отказался принять корону его брат Михаил. Назначенный царем новый главнокомандующий Петроградским военным округом приехал в столицу Российской республики. Формально Россия таковой еще не была (республикой страну объявит Керенский 1 сентября 1917 года), но фактически о монархии уже никто не вспоминал.

В Петрограде, как и по всей стране, царила революционная эйфория. Повсюду были видны красные флаги. На улицах и площадях шли бесконечные митинги. В толпе преобладали серые солдатские шинели, прежде неприметные в чиновной столице. Солдаты чувствовали себя главными героями дня. Они демонстративно отворачивались от офицеров, избегая отдавать им честь. Солдатами были забиты кинематографы и трамваи. Они составляли главную аудиторию на митингах, лузгая семечки и между делом подбадривая ораторов.

Семечки тоже стали своеобразным завоеванием революции. Это отмечают все современники. «Читатель, помнящий семнадцатый год, — писал позднее генерал М.Д. Бонч-Бруевич, — не забыл серого, шуршащего под ногами ковра из шелухи, которой были покрыты мостовые и тротуары едва ли не всех городов бывшей империи. Семечками занимались в те дни не только на митингах, но и при выполнении любых обязанностей: в строю, на заседании Совета и комитетов, стоя в карауле и даже на первых после революции парадах… От неустанного занятия этого шел шум, напоминающий массовый перелет саранчи…»{160} Можно представить себе, как все это раздражало нового командующего Петроградским военным округом. Для Корнилова, как и для большинства других кадровых военных, воинская дисциплина была основой основ. Революция, символом которой стали замусоренные семечками тротуары, меньше всего могла прийтись ему по душе.

По своему статусу главнокомандующий Петроградским военным округом подчинялся прежде всего военному министру. Временное правительство, созданное на смену Временного комитета Государственной думы, не чувствовало себя хозяином даже в столице. Вновь назначенный военный министр А.И. Гучков, судя по всему, прежде близко знаком с Корниловым не был. Он предпочел бы видеть во главе столичного гарнизона генерала А.М. Крымова, командовавшего Уссурийской казачьей дивизией. Вероятнее всего, именно с этим прицелом он в середине марта и был вызван в Петроград.

Но Крымов был человеком излишне резким и

эмоциональным. Ознакомившись с ситуацией в городе, он потребовал немедленного принятия жестких мер. «Как вам не стыдно, вы все тут мямли, нюни распустили, первая солдатская депутация, которая ко мне придет, я ее нагайкой встречу»{161}. При сложившемся раскладе сил такое поведение могло привести к непредсказуемым последствиям. Крымов был отослан обратно на фронт, получив под командование 3-й Конный корпус. Можно предположить, что именно в это время произошло личное знакомство Крымова и Корнилова. В августовские дни именно ему Корнилов доверит осуществление самой сложной части задуманного плана.

Для восстановления дисциплины в петроградском гарнизоне Гучков дал Корнилову самые широкие полномочия. Он получил право делать любые назначения на командные должности, приглашать со стороны тех лиц, кого он сочтет нужным. В распоряжение главнокомандующего округом были предоставлены неограниченные кредиты на организацию пропаганды.

Первое знакомство Корнилова с подчиненными ему частями произвело на него весьма тяжелое впечатление. Позднее, во время следствия по делу об августовских событиях, сам он об этом говорил так: «С первых же шагов своей деятельности я убедился в крайне вредном влиянии на войска Петроградского Совета солдатских и рабочих депутатов, который, вовлекая войска гарнизона в борьбу политических партий, проводя в жизнь начала, разрушающие дисциплину и подрывающие авторитет начальников, постоянно дезорганизовывал войска гарнизона, и без того не представлявшие из себя хорошо сплоченные войсковые части. Совет неоднократно пытался принимать непосредственное участие в деле командования войсками с целью иметь в них оружие для достижения своих политических целей»{162}.

7 марта новый главнокомандующий округом появился на заседании «комиссии генерала Поливанова». Эта комиссия, включившая в свой состав представителей военного министерства и Петроградского Совета, была создана для подготовки преобразований в армии. Доклад Корнилова был коротким: «Я только что закончил объезд всех частей и должен сказать, что последние находятся в состоянии крайнего разложения. Поэтому я и пользуюсь случаем видеть здесь в комиссии представителей армий фронта, чтобы сказать им и успокоить их, что мною принято решение в ближайшие дни начать вывод частей петроградского гарнизона на фронт и замену их в Петрограде частями с фронта, уже заслужившими отдых и более дисциплинированными. Вот что я хочу сказать»{163}.

Выступление Корнилова вызвало резкий протест представителей Совета. «Эти слова, — заявил от их имени эсер В.Л. Утгоф, — нас удивляют. Войска гарнизона выведены быть не могут… Они отсюда не уйдут! Силу же применить мы не позволим!»

— Кто это «мы»? — резко спросил Корнилов.

— Мы, Совет рабочих и солдатских депутатов. Корнилов ничего не ответил и, молча откланявшись, вышел.

Гучкову Корнилов представил более подробный отчет о своей проверке. В нем говорилось, что петроградский гарнизон чрезмерно велик. Солдаты живут в условиях невероятной скученности и бытового неустройства. Это плюс атмосфера вседозволенности, воцарившаяся со времен переворота, делают их абсолютно ненадежными. Большинство офицеров не знают своих подчиненных и откровенно боятся их. Немало среди офицеров и тех, кто стремится любым путем избежать отправки на фронт. По мнению Корнилова, «в тех частях, где происходили эксцессы, они всегда почти неизменно натыкались на то, что это происходило либо по прямой вине офицеров, либо по известному попустительству с их стороны»{164}. Корнилов полагал, что из всего огромного гарнизона правительство может опереться лишь на три с половиной тысячи человек, преимущественно из числа юнкеров.

К этому времени относится интересный эпизод, о котором рассказал в своих мемуарах С.И. Мамонтов, в ту пору юнкер Константиновского артиллерийского училища. По его словам, 13 марта 1917 года в здании, которое занимали юнкера-константиновцы, состоялась встреча Корнилова с начальниками и старшими офицерами военных училищ города. На следующий день на Дворцовой площади состоялся смотр. С.И. Мамонтов вспоминал: «По нашим расчетам, нас было 14 000 человек, лучших в то время войск в России: дисциплинированных, молодых, храбрых и не рассуждающих. Корнилову удалось собрать такую силу в центр города, и собрать тайно от всех. Сомнений не было: будет переворот. Мы были в восторге. В Петрограде нет силы, способной оказать нам сопротивление. Полки потеряли дисциплину, порядок и офицеров, а многие, вероятно, к нам присоединятся. Мы были настроены воинственно»{165}.

Шло время, но ничего не происходило. Наконец на балконе Зимнего дворца появился Корнилов. Он обратился с речью к собравшимся, после чего юнкера промаршировали по площади и отправились по своим училищам. «Шли мы плохо, — вспоминал С.И. Мамонтов, — хотелось есть, мокрый снег промочил ноги, а

главное, было досадное чувство провороненного переворота. Воинственности больше не было. Поздно вечером вернулись в училище, мокрые и злые»{166}. Автор воспоминаний был убежден, что переворот действительно готовился и лишь в последний момент Керенский убедил Корнилова отказаться от этого замысла.

В воображении семнадцатилетнего юнкера происходившее и в самом деле могло показаться попыткой переворота, но сорокашестилетний генерал уже в силу возраста должен был быть более осторожен. Весной 1917 года военный переворот был попросту невозможен. К этому времени еще не сошла революционная эйфория, болезненное, нервное ощущение то ли праздника, то ли пира во время чумы. Революция воспринималась как «Христово Воскресенье» и любой, кто попытался бы выступить против нее, был бы отвергнут и проклят. В воспоминаниях С.И. Мамонтова, написанных значительно позже тех событий, о которых в них рассказывается, явно смещено время. Ждать и приветствовать переворот юнкера могли в августе, может быть, в июле, но никак не в марте семнадцатого. Что уж говорить о мальчиках, если вполне взрослые и солидные люди в ту пору тоже не сумели избежать революционного опьянения.

План Корнилова, согласованный с Гучковым, предполагал более медленные, но и более эффективные действия. Поскольку нельзя было ни вывести гарнизонные части на фронт, ни ввести в город новые полки, постольку единственным способом было незаметно расставить на важнейших постах надежных людей. По словам Гучкова, определенные успехи в этом деле были достигнуты. В военные училища, казачьи и артиллерийские части назначались фронтовые офицеры, сомнительный же элемент под разными предлогами удалялся со службы.

Завершающим этапом в осуществлении этого плана должно было стать создание особого Петроградского фронта. Предполагалось, что в его состав, помимо столичного гарнизона, войдут войска, расположенные в Финляндии, Кронштадте и на балтийском побережье вплоть до Ревельского укрепленного района. Создание нового фронта было обусловлено стратегическими соображениями в связи с возможным немецким наступлением на Петроград. Одновременно это давало право командованию менять дислокацию, сливать воедино и разукомплектовывать уже существующие формирования. В такой ситуации можно было бы на формально законных основаниях обойти существующие запреты на вывод из Петрограда гарнизонных частей.

В реальности же планы создания Петроградского фронта так

и не были никогда осуществлены. Единственным конкретным шагом на этом пути стал приказ Корнилова о переформировании гвардейских запасных батальонов в резервные полки, но и он не был выполнен из-за противодействия батальонных комитетов. Планы организации нового фронта создавались конкретно «под Корнилова», а он пробыл на посту главнокомандующего округом немногим более полутора месяцев.

В конечном счете Корнилову так и не удалось найти контакт с солдатами столичного гарнизона. В обстановке, когда в головах воцарился хаос, а слова стали значить больше, чем дела, он просто не смог нащупать верную манеру поведения. «Его хмурая фигура, — вспоминал позднее генерал А.И. Деникин, — сухая, изредка лишь согретая искренним чувством речь, а главное, ее содержание — такое далекое от головокружительных лозунгов, выброшенных революцией, такое простое в исповедовании солдатского катехизиса, — не могли ни зажечь, ни воодушевить петроградских солдат»{167}. Оратором Корнилов всегда был плохим, говорил отрывисто, резким, каким-то «каркающим» голосом. Неадекватная реакция аудитории быстро выводила его из себя. В такие минуты он не мог скрыть раздражения, в словах его все чаще начинали слышаться угрозы. Враждебность выступающего передавалась слушателям, и итог такой встречи был предопределен.

В середине марта генерал П.А. Половцев, полтора месяца спустя сменивший Корнилова на посту главнокомандующего столичным округом, записал в своем дневнике: «У Корнилова дело что-то не ладится, с войсками у него недоразумения, он ссорится с Советом, приказания его не исполняются. На днях в Финляндском полку у него с автомобиля сняли георгиевский флажок и водрузили красный»{168}. Это был тот самый Финляндский полк, выступление которого станет началом апрельских событий в Петрограде, в итоге заставивших Корнилова уйти.

Красный флажок на автомобиле главнокомандующего можно считать показательной деталью. Весной 1917 года вся Россия оделась в красное. Казалось, что все население страны в одночасье стало республиканцами и социалистами. «Старый режим» упоминался лишь в контексте всего самого темного и мрачного. Не то что симпатии, но даже простое сочувствие по отношению к свергнутому монарху воспринималось как проявление контрреволюции. Корнилову пришлось столкнуться с этим уже сразу после назначения на новый пост.

АРЕСТ ИМПЕРАТРИЦЫ-МАТЕРИ

Одним из первых шагов Корнилова в роли главнокомандующего Петроградским военным округом стал арест бывшей императрицы. Царское Село, где тогда жила императорская семья, находилось слишком близко от Петрограда, для того чтобы остаться в стороне от происходящего. В маленьком городке начались грабежи и бесчинства. Дочь царского лейб-медика Т.Е. Боткина вспоминала свои впечатления от этих дней: «На улице творилось что-то невероятное: пьяные солдаты без ремней и расстегнутые, с винтовками и без, бегали взад и вперед и тащили все, что могли, из всех магазинов. Кто бежал с куском сукна, кто с сапогами, некоторые и так уже совершенно пьяные тащили бутылки вина и водку, другие все замотались пестрыми шелковыми лентами. Тут же бегал растерянный жид-ростовщик, бабы и гимназисты»{169}. Охрана дворца была ненадежна, и в любой момент можно было ждать самого худшего.

Новые власти, казалось бы, забыли о царской семье. В Петрограде плелась какая-то сложная интрига, одним из вольных или невольных участников которой пришлось стать Корнилову. В должность главнокомандующего Петроградским округом он, как мы уже писали, официально вступил 5 марта 1917 года. Вечером того же дня Корнилов вызвал к себе командира запасного батальона одного из гвардейских полков полковника Е.С. Кобылинского и сообщил, что ему поручается дело государственной важности. Корнилов категорически отказался говорить о характере поручения и пообещал, что все подробности он расскажет завтра.

Однако ни завтра, ни через день никаких распоряжений Кобылинский не получил. Только 8 марта, уже за полночь, ему позвонили домой и передали приказ Корнилова быть к 8 утра на Царскосельском вокзале. В ожидании поезда Кобылинский вновь попытался расспросить Корнилова о сути предстоящего дела, но тот продолжал отмалчиваться. Наконец уже в купе он сказал: «Сейчас мы едем в Царское Село. Я еду объявить государыне, что она арестована. Вы назначаетесь начальником Царскосельского гарнизона»{170}.

В дворцовой приемной Корнилова и его сопровождающих встретил обер-гофмаршал граф П.К. Бенкендорф. Корнилов попросил доложить о себе императрице. Бенкендорф ушел и, возвратившись, пригласил Корнилова и Кобылинского наверх. Далее Кобылинский пишет: «Вошли мы в детскую комнату, где

никого не было. Как только мы входили в эту комнату, из другой двери вошла в комнату государыня императрица Александра Федоровна. Мы поклонились ей. Она подала Корнилову руку, мне кивнула головой. Корнилов сказал государыне: “Ваше Величество, на меня выпала тяжелая задача объявить вам постановление Совета министров, что вы с этого часа считаетесь арестованной. Если вам что-то нужно — пожалуйста через нового коменданта”».

После этого Корнилов отослал Кобылинского и остался в комнате наедине с императрицей. Их разговор не был секретом, во всяком случае Корнилов уже на следующий день сам рассказал его подробности журналистам. «У меня все больны, — заявила императрица. — Сегодня заболела моя последняя дочь. Алексей, сначала было поправлявшийся, опять в опасности». Тут она заплакала, но, справившись с собой, сказала: «Я в вашем распоряжении. Делайте со мной что хотите»{171}.

Опубликованные фрагменты из дневников графа Бенкендорфа подтверждают уже известные нам обстоятельства ареста императрицы. Но в нашем распоряжении есть еще одно свидетельство, кардинально отличающееся от прочих. Это рассказ поручика К.Н. Кологривова. В ту пору он носил погоны 4-го стрелкового Императорской Фамилии полка, охранявшего Царскосельский дворец. В изложении Кологривова события выглядели так: «Между часом и двумя пополуночи наше внимание привлек необычный шум, происходивший в вестибюле, и вслед за этим нам сообщили, что приехали военный министр и главнокомандующий с какой-то депутацией и что наружные часовые, стоявшие у подъезда, не хотели их пустить во дворец. Когда я вошел в освещенный вестибюль, то увидел главнокомандующего войсками Петроградского военного округа генерала Корнилова, военного министра Временного правительства Гучкова и группу приехавших с ними. Корнилов и Гучков были с огромными красными бантами на груди, причем банты эти были с какими-то раструбами и широкими ниспадающими лентами. Такие же красные банты были и у их спутников»{172}.

По словам Кологривова, Корнилов стоял впереди всей группы, а Гучков все время держался на втором плане. «Я вошел в вестибюль, — вспоминал Кологривов, — как раз в то время, когда Корнилов громким голосом и в грубой форме потребовал видеть “бывшую царицу”. Это были его подлинные слова». Приехавшим попытались объяснить, что вся семья уже спит, но Корнилов в ответ заявил, что «теперь не время спать». Дежурный камердинер был отправлен во внутренние покои и вернулся с известием, что императрица готова принять депутацию.

Приехавших провели на второй этаж в так называемую «Липовую» гостиную. Корнилов вошел в комнату, а Гучков остановился на пороге. В этот момент из противоположной двери показалась Александра Федоровна. Подойдя к Корнилову и не подавая ему руки, она спросила: «Что вам нужно, генерал?» Корнилов вытянулся и в почтительном тоне, что резко контрастировало с его предшествующей манерой держать себя, сказал: «Ваше императорское величество… Вам неизвестно, что происходит в Петрограде и в Царском… Мне очень тяжело и неприятно вам докладывать, но для вашей же безопасности я принужден вас…» и замялся. Императрица перебила его: «Мне все очень хорошо известно. Вы пришли меня арестовать?» — «Так точно», — ответил Корнилов. «Больше ничего?» — «Ничего». Не говоря более ни слова, императрица повернулась и ушла в свои покои. Через несколько минут дворец покинула и депутация.

Как легко увидеть, этот рассказ отличается от свидетельства Кобылинского во всех важнейших деталях. Если верить Кологривову, Корнилов почему-то приехал в Царское Село глубокой ночью. В этой поездке его сопровождал Гучков, который, опять-таки если доверять Кологривову, не сказал за все время ни слова. Да и развязные манеры Корнилова как-то не очень соответствуют его обычному поведению.

Можно было бы считать все это выдумкой от начала до конца, но рассказ Кологривова находит частичное подтверждение в воспоминаниях камердинера императрицы А.А. Волкова. По его словам выходит, что Корнилов дважды бывал в Царском Селе — один раз вместе с полковником Кобылинским и вторично — вместе с Гучковым{173}. Он не приводит даты, как, впрочем, конкретную дату не указывает и поручик Кологривов. Дневник графа Бенкендорфа уточняет ситуацию. Корнилов и Гучков посетили императрицу 5 марта, то есть за три дня до формального ареста{174}.

Напомним, что именно в этот день Корнилов вступил в обязанности главнокомандующего войсками Петроградского округа. То обстоятельство, что он первым делом поспешил к императрице, было связано со слухами о намерении толпы расправиться с обитателями дворца. Чрезвычайный характер визита объясняет и ночное время, и присутствие Гучкова. Вероятно, тогда же родилась идея сменить командование царскосельского гарнизона. Вечером все того же дня Корнилов сообщает Кобылинскому о предстоящем ему серьезном поручении. Обратим внимание еще на одну деталь — императрица, по свидетельству Кобылинского, встретила Корнилова как знакомого, подала ему руку, в то время как в

отношении самого Кобылинского ограничилась кивком.

Рассказ поручика Кологривова, таким образом, отражает реальный факт ночного появления Корнилова и Гучкова в Царском Селе, но большая часть подробностей их встречи с императрицей досочинена автором. Ни о каком аресте тогда речи не шло. При желании, разумеется, ничто не мешало Корнилову и Гучкову арестовать императрицу уже 5 марта. Однако в этом не было большого смысла. Совершенно очевидно было, что мать не покинет больных детей. Поэтому-то между первым и вторым визитами Корнилова в Царское Село прошло два дня. Формальная процедура ареста носила характер символического акта и явилась результатом уступки Временного правительства давлению радикалов из Петроградского Совета.

Меньше всего инициатором этого шага был сам Корнилов. Главнокомандующий столичным округом не был самостоятельной политической фигурой. Тем не менее арест императрицы в значительной степени определил дальнейшую судьбу Корнилова. Отныне в глазах последовательных монархистов он стал «революционным генералом» со всем вытекающим отсюда отношением.

Политические взгляды самого Корнилова охарактеризовать очень трудно. Деникин писал, что по своим убеждениям Корнилов не был ни социалистом, ни реакционером. «Но напрасно было бы в пределах этих широких рамок искать какого-либо партийного штампа. Подобно преобладающей массе офицерства и командного состава, он был далек и чужд всякого партийного догматизма; по взглядам, убеждениям примыкал к широким слоям либеральной демократии; быть может, не углублял в своем сознании мотивов ее политических и социальных расхождений и не придавал большого значения тем из них, которые выходили за пределы профессиональных интересов армии»{175}. Впрочем, в первые месяцы революции все нюансы политики сводились к противопоставлению ярлыков «монархист» — «республиканец».

Многочисленные высказывания Корнилова по этому вопросу хорошо известны. Своему ординарцу В.С. Завойко он говорил, что «дорога к трону для любого из Романовых лежит через его, генерала Корнилова, труп»{176}. Много позже, уже в период борьбы с большевиками на Дону, Корнилов вновь повторил: «Я республиканец; если в России будет монархия, то мне в России места не будет»{177}. Но слова, даже вполне искренние, сами по себе не могут служить убедительным доказательством.

Если иметь в виду под монархизмом лояльность существовавшему до революции режиму, то, несомненно,

Корнилов был монархистом. В подпольных кружках он не состоял и никто из знавших его не зафиксировал в его устах призывы к изменению государственного строя. Скорее наоборот, как и следовало ожидать от человека, самим родом деятельности предрасположенного к порядку и дисциплине, Корнилов с крайним раздражением относился к попыткам думских либералов расшатать власть. Генерал Е.И. Мартынов, одно время находившийся вместе с Корниловым в австрийском плену, вспоминал, что, читая в газетах о событиях в России, тот неоднократно говорил, что с удовольствием перевешал бы всех этих Гучковых и Милюковых{178}.

Но Корнилов отнюдь не принадлежал к числу убежденных приверженцев монархии. Таковых среди русского генералитета вообще было очень немного. В феврале 1917 года, когда решался вопрос об отречении царя, из всех старших воинских начальников лишь двое — командир 3-го конного корпуса граф А.Ф. Келлер и стоявший во главе гвардейской кавалерии генерал Хан-Гуссейн Нахичеванский — выразили готовность с оружием в руках встать на защиту трона. Корнилов вполне мог бы повторить слова другого персонажа той же драмы, адмирала А.В. Колчака: «Я был монархистом и нисколько не уклоняюсь… Я не могу сказать, что монархия — это единственная форма, которую я признаю. Я считал себя монархистом и не мог считал себя республиканцем, потому что тогда такового не существовало в природе»{179}.

Как и Колчак, Корнилов полагал себя в первую очередь солдатом. Как тысячи других генералов и офицеров, он считал, что служит России, а не конкретному лицу, династии или политической конструкции. Трудно сказать, видел ли в действительности поручик Кологривов красный бант на груди у Корнилова или придумал эту живописную деталь позже. Даже если и видел, в этом нет ничего постыдного. Двоюродный брат царя, а в будущем — «император в изгнании» великий князь Кирилл Владимирович щеголял в эти дни красным бантом на лацкане адмиральской шинели. Красный цвет в ту пору стал «защитным цветом», частью своеобразной революционной униформы.

Весной семнадцатого монархистов в России было не найти днем с огнем. Конечно, у многих рассуждения о приверженности республиканским идеалам были чистой воды лицемерием, но для большинства граждан страны республика олицетворяла светлое будущее. Дискредитация монархии задолго до того была подготовлена слухами и сплетнями, грязными историями и анекдотами. Даже воплощение монархизма, знаменитый правый депутат Думы В.М. Пуришкевич, и тот публично заявил о своем

разочаровании в монархической идее.

Но большинство приверженцев новой веры оказались в ней столь же неустойчивы, как и в старой. Весной российский обыватель, начитавшийся грязных историй о царице и Распутине, искренне полагал себя республиканцем, осенью, напуганный нарастающей разрухой, он начал тосковать о монархии. В этом мало отличались генералы и офицеры, чиновники и конторщики. Надо признать, что для тех, у кого политические идеалы сводились к существованию твердой власти, монархия была ближе, чем республика. К таковым относился и Корнилов, но у него была своя судьба. Судьба уже вела его, и он, фаталист, воспринимал это как должное. Своей карьерой, стремительным выдвижением Корнилов, несомненно, был обязан революции. Он так и остался «революционным генералом», несмотря на то, что ему уже очень скоро пришлось вступить в борьбу с теми уродливыми формами, которые революция постепенно обретала.

АПРЕЛЬСКИЙ КРИЗИС

К середине апреля 1917 года русской революции было уже полтора месяца от роду. Все это время не прекращались торжества и ликование. Но постепенно затянувшийся праздник начал производить впечатление болезненного запоя, в котором все яснее проявлялись черты будущего похмелья. Вся страна бросила работать и бесконечно митинговала. Генерал П.Н. Врангель, оказавшийся в это время в Петрограде, вспоминал: «Это была какая-то вакханалия словоизвержения. Казалось, что столетиями молчавший обыватель ныне спешил наговориться досыта, нагнать утерянное время. Сплошь и рядом в каком-либо ресторане, театре, кинематографе, во время антракта или между двумя музыкальными номерами какой-нибудь словоохотливый оратор влезал на стул, начинал говорить. Ему отвечал другой, третий, и начинался своеобразный митинг. Страницы прессы сплошь были заняты речами членов Временного правительства, членов Совета рабочих и солдатских депутатов, речами разного рода делегаций. Темы были всегда одни и те же: осуждение старого режима, апология “бескровной революции”, провозглашение “борьбы до победного конца” (до “мира без аннексий и контрибуций” тогда еще не договорились), восхваление “завоеваний революции”»{180}.

Не прошло и месяца после торжественных похорон жертв революции на Марсовом поле, как столица начала готовиться к празднованию 1 Мая. Ввиду несоответствия старого и нового стилей День международной солидарности трудящихся праздновался «досрочно» — 18 апреля. Погода в этот день выдалась не по-весеннему холодной. Небо затянули серые тучи, дул пронзительный ветер. Неву, уже проснувшуюся было после зимы, вновь затянуло тонким льдом.

Несмотря на это, с утра на улицах Петрограда появилось множество людей. Около полудня на Марсовом поле состоялись главные торжества. Огромная площадь была забита народом, то там, то тут военные оркестры играли «Марсельезу», чередуя ее с оперными и балетными мотивами. В разных концах были расставлены грузовики, задрапированные красной материей и служившие импровизированными трибунами. Вот как увидел происходящее французский посол Морис Палеолог: «Ораторы следуют без конца, один за другим, все люди из народа, все в рабочем пиджаке, в солдатской шинели, в крестьянском тулупе, в поповской рясе, в длинном еврейском сюртуке. Они говорят без конца, с крупными жестами. Вокруг них напряженное внимание;

ни одного перерыва, все слушают, неподвижно уставив глаза, напрягая слух, эти наивные, серьезные, смутные, пылкие, полные иллюзии и греха слова, которые веками прозябали в темной душе русского народа»{181}.

Над толпой виднелись красные знамена. Палеолог насчитал 32 знамени с надписями «Долой войну!», «Да здравствует Интернационал», «Мы хотим свободы, земли и мира». Красными полотнищами были декорированы и официальные здания. Даже вдоль фасада Мариинского дворца, где заседало «буржуазное» Временное правительство, тянулся плакат с надписью «Да здравствует Третий Интернационал»{182}. Это особенно любопытно, поскольку создание нового, третьего по счету Интернационала было лозунгом партии большевиков. В первые недели революции большевики не представляли собой заметной силы. Но после того как в начале апреля в Петроград из-за границы вернулся Ленин, большевистская агитация становится все более громкой и агрессивной. Если раньше при упоминании Ленина вспоминался прежде всего популярный драматический актер, то теперь в глазах одних он постепенно превращался в надежду революции, для других — в главного ее врага.

Других развлечений, кроме выступлений разномастных ораторов и концертов, где музыкальные номера терялись среди все тех же политических речей, революционная столица предложить не могла. Один из современников записал в этот день в дневнике: «Все заперто, словно на город напала чума, — кино, рестораны, театры, — негде не то что повеселиться — перекусить… Трамы не ходят, так что ходи пешком по необъятному Питеру»{183}. Впрочем, желающие могли найти выход и в этой ситуации. С началом войны в России была официально запрещена торговля спиртными напитками. Но нелегальное потребление алкоголя и производство всевозможных суррогатов не прекращались, несмотря на запреты. Со времени же переворота торговля спиртным шла почти открыто. Революционный праздник был хорошим поводом для того, чтобы отметить его привычным образом. Очевидцы вспоминали, что в тот вечер пьяных на улицах Петрограда было особенно много.

На следующий день город отдыхал от утомительных праздников, а еще через день, 20 апреля, затишье взорвалось новым накалом эмоций. В этот день в газетах была опубликована нота министра иностранных дел П.Н. Милюкова, адресованная правительствам союзных держав. Появление ее было вызвано распространившимися в европейских столицах слухами о намерении России заключить сепаратный мир. Нота категорически опровергала их и подтверждала готовность

Временного правительства соблюдать все ранее принятые союзнические обязательства.

В этих заявлениях не было ничего принципиально нового. По сути, обо всем этом уже говорилось в декларации Временного правительства от 27 марта 1917 года, не вызвавшей своим появлением никаких вопросов. Но за прошедшие с того времени три недели изменилась сама политическая атмосфера. Между правительством и руководством Петроградского Совета углублялись недоверие и взаимные подозрения. В ноте Милюкова содержались слова о том, что после окончания войны Россия и союзники «найдут способ добиться тех гарантий и санкций, которые необходимы для предотвращения новых кровавых столкновений в будущем»{184}. Левые увидели в этом завуалированный намек на подтверждение тех планов территориального передела, которые были разработаны еще прежним режимом. Между тем для социалистической пропаганды лозунг «мир без аннексий и контрибуций» был одним из символов веры. Посягательство на него вызвало крайне бурную реакцию.

Уже с утра 20 апреля на улицах Петрограда стали возникать стихийные митинги сторонников и противников Милюкова. После полудня стало известно о том, что Финляндский полк в полном составе и с оружием в руках направляется к резиденции правительства. Солдаты несли с собой знамена и плакаты с лозунгами «Долой захватную политику», «В отставку Милюкова и Гучкова». Сами солдаты скорее всего и не разобрались бы в сложном языке дипломатических заявлений, но нашелся человек, который объяснил им все что нужно. Прапорщик Ф.Ф. Линде, недоучившийся студент-математик, меньшевик-интернационалист по партийной принадлежности, встал во главе колонны, направившейся свергать «министров-капиталистов». Нет сомнений в том, что Линде был искренен в своих побуждениях, но брошенная им искра едва не разожгла гражданскую войну.

Толпа солдат и рабочих окружила Мариинский дворец, не зная, что министров там нет. Заседание кабинета проходило в это время в особняке на Мойке, где располагалась квартира болевшего в те дни военного министра Гучкова. Перед концом заседания в комнате появился Корнилов. Он доложил, что в городе происходит вооруженное выступление против правительства, но командование округа располагает достаточными силами, способными навести порядок. Корнилов просил от правительства официальной санкции на применение силы. Последовало общее молчание, никто из министров не хотел высказываться первым. Наконец встал министр торговли и

промышленности А.И. Коновалов. «Александр Иванович, — сказал он, обращаясь к Гучкову. — Я вас предупреждаю, что первая пролитая кровь — и я ухожу в отставку»{185}. В том же духе высказались и другие присутствовавшие. Керенский в обычной для него патетической манере подвел итог: «Наша сила заключается в моральном воздействии, в моральном влиянии, и применить вооруженную силу значило бы выступить на прежний путь насильственной политики, что я считаю невозможным»{186}.

Но далеко не все министры были единодушны в непротивленческом настрое. За применение силы категорически стоял Гучков. Ему вполне сочувствовали и министры-кадеты. Позднее один из них, министр путей сообщения Н.В. Некрасов, рассказал в интервью журналистам, что в период кризиса его сотоварищи по партии внесли на обсуждение правительства предложение об избрании диктатора с неограниченными полномочиями. «Мы, — вспоминал Некрасов, — желая сохранить преемственность власти, остановились на возможном исходе — создать личную диктатуру». Это же подтверждают слова другого видного кадета В.Д. Набокова, в ту пору — управляющего делами Временного правительства: «Если бы у нас была бы хоть одна дивизия в руках, мы бы попробовали».

События, происходившие в городе, казалось бы, укрепляли позицию сторонников жестких решений. Вечером на площади у Мариинского дворца, где в это время шло совещание министров с представителями Петроградского Совета, солдат и рабочих сменила многолюдная демонстрация в поддержку правительства. Появившийся на балконе дворца Милюков был встречен овациями и криками «ура!». Обращаясь к собравшимся, он сказал: «Граждане! Когда я узнал про демонстрацию с лозунгами “долой Милюкова”, я боялся не за Милюкова. Я боялся за Россию. Если бы этот лозунг выражал настроение большинства граждан, то что скажут наши союзники, что сообщили бы союзным державам мои товарищи — послы иностранных держав в Петрограде? Они сегодня послали бы телеграфные извещения своим правительствам, что Россия изменила союзникам, что она вычеркнула себя из списка держав, воюющих за свободу и за уничтожение милитаризма. Временное правительство не может встать на такую точку зрения… Как и я, оно будет защищать то положение, при котором никто не смеет упрекнуть Россию в измене. Россия никогда не согласится на сепаратный мир, на мир позорный. И мы ждем вашего доверия, которое явится тем попутным ветром, который двинет в путь наш корабль. Я надеюсь, что вы нам этот ветер устроите…»{187}

Если бы Милюков действительно хотел скорейшего

преодоления кризиса, он должен был бы избегать любых высказываний, способных накалить обстановку. Сейчас же он фактически призвал своих сторонников выйти на улицу. Создается впечатление, что и левые и правые в равной мере были заинтересованы в эскалации конфликта. Атмосфера в Петрограде сгущалась. На следующий день, 21 апреля, центральные улицы города вновь были запружены манифестантами. Сторонники и противники правительства перемешались, создавая тем самым взрывоопасную смесь. На Невском у пересечения с Михайловской и Садовой в толпе прозвучали выстрелы. Было ранено, по разным данным, от пяти до семи человек. Генерал Врангель, ставший очевидцем этих событий, вспоминал: «Во время столкновения я находился как раз в “Европейской” гостинице. Услышав первые выстрелы, я вышел на улицу. Толпа в панике бежала к Михайловской площади, нахлестывая лошадей, скакали извозчики. Кучка грязных, оборванных фабричных в картузах и мягких шляпах, в большинстве с преступными, озверелыми лицами, вооруженные винтовками, с пением “Интернационала” двигалась посреди Невского. В публике кругом слышались негодующие разговоры — ясно было, что в большинстве решительные меры правительства встретили бы только сочувствие»{188}.

Известия о вооруженных столкновениях в городе заставили Корнилова действовать решительно. Главнокомандующий направил приказ начальнику Михайловского артиллерийского училища, предписывавший вывести две батареи на площадь перед Мариинским дворцом. Но солдатский комитет училища отказался выполнить этот приказ без санкции исполкома Совета, а начальник и старшие офицеры не решились действовать вопреки позиции комитета. В любом случае, приказ не остался тайной, и о Корнилове заговорили и политики, и обыватели.

В левых кругах Корнилова обвиняли в попытке военного переворота. Но если таковая попытка и имела место, то инициатором ее был не Корнилов. В то время он еще не был самостоятельной политической фигурой, способной стать «лицом» переворота. Показательно, что поступок Корнилова не вызвал наказания со стороны правительства, хотя оно накануне и отказалось санкционировать применение силы.

Позднее Гучков признал, что в апрельские дни Корнилов действовал по прямому его указанию.

Гучков раньше многих пришел к мысли о неизбежности силовых мер. Уже будучи в эмиграции, он вспоминал: «Весь план мой заключался в том, чтобы ликвидировать Совет рабочих и солдатских депутатов. Я думал, что если бы нам удалось

образовать единую, свободную, ответственную перед самой собой, а не перед другими, твердую правительственную власть, то даже при всей разрухе, которая охватывала страну и фронт, шансы навести порядок были. Надо было какое-то очень кровавое действие, расправа должна была быть»{189}. По словам Гучкова, с ним был солидарен и Милюков. Однако большинство других членов Временного правительства переворот не приняли бы. Надо сказать, что колебался и сам Гучков, не зная, как отнесется страна к новому пролитию крови.

Удивительно, но поведение Корнилова было сравнительно спокойно воспринято и руководством Петроградского Совета. 21 апреля, в разгар конфликта, Совет выпустил воззвание, в котором говорилось, что любые распоряжения о выводе воинских частей на улицы города должны быть санкционированы исполкомом и подписаны не менее чем двумя его членами. В знак протеста против такого вмешательства в его компетенцию Корнилов подал на имя военного министра прошение об отставке. В нем он писал: «Находя, что таковым обращением исполнительный комитет принимает на себя функции государственной власти и что я при таком порядке никоим образом не могу принять на себя ответственность ни за спокойствие в столице, ни за порядок в войсках, я считаю необходимым просить вас об освобождении меня от обязанностей главнокомандующего войск Петроградского военного округа»{190}.

Но обе стороны не стали усугублять конфликт. Уже 26 апреля было опубликовано новое сообщение, в котором от имени исполкома говорилось о том, что руководство Совета действует в полном контакте с командованием округа. «В штаб округа еще до событий последних дней, в согласии с генералом Корниловым, были посланы постоянные комиссары исполнительного комитета — в целях взаимодействия и контакта. Эти комиссары имеют целью согласовать действия исполнительного комитета и генерала Корнилова в отношении регулирования политической и хозяйственной жизни воинских частей»{191}. Удовлетворившись этим «разъяснением», Корнилов взял прошение об отставке обратно.

По словам Гучкова, Корнилов уговаривал его одобрить делегирование представителей Совета в штаб Петроградского военного округа. «Он очень настаивал на том, чтобы согласиться, считая, что сумеет сговориться с лицами, которые командированы». Впрочем, всего через четыре дня, 30 апреля 1917 года, Корнилов все же покинул свой пост. Формальной причиной этого стал отказ одной из рот все того же Финляндского полка подчиниться его приказу. В такой ситуации

либо должна была быть расформирована мятежная рота, либо уйти сам главнокомандующий, причем для правительства было проще принять последний выход.

Но, вероятнее всего, уход Корнилова был связан с отставкой Гучкова. В это время активно велись переговоры между Временным правительством и исполкомом Петроградского Совета, закончившиеся образованием коалиционного кабинета. Гучков не захотел заседать вместе с министрами-социалистами, да и для них он был слишком одиозной фигурой. В новом составе правительства пост военного министра занял А.Ф. Керенский. Однако еще до своей отставки Гучков успел позаботиться о Корнилове. Он попытался добиться назначения Корнилова на должность главнокомандующего Северным фронтом. В этом случае предполагалось позднее добиться подчинения командованию фронта петербургского гарнизона. Речь шла, таким образом, о реализации в несколько измененном виде первоначального плана, предполагавшего «растворение» распропагандированных гарнизонных полков среди фронтовых частей.

Но против назначения Корнилова неожиданно выступил Верховный главнокомандующий генерал М.В.Алексеев. Свидетелем этого эпизода стал генерал А.И. Деникин, позже подробно рассказавший о нем. Гучков вызвал Алексеева к прямому проводу в том момент, когда он принимал французскую делегацию. Деникин вспоминал: «Так как генерал Алексеев оставался на заседании, а больной Гучков лежал в постели, то переговоры, в которых я являлся посредником, были чрезвычайно трудны, и технически и по необходимости, ввиду непрямой передачи, облекать их в несколько условную форму. Гучков настаивал, Алексеев отказывался. Не менее шести раз я передавал их реплики, сначала сдержанные, потом повышенные»{192}.

Гучков говорил о том, что командовать наиболее разложившимся Северным фронтом должен человек твердый и решительный. В этом смысле, по его мнению, Корнилов был лучшей кандидатурой. Гучков не рискнул доверить телеграфной ленте свои планы и лишь намекнул на некие «политические возможности», в преддверии которых Корнилова желательно было бы иметь под рукой. На все эти аргументы Алексеев ответил категорическим отказом. «Политические возможности» он обошел молчанием, а сослался на то, что своей очереди ждут много генералов, старше Корнилова по производству и заслугам. Алексеев заявил, что до сих пор Корнилову приходилось командовать только дивизией, так как его недолгое пребывание во главе XXV корпуса имело место в условиях передышки на

фронте.

Несмотря на все уговоры, Алексеев оставался непреклонен. Когда на следующий день из Петрограда пришла официальная телеграмма по поводу назначения Корнилова, Алексеев ответил, что он категорически не согласен, а если это назначение все-таки состоится, то он немедленно подает в отставку. Деникин вспоминал: «Никогда еще Верховный главнокомандующий не был так непреклонен в сношениях с Петроградом. У некоторых, в том числе у самого Корнилова, как он мне впоследствии признался, невольно создалось впечатление, что вопрос был поставлен несколько шире, чем о назначении главнокомандующего… что здесь играло роль опасение “будущего диктатора”»{193}.

В позиции Алексеева не могло быть ничего личного. С Корниловым ему, скорее всего, прежде близко сталкиваться не приходилось. Представление Корнилова императору в сентябре 1916 года пришлось на время, когда Алексеев по болезни отсутствовал в Ставке. В роли главнокомандующего Петроградским военным округом Корнилов был подчинен военному министру, а не Алексееву. Скорее всего, реакция Алексеева была обусловлена тем, что Корнилова ему откровенно навязывали сверху. Для Алексеева Корнилов был очередным «вундеркиндом», выскочкой, которые в великом множестве появились уже в первые месяцы революции. Так или иначе, но этот эпизод зародил между двумя генералами взаимную неприязнь, потом не раз проявлявшуюся очень заметно.

В итоге Гучков уступил. Позже он вспоминал, что в других условиях попытался бы настоять на своем. Однако, предвидя в ближайшие дни свою отставку, он решил не рисковать уходом еще и Алексеева. Корнилов получил под командование 8-ю армию, входившую в состав Юго-Западного фронта. Но показательно, что Гучков ради Корнилова был готов идти на конфликт с Верховным главнокомандующим. Это означало, что те силы, которые ориентировались на военный переворот, обратили внимание на Корнилова. Для Корнилова начинался новый этап в его военной и политической карьере.

«ПОДПОЛЬЕ» И «НАДПОЛЬЕ»

С каждым месяцем, с каждой новой неделей революция раскалывала Россию. Политическим выразителем той части населения страны, кого пугала нарастающая анархия, стала партия кадетов. В последние годы существования российской монархии конституционно-демократическая партия (она же «Партия народной свободы») была крупнейшей парламентской оппозицией. При этом обе стороны, власть и оппозиция, играли по правилам, хорошим или плохим, но привычным. Теперь, когда правила изменились, кадеты оказались к этому абсолютно не готовы.

Именно отчаянной попыткой сохранить эти правила, а отнюдь не коварными антинародными замыслами, было продиктовано стремление кадетского руководства остановить революцию на стадии конституционной монархии. Сообщая в день отречения императора американским корреспондентам о предполагаемом регентстве великого князя Михаила, Милюков особо подчеркнул: «Таково наше решение и изменить его мы считаем невозможным»{194}. В те дни Милюков категорически высказывался за вступление Михаила на престол, ставя это условием своего вхождения во Временное правительство. Сохранение трона, будь на нем любой из Романовых, не могло бы пройти безболезненно для страны. По словам другого представителя кадетского руководства, для этого «потребовались бы очень решительные действия, не останавливающиеся перед кровопролитием, перед арестом Исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов, перед провозглашением, в случае попыток сопротивления, осадного положения»{195}. Это понимал и Милюков, когда, уговаривая Михаила принять корону, он заверял, что «вне Петрограда есть полная возможность собрать военную силу для защиты великого князя»{196}.

Для российского либерала смириться с необходимостью применения насилия было уже поступком (впрочем, Милюкову это было сделать проще, чем многим его сотоварищам). Еще большим поступком было бы осуществить это на практике. Кадеты сделали первый шаг, но на второй у них решительности не хватило. Куда проще оказалось превратиться из монархистов в республиканцев. Через неделю после отречения Михаила пленарное заседание кадетского ЦК с участием представителей думской фракции одобрило резолюцию, предлагавшую изменить соответствующий параграф партийной программы в смысле признания необходимости установления демократической

республики.

25 марта 1917 года в Петрограде в помещении Михайловского театра открылся VII чрезвычайный съезд кадетской партии. Первый же день его работы был целиком посвящен вопросу о форме государственного правления. С докладом от имени ЦК выступил Ф.Ф. Кокошкин, профессор-юрист, считавшийся в партии главным специалистом по конституционному праву. В своей речи он подчеркнул, что кадеты «никогда в своем большинстве не считали монархию, хотя бы и парламентарную, наилучшей формой правления». Выступления делегатов с мест продемонстрировали полное преобладание республиканских настроений. В итоге обсуждения съезд принял по докладу Кокошкина резолюцию, изменявшую соответствующий параграф программы. Отныне он должен был звучать следующим образом: «Россия должна быть демократической парламентарной республикой».

Замена монархического лозунга на республиканский дала возможность сближения кадетов с умеренными социалистами. Дотоле контакты кадетов с левыми были кратковременными и эпизодическими. Сейчас же блокирование с левыми было для партии вопросом выживания. В мартовские дни 1917 года Россия словно сошла с ума. Красные флаги заполонили грады и веси. В такой ситуации кадеты с их зеленым знаменем имели реальный шанс оказаться на обочине большой политики. 23 марта член кадетского ЦК журналистка А.В. Тыркова записала в своем дневнике: «Генералы у нас есть, а армии нет. У левых армия огромная, но нет ума в центре»[{197}]. В этих словах содержалась вся суть «левой ориентации» кадетов. Кадеты претендовали на лидирующую роль по отношению к социалистически настроенной «безглавой» массе, даже если ради этого пришлось бы маршировать под красным флагом.

Подчас это внешнее «покраснение» производило впечатление чрезмерности. Делегаты VII съезда — «приличные пиджачные пары и сюртуки, благообразные физиономии, выразительные лбы и лысины»[{198}] — по закрытии последнего заседания хором пропели «Вы жертвою пали». 28 марта депутация делегатов возложила венок с красно-зеленой лентой на братскую могилу жертв революции. Далеко не всегда это делалось искренне. Как вспоминал позднее редактор кадетской газеты «Речь» И.В. Гессен, славословя революцию, ему чаще всего «приходилось попросту кривить душой»[{199}].

Главная проблема была в том, что социалистические партии вовсе не собирались отдавать армию своих приверженцев под начало «генералов-кадетов». Более того, в левой прессе нападки

на кадетов стали хорошим тоном. После свержения монархии кадеты стали единственной несоциалистической партией из оставшихся на политической арене и должны были за это платить. В массовом восприятии формировался карикатурный облик кадета — буржуя и империалиста. В те дни была популярна следующая частушка:

Глазки черны, ручки белы,
На ногах штиблеты.
Если хочешь Дарданеллы —
Запишись в кадеты.

Дарданеллы были здесь не самым страшным, а вот штиблеты и белые руки обладатели сапог и лаптей кадетам вряд ли бы простили.

Вполне возможно, что уже тогда в поле зрения кадетского руководства попал Корнилов. Однако у нас нет свидетельства того, что кадетские лидеры пытались в то время наладить прямой контакт с командующим Петроградским военным округом. Российские либералы привыкли строить политические комбинации и в новых условиях были не готовы к жестким решениям. Единственное, что они могли сделать, — это подготовить к таким решениям общественное мнение.

Кадеты были своего рода «надпольем», но в это же время начинает формироваться и новое, рожденное революцией «подполье». Это слово следует взять в кавычки, поскольку нелегальный статус такового «подполья» был весьма относителен. Его участники не прятались по конспиративным квартирам, но и не слишком афишировали свою деятельность. Одной из таких организаций стало «Общество экономического возрождения России». У истоков его стояли крупнейшие тогдашние финансисты А.И. Путилов и А.И. Вышнеградский.

Через двадцать лет после этих событий, уже будучи в эмиграции, Путилов рассказывал: «Временное правительство проявляло такую слабость, что опасность слева становилась для нас несомненной». У руководителей крупнейших российских банков состоялся обмен мнениями по этому вопросу. Решено было создать общество, для того чтобы подготовить избрание в будущее Учредительное собрание «умеренных буржуазных кандидатов». «Задача настолько была очевидна, — вспоминал Путилов, — что на нашу инициативу откликнулись все банковские, промышленные и страховые круги»{200}.

С мая 1917 года задуманное дело возглавил ушедший в отставку Гучков. В короткий срок на агитационные цели было

собрано 4 миллиона рублей. Деньги были положены на счетах в Русско-Азиатском, Азовско-Донском и Международном Сибирском банках (все эти три банка принадлежали Путилову). Гучков потратил полмиллиона на выпуск агитационных брошюр и листовок, однако заметных результатов это не приносило. Путилов рассказывал об этом: «Думали мы, грешным делом, что ничего путного из пропаганды не выйдет. Что могло выйти, когда мы должны были говорить о “войне до победного конца”, а большевики возглашали “мир без аннексий и контрибуций”?»

Об Учредительном собрании больше не вспоминали — созыв его откладывался на неопределенное время, а до той поры могло случиться все. У Гучкова были другие идеи. Спустя пятнадцать лет он сам рассказал об этом: «С самого начала я подумал, что без гражданской войны и контрреволюции мы не обойдемся, и в числе лиц, которые могли бы возглавить движение, мог бы быть Колчак. Я думал и о Гурко, об Алексееве, но меньше, а Колчак представлялся мне подходящей фигурой…»{201} Но планы эти получили продолжение уже в другом антураже.

В начале мая 1917 года в Петрограде возникла новая организация, поставившая перед собой те же цели, что и группа Путилова — Гучкова, — «Республиканский центр». Название это было выбрано чисто случайно и не отражало характера ее деятельности. Как вспоминал потом один из ее основателей, «в Республиканском центре разговоров о будущей структуре России не поднималось; казалось естественным, что Россия должна быть республикой, отсюда и пошло название…»{202}. По своему составу «Республиканский центр» был крайне пестрым. Вступающих в организацию не спрашивали о тонкостях партийных доктрин, главным было неприятие большевизма и стремление сохранить Россию единой и сильной.

Месяцем позже в составе «Республиканского центра» возникла военная секция во главе с полковником Л.П. Дюсиметьером. Военный летчик по специальности, он привлек к работе организации своих сослуживцев из Главного управления военно-воздушного флота. Среди них был капитан В.Л. Покровский, с которым Корнилову год спустя придется столкнуться в дни боев на Кубани. Военная секция «Республиканского центра» объединила вокруг себя около десятка мелких офицерских организаций.

С деньгами у центра проблем не было: в числе его учредителей были весьма состоятельные люди. Не исключено, что «Республиканский центр» имел контакты и с «Обществом экономического возрождения России». Во всяком случае, среди основателей центра был ближайший сотрудник Путилова Ф.А.

Липский. Первоначально заявленной целью «Республиканского центра» была помощь Временному правительству через «организацию общественной поддержки путем печати, собраний и проч».. Однако июльские события побудили к пересмотру этого курса.

Как прежде Гучков, а может быть, и с прямой подачи Гучкова, руководство «Республиканского центра» обратило свой взор на адмирала А.В. Колчака. В начале июля, когда Колчак, с шумом покинувший пост главнокомандующего Черноморским флотом, приехал из Севастополя в Петроград, он получил приглашение на приватную встречу. После этого Колчак стал регулярно бывать на заседаниях центра, но эти контакты прервались после его отъезда за границу.

По некоторым, впрочем, непроверенным, сведениям, на первом заседании «Республиканского центра» присутствовал и Корнилов. Это вызывает сомнения, поскольку расходится с датой отъезда Корнилова из Петрограда. В любом случае, кандидатура Корнилова на роль вождя, способного привести страну к порядку, весной 1917 года еще всерьез не рассматривалась. Безусловно, Корнилов уже тогда обладал известностью, но не следует преувеличивать ее масштабы. Побег из плена остался в прошлом, а деятельность Корнилова на посту главнокомандующего Петроградским военным округом в масштабе страны осталась почти не замеченной. Тот генерал Корнилов, каким он остался в истории русской революции, мог и не состояться. Будущий вождь, какое бы имя он ни носил, нуждался в славе, а славу эту можно было получить только на войне.

ОФИЦЕРСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ

Мировая война привела к существенным изменениям в составе офицерского корпуса русской армии. Острая нехватка младшего и среднего командного состава побудила ввести ускоренный курс в военных училищах и создать специальные школы прапорщиков. Единственным критерием при отборе туда было наличие образования хотя бы на уровне четырехклассного городского училища. В результате офицерский корпус пополнился представителями тех кругов, которым в прежнее время проникнуть туда было невозможно.

Именно выходцы из средних городских слоев, крестьян, рабочих составляли ко времени революции абсолютное большинство офицеров. В просторечии их называли «штабс-капитанами», так как это был тот чин, до которого к 1917 году мог дослужиться офицер, начавший войну прапорщиком. Всего же численность офицерского корпуса к тому времени составляла от 250 до 300 тысяч человек{203}.

В большинстве своем «штабс-капитаны» не имели никаких оснований для благоговения перед монархией и потому известия о революции они встретили с радостью. Но революция уже с первых дней продемонстрировала и свои страшные стороны. «Великая и бескровная», как называли ее газеты тех дней, привела к массовым убийствам офицеров в Кронштадте и Гельсингфорсе. Нередкие случаи расправ над офицерами имели место в тыловых гарнизонах и даже на фронте.

Социальный престиж офицерства стал быстро и неуклонно падать. Принято считать, что это было реакцией солдат на жесткую дисциплину предыдущей поры. Бесспорно, свобода, воспринятая как вседозволенность, сделала свое дело. Но не солдаты писали уже упоминавшийся «приказ № 1». Он категорически запрещал выдачу оружия офицерам без согласия солдатских комитетов и тем самым огульно ставил под подозрение все офицерство как таковое. Авторы приказа — социалисты из исполкома Петроградского Совета были вполне образованными и интеллигентными людьми.

Русская радикальная интеллигенция всегда с полупрезрением относилась к офицерству. К тому же жила она в книжном мире, переполненном ассоциациями с Великой французской революцией. В результате офицерство, еще не успевшее провиниться ни в чем, заранее было объявлено «опорой контрреволюции». Стоит ли после этого удивляться тому, что Керенский и иже с ним вызывали в офицерской среде ненависть

не меньшую, чем большевики?

Офицерство по природе своей особенно болезненно воспринимало развал армии. Виновных в этом не нужно было искать — это были все те же политиканы и агитаторы во главе с Керенским. Таким образом, помимо своего желания офицерство действительно превращалось в силу, ратовавшую за восстановление твердой власти. Нельзя, разумеется, преувеличивать степень консолидации внутри офицерского корпуса. Часть офицеров попыталась «демократизироваться», в той или иной мере удачно. На практике это выражалось в заигрывании с солдатами, стремлении взять на вооружение демагогию и революционную фразу. Другая, тоже немалая, часть самоустранилась от происходящего и искала лишь законных путей для дезертирства. Но были среди офицеров и те, кто твердо решил бороться с анархией.

В середине апреля 1917 года двое офицеров Ставки — полковники Д.Н. Лебедев и В.М. Пронин выступили с инициативой создания общеармейского офицерского союза. Они доложили о своем замысле начальнику штаба генералу Деникину, который, выслушав их идею, направил их к Верховному главнокомандующему генералу Алексееву. Как ни странно, поначалу этот замысел вызвал неприятие и у Алексеева, и со стороны многих представителей самого же офицерства. Основное возражение основывалось на том, что созданием союза будет внесен еще больший раскол между офицерством и солдатами. Принципиально выступая против солдатских комитетов, главное командование не могло согласиться с образованием комитетов офицерских.

Однако быстро меняющаяся ситуация заставила Алексеева переменить свое мнение. Явочным порядком, легально или полулегально, офицерские организации стали возникать уже с середины марта. Это ставило вопрос о том, кто будет контролировать стихийно начавшееся движение. Одна из действовавших к этому времени организаций — петроградский офицерский совет — объявила о созыве на начало мая Всероссийского съезда офицерских депутатов, военных врачей и чиновников. Зная имена инициаторов этого дела, можно было предположить, что решения предстоящего собрания будут выдержаны в социалистическом духе. Учитывая это, Алексеев дал согласие на проведение в Могилеве альтернативного съезда.

В первых числах мая в Могилев съехались 297 делегатов, на три четверти представлявших фронтовое офицерство. Торжественное открытие съезда состоялось 7 мая 1917 года в помещении городского театра. На первом же заседании

председателем был избран полковник Л.Н. Новосильцев, командир 10-й Отдельной тяжелой батареи. Как недавний депутат Думы, представлявший в парламенте кадетскую партию, он был человеком, искушенным в политике.

Съезд открылся речью генерала Алексеева. В ней впервые прозвучало то, что уже понимали многие: «Россия погибает. Она стоит на краю пропасти. Еще несколько толчков вперед, и она всей тяжестью рухнет в эту пропасть». Закончил Алексеев свое выступление словами: «Мы все должны объединиться на одной великой платформе: Россия в опасности. Нам надо как членам великой армии спасать ее. Пусть эта платформа объединит вас и даст силы к работе»{204}.

За время своей работы с 7 по 22 мая съезд провел 13 пленарных заседаний, плюс к тому заседания комиссий и частные заседания, не имевшие официального характера. На одном из них выступил известный всей России крайне правый думский депутат В.М. Пуришкевич. В свое время популярность ему создали скандальные выступления с парламентской трибуны, а еще больше — участие в убийстве Распутина. У Пуришкевича и раньше были связи в офицерской среде (в мировую войну он заведовал одним из санитарных поездов и неоднократно выезжал на фронт). Есть сведения о том, что созданное им в 1917 году «Общество русской государственной карты» объединило вокруг себя значительное количество офицеров. Но это отнюдь не следует считать доказательством массового распространения среди офицерства монархических идей. На могилевском съезде сам Пуришкевич позиционировал себя как революционера, говоря о том, что это именно он убийством «старца» подал сигнал к перевороту.

За два дня до окончания работы съезда в Могилев прибыл военный министр Керенский. Свое выступление перед делегатами он построил в обычной для него манере, чередуя пламенные призывы к защите свободы с невнятными угрозами в адрес противников революции. Но на этот раз привычного взрыва экзальтации речь Керенского не вызвала. Участники съезда своим холодным приемом ясно продемонстрировали «вождю российской демократии», что их настроения мало совпадают с его политической линией.

В резолюциях съезда говорилось о необходимости восстановления дисциплины в армии, ликвидации искусственно создаваемой розни между солдатами и офицерами, принятия самых жестких мер против дезертиров и уклоняющихся от боя. Самым же главным результатом было создание Союза офицеров армии и флота. Председателем Главного комитета союза был

избран полковник Новосильцев, его заместителями — полковники Пронин и Сидорин. Местом пребывания Главного комитета был избран Могилев. Это было принципиально важно. Делая выбор между Могилевом и Петроградом, руководители союза давали понять, что в намечающемся противостоянии Временного правительства и Ставки новая организация свою позицию определяет однозначно.

Отделы и подотделы Союза офицеров создавались при штабах крупных частей и соединений, в тыловых гарнизонах и округах. По сути дела, возникала разветвленная сеть, способная в кризисной ситуации сыграть очень важную роль.

Однако при этом надо помнить, что Союз офицеров, будучи организацией легальной, открыто свою антиправительственную позицию ни в чем не выражал. Союз готов был поддержать авторитетного лидера, выступившего бы с лозунгами наведения порядка, но сам провоцировать подобное выступление не стал.

Другой вопрос, что большая часть руководителей союза совершенно ясно склонялась к идее установления в стране твердой власти. В начале июня Новосильцев, Сидорин и еще один член Главного комитета — капитан Кравченко тайно прибыли в Москву. Здесь на квартире члена кадетского ЦК князя П.Д. Долгорукова состоялась их встреча с московскими кадетами. Московский отдел был самым сильным и влиятельным в кадетской партии, по сути, именно его позиция определяла партийную линию. Однако встреча эта представителей Главного комитета разочаровала. Новосильцев вспоминал, что его собеседники готовы были поддержать переворот, но уклонялись от какого-либо участия в его подготовке{205}.

В поисках единомышленников Новосильцев и Сидорин выехали в Петроград. Здесь они встречались с Милюковым, Родзянко и некоторыми другими политиками меньшего масштаба. У Милюкова визитеры из Могилева не вызвали энтузиазма. Он явно не верил в затею с военным переворотом, хотя от сотрудничества в будущем и не отказался. Родзянко проявил большую заинтересованность и даже назвал фамилию Брусилова в качестве возможного кандидата на роль военного диктатора. Новосильцев и Сидорин, знавшие, что Брусилов сделал ставку на Керенского, отнеслись к этому варианту скептически. Их более привлекал Колчак. Короткая встреча с Колчаком еще более утвердила их в этом мнении. В Ставку посланцы Главного комитета возвращались, уже имея определенное видение будущего.

Идея военной диктатуры, что называется, витала в воздухе. К этому склонялись руководители большинства офицерских

организаций. Одна из таких групп, действовавших помимо Союза офицеров, была создана в Петрограде в мае 1917 года по инициативе генерала П.Н. Врангеля и полковника А.П. Палена. В своих мемуарах Врангель рассказал об этом так: «В помощь нам мы привлекли нескольких молодых офицеров. Нам удалось раздобыть кое-какие средства. Мы организовали небольшой штаб, прочно наладили связь со всеми военными училищами и некоторыми воинскими частями, расположенными в столице и пригородах, организовали рад боевых офицерских дружин. Работу удалось поставить отлично. Был разработан подробный план занятия важнейших центров города и захвата всех тех лиц, которые могли бы оказаться опасными»{206}.

Кандидатом на роль будущего военного диктатора, по мнению Врангеля, мог бы быть командующий 9-й армией генерал П.А. Лечицкий, незадолго до этого смещенный со своего поста. Однако Лечицкий отказался от сделанного ему предложения. Тогда Врангель нашел выход на находившегося в те дни в Петрограде ординарца Корнилова В.С. Завойко. Их встреча состоялась на квартире Завойко, жившего на набережной Фонтанки у Семеновского моста. Врангель вспоминал: «Завойко произвел на меня впечатление весьма бойкого, неглупого и способного человека, в то же время в значительной мере фантазера. Мы говорили очень мало, почти все время говорил сам Завойко. С моими мыслями он согласился с первых слов. По его словам, так же смотрел на дело и генерал Корнилов»{207}. По протекции Завойко один из членов организации Врангеля — поручик И.П. Шувалов был зачислен в штаб Корнилова.

Сам Врангель через какое-то время получил назначение на фронт, и во главе организации остался граф Пален. Но контакты между петроградским подпольем и штабом Корнилова после этого не прекратились. Более того, они стали еще прочнее. Поручик Шувалов вошел в состав руководства «Республиканского центра», и, таким образом, вся необходимая информация могла накапливаться у заинтересованных лиц.

Обратим внимание на важное обстоятельство. Весной и в начале лета 1917 года военную диктатуру определенно поддерживало только офицерское «подполье». «Надполье», в лице политических партий и их вождей, занимало позицию более осторожную. Вероятно, главной причиной этого было то, что у сторонников диктатуры не было популярного лидера. Не случайно в обойме возможных кандидатов на роль диктатора фигурировало до десяти человек. Корнилов среди них был далеко не первым. Недавний командующий столичным округом только что прибыл на фронт, где ему еще предстояло доказать, на что он

способен.

ВОСЬМАЯ АРМИЯ

За два года мировой войны численность русской армии достигла гигантских размеров. Почти десять миллионов солдат и офицеров находились на фронте, еще более полутора миллионов — в тылу. Именно в тылу, в резервных полках и запасных батальонах, началось разложение, быстро докатившееся и до фронта. Начало этому положил уже упоминавшийся «приказ № 1». Формально он относился только к частям петроградского гарнизона, но фактически уже в марте 1917 года действие его распространилось на всю армию и флот.

Повсеместно возникли солдатские комитеты, пытавшиеся взять под контроль не только быт солдат, но и принятие оперативных решений. Обычным делом стали случаи, когда батальон или полк отказывались выполнять приказы командования. На передовой началось братание, то есть несанкционированные контакты солдат с противником. Надо сказать, что немцы охотно играли на стремлении русских солдат к миру. Как правило, инициатива братаний исходила именно с немецкой стороны. Такого рода сцены были обставлены как праздники — с оркестрами и угощением, на которое немцы не скупились.

Находилось немало и других желающих использовать настроения солдат в своих целях. В тыловых гарнизонах и фронтовых частях в большом количестве стала распространяться пропагандистская литература. Левые партии, и прежде всего большевики, активно подогревали неприязнь солдат и матросов к офицерству и прочему «начальству». Мы писали, что уже в конце февраля — начале марта в Кронштадте и Гельсингфорсе имели место случаи кровавых расправ над офицерами. В этой ситуации большая часть офицеров проявила растерянность. Кто-то пытался заигрывать с солдатами, кто-то самоустранился от происходящего.

Растерянность царила и в среде высшего генералитета. Через короткое время после отречения царя пост Верховного главнокомандующего занял бывший начальник штаба Ставки генерал М.В. Алексеев. Назначение это в большей мере было продиктовано отсутствием других кандидатур, нежели оптимальным выбором. Шестидесятилетний генерал Алексеев был штабным работником самого высокого уровня, но не обладал теми чертами характера, которые необходимы были для того, чтобы объединить разваливающуюся армию. «Сутуловатый, с косым взглядом из-под очков, вправленных в простую

металлическую оправу, с несколько нервной речью, в которой нередко были слышны повторяющиеся слова, он производил впечатление скорее профессора, чем крупного военного и государственного деятеля»{208}. При этом, разумеется, Алексеев был искренним патриотом и крайне болезненно воспринимал прогрессирующее разложение фронта.

Ранее уже шла речь о комиссии под началом генерала А.А. Поливанова, задачей которой была разработка мероприятий по «демократизации» армии. Итогом ее работы стала «Декларация прав солдата», представленная в конце апреля 1917 года на одобрение Временного правительства. В восемнадцати ее пунктах провозглашалось право солдат на участие в политических, религиозных, профессиональных организациях и национальных землячествах. Была объявлена свободная печатная пропаганда в армии. Отменялись институт денщиков, отдание чести и телесные наказания. Четырнадцатый пункт гласил: «Никто из военнослужащих не может быть подвергнут наказанию или взысканию без суда. Но в боевой обстановке начальник имеет право, под своей личной ответственностью, принимать все меры, до применения вооруженной силы включительно, против не исполняющих его приказания подчиненных. Эти меры не почитаются дисциплинарными взысканиями»{209}.

Военный министр А.И. Гучков категорически отказался подписать декларацию. Понимая, что ему не избежать давления, он предпочел подать в отставку. Тем не менее текст декларации был разослан для ознакомления главнокомандующим фронтами. 2 мая в Ставке состоялось совещание по этому вопросу. На нем присутствовали Алексеев, начальник его штаба генерал А.И. Деникин, генерал-квартирмейстер Я.Д. Юзефович, генералы А.А. Брусилов, А.М. Драгомиров, В.И. Гурко и Д.И. Щербачев. Деникин вспоминал: «Безысходной грустью и жутью повеяло от всех, спокойных по форме и волнующих по содержанию речей, рисующих крушение русской армии»{210}. Все присутствующие были единодушны в отрицательном отношении к представленному проекту. Главнокомандующий Юго-Западным фронтом генерал А.А. Брусилов выразил общее мнение: «Но все это можно перенести, есть еще надежда спасти армию и даже двинуть ее в наступление, если только не будет издана декларация… Но если ее объявят — нет спасения. И я не считаю тогда возможным оставаться ни одного дня на своем посту»{211}.

Генералы пошли на беспрецедентный шаг, невозможный еще полугодом ранее. Главнокомандующие решили собраться и вместе выехать в Петроград для того, чтобы убедить правительство отказаться от необдуманного шага. Встреча

министров с генералами проходила 4 мая 1917 года. В коротком вступительном слове генерал Алексеев задал тон обсуждения: «Казалось, что революция даст нам подъем духа, порыв, и, следовательно, победу. Но, к сожалению, в этом мы пока ошиблись. Не только нет подъема и порыва, но выплыли самые низменные побуждения — любовь к своей жизни и ее сохранению. Об интересах родины и ее будущем забывается». Выступившие вслед за ним генералы Брусилов, Щербачев и Гурко привели многочисленные примеры нарастающей анархии, развала дисциплины, падения авторитета командования. Но собеседники явно не хотели их понимать. Министры-социалисты Церетели и Скобелев в ответ упрекали высший генералитет в недоверии к политике Совета рабочих и солдатских депутатов. По их мнению, все проблемы в армии происходили от недостаточной ее «демократизации» и потому должны быть сняты «Декларацией прав солдата». Новый военный министр Керенский попытался сгладить конфликт, но никаких уступок со стороны правительства не обещал.

11 мая 1917 года приказом по военному министерству за № 8 «Декларация прав солдата» обрела официальный статус. Несколько позже правительством были введены должности комиссаров армий и фронтов. Назначаться они должны были по согласованию между правительством и Советами и подчиняться Верховному комиссару при Ставке. Комиссары должны были стать посредниками между командованием и войсками, вмешиваться в оперативные вопросы они не имели права. Но многие из комиссаров главной своей обязанностью считали контроль за политической благонадежностью генералитета и потому влезали в любые проблемы, даже лежавшие вне их компетенции.

В середине мая Керенский выехал в поездку по фронтам. Будучи проездом в Могилеве, он демонстративно не счел нужным встретиться с Алексеевым. 22 мая, без всякого предупреждения, Алексеев был отправлен в отставку. Новым Верховным главнокомандующим был назначен генерал А.А. Брусилов. Он был, несомненно, человеком компетентным и авторитетным, но вместе с тем ловко чувствовал конъюнктуру. На совещании в Петрограде Брусилов быстро понял настрой военного министра и удачно на этом сыграл. На новом посту он не уставал подчеркивать свой «демократизм»: здоровался с солдатами за руку, много говорил о революции и свободе. Между тем развал армии продолжался убыстряющимся темпом.

Такова была ситуация в то время, когда Корнилов вступил в командование 8-й армией. Прошло два месяца после того, как он

был отозван с фронта. Корнилов, уставший от своеволия «революционных защитников» Петрограда, возвращался в действующую армию с радостью. Однако здесь ему пришлось столкнуться с похожей картиной: то же самое отсутствие дисциплины, нежелание солдат подчиняться офицерам, политиканство и вражеская пропаганда.

Восьмая армия, одна из четырех армий Юго-Западного фронта, занимала позиции вдоль хребта Карпатских гор. Считалось, что Юго-Западный фронт вообще и восьмая армия в частности сравнительно мало затронуты разложением. Однако уже первые впечатления внушали Корнилову мало оптимизма. Позднее, во время следствия по делу об августовских событиях, он говорил: «Я принял армию в состоянии полного разложения. Благодаря войсковым комитетам, высший командный состав был лишен влияния на войска. Многие генералы и значительная часть командиров полков под давлением комитетов были удалены от занимаемых ими должностей. За исключением немногих частей, братание процветало»{212}.

Более подробный рассказ об этом можно найти в записках капитана (позднее полковника) М.О. Неженцева, занимавшего в ту пору должность в штабе армии. О самом Неженцеве нам предстоит еще говорить отдельно, а пока процитируем его свидетельство: «Знакомство нового командующего с его пехотой началось с того, что построенные части резерва устроили митинг и на все доводы о необходимости наступления указывали на ненужность продолжения “буржуазной” войны, ведомой “милитарщиками”… Когда генерал Корнилов после двухчасовой бесплодной беседы, измученный нравственно и физически, отправился в окопы, здесь ему представилась картина, какую вряд ли мог предвидеть любой воин эпохи.

Мы вошли в систему укреплений, где линии окопов обеих сторон разделялись, или, вернее сказать, были связаны проволочными заграждениями… Появление генерала Корнилова было приветствуемо… группой германских офицеров, нагло рассматривающих командующего русской армией, за ними стояло несколько прусских солдат»{213}.

Корнилов взял у Неженцева бинокль и, поднявшись на бруствер, стал рассматривать окопы противника. На чье-то замечание, что его при этом могут убить, он ответил:

— Я был бы бесконечно счастлив — быть может, хоть это отрезвило бы наших затуманенных солдат и прервало постыдное братание.

На участке соседнего полка Корнилов столкнулся с еще более удивительной сценой. Немецкий военный оркестр громко играл

какие-то марши, а вокруг музыкантов столпились русские солдаты. Корнилов приказал передать собравшимся, что, если они немедленно не разойдутся, он прикажет открыть огонь из орудий. Немцы подчинились и отошли к своей линии окопов, а русские солдаты еще долго митинговали, рассуждая о притеснении «контрреволюционными начальниками» их свободы.

Неженцев вспоминал: «Я молчал, но святые слезы на глазах героя глубоко тронули меня. И в эту минуту я мысленно поклялся генералу, что я умру за него, умру за нашу общую Родину. Генерал Корнилов как бы почувствовал это. И, резко повернувшись ко мне, пожал мою руку и отвернулся, как будто устыдившись своей минутной слабости»{214}.

Неженцев стал первым из тех, кто безоговорочно и навсегда поверил в Корнилова. Отношение Корнилова к Неженцеву тоже было особым. Он не был «любимцем» — генерал никогда не позволил бы себе необоснованно вьщелять кого-либо из подчиненных. Неженцев стал для Корнилова «первым апостолом», живым талисманом, символом удачи. Корнилов вообще верил в судьбу и склонен был во всем видеть ее знаки. Только учитывая это, можно понять его пристрастность к Неженцеву, позднее удивлявшую многих.

Именно Неженцев стал инициатором важного начинания, имевшего далеко идущие последствия. 2 мая 1917 года он подал Корнилову рапорт, озаглавленный «Главнейшая причина пассивности нашей армии и меры противодействия ей». В нем предлагалось приступить к созданию ударных отрядов из числа добровольцев, готовых идти на смерть{215}. Они должны были стать примером для остальных, а в конечном счете превратиться в ядро новой армии, очищенной от разложившихся элементов. Неженцев предлагал создать такой отряд под своим началом.

Это предложение нашло поддержку Корнилова, несмотря на то, что штаб армии отнесся к идее с большим скепсисом. Неженцеву было разрешено вербовать в запасных полках солдат и младших офицеров. Он получил также право подобрать для укрепления отряда шестерых офицеров-фронтовиков на должности командиров рот. Уже к середине мая был сформирован батальон, шефство над которым в торжественной обстановке принял Корнилов.

Последнее обстоятельство заслуживает особого внимания. Сама практика шефства, то есть присвоения воинской части или соединению имени здравствующего лица, была широко распространена в императорской России. В большинстве случаев в роли «шефа» тогда выступали члены царствующей фамилии, и по этой причине шефство исчезло со времени революции.

Возрождение его было показательным, и совсем уж необычно выглядело присвоение батальону имени одного из многих командующих армиями. Это означало, что для некоторых его подчиненных Корнилов стал больше чем командиром. Он превращался в вождя со всеми вытекающими отсюда последствиями, в том числе и для него самого.

Присвоение 1-му ударному батальону имени Корнилова было с подозрением встречено в штабе фронта. Но сама идея формирования добровольческих частей нашла своих подражателей. Примерно в это же время полковник В.К. Манакин представил Брусилову план формирования «революционных батальонов из волонтеров тыла». Эта инициатива получила одобрение, и уже в июле во всех крупных городах страны началась запись добровольцев в «батальоны смерти». В короткий срок создание ударных частей приобрело характер эпидемии. Помимо вновь формируемых батальонов, в ударники записывались уже существующие полки, дивизии и даже корпуса. Началось создание женских батальонов.

Конечно, далеко не все из ударных частей соответствовали первоначально заявленным критериям. Бывали ситуации, когда ударные батальоны отказывались выступать на передовую и начинали по привычке митинговать. В таких случаях они лишались своего статуса. С проблемами пришлось столкнуться даже корниловскому батальону. В июле 1917 года, когда немцы прорвали русский фронт и началось беспорядочное отступление, в одной из рот батальона вспыхнули волнения. Это вызвало резкую реакцию самого Корнилова, но в короткий срок ситуация была взята под контроль. В конце июля батальон был переформирован в полк под командование произведенного к этому времени в полковники М.О. Неженцева.

Надо помнить, что в разряд ударников люди записывались по разным мотивам. Кого-то привлекали красивые слова, кого-то — красивая форма. Неженцев лично разработал для корниловского батальона новые знаки отличия. Батальону было присвоено особое черно-красное знамя. Цветовая символика в данном случае отражала лозунг «Свобода или смерть». Таких же цветов были погоны ударников и нарукавные шевроны. На головном уборе помещалась эмблема в виде черепа и скрещенных костей. Черный и красный цвета фигурировали и в батальонной песне:

В ком есть сознанье ясное
И мужество в груди,
Под знамя черно-красное
К корниловцам иди.

Похожие элементы стали основой для формы других ударных частей. Иногда, правда, увлечение внешней атрибутикой доходило до крайности. Ленты через плечо, многочисленные нашивки и банты делали мундиры ударников похожими на маскарадные костюмы{216}. Однако, если вдуматься, за этим стояло не только наивное стремление к «красоте». Подчеркивая, даже на внешнем уровне, свое отличие от обычных фронтовых частей, ударники стремились утвердиться в статусе новой армии новой России.

Большинство представителей старшего генералитета поначалу с немалыми сомнениями отнеслись к «суррогатам армии», как называл ударные части А.И. Деникин. В разложившейся солдатской среде они вызывали откровенную неприязнь. Деникин вспоминал: «Я видел много раз ударников — и всегда сосредоточенными, угрюмыми. В полках к ним относились сдержанно или даже злобно. А когда пришло время наступления, они пошли на колючую проволоку, под убийственный огонь, такие же угрюмые, одинокие, пошли под градом вражеских пуль и зачастую… злых насмешек своих “товарищей”, потерявших и стыд и совесть»{217}. В немалой мере благодаря именно им последнее наступление русской армии стало вообще возможным.

ПОСЛЕДНЕЕ НАСТУПЛЕНИЕ

Решение о подготовке совместного наступления было принято еще в ноябре 1916 года на конференции с участием представителей России и ее союзников во французском городке Шантильи. Начало операции было намечено на февраль следующего года. Предполагалось, что одновременный удар на востоке и западе сокрушит Германию и приведет к окончанию войны. Однако в феврале 1917 года в России произошла революция, и это спутало все карты.

Быстрое разложение русской армии поставило под вопрос саму возможность наступления. Уже 12 марта, всего десять дней спустя после отречения царя, новый Верховный главнокомандующий генерал М.В. Алексеев писал военному министру, что, по его мнению, «теперь дело сводится к тому, чтобы с меньшей потерей нашего достоинства перед союзниками или отсрочить ранее принятые обязательства, или совсем уклониться от исполнения их. Сила обстоятельств приводит нас к выводу, что в ближайшие четыре месяца наши армии должны были сидеть покойно, не предпринимая решительной, широкого масштаба операции»{218}.

В то же время часть других представителей высшего генералитета, напротив, полагала необходимым ускорить подготовку наступления. Особенно активно эту позицию отстаивал главнокомандующий Юго-Западным фронтом генерал А.А. Брусилов. Он полагал, что активизация боевых действий заставит солдат забыть о политике и тем остановит процесс распада армии. Брусилова поддержал главнокомандующий Западным фронтом генерал В.И. Гурко. Под их влиянием изменил свои взгляды и Алексеев. 30 марта 1917 года он подписал приказ, предписывавший начать подготовку наступления, сроки которого предварительно намечались на первые числа мая. Сроки эти объяснялись расчетом на то, что наступление русской армии будет продолжением наступления союзников на западе, к началу которого Россия просто не успевала.

Апрельские бои во Франции не привели к существенному изменению военной ситуации. По этой причине русское командование вновь приняло решение сдвинуть сроки предполагаемых операций. В конце мая, как мы уже знаем, генерал Алексеев покинул свой пост. Конкретные даты начала наступления были определены в приказе нового Верховного главнокомандующего генерал А.А. Брусилова от 4 июня 1917 года. Начать 12 июня должен был Юго-Западный фронт, десять

дней спустя предполагалось выступление Западного фронта, 1 июля к ним должны были присоединиться Северный и Румынский фронты.

Согласно этим планам главный удар наносился силами Юго-Западного фронта, считавшегося наименее затронутым разложением. В соответствии с этим главнокомандующий Юго-Западным фронтом генерал А.Е. Гутор поставил задачи перед входившими в состав фронта армиями. Основная нагрузка ложилась на 7-ю и 11-ю армии, наступавшие в направлении Львова. Особой армии, расположенной севернее, предписывалось сковать противника и не позволить ему перебросить силы в направлении главного удара.

Возглавляемой Корниловым 8-й армии было поручено прикрывать главные силы с юга. Эта задача носила сугубо вспомогательный характер, что было Корнилову очень не по душе. Он пытался настаивать на перенесении основного удара в предгорье Карпат, мотивируя это тем, что позиции противника здесь менее защищены. Но в штабе фронта это предложение было встречено отрицательно. Единственное, что удалось сделать Корнилову, — это добиться передачи под его командование XVI и XII корпусов, прежде входивших в состав 7-й армии. Такая «прирезка» фронта позволяла 8-й армии тоже принять участие в наступлении.

Началу операций предшествовала серьезная подготовка. На всех фронтах, где предполагались наступательные действия, русские войска имели численный перевес над противником не менее чем в полтора-два раза. Еще более заметным было превосходство в артиллерии. Начальник штаба Ставки генерал А.С. Лукомский писал об этом: «На успех надеялись вследствие сосредоточения на фронте значительной артиллерии и считали, что, может быть, при поддержке могущественного артиллерийского огня части пойдут вперед, а победа даст и все остальное»{219}. Особенно крупные силы были стянуты на Юго-Западном фронте. Здесь на участке длинною в семьдесят километров было сосредоточено 42 пехотных и 9 кавалерийских дивизий против 22 дивизий противника. В составе русской артиллерии было около 1300 орудий, в то время как у немцев и австрийцев лишь 700.{220}

Проблема, однако, была не в количественных показателях. Войска стремительно теряли дисциплину. В прифронтовой полосе процветали насилие и мародерство. Штабс-капитан Э.Н. Гиацинтов (его батарея как раз в это время была переведена на Юго-Западный фронт) вспоминал: «По дороге революционная армия совершенно разоряла мирное население. Солдаты ловили

кур, разбирали на дрова заборы и форменным образом разоряли встречавшиеся на пути фруктовые сады. При этом совершенно не принималось во внимание, кому этот сад принадлежит: ненавистному буржую, помещику или бедному крестьянину»{221}. В полках шли бесконечные митинги, на которых решался вопрос, выполнять или нет приказы командования.

К этому времени вопрос о наступлении давно уже превратился из чисто военного в политический. Для тех, кого страшила нараставшая в стране анархия, наступление было последней надеждой на оздоровление армии и консолидацию общественных сил. По этой же причине радикальные политические группы из числа противников Временного правительства были заинтересованы в том, чтобы наступление не состоялось или закончилось неудачей. В эти дни В.И. Ленин писал: «Наступление, при всех возможных исходах его с военной точки зрения, означает политически укрепление духа империализма, настроений империализма, увлечений империализмом, укрепление старого, не смененного, командного состава армии… укрепление *основных позиций контрреволюции*»{222}. В такой ситуации судьба наступления решалась не только на фронте, но и за тысячи километров от него в глубоком тылу.

3 июня 1917 года в Петрограде открылся I Всероссийский съезд Советов. На его заседаниях развернулась ожесточенная борьба между эсеро-меньшевистским большинством и сторонниками Ленина. Среди делегатов, заявивших о своей партийной принадлежности, большевиков было впятеро меньше, чем эсеров и меньшевиков, но они компенсировали это шумным поведением и угрозами. Большевики настаивали на том, чтобы съезд принял резолюцию, осуждавшую наступление на фронте. Однако в итоговом решении по этому вопросу было указано, что русская армия должна быть готова как к обороне, так и к наступлению, но наступательные действия должны предприниматься лишь в тех случаях, когда они вызваны стратегической необходимостью.

Только после утверждения этой резолюции военный министр А.Ф. Керенский, принимавший самое активное участие в работе съезда, сумел выехать на фронт. Это отложило предполагаемое начало наступления на четыре дня. 16 июня в Тарнополе, где располагался штаб 7-й армии Юго-Западного фронта, Керенский подписал приказ о начале наступления. Обратим внимание на эту деталь: приказ подписывает не Верховный главнокомандующий, а военный министр. Это было нарушением всех существующих правил и военной субординации. Однако в быстро менявшейся

обстановке тех дней никто не обратил на это должного внимания.

Наступление Юго-Западного фронта началось с мощной артиллерийской подготовки. Напомним, что в этом отношении русские армии имели многократное превосходство над противником. На участке главного удара плотность русской артиллерии достигала 40 орудий на один километр{223}. Никогда прежде русская армия не располагала такой орудийной мощью. Артобстрел продолжался в течение двух дней, не прекращаясь ни днем ни ночью. В 10 часов утра 18 июня 1917 года в бой пошла пехота. Атака была успешной. К полудню русские войска заняли первую линию окопов противника, а на отдельных участках — вторую и третью. За один этот день в плен было взято свыше десяти тысяч вражеских солдат и офицеров. Но и русские потери тоже были велики. Убито было свыше двух с половиной тысяч человек, ранено около десяти тысяч.

Однако уже к вечеру первого дня наступление начало давать сбои. На отдельных участках фронта русские войска, столкнувшись с ожесточенным сопротивлением противника, вынуждены были отойти на первоначальные позиции.

На второй день стало ясно, что продвижение 7-й армии приостановилось. Командование фронта приняло решение перегруппировать силы, поддержав дополнительными подкреплениями натиск 11-й армии. Новая попытка наступления, предпринятая 23 июня, привела к тому, что после незначительного продвижения вперед 11-я армия тоже перешла к обороне.

На этом фоне особенно ярко выглядели успехи 8-й армии. По первоначальному замыслу ей отводилась лишь вспомогательная роль. Но Корнилов сумел на практике реализовать отвергнутый командованием фронта план флангового удара. Возможности его при этом были минимальны. На всем отрезке фронта, который контролировала 8-я армия, девять десятых приходилось на горы. Равнинный участок в верховьях Днестра, где было возможно быстрое продвижение вперед, по протяженности составлял не более 50 километров. Здесь стояли XII и XVI армейские корпуса — единственная сила, которая могла быть вовлечена в наступление.

Приказом от 11 июня 1917 года Корнилов определил следующие задачи: XII корпус должен был, прорвав оборону противника, выйти на железную дорогу Станислав—Галич и далее развивать наступление в направлении Калуша. XVI корпус наносил отвлекающий удар южнее. Оба корпуса были усилены ударными частями, которые и должны были возглавить атаку. Русские войска имели на этом участке двойное превосходство в

тяжелой артиллерии. В боях участвовали броневики, самолеты и бронепоезда.

Наступление началось 23 июня в районе дислокации XVI корпуса. Одновременно была начата артподготовка на участке, занимаемом XII корпусом. Обстрел вражеских позиций шел без перерыва в течение двух дней. На рассвете 25 июня корпус двинулся вперед. В этот день ему удалось продвинуться на глубину в 5—6 километров, овладев девятью линиями траншей. В плен было взято более семи тысяч солдат и офицеров противника, захвачено 48 орудий. Все попытки германо-австрийского командования остановить продвижение русских войск были неудачны. 27 июня части XII корпуса заняли укрепленный город Галич. На следующий день 164-я и 117-я дивизии после упорного боя овладели Калушем и переправились на западный берег реки Ломницы.

Несомненно, что главная заслуга в успехах 8-й армии принадлежала Корнилову. В эти дни он постоянно находился на передовой. Свой штаб он перенес из Черновиц в маленький городок Коломыю, на самой линии фронта. Для Корнилова происходящее было своего рода экзаменом. До этих пор ему не приходилось командовать крупным соединением. Короткое пребывание во главе XXV корпуса можно было сбросить со счетов, поскольку активных боевых действий в то время не велось. Следует сказать, что экзамен Корнилов сдал с честью. Предложенный им план увенчался успехом, вопреки скептическому отношению вышестоящего начальства. Правильным оказалось и решение сделать ставку на ударные батальоны. Наконец, Корнилов сумел справиться и с кадровой проблемой, наиболее сложной для любого руководителя. Несмотря на то что у него не сложились отношения с генералом А.В. Черемисовым, Корнилов оставил его во главе XII корпуса, и, как оказалось, не зря. Учитывая, что для Корнилова личная неприязнь значила очень многое, это решение было серьезным поступком.

В ходе наступления 8-я армия продвинулась вперед на 25—30 километров. Пленные немецкие офицеры на допросах говорили, что такого стремительного натиска русских они не видели за всю войну{224}. Но успех в любой момент мог превратиться в неудачу. Армия понесла большие потери. Начались затяжные дожди, реки были готовы выйти из берегов. Вражеское командование, обеспокоенное складывающейся ситуацией, спешно перебрасывало на опасный участок фронта подкрепления.

Самым же главным было то, что успех 8-й армии не был поддержан соседями. Среди солдат 7-й и 11-й армий усилилось

брожение. Многие части самовольно покидали передовую и отходили в тыл. Офицеры, пытавшиеся удержать солдат на позициях, рисковали при этом жизнью. 2 июля 1917 года за попытку остановить бегство с передовой был убит солдатами командир 22-го гренадерского Суворовского полка подполковник Рыков. Главнокомандующий фронтом генерал Гутор немедленно приказал расформировать мятежный полк, но и это не изменило ситуацию.

Положение еще более усугубляли известия о событиях, происходивших в тылу. В день начала наступления на Юго-Западном фронте, 18 июня 1917 года, в Петрограде прошла многотысячная демонстрация под антивоенными лозунгами. Антивоенная пропаганда находила самый живой отклик среди солдат петроградского гарнизона. Несомненно, что «защищать революцию» в тылу было значительно приятнее, чем рисковать своей жизнью на передовой. Между тем на фронте обозначилась острая нехватка представителей отдельных военных профессий, прежде всего пулеметчиков.

Керенский, находившийся тогда в действующей армии, потребовал, чтобы из Петрограда на передовую были переброшены броневики и пулеметные команды.

Это вызвало резкое недовольство в гарнизоне, особенно активно был настроен 1-й пулеметный полк. Полковой комитет на своем заседании утром 3 июля принял решение призвать рабочих и солдат к немедленному восстанию. В эти же часы стало известно о том, что министры-кадеты подали заявление о своем выходе из состава правительства, протестуя против соглашения, подписанного Керенским с представителями националистических украинских партий. Правительственный кризис подогрел и без того неспокойные настроения. Волнения на фабриках и заводах Петрограда к этому времени не прекращались уже как минимум две недели, со времени июньской демонстрации.

К вечеру 3 июля обстановка стала накаляться. На улицах появились группы вооруженных солдат, куда-то мчались грузовики с установленными на них пулеметами. В городе заговорили о готовящемся выступлении большевиков. Впрочем, большевистский ЦК тоже оказался в сложной ситуации. На спешно собранном его заседании было решено обратиться к солдатам и рабочим с призывом воздержаться от необдуманных действий. Однако часть большевистских руководителей, прежде всего из военной организации при ЦК, считала, что ситуация дает уникальный шанс для свержения Временного правительства. Получив распоряжение уговаривать солдат сохранять спокойствие, многие из них делали все с точностью до наоборот.

Утром 4 июля стало ясно, что события приобретают неуправляемый характер. Очевидец вспоминал: «Повсюду собирались кучки людей и яростно спорили. Половина магазинов была закрыта. Трамваи не ходили с восьми часов утра. Чувствовалось большое возбуждение — с колоритом озлобления, но отнюдь не энтузиазма»{225}. В эти же часы на Васильевском острове высадилось около десяти тысяч матросов из Кронштадта. Вооруженной колонной они двинулись к центру Петрограда, присоединяя к себе по пути отдельные группы рабочих и солдат. Одновременно с Выборгской стороны в центр направилась еще одна колонна во главе с солдатами 1-го пулеметного полка. В различных районах города произошли столкновения демонстрантов с казаками и юнкерами, выведенными на улицу по приказу главнокомандующего округом генерала Половцева. При этом были убитые и раненые.

На следующий день в город были введены верные правительству войска. Петроград был объявлен на военном положении, начались аресты. По обвинению в попытке государственного переворота были взяты под стражу многие руководители большевистской партии. 6 июля был отдан приказ об аресте Ленина, но он к тому времени успел скрыться из города. Через два дня газеты сообщили о новом составе правительства, в котором пост министра-председателя занял Керенский.

Июльские события стали переломом в ходе революции. Неуклонно нараставшая к этому времени популярность большевиков в значительной мере была подорвана. Но, проиграв тактически, большевики добились важнейшей предпосылки своей победы в будущем. Наступление на фронте оказалось окончательно сорвано, а значит, сорваны оказались и расчеты власти на армию. Столичные газеты доходили и до передовой. Сообщения о массовых антивоенных выступлениях в Петрограде не могли не затрагивать солдат. Для колеблющихся это стало оправданием своего поведения. Бегство с позиций, отказ от выполнения распоряжений офицеров — все теперь получило «идейное» обоснование.

Между тем в положении на фронте тоже зрели перемены. Германское командование подтянуло на восток новые силы, и 6 июля немецкие и австрийские войска перешли в контрнаступление. Не выдержав натиска, русские армии начали отступать. За короткое время отступление приняло вид панического бегства. Полки и дивизии превратились в неуправляемую орду. На своем пути она грабила и убивала, жертвами ее становились мужчины, женщины и дети. Страшную

картину паники тех дней рисуют уже цитировавшиеся записки штаб-ротмистра Э.Н. Гиацинтова: «По улицам метались обозные солдаты и интендантские чиновники, пытаясь запрягать подводы и нагружать их всяким добром: сапогами, шинелями, банками с консервами и так далее. Не успевала такая подвода двинуться с места, как на нее налетала кучка бежавших с фронта, скидывала весь груз и, неистово нахлестывая лошадей, уносилась в тыл. Ругань и крик висели в воздухе. Бежавшие все прибывали и прибывали. Кое-где уже пылало пламя. Но вот над деревней появились два немецких аэроплана и начали обстреливать деревню пулеметным огнем. Суматоха поднялась страшная. Теперь уже просто выпрягали лошадей из подвод и удирали верхом. Кто не успевал захватить лошадь, скидывал сапоги, если они у него еще были, и бросался бежать босиком»{226}.

Русское командование попыталось отвлечь силы противника с Юго-Западного фронта. 9 июля началось наступление на Западном фронте, на следующий день его подцержали армии Северного фронта. Но энергичный поначалу натиск захлебнулся здесь почти сразу же. Не могли спасти ситуацию и относительно успешные действия на Румынском фронте{227}. Катастрофа на Юго-Западном фронте продолжала расширять масштабы.

В этих условиях главнокомандующий фронтом генерал Гутор проявил растерянность и неумение контролировать ситуацию. Его панические просьбы о помощи вызывали в Ставке крайнее раздражение. На очередную такую телеграмму от 7 июля главковерх А.А. Брусилов отвечал: «Войск в вашем распоряжении больше, чем нужно. Необходимо принять все меры, чтобы заставить их драться. Не допускаю мысли, что между сосредоточенными в районе прорыва частями, не нашлось доблестных и верных долгу полков, которые не остановили бы небольшие части противника, наступающие только потому, что перед ними отходят»{228}. Вечером того же дня Брусилов подписал приказ о назначении на должность главнокомандующего Юго-Западным фронтом генерала Корнилова.

Новый пост Корнилов занял в очень тяжелое время. Фронт разваливался на глазах. 8-я армия еще держалась, но было ясно, что и она не сумеет остаться в стороне нараставшей паники. Казалось, что все кончено, враг может продвинуться сколь угодно далеко и не встретить при этом сопротивления. От Корнилова ждали чуда. Обратим на это внимание — обычный, в общем-то, генерал на глазах вырастал в вождя. Любой, даже самый квалифицированный, профессионал имеет право на ошибки. Это все понимают и другого от него не ждут. Иное дело — вождь. Он

окрылен удачей, ему покровительствует судьба. Он может совершить чудо в безвыходной ситуации. Корнилову было очень важно доказать свою удачу. Только после этого ему бы поверили безоговорочно.

ВОКРУГ ВОЖДЯ

Значительно позже в одном из газетных интервью Корнилов произнес загадочную фразу: «Когда-нибудь я вам расскажу, что сделали с Корниловым. Я в Корниловы не сам пошел…»{229} Что он в данном случае имел в виду, мы не знаем и никогда не узнаем. При желании эти слова можно понять как намек на существование каких-то тайных кукловодов, дергавших за ниточки главнейших участников августовских событий. Мы уверенно можем сказать — таковых не было. Не было ни масонского заговора, ни конспиративных интриг германского Генерального штаба. Но то, что Корнилов стал «Корниловым», действительно было заслугой не только его самого.

В глазах посторонних Корнилов выглядел воплощением уверенной непреклонности. На деле же он очень сильно был подвержен чужому влиянию. Нередко в ситуациях, когда нужно было немедленно и четко определить свою позицию, на Корнилова нападала непонятная нерешительность. В эти моменты ему нужен был кто-то, кто сумел бы убедить его в правильности сделанного выбора. Подчеркнем — не навязать этот выбор, решения в конечном счете Корнилов всегда принимал сам, а именно убедить в его правильности. При этом, подобно многим людям, ощущающим свою зависимость от других, Корнилов ею очень тяготился. Чем активнее начинал вести себя очередной советчик, тем больше Корнилов от него отдалялся. В итоге он безжалостно расставался с недавним сподвижником.

Наверное, поэтому у Корнилова не было не только друзей, но даже близких знакомых. Приблизить кого-то к себе, изменить уровень отношений с официальных на дружеские, означало бы дать в руки этого человеку слишком сильное оружие. Корнилов всегда боялся показаться слабым, боялся продемонстрировать естественные человеческие чувства, такие как страх перед смертью или дружба. Но, если средством против страха для Корнилова стал фатализм, то избежать чужой помощи в принятии решений ему было очень сложно. В итоге вместо близких его, как правило, окружали случайные люди, не всегда умные, иногда откровенно преследовавшие собственные цели.

Одно время «серым кардиналом» Корнилова считали его ординарца В.С. Завойко. Это действительно был необычный человек. Биография его запутана и не всегда достоверна. Завойко был сыном знаменитого адмирала, прославившегося обороной Петропавловска на Камчатке в годы Крымской войны. В юности он закончил Александровский лицей, короткое время служил по

дипломатическому ведомству, позднее был уездным предводителем дворянства в Подольской губернии. В предреволюционные годы он вращался в промышленных и финансовых кругах: был директором-распорядителем нефтедобывающего общества «Эмба и Каспий», состоял в правлении некоторых других фирм и компаний.

Письменные показания Завойко, сделанные им для следственной комиссии по делу о корниловском выступлении, производят странное впечатление. Строки, написанные явно умным и проницательным человеком, неожиданно перемежаются со странными фантазиями и ничем не подкрепленным хвастовством. Из рассказанного им следует, что с началом революции Завойко отошел от деловых занятий и решил посвятить себя политике. «Пробегая большинство газет, анализируя бесконечное количество всевозможных слухов, я пришел к заключение, что наиболее видным деятелем, наиболее яркою, цельною и благородною фигурой, олицетворяющей в себе высокие идеалы благородных эпох, является генерал Лавр Георгиевич Корнилов. Его демократическое происхождение, его выдающиеся способности, непрерывное гонение при прежнем режиме, наконец, чудесное бегство и спасение из плена, — все вместе взятое как бы велением судьбы указывали в нем человека, предназначенного к спасению России»{230}.

Завойко сумел добиться встречи с Корниловым и предложил ему свои услуги, деловые и политические связи. Те, кто встречался с Завойко, вспоминают, что он мог «уболтать» почти каждого. Неизвестно, какие златые горы он посулил Корнилову, но тот согласился взять его к себе ординарцем. По просьбе Корнилова находившийся тогда в Петрограде командир конного Кабардинского полка зачислил Завойко в полковые списки. Так в 42 года солидный финансист и отец двух взрослых сыновей надел солдатскую форму. Поступок Завойко может вызвать недоумение, если не принимать во внимание тогдашние настроения российского общества.

Долгие годы российская интеллигенция воспитывалась в благоговении перед памятью Великой французской революции. Имена Мирабо и Робеспьера были для нее ближе, чем имена героев русской истории. Не удивительно, что уже февральско-мартовские события породили целую волну ассоциаций. Привычка мерить температуру России «французским термометром», как назвал ее позже известный эмигрантский писатель Роман Гуль, обманула многих. Почему-то считалось, что русская революция должна буквально повторить то, что сто с лишним лет назад происходило во Франции.

В итоге вся страна принялась искать будущего Наполеона. Завойко, полистав газеты, счел, что на эту роль больше всего подходит Корнилов. Точнее сказать, он придумал своего «Наполеона», перемешав, как это часто у него бывало, реальное и фантастическое. Так родилось, например, «непрерывное гонение при прежнем режиме». К реальной биографии Корнилова это отношение не имело, но зато хорошо вписывалось в легенду о спасителе России.

Встреча Корнилова и Завойко произошла, скорее всего, в начале апреля 1917 года. Завойко убеждал Корнилова при первой же возможности покинуть Петроград. «Российскому Наполеону» нужен был свой Тулон, известность и слава, а для этого требовались победы. Вряд ли уговоры Завойко сыграли решающую роль в отставке Корнилова, но, уезжая в армию, генерал взял ординарца с собой.

На фронте для Завойко тоже нашлись дела. Оказалось, что он легко владеет пером, и с тех пор Корнилов стал поручать ему составление всевозможных деклараций и обращений. Завойко лично развозил по полкам солдатские подарки: табак, папиросы, бумагу. Вручались они от имени командующего и должны были способствовать его популярности в войсках. Для этого же была предназначена и отпечатанная по инициативе Завойко брошюра с биографией Корнилова. Все это явно выходило за рамки простой заботы начальника о своих подчиненных. Показательно, что биография Корнилова распространялась не только в 8-й армии, но и по всему Юго-Западному фронту. Генерал П.Н. Врангель вспоминал, что накануне июньского наступления у Завойко были уже заготовлены флаги с призывами к народам Карпатской Руси к восстанию против австрийского ига{231}. Трудно представить себе Корнилова подобно Наполеону с флагом в руках на Аркольском мосту, но наверняка в воображении Завойко рисовалось что-то похожее.

Мы не можем с уверенностью сказать, как относился сам Корнилов к комбинациям Завойко. Во всяком случае, он держал его при себе, хотя многие уже начали коситься на странного ординарца. Завойко верно уловил уже упоминавшееся нами свойство характера Корнилова. По его словам, хотя Корнилов и есть «человек исключительной, сумасшедшей воли, настойчивости и решительности в исполнении раз принятого им решения, он оказывается человеком крайне бесхарактерным в течение всего периода выбора того или иного решения»{232}.

Тем не менее не следует преувеличивать влияния Завойко на Корнилова. Корнилов был не из тех, кто позволил бы собой манипулировать, да и Завойко был слишком мелкой фигурой для

кукловода. Скорее, Завойко подтолкнул Корнилова к мыслям, которые появлялись у него и раньше, но он боялся признаться в них даже самому себе. Генерал Е.И. Мартынов вспоминал, что в плену Корнилов заполнял свой вынужденный досуг чтением, «но читал почти исключительно книги о Наполеоне, что еще больше раздражало его, так как он имел обыкновение проводить параллели между различными случаями из жизни великого корсиканца и своей собственной»{233}. Оговорим, что мы не можем всецело доверять свидетельству Мартынова, но если все и было так, то это вполне естественно.

К тому времени уже сто с лишним лет тысячи и тысячи людей во всех странах «глядели в Наполеоны». Революция же, казалось, сделала все для того, чтобы эти сладкие мечты воплотились в жизнь. Керенского уже летом 1917 года начали сравнивать с Наполеоном, особенно после того, как у него появилась манера появляться на людях с рукой, «по-наполеоновски» заложенной за борт мундира. Корнилов, по крайней мере, избегал любого внешнего копирования. Но, видимо, все же общение с Завойко даром для него не прошло.

Обещания Завойко связать генерала с влиятельными людьми, похоже, так и остались обещаниями. Ему, правда, удалось установить контакт с некоторыми офицерскими организациями, вроде упоминавшейся группы П.Н. Врангеля и А.П. Палена, но это произошло потому, что они сами искали связи с ним, а через него с Корниловым. Между тем для осуществления планов Завойко политические связи были нужны не менее, чем победы на фронте.

Мы уже писали о том, что в начале июня 1917 года Временное правительство учредило должности армейских комиссаров. В 8-ю армию в этом качестве был прислан член исполкома Петроградского Совета М.М. Филоненко. Известный писатель и литературовед В.Б. Шкловский, близко знавший Филоненко, дал в своих воспоминаниях его яркий портрет: «Это был маленький человек в кителе, с волосами коротко остриженными, с головой довольно большой и круглой, что делало его слегка похожим на котенка… Сын крупного инженера, он неоднократно занимал места на крупных судостроительных заводах и неизменно уходил, испортив положение. Это был человек хороших умственных способностей, но не обладающий ароматом талантливости»{234}.

Накануне революции штабс-капитан Филоненко был помощником командира броневого дивизиона. Подчиненные его не любили. Говорили, что на фронте по его приказу был насмерть засечен один из солдат. После этого Филоненко, опасаясь мести, поспешил перевестись в Петроград. В Петроградский Совет он

попал благодаря хорошо подвешенному языку. Когда в войсках были введены должности армейских комиссаров, у руководства Совета не нашлось под рукой подходящих кандидатур, а Филоненко вызвался сам и потому получил назначение.

В воспоминаниях тех, кому приходилось общаться с Филоненко, он выглядит не лучшим образом. Беспринципный карьерист, демагог и приспособленец — это наиболее часто встречающиеся характеристики. Нам представляется более справедливой оценка, которую дал в своих показаниях Завойко. Он писал о Филоненко так: «Его натянутые и недружелюбные отношения со многими людьми, враждебность к нему со стороны целого ряда лиц, на мой взгляд, главным образом объясняются тем, что он как бы торопится жить. Скользит сверху, не смотрит по сторонам, не вникает в окружающую повседневность и потому многих оскорбляет, задевает самолюбия…»{235} По-другому говоря, Филоненко был слишком опьянен своим стремительным взлетом. Даже свое имя Максимилиан он считал знаком судьбы и любил, когда его сравнивали с тезкой Робеспьером. Будучи не слишком умным человеком, Филоненко не имел ни времени, ни привычки задумываться над своими поступками. Что до склонности к демагогии, то это действительно была его отличительная черта, впрочем, это было свойственно и многим другим «профессионалам революции».

Филоненко имел контакты с руководством левых партий, но не выход на правительственный уровень. Зато комиссар соседней 7-й армии был персонажем с куда более солидным политическим весом. Имя Б.В. Савинкова хорошо знала вся страна. Может быть, даже, скорее не Савинкова, а литератора Ропшина. Подписанные этим псевдонимом романы «Конь бледный» и «То, чего не было» создали Савинкову известность большую, чем принесла ему деятельность в составе боевой организации партии эсеров. Летом 1917 года в журнале «Былое» начали печататься воспоминания Савинкова, вновь привлекшие к нему изменчивое внимание публики.

Подобно многим писателям, Савинков настолько сросся со своими литературными персонажами, что даже в жизни носил маску Жоржа из «Коня бледного» — холодного и несколько циничного человека с железной волей и неукротимой энергией. Однако хорошо знавший его английский дипломат-разведчик Р. Локкарт дает ему несколько иную характеристику: «Больше, чем другие русские, Савинков был теоретиком, человеком, который мог просидеть всю ночь за водкой, обсуждая, что он сделает завтра, а когда это завтра приходило, он предоставлял действовать другим»{236}.

К тому же ему никогда прежде не приходилось действовать в государственных масштабах, а специфическая атмосфера революционного подполья, наполненная интригами и мелким подсиживанием, формировала для этого не лучший опыт.

Но несомненно, что политической фигурой он был весьма заметной. На должность комиссара 8-й армии Савинков пошел добровольно, хотя это в общем-то были не его масштабы. Он свободно общался со многими министрами, имел возможность в любой момент обратиться к самому Керенскому, и премьер не мог не прислушаться к заслуженному революционеру.

Завойко был шапочно знаком с Савинковым и теперь попытался воспользоваться этим. Дело происходило в те страшные дни, когда немцы прорвали русский фронт. Армия, которой командовал Корнилов, еще держалась, но в любой момент паника могла охватить и ее. Корнилов отчаялся получить от штаба фронта какую-то помощь. По совету Завойко он решил попробовать действовать через Савинкова. Завойко был командирован в Каменец-Подольский, где тогда находился Савинков. Вместе с ним Корнилов отправил своего офицера для поручений полковника В.В. Голицына, способного дать справку по конкретным вопросам, касающимся состояния армии.

Завойко нашел Савинкова и Филоненко в ресторане местной гостиницы «Гранд-отель». Но разговор между ними завязался вокруг совсем другой темы. Завойко сказал, что в армии ходят слухи о провозглашении диктатором великого князя Николая Николаевича, двоюродного дяди последнего царя. Ссылаясь на поручение Корнилова, Завойко спросил Савинкова, как он относится к этой идее. Похоже, что Завойко, как это часто с ним бывало, самостоятельно пересмотрел характер своего задания. Говоря о Николае Николаевиче, он прощупывал почву относительно своего кандидата в Наполеоны.

Собеседники поняли его абсолютно правильно. Савинков резко ответил, что это скорее ему нужно поставить такой вопрос перед генералом Корниловым. Завойко поспешил откланяться, а Савинков и Филоненко решили как можно скорее встретиться с Корниловым. Выезжая к Корнилову, Савинков был готов к самому худшему. Перед отъездом он оставил сотрудникам своего штаба все необходимые распоряжения на случай своего ареста. В свою очередь Завойко таким же образом настроил Корнилова. Ожидая приезда комиссаров, Корнилов отослал в безопасное место находившуюся с ним семью.

Командующий принял Савинкова и Филоненко по первому требованию. Внешне он был спокоен, хотя плотно сжатые губы выдавали его волнение. «Генерал, — обратился Савинков к

Корнилову, — я знаю, что если сложатся обстоятельства, при которых вы должны будете меня расстрелять, вы меня расстреляете». Выдержав паузу, он прибавил: «Но если условия сложатся так, что мне придется вас расстрелять, я тоже это сделаю»{237}. Все это звучит театрально до крайности, но вполне вписывается в манеру Савинкова. Корнилова, как ни странно, подобное начало разговора не смутило. Савинков заявил, что как революционер он является категорическим противником любой диктатуры. После короткого молчания Корнилов ответил, что лично он к диктатуре не стремится.

Савинков полагал, что он умеет разбираться в людях. Правда, история с предательством Азефа, которое он так долго отказывался признать, вызывает сомнения в этом его качестве. Локкарт писал о Савинкове: «Он так долго общался со шпионами и провокаторами, что, подобно герою одного из своих романов, он сам не знал, предает ли он себя, или тех, кого хотел предать»{238}. Во всяком случае, Корнилову Савинков поверил. В показаниях комиссии по «корниловскому делу» он говорил, что из общения с Корниловым убедился в том, что тот «не только разделяет мой взгляд на необходимость твердой революционной власти, осуществляемой Временным правительством, но является тем человеком, который, стоя близко к Временному правительству, сможет взять на себя всю тяжесть проведения решительных мер для поднятия боеспособности армии»{239}.

Для Корнилова знакомство с Савинковым тоже стало важным рубежом. Теперь у него появилась солидная политическая поддержка, а значит, трамплин для выхода на новый уровень. Не очень понятно, в какой мере это способствовало его выдвижению на пост главнокомандующего Юго-Западным фронтом. Керенский, во всяком случае, отрицал наличие каких-то рекомендаций при назначении Корнилова. Но уже в штабе Юго-Западного фронта Корнилов и Савинков действуют в полной мере заодно.

ВО ГЛАВЕ ЮГО-ЗАПАДНОГО ФРОНТА

Корнилов официально вступил в командование Юго-Западным фронтом в 7 часов вечера 7 июля 1917 года. Обстановка на фронте в этот момент была крайне серьезной. Вражеский прорыв на участке, занимаемом 11-й армией, грозил вылиться в общую катастрофу. Посланные на ликвидацию прорыва части 49-го корпуса в большинстве случаев отказывались выполнять приказы или отступали при первых же выстрелах артиллерии противника. Под угрозой оказался Тарнополь, где располагалась главная тыловая база фронта. Прикрывавший город 1-й гвардейский корпус в ночь на 7 июля самовольно покинул позиции.

Фронт рушился как карточный домик. Командующий 7-й армией генерал В.И. Селивачев, опасаясь флангового удара, был вынужден отдать приказ об отступлении. В этих условиях 8-я армия, продвинувшаяся далеко вперед, могла оказаться отрезанной от основных сил. Верховный главнокомандующий генерал А.А. Брусилов приказал Корнилову «при первой к тому необходимости отвести правофланговые корпуса 8-й армии на надежный рубеж с целью избегнуть окончательного поражения. Сократить фронт и иметь возможности образовать сильные резервы»[{240}]. 9 июля новый командующий армией генерал А.В. Черемисов, получивший известность взятием Галича, приказал начать отход.

Паника и дезорганизация не обошли стороной и 8-ю армию. Покидая Станислав, русские войска устроили в городе кровавый погром. В воспоминаниях генерала П.Н. Врангеля мы находим страшную картину этих дней: «Город горел в нескольких местах, толпа солдат, разбив железные шторы, громила магазины. Из окон домов неслись вопли, слышался плач. На тротуаре валялись разбитые ящики, сломанные картонки, куски материи, ленты и кружева вперемешку с битой посудой, пустыми бутылками из-под коньяка. Войсковые обозы сплошь запрудили улицы. На площади застряли артиллерийские парки. Огонь охватывал соседние дома, грозя ежеминутно взрывом снарядов»[{241}].

Приказом по армиям Юго-Западного фронта от 10 июля 1917 года Корнилов предписал остановить вражеское наступление на линии реки Серет. Однако войска к этому времени уже перестали подчиняться командованию. Уже на следующий день 1-й гвардейский корпус, оборонявший Тарнополь, без боя отступил на восток. Противнику достались гигантские запасы снарядов и продовольствия на общую сумму больше 3 миллиардов рублей.

Ставка требовала от Корнилова принять все меры к прекращению отступления. По приказу Брусилова в помощь Юго-Западному фронту были переброшены два корпуса с Западного и Румынского фронтов. Но и это не помогло.

В донесениях, направляемых в Ставку, Корнилов указывал, что в создавшейся обстановке единственно возможным представляется дальнейший отход. Задачей фронтового и армейского командования, по его мнению, должны стать придание отступлению организованного характера и подготовка новой линии обороны.

Сам Корнилов позднее так рассказывал об этом: «В ночь с 7 на 8 июля я принял должность главнокомандующего войсками Юго-Западного фронта. Прорыв фронта XI армии, начавшийся утром 6 июля, был уже в полном разгаре. XI армия отступала в беспорядке. Прорыв расширялся все далее и далее, захватывая правый фланг VII армии, находившейся южнее. По донесениям с фронта, многие части не выполняли приказания. Бросали свои позиции, другие не шли на поддержку. Каждое боевое приказание обсуждалось на митингах. По всем дорогам брели толпы солдат, дезертировавших из своих частей, производя грабежи и насилия в попутных селениях»[242].

8 июля Корнилов отправил Брусилову телеграмму, одновременно адресовав ее копию Керенскому. В телеграмме говорилось, что фронт продолжает разваливаться, хотя на одного солдата противника приходится пять русских солдат. В создавшихся условиях Корнилов считал «безусловно необходимым обращение Временного правительства и Совета к войскам с вполне откровенным и прямым заявлением о применении исключительных мер, вплоть до введения смертной казни на театре военных действий, иначе вся ответственность ляжет на тех, которые словами думают править на тех полях, где царит смерть и позор предательства, малодушия и себялюбия»[243].

Телеграмма эта, по сути дела, очень напоминала ультиматум. Донельзя цветистый ее слог выдает автора. Текст, несомненно, был написан Завойко. В первоначальном варианте послание носило еще более резкий характер, но этому воспротивились Савинков и Филоненко. Они потребовали от Корнилова удалить Завойко из штаба фронта. Корнилов согласился, но попросил отложить этот вопрос на несколько дней.

В тот же день, когда упомянутая телеграмма ушла в Могилев и Петроград, Корнилов отправил распоряжение командующим армий и корпусов. В нем говорилось: «Самовольный уход частей я считаю равносильным с изменой и предательством, поэтому

категорически требую, чтобы все строевые начальники в таких случаях, не колеблясь, применяли против изменников огонь пулеметов и артиллерии. Всю ответственность за жертвы принимаю на себя, бездействие и колебание со стороны начальников буду считать неисполнением служебного долга и буду немедленно таковых отрешать от командования и предавать суду»{244}. Фактически этим распоряжением Корнилов еще до получения ответа из Петрограда санкционировал введение на фронте смертной казни. За подобную инициативу было очень легко поплатиться должностью. На это вряд ли решился бы кто-то из других командующих фронтами, да и сам главковерх Брусилов. Корнилов сделал выбор, а зная его, можно было понять, что идти он будет до конца.

Вечером 9 июля в штабах армий и фронтов был получен ответ Керенского. Опираясь на 14-й пункт «Декларации прав солдата», премьер санкционировал применение оружия для наведения порядка среди отступающих войск. В ответе указывалось на недопустимость вмешательства комитетов в оперативные решения, а также смену и назначение командного состава. Однако вопрос о введении смертной казни в телеграмме Керенского был обойден.

По приказу Корнилова на Юго-Западном фронте были сформированы особые ударные отряды для борьбы с дезертирством, мародерством и насилием. 9 июля в расположении 11-й армии было расстреляно 14 погромщиков, схваченных на месте преступления. Объявляя об этом по армиям фронта, Корнилов сообщил, что им отдан приказ «без суда расстреливать тех, которые будут грабить, насиловать и убивать как мирных жителей, так и своих боевых соратников, и всех, кто посмеет не исполнять боевых приказов в те минуты, когда решается вопрос существования Отечества, свободы и революции». Корнилов заявлял: «Я не остановлюсь ни перед чем во имя спасения Родины от гибели, причиной которой является подлое поведение предателей, изменников и трусов»{245}.

Как и следовало ожидать, приказ Корнилова вызвал в войсках неоднозначную реакцию. Содержавшаяся в нем неприкрытая угроза не могла не породить недовольства. Начались разговоры о том, что контрреволюция поднимает голову. Уже открыто говорили, что генерал Корнилов метит в диктаторы. С другой стороны, у той части солдат, которая еще подчинялась дисциплине, поведение их сотоварищей тоже вызывало осуждение. В этой связи показательно, что ряд членов исполкома Юго-Западного фронта и армейского комитета 11-й армии еще 9 июля отправили по адресу ВЦИКа Советов телеграмму, в которой

выражали свое полное согласие с расстрелом дезертиров{246}.

Позиция Корнилова нашла полную поддержку у Савинкова и Филоненко. Это получило отражение в телеграмме, посланной за их подписями 11 июля на имя Керенского. Телеграмма, а точнее обращение, была составлена почти в эпическом стиле. Сделано это было не случайно, ибо предназначалась она не только конкретному адресату, но прежде всего для широкого ознакомления.

Савинков патетически обращался к премьеру: «Как я отвечу за пролитую кровь, если не потребую, чтобы немедленно были введены с железной решимостью в армии порядок и дисциплина, которые бы не позволили малодушным безнаказанно, по своей воле, оставлять позиции, открывать фонт, губить этим целые части и товарищей, верных долгу, покрывая незабываемым срамом революцию и страну? Выбора не дано: смертная казнь тем, кто отказывается рисковать своей жизнью для родины за землю и волю». В том же духе ему вторил Филоненко: «Я могу заявить одно: смертная казнь изменникам; тогда только будет дан залог того, что не даром за землю и волю пролилась священная кровь»{247}.

Поведение Савинкова (а в дуэте с Филоненко именно он играл главную роль) характеризует скорее не его, а Корнилова. Савинков не был заговорщиком или сторонником диктатуры. Он был, как это не удивительно для недавнего подпольщика, в первую очередь государственником, приверженцем твердой власти. В Корнилове Савинков увидел человека, который сумеет обеспечить эту твердую власть, не посягая на завоевания революции. Конечно, известные сомнения у Савинкова должны были оставаться. «Наполеоновские проекты» Завойко было трудно скрыть, как трудно было не увидеть и то, что Корнилову они нравятся.

Вероятно, Савинков убедил себя в том, что он сумеет контролировать поведение Корнилова. В этом смысле характерно его требование высылки Завойко. Сам Савинков очень быстро двигался вверх. После короткого пребывания на посту комиссара Юго-Западного фронта он становится управляющим военным министерством. Присматривать же за Корниловым должен был Филоненко, назначенный на освободившуюся должность фронтового комиссара.

На все послания в свой адрес Керенский не давал ответа. Молчание премьера было связано с тем, что он в это время пытался заручиться одобрением со стороны руководства Совета. Несомненно, что после июльских дней зависимость правительства от Советов значительно ослабла. Но влияние левых партий по-

прежнему было велико, и идти на конфронтацию с ними Керенский просто не мог. Лишь поздно вечером 9 июля 1917 года на совместном заседании исполкомов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов была принята резолюция, объявлявшая Временное правительство «правительством спасения революции». Премьеру фактически были предоставлены неограниченные полномочия для восстановления порядка и дисциплины в армии и борьбы «со всеми проявлениями контрреволюции и анархии».

12 июля Временным правительством было принято постановление о восстановлении смертной казни через расстрел за следующие преступления: измену, побег к неприятелю, бегство с поля сражения, уклонение от участия в бою, за подстрекательство или возбуждение к сдаче, бегству или уклонению от сопротивления. Одновременно создавались военно-революционные суды, в состав которых на паритетных началах должны были входить офицеры и солдаты.

В социалистических газетах немедленно появились самые мрачные пророчества. Авторы их пугали началом контрреволюционного террора. На практике применение смертной казни широкого распространения не получило, так как большая часть воинских начальников попросту боялась брать на себя ответственность за конфирмацию приговоров. Надо признать, что в отдельных случаях имели место и более масштабные карательные операции, но это скорее было исключением из правил.

Самой крупной акцией такого рода стало разоружение 46-й пехотной дивизии на Юго-Западном фронте. В разгар немецкого наступления дивизия самовольно снялась с позиций и отошла в тыл. Солдаты прогнали офицеров и выбрали из своей среды новых командиров. В дивизии воцарилась полная анархия. Население окрестных деревень было терроризировано шайками грабителей и погромщиков. В ответ на все предложения подчиниться приказам мятежники выдвигали невыполнимые требования, вплоть до немедленного заключения всеобщего мира.

14 июля район расположения дивизии был окружен карательными отрядами. После предъявления ультиматума о сдаче два полка — Гороховский и Пултусский подчинились и выдали зачинщиков беспорядков. Остроленский полк, отказавшийся разоружиться, был обстрелян из пушек. Военно-революционный суд приговорил к смертной казни нескольких организаторов мятежа, но по ходатайству комиссара Юго-Западного фронта Филоненко они были помилованы{248}.

Еще 11 июля 1917 года, за день до того, как правительство официально приняло решение о восстановлении смертной казни

на фронте, Керенский по телеграфу поспешил сообщить Корнилову о том, что его требования приняты.

Это не помешало Корнилову в тот же день отправить в адрес правительства новый ультиматум. Приводить здесь полностью это многословное послание значило бы слишком утомить читателя, поэтому мы процитируем лишь наиболее важные его фрагменты. «Армия обезумевших темных людей, не ограждавшихся властью от систематического развращения и разложения, потерявших чувство человеческого достоинства, бежит. На полях, которые нельзя назвать полями сражений, царят сплошной ужас, позор и срам, которых русская армия не знала с самого начала своего существования… Выбора нет: революционная власть должна встать на путь определенный и твердый. Лишь в этом спасение родины и свободы. Я, генерал Корнилов, вся жизнь которого от первого дня сознательного существования доныне проходит в беззаветном служении родине, заявляю, что отечество гибнет, и потому, хотя и не спрошенный, требую немедленного прекращения наступления на всех фронтах, в целях сохранения и спасения армии для ее реорганизации на началах строгой дисциплины».

Корнилов призывал к скорейшему введению военно-полевых судов и смертной казни на фронте. Завершалось послание словами: «Довольно. Я заявляю, что если правительство не утвердит предлагаемых мною мер и тем лишит меня единственного средства спасти армию и использовать ее по действительному назначению — защиты родины и свободы, то я, генерал Корнилов, самовольно слагаю с себя полномочия главнокомандующего»{249}. Телеграмму сопровождала приписка Савинкова: «Я, со своей стороны, вполне разделяю мнение генерала Корнилова и поддерживаю высказанное им от слова до слова».

Этот комментарий многое объясняет. Очевидно, что за всеми инициативами Корнилова стоял в ту пору Савинков. Без его поддержки Корнилов, быть может, не решился бы на открытое нарушение субординации, к тому же сильно отдававшее шантажом. Однако Корнилов и Савинков по-разному подходили к своему сотрудничеству. Для Корнилова Савинков был союзником, для Савинкова Корнилов скорее являлся орудием. В.Б. Шкловский, хорошо знавший всех основных участников этих событий, полагал, что Корнилов был нужен Савинкову для того, чтобы пугать Временное правительство{250}.

Разумеется, было бы ошибкой думать, что Савинков сам стремился к премьерскому креслу. Организованное им с помощью Корнилова давление на Керенского было, в понимании

Савинкова, предпринято в интересах самого Керенского. Это должно было заставить того прекратить колебания, встать на позиции твердой власти. Савинков действовал методами, к которым привык за годы подполья, — хитростью и интригой. По-другому он просто не умел. Сам он при этом оставался в тени, а на первый план выдвигал Корнилова.

Савинков не учел изменившейся ситуации. Революция превратила политику из кулуарного занятия в публичное. Корнилов все больше превращался в самостоятельное действующее лицо. Лишь немногие посвященные различали за ним Савинкова. Большинство же тех, кто читал в газетах телеграммы Корнилова, видели только его. В качестве командующего армией Корнилов был одним из десятков генералов того же ранга, во главе фронта он стал одним из пяти командующих. Предпринятое им давление на Керенского сделало его фигурой, равной самому Керенскому.

КЕРЕНСКИЙ

Переломная эпоха всегда выдвигает новых людей. В этом смысле 1917 год тоже не стал исключением. Но и на фоне многих ярких фигур того времени выделяется человек, который, можно сказать, стал символом первых месяцев русской революции. В таковом качестве он остался в памяти многих. Достаточно вспомнить известные строки С. Есенина:

> Свобода взметнулась неистово,
> И в розово-смрадном огне
> Тогда над страною калифствовал
> Керенский на белом коне.

О Керенском написано много, однако и в воспоминаниях современников, и в работах позднейших историков он предстает в карикатурном виде и не иначе как в женском платье. Лишь сравнительно недавно на смену этому пришли более взвешенные оценки и не случайно в названиях книг и статей, посвященных Керенскому, как правило, фигурируют слова «феномен» и «загадка».

Действительно, взлет Керенского иначе как феноменальным не назовешь. В 36 лет, возраст для политика младенческий, он стал главой правительства огромной страны, почти диктатором. Журнал «Республика», первый номер которого, опубликованный в сентябре 1917 года, был целиком посвящен Керенскому, вышел с эпиграфом: «Его, как первую любовь, России сердце не забудет»{251}. Но загадка и состоит в том, что спустя считаные месяцы Россия вспоминала свою первую любовь с ненавистью или, в лучшем случае, с презрением. В данном случае говорить можно именно о России, ибо чувства эти объединяли и белых, и красных.

Что касается биографии Керенского, то ныне она известна неплохо, поэтому имеет смысл ограничиться основными фактами. Родился будущий глава Временного правительства в Симбирске 22 апреля 1881 года. Дата и место рождения Керенского неизбежно заставляют вспомнить другого знаменитого уроженца Симбирска. Но с Владимиром Ульяновым Керенский знаком не был — слишком велика была разница в возрасте. «Знаю только, — говорил Керенский в старости, — что он очень нравился девчонкам, хотя был и невысокого роста, но красивый. Две соплячки — мои сверстницы — были влюблены в него»{252}.

Керенский и Ленин не встречались никогда, даже в 1917 году, разве что могли видеть друг друга издали.

Отец Керенского был директором Симбирской гимназии, а в 1889 году был повышен в должности и назначен главным инспектором училищ Туркестанского края. Здесь, в Ташкенте, прошла юность Керенского. Родители откровенно баловали старшего сына (в семье было еще три дочери и младший сын Федор), предрекая ему великое будущее, вплоть до того, что его школьные дневники сохранялись «для истории». Александр отвечал им нежной любовью. Опубликованные ныне его письма к родителям способны вызвать самые трогательные чувства{253}.

Гимназию Керенский закончил с медалью и уехал в столицу, где поступил в Петербургский университет. Сначала он остановил свой выбор на истории, но, видимо, прагматические соображения взяли верх, и заканчивал он курс уже по юридическому факультету. Свою профессиональную карьеру помощник присяжного поверенного Керенский начал как раз в канун первой российской революции.

В полицейских досье фамилия Керенского впервые появляется в январе 1905 года как одного из подписавших заявление протеста против ареста ряда представителей радикальной столичной интеллигенции. В декабре того же года при обыске у Керенского были обнаружены эсеровские прокламации, запрещенная множительная техника и заряженный револьвер{254}. Керенский был арестован, три месяца провел под стражей, но за недостатком улик выпущен на свободу. Впрочем, и позднее он оставался под негласным надзором полиции, фигурируя в отчетах филеров под кличкой «Скорый».

Арест в немалой мере определил характер дальнейших занятий Керенского. Как адвокат он выступал прежде всего на политических процессах. Самым известным из них был процесс армянской партии «Дашнакцутюн» и дело туркестанской организации социалистов-революционеров. В 1912 году, когда по стране прогремело известие о расстреле рабочих на Ленских золотых приисках, Керенский сам поехал на место событий, где провел собственное расследование. Итогом этого стала брошюра «Правда о Лене», немедленно конфискованная полицией и тем прибавившая популярности ее автору.

Растущая известность позволила Керенскому попробовать себя в политике. В том же 1912 году он был избран депутатом IV Думы от города Вольска Саратовской губернии. Для того чтобы иметь возможность баллотироваться, ему пришлось купить там дом за 200 рублей и превратиться таким образом в Вольского домовладельца. В Думе Керенский возглавил фракцию

трудовиков и быстро стал одним из самых популярных ораторов. Но пик его карьеры приходится все-таки на 1917 год. В первом составе Временного правительства он министр юстиции, с мая — военный министр, с июля — министр-председатель.

Какие же качества позволили Керенскому пробиться на вершину власти? Поначалу лидеры крупнейших фракций Думы относились к Керенскому с оттенком снисхождения, как и к возглавляемой им трудовой группе. Но то, за кем пойдут бессловесные трудовики, нередко определяло итоги голосования, и думские вожди сами не заметили, как оказались в зависимости от Керенского. С началом мировой войны его имя фигурирует во всех политических комбинациях, обсуждавшихся в парламентских кулуарах. Поэтому появление его в первом составе Временного правительства не выглядело случайным, хотя занятый им пост министра юстиции и не относился к числу наиболее значимых. Но революция кардинально изменила прежние правила игры, и Керенский быстрее других сумел приспособиться к этому.

В весенние месяцы 1917 года самым востребованным умением в России стало умение выступать на митингах. Керенский владел им в совершенстве, и чем многочисленнее была аудитория, тем легче он подчинял ее своим эмоциям. Английский дипломат-разведчик Р. Локкарт, человек далеко не восторженный, называл Керенского одним из величайших ораторов в истории{255}. Однако странно: опубликованные речи Керенского абсолютно не производят впечатления. В них нет ни убеждающей логики, ни эффектных риторических приемов. Американская журналистка Рета Чайлд Дорр так описывала выступления Керенского: «Он слишком взвинчен на трибуне, дергается, бросается из стороны в сторону, делает шаги назад и вперед, теребит свой подбородок… Все его жесты импульсивны и нервозны, голос довольно пронзителен»{256}. Начиная речь спокойно и даже тихо, он к концу уже не говорил, а что-то отрывочно выкрикивал.

Сенатор С.В. Завадский, знавший Керенского по министерству юстиции, полагал, что его ораторские способности более воздействовали не на ум и даже не на чувства, а на нервы слушателей{257}. Выступая, он заводил не только аудиторию, но и самого себя. Не удивительно, что всплески нервной энергии чередовались у Керенского с неизбежными срывами, очень напоминавшими наркотическую абстиненцию. Ходили слухи, что он и впрямь нюхает то ли эфир, то ли кокаин, что, конечно, было неправдой.

Как талантливый артист, Керенский умел и любил нравиться, причем эта любовь подчас принимала характер болезненной

страсти. Позже он рассказывал о том, что как-то на фронте его «целовала целая дивизия». После речи военного министра наэлектризованная толпа смяла охрану, чтобы лично прикоснуться к кумиру. По словам Керенского, «это было черт знает что, я был в полной уверенности, что через полчаса окажусь трупом»{258}. Однако уже в том, что он много лет спустя любил повторять эту историю, чувствовалось, как ему приятно об этом вспоминать. Это было заложено в характере, Керенскому сложно было сделать что-то с собой. Буквально за несколько дней до большевистского переворота он с гордостью сообщил своим коллегам по кабинету министров: «Знаете, что я сейчас сделал? Я подписал 300 своих портретов»{259}. Как артисту ему льстила популярность, как политик он принимал ее за искреннюю поддержку и просчитался в этом.

Конечно, к вершинам власти Керенского вознесли не только ораторские способности. Еще в бытность свою думским депутатом, Керенский приобрел неоценимый опыт по части интриг и политических комбинаций. К тому же репутация левого, почти революционера, облегчила ему общение с Советом. Коллега Керенского по парламенту, правый депутат В.В. Шульгин вспоминал: «Он рос… Рос на начавшемся революционном болоте, по которому он привык бегать и прыгать, в то время как мы не умели даже ходить»{260}. Однако при всем этом стратегическое мышление у Керенского, похоже, отсутствовало. Он плохо видел уже на два шага вперед, не умел выделять главную цель и бросить все силы на ее достижение. Поэтесса З. Н. Гиппиус, достаточно хорошо знавшая Керенского, полагала, что он никогда не был умен, но зато отличался гениальной интуицией{261}.

Как это ни покажется странным, но лидер вовсе не обязательно должен быть умным. Зато ему насущно необходимо другое качество: он должен уметь подбирать помощников — умных и деловых, способных на то, на что не способен он сам, но не претендующих на его место. Керенский этого таланта был лишен. У него не было «команды», людей, на которых он мог опереться. Конечно, в его окружении было много молодежи, готовой едва не молиться на него, но даже в своих товарищах по кабинету министров Керенский встречал не поддержку, а скорее недоброжелательное отношение. Считалось, что близкими к нему людьми были М.И. Терещенко (с марта по май — министр финансов, а потом до октября — министр иностранных дел) и Н.В. Некрасов (в первом составе правительства он занимал пост министра путей сообщения, потом был министром финансов и «генерал-губернатором» Финляндии). Но эти двое скорее сделали ставку на Керенского как на фаворита в политических бегах,

нежели могли считаться его друзьями и единомышленниками.

В гражданских ведомствах Керенский все же мог найти людей, способных проводить его линию, пусть ненадежных, действовавших из собственной корысти, но мог. В армии у него таких людей не было. На посту военного министра он был в полной мере дилетантом. Его предшественник Гучков, хотя бы по работе в военной комиссии Думы, имел какое-то касательство к этим вопросам, Керенский же даже военного ценза не отбывал.

Главным консультантом Керенского по военным вопросам стал его шурин, полковник (позднее — генерал-майор) В.Л. Барановский. Прежде он занимал скромную должность в управлении генерал-квартирмейстера, но в начале мая был отозван в столицу и назначен главой личной канцелярии (кабинета) военного министра. Керенский писал о нем в своих воспоминаниях: «Полковник Барановский ежедневно докладывал мне о текущих событиях, следил за назначениями в Ставке и держал меня в курсе событий, которые происходили в Петрограде во время моих частых поездок на фронт»{262}. Недоброжелатели называли Барановского «нянькой», «телогреем» Керенского. Но Барановский не отличался сильным характером, да и сам не имел таких знакомств среди генералитета, чтобы быть по-настоящему полезным.

Керенский попытался найти опору в группе сравнительно молодых офицеров (большей частью в полковничьих чинах), так называемых «младотурок», привлеченных к работе еще Гучковым. Из их среды он выбрал себе товарищей (заместителей), один из них — генерал П.А. Половцев — стал преемником Корнилова на посту главнокомандующего Петроградским округом. Но и от «младотурок» Керенский всегда рисковал получить удар в спину. К слову сказать, история с «Керенским на белом коне», упомянутая в приведенных выше есенинских строках, имела место в действительности. В июне 1917 года новый военный министр задумал организовать в Павловске смотр местного гарнизона. Половцев убедил его в том, что объезжать строй нужно непременно верхом. Керенскому привели огромного белого коня, на котором некогда ездил царь. В воспоминаниях Половцева эта картина описывается так: «Он взгромоздился в седло и, взяв в руки мундштучный повод с одной стороны и трензельный с другой, поехал по фронту. В то время как один конюх следовал пешком у головы лошади, по временам давая ей направление, а другой бежал сзади, вероятно с целью подобрать Керенского, если он свалится. Рожи казаков запасной сводно-гвардейской сотни не оставили во мне никаких сомнений относительно впечатления, произведенного объездом»{263}.

«Революционный министр» обладал властью куда большей, чем была у военного министра императорской России. В мировую войну глава военного министерства отвечал в первую очередь за снабжение армии. Все важнейшие назначения производились приказом Верховного главнокомандующего. Иначе и быть не могло в ту пору, когда эту должность занимали великий князь Николай Николаевич, а потом и сам царь. Ситуация изменилась уже в первые дни революции. Начало новой практике положил Гучков, задумавший провести чистку высшего командного состава. Но Гучков хотя бы знал значительную часть старших генералов, Керенский же дотоле вряд ли был знаком с кем-то из них. Его поступки подчас производят впечатление то ли полной некомпетентности, то ли поражающей наивности.

Именно так выглядят обстоятельства назначения Брусилова на пост Верховного главнокомандующего. В середине мая Керенский, только что вступивший в обязанности военного министра, выехал на фронт. Далее следует процитировать воспоминания самого Керенского, потому что другими словами необходимых нюансов не передать. «Возвращаясь в закрытой машине из поездки по Юго-Западному фронту, мы с Брусиловым попали в небывало сильную грозу. Не знаю почему, но именно в этот момент, когда в окна машины барабанил дождь, а над головой сверкали молнии, мы ощутили какую-то взаимную близость. Разговор наш приобрел неофициальный и непринужденный характер, как водится у старых друзей… Я поделился теми трудностями, с которыми столкнулось правительство в своих отношениях с левыми политическими кругами. Брусилов же рассказал о том огромном уроне, который нанесла армии изжившая себя бюрократическая система управления, об оторванности многих высших офицеров от реальной жизни»{264}. Задумаемся — задушевного разговора достаточно для того, чтобы воюющая армия, к тому же находящаяся в критическом положении, сменила главнокомандующего.

Большая часть назначений Керенского по военному ведомству носила характер случайный. Он вынужден был либо доверять рекомендациям посторонних людей, либо полагаться на свою «гениальную» интуицию. И то и другое его часто подводило. Ситуация с выдвижением Корнилова тоже в какой-то мере носила случайный характер. Но именно в какой-то мере. В данном случае дело обстояло сложнее, потому что Корнилов в июле 1917-го был уже не просто одним из многих генералов, но постепенно превращался в политическую фигуру.

ВЕРХОВНЫЙ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ

К середине июля 1917 года обстановка на основных фронтах по-прежнему оставалась напряженной. В Галиции немцы и австрийцы продолжали теснить русские войска, и, хотя паника первых дней улеглась, конца отступлению было не видно. В этой ситуации Керенский назначил на 16 июля совещание в Ставке для выработки неотложных мер. Чрезвычайный характер этой встречи подчеркивался участием в ней отставных военачальников. Персональные приглашения получили М.В. Алексеев и бывший главнокомандующий Северным фронтом генерал Н.В. Рузский.

Брусилов от своего имени пригласил на совещание генералов В.И. Гурко и А.М. Драгомирова. Еще недавно они командовали соответственно Западным и Северным фронтами, но были смещены по настоянию Керенского. Вопрос об их участии спровоцировал неприятный инцидент. Узнав о приглашении Драгомирова и Гурко, Керенский заявил категорический протест. Брусилову пришлось спешно посылать телеграммы, отменяя свое приглашение. Генерала Гурко телеграмма не нашла, он прибыл в Ставку, но демонстративно не был допущен на заседания.

Еще одна скандальная история произошла непосредственно в день заседания. Поезд Керенского должен был прибыть в Могилев в полтретьего дня, но появился на станции на час раньше. В это время Брусилов слушал доклад своего начальника штаба генерала А.С. Лукомского. Брусилов решил не прерывать встречу и послал на вокзал своего генерала для поручений сообщить, что главнокомандующий извиняется и будет ждать премьер-министра в час, назначенный для начала заседания. По словам очевидцев, это вызвало страшное возмущение Керенского. Он почти кричал своим спутникам, что при царе генералы такого себе бы не позволили, что Брусилов еще недавно заискивал перед ним, а теперь позволяет себе игнорировать главу правительства.

Через полковника Барановского Керенский потребовал, чтобы Брусилов немедленно явился к нему в вагон. Брусилов вспоминал: «Когда я вошел в вагон министра, он мне лично не высказал своего неудовольствия и упреков не делал, но сухое, холодное отношение сразу же почувствовалось. Он потребовал доклада о положении на фронте, что я немедленно вкратце исполнил… Подробно говорить я не мог, ибо время приближалось к 4 часам, а заседание было назначено на 3 часа. Нас ждали, и я принужден был задать вопрос: не благоугодно ли ему будет отложить заседание или поторопиться ехать? На последнее он согласился, и мы поехали в генерал-

квартирмейстерскую часть, где все чины совещания уже были собраны»{265}.

Помимо Керенского и Брусилова на совещании присутствовали генералы Алексеев, Рузский, Лукомский, оба генерал-квартирмейстера Ставки — И.П. Романовский и Ю.Н. Плющик-Плющевский. Правительство представлял приехавший вместе с Керенским министр иностранных дел М.И. Терещенко. На совещание были приглашены главнокомандующие Северным фронтом генерал В.Н. Клембовский и Западным — генерал А.И. Деникин (последний приехал вместе со своим начальником штаба генералом С.Л. Марковым). Главнокомандующие Румынским фронтом генерал Д.Г. Щербачев и Юго-Западным — генерал Л.Г. Корнилов не присутствовали ввиду сложной обстановки на вверенных им участках. Отсутствие Корнилова в какой-то мере восполнял комиссар Юго-Западного фронта Савинков, единственный из комиссаров, принимавший участие в заседании. В зале присутствовало еще несколько бессловесных молодых людей из свиты Керенского и двое штабных офицеров, которым было поручено вести протокол.

Совещание, которое Алексеев назвал «консилиумом врачей у постели тяжелобольного», затянулось до полуночи. На правах председателя его открыл Брусилов. Его короткая речь была составлена в выражениях осторожных и неопределенных. Брусилов еще не успел закончить, как его бесцеремонно прервал Керенский. Он сказал, что совещание должно выработать конкретные шаги по восстановлению боеспособности армии и просит высказываться именно в этой связи. Началось обсуждение. Слово было предоставлено генералу Деникину как младшему из присутствовавших. Свое выступление он начал словами: «С глубоким волнением и в сознании огромной нравственной ответственности я приступаю к своему докладу; и прошу меня извинить: я говорил прямо и открыто при самодержавии царском, таким же будем мое слово теперь — при самодержавии революционном»{266}.

Долгая речь Деникина изобиловала фактами и цифрами, он цитировал донесения командиров частей и резолюции солдатских митингов. Досталось от него и главковерху Брусилову и премьеру Керенскому. Деникин говорил: «У нас нет армии. И необходимо немедленно, во что бы то ни стало, создать ее. Новые законы правительства, выводящие армию на надлежащий путь, еще не проникли в толщу ее, и трудно сказать поэтому, какое они произвели впечатление. Ясно однако, что одни репрессии не в силах вывести армию из того тупика, в который она попала». С точки зрения Деникина, Временное правительство должно было

открыто признать свои ошибки. Власть в войсках должна была быть возвращена Верховному главнокомандующему. Армию необходимо оградить от политики, комиссары и комитеты подлежат упразднению. Деникин предлагал создать в резерве отборные части в качестве орудия для наведения дисциплины и предотвращения военных бунтов.

Выступление Деникина едва не вылилось в скандал. Брусилов писал: «Керенский начал резко оправдываться, и вышло не совещание, а прямо руготня. Деникин трагично махал руками, а Керенский истерично взвизгивал и хватался за голову»[267]. В конечном счете Керенский встал и пожал Деникину руку:

— Благодарю вас, генерал, за ваше смелое искреннее слово!

Это отнюдь не означало, что Керенский согласился с программой Деникина. Скорее всего, это был очередной случай игры в «демократического премьера», которую так любил Керенский. Правительство и генералитет, как и прежде, по-разному представляли себе выход из кризиса.

Что касается Деникина, то он, по словам Алексеева, стал «героем дня»[268]. Выступавшие вслед за ним генералы Клембовский и Рузский, по сути, лишь в более мягкой форме повторили то, что уже было сказано. В заседании был объявлен перерыв, после чего Савинков огласил телеграмму Корнилова. В ней говорилось о необходимости восстановления дисциплины в войсках и в качестве условия этого — запрещении митингов и деятельности политических агитаторов. Корнилов предлагал распространить постановление о смертной казни и военно-революционных судах на тыловые округа с тем, чтобы пресечь разложение в поступающих на фронт пополнениях. Но, в отличие от Деникина, Корнилов признавал целесообразность института военных комиссаров. Более того, он предлагал учредить должности комиссаров не только в армиях, но и в корпусах, предоставив им право утверждать приговоры военно-революционных судов. В числе предложений Корнилова было и проведение чистки командного состава с целью удаления тех, кто проявил нерешительность и неспособность руководить в новых условиях.

Закончилось совещание речью Керенского. Он попытался оправдаться от высказанных ему упреков и, в свою очередь, обвинил генералитет в непонимании требований революционного времени. Никаких решений на совещании принято не было, общего языка стороны так и не нашли.

В полночь поезд премьер-министра отбыл из Могилева в Петроград. Керенский пригласил в свой вагон Савинкова и Филоненко. Всю ночь Керенский развивал перед ними планы

переустройства власти. Речь шла о формировании нового состава правительства с участием авторитетных для всей страны лиц. В этой связи Керенский предложил Савинкову пост управляющего военным министерством, то есть фактически военного министра, поскольку формально эту должность премьер решил оставить за собой. Во время этого ночного разговора встал вопрос и о новом Верховном главнокомандующем.

Мысль сменить Брусилова появилась у Керенского еще раньше. Будучи вовлеченным в политику, Брусилов был вынужден колебаться между линией правительства и настроениями высшего генералитета. Это в равной мере раздражало и тех и других. Но у Керенского не было кандидатуры на место Брусилова. Из присутствовавших на совещании генералов (если не считать Брусилова и Алексеева) Керенский лучше других знал Деникина. Он много раз бывал у него на Западном фронте и в общем-то относился к Деникину с симпатией. Даже много лет спустя он писал, что Деникин был «одним из самых способных» и либерально мыслящих военачальников{269}. Но Керенский понимал, что попытки Деникина провести в жизнь изложенную им на совещании программу спровоцировали бы массовое недовольство в солдатской среде.

Когда Савинков предложил кандидатуру Корнилова, Керенский встретил ее без особого энтузиазма. Корнилова он знал плохо. Они контактировали весной в Петрограде, позднее, уже в качестве военного министра, Керенский бывал в 8-й армии, но все это были очень короткие встречи. Не слишком благоприятное впечатление на Керенского произвела настойчивость Корнилова в деле введения смертной казни. Но так был настроен не один он, а и другие старшие генералы. С другой стороны, на фоне резкого выступления Деникина, требования Корнилова казались даже умеренными. По словам Керенского, они «как будто показывали, что человек немножко шире смотрит на это»{270}. Выбора у Керенского не было, и он поддался настояниям Савинкова. 19 июля Брусилов был откомандирован в распоряжение правительства, а новым Верховным главнокомандующим назначен Корнилов.

Далее, однако, начали происходить странные вещи. Не отказываясь от назначения, Корнилов оговорил вступление в новую должность целым рядом условий. В телеграмме, отправленной в тот же день в адрес правительства, он требовал «ответственности перед собственной совестью и народом», невмешательства в назначение высшего командного состава и принятие его предложений, изложенных на совещании в Ставке.

На следующий день из Петрограда поступило распоряжение о

назначении на освобождаемый Корниловым пост главнокомандующего Юго-Западным фронтом генерала В.А. Черемисова. Он, можно сказать, следовал за Корниловым по пятам, сначала сменив его в качестве командующего 8-й армией, а теперь фронтом. В начале июля именно 12-й армейский корпус под командованием Черемисова совершил триумфальный прорыв вражеских позиций. В этой связи Черемисову досталось немало славы. Не будем утверждать, но создается впечатление, что Корнилов ревновал к Черемисову, полагая, что тот присвоил его, Корнилова, заслуги. Во всяком случае, теперь Корнилов категорически высказался против назначения Черемисова. Об этом он известил правительство новой телеграммой. Одновременно Корнилов телеграфировал в военное министерство Савинкову, сообщая, что без получения удовлетворительных ответов на предыдущие послания он в Ставку не выедет.

Началось трехдневное «бердичевское сидение». К этому времени Брусилов из Могилева уже выехал, а Корнилов туда не прибыл. Новый Верховный главнокомандующий продолжал сидеть в Бердичеве, в штабе Юго-Западного фронта, и фактически шантажировал правительство. Свою лепту в эту историю внес Завойко. Напомним, что Корнилов согласился с требованиями Савинкова и Филоненко об удалении Завойко, но до поры предпочитал держать его при себе. Завойко же, узнав о назначении Корнилова, пришел в крайнее недовольство, ибо это не вписывалось в его планы. По расчетам Завойко, будущий Наполеон должен был сначала заработать всероссийскую славу, которая и привела бы его к вершинам власти. Завойко попытался убедить Корнилова отказаться от назначения, мотивируя это тем, что в должности главковерха ему придется нести ответственность не только за удачи, но и за поражения.

Позднее на следствии Завойко говорил, что у него создалось впечатление, что его соображения «как будто бы и разделяются генералом, но одновременно и раздражают его»{271}. Влияние Завойко было велико, но Корнилов отнюдь не собирался всецело следовать его советам. Единственное, что удалось Завойко — это уговорить Корнилова поставить перед правительством условия своего назначения.

Для уговоров Корнилова в Бердичев был командирован Филоненко. Корнилов и сам был готов к компромиссу, и потому Филоненко довольно быстро удалось найти с ним общий язык. Было решено, что «ответственность перед народом» предполагает ответственность перед Временным правительством. Правительство не будет вмешиваться в назначения на высшие командные должности, но оставляет за собой право

контролировать их. Что касается требований, изложенных на июльском совещании в Ставке, то они не могут быть приняты скоропалительно. Правительство, по словам Филоненко, сочувствует Корнилову и обещает в скорейшем времени реализовать основные положения его программы. Единственное, в чем Корнилов оставался непреклонен, — это вопрос о назначении Черемисова. В итоге Черемисов был отчислен в резерв, а Корнилов, наконец, согласился принять новый пост. Главнокомандующим Юго-Западным фронтом через некоторое время был назначен генерал Деникин.

Много позже, когда уже не было в живых большинства участников этих событий, восьмидесятилетний Керенский пытался подвести итоги своей деятельности на посту премьер-министра революционной России. Среди главных своих ошибок он указал то, что не сместил Корнилова сразу же после того, как тот начал выдвигать свои требования правительству{272}. Действительно, обстоятельства назначения Корнилова Верховным главнокомандующим фактически означали капитуляцию Керенского. Капитуляцию уже вторичную, так как первой можно считать уступку в вопросе о введении смертной казни. Керенский всё, или почти всё, понимал, но он побоялся сместить главковерха на другой же день после назначения. У Керенского не было других кандидатур, а у Корнилова были влиятельные сторонники.

Для Корнилова же начинался новый этап в карьере и биографии. За предыдущие пять месяцев он и так совершил стремительный взлет, поднявшись с командира корпуса до главнокомандующего фронтом. Но только пост Верховного главнокомандующего делал его фигурой, способной на самостоятельные политические решения. Этот пост ставил его вровень с премьером, а, учитывая, что Россия была воюющей страной, в чем-то даже и выше. Может быть, другой на его месте и смог бы оставаться в рамках «технического назначения», но Корнилов уже думал о большем.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.
АВГУСТ СЕМНАДЦАТОГО

МОГИЛЕВ

До начала войны Могилев был тихим и небольшим, по меркам губернского центра, городом. Положение изменилось после того, как в августе 1915 года сюда из Барановичей переехала Ставка Верховного главнокомандующего. Две с лишним тысячи новых обитателей Могилева заняли все меблированные комнаты и съемные квартиры. На запасных путях у вокзала вырос целый поселок из железнодорожных вагонов. Однако постепенно размеренный ритм провинциальной жизни подчинил себе и пришельцев. Время в Ставке текло неторопливо, подчиняясь раз и навсегда данному расписанию.

Любой посторонний человек на улице сразу бросался в глаза. Отчасти причиной этого был строгий въездной режим. На ближайших к Могилеву станциях и на городском вокзале были устроены пропускные пункты, проверявшие документы у всех пассажиров. Как ни странно, но при этом в самом Могилеве войск почти не было. Единственной строевой частью в городе был Георгиевский батальон, охранявший резиденцию Верховного главнокомандующего и другие официальные здания. С назначением Корнилова к георгиевцам прибавился Текинский конный полк. Всадники-туркмены в ярких халатах и огромных бараньих папахах стали личным конвоем нового главковерха.

Двухэтажный губернаторский дом своим фасадом выходил на центральную городскую площадь, обрамленную по кругу зданиями присутственных мест. Противоположной стороной дом был обращен к Днепру. К правому крылу губернаторского дома примыкал сад, окруженный высокой оградой. У главного входа стояли парные часовые, в вестибюле занимал пост дежурный офицер комендатуры{273}. Парадная лестница вела наверх в большой белый зал с окнами на площадь.

Старое здание еще помнило последнего русского царя. Апартаменты, которые раньше занимал Николай II, теперь стояли пустыми. В них мало кто заходил, и только редким любопытствующим гостям показывали пыльные комнаты с голыми железными кроватями и свисающими с потолка электрическими лампочками без абажуров{274}. Зато в бывшем царском кабинете все оставалось по-прежнему. В центре просторного помещения, наискосок напротив входа, стоял большой двухтумбовый стол из резного дуба. Огромная поверхность стола была затянута бордовым сукном. По стенам стояли старинный диван и кресла красного дерева. Люстра в стиле модерн со стеклянными подвесками спускалась с потолка.

На столе стояла простая электрическая лампа с темным абажуром[275].

Корнилов поселился здесь же на втором этаже в комнатах, которые когда-то занимал министр двора. Помещения для себя он специально не выбирал, а занял то, где до него жил Брусилов. Новые времена проникли и за закрытые двери губернаторского дома. В результате бывшая резиденция известного сибарита графа Фредерикса выглядела более чем скромно. Со стен исчезли картины, из шкафов — дорогой сервиз. Единственной радостью были окна на Днепр, за которым тянулась пустынная равнина.

День Корнилова начинался рано. В полвосьмого утра он был уже у себя в кабинете. После двух часов работы он обычно спускался в сад и гулял там около получаса. Такая же прогулка повторялась ближе к вечеру. Иногда рано утром, когда на улице еще не было людей, главнокомандующий в сопровождении небольшой свиты выезжал на загородную прогулку. Если его предшественники Алексеев и Брусилов предпочитали автомобиль, то Корнилов отдавал предпочтение верховой езде. Он был прирожденным кавалеристом, любил лошадей, умел с ними обращаться. Свою буланую кобылу по кличке Фатима он получил в подарок от текинцев после назначения на Юго-Западный фронт.

Ежедневно с одиннадцати до полпервого и вечером с шести до семи Корнилов принимал доклад начальника штаба и генерал-квартирмейстера. Как правило он больше слушал, нежели говорил сам, при этом на собеседника не смотрел, а рисовал какие-то картинки на лежавшем перед ним листке. Когда Корнилов бывал чем-то недоволен, он начинал бессознательно постукивать костяшками пальцев по столу.

Крайняя степень раздражения выражалась в том, что он вставал и, заложив руки за спину, отходил к окну.

В час дня Верховный садился завтракать, в семь вечера наступало время обеда. Поначалу несколько раз Корнилов ходил обедать в Офицерское собрание. Располагалось оно в здании гостиницы «Бристоль», где жили сотрудники иностранных военных миссий. Ресторан Офицерского собрания представлял собой просторный зал с небольшой сценой, всегда закрытой опущенным занавесом. Перед сценой поперек зала располагался стол для высшего генералитета. Вдоль стен шли другие столы, за которыми посетители рассаживались строго в соответствии с чинами[276].

Ставка жила в общем-то скучно (в городе было лишь два кинематографа и театр, но он вечно стоял закрытым). Поэтому основным развлечением здесь были сплетни, а главным местом их обмена — ресторан Офицерского собрания. Появление в

ресторане Корнилова каждый раз вызывало в зале такое неприкрытое оживление и провоцировало такие слухи, что в итоге он предпочел завтракать и обедать в губернаторском доме. Еду сюда приносили из ресторана, и по качеству она не отличалась от той, что предлагалась другим посетителям. Корнилов в этом отношении был очень непривередлив. Ел он медленно, но на качество еды особого внимания не обращал{277}. Из напитков в первую очередь предпочитал чай. Корнет Хаджиев вспоминал, как Корнилов попросил однажды у него зеленого чая и, попробовав, сказал: «Это не настоящий зеленый чай, который любят туркмены! Это персидский поддельный, который приготовляют персы для того, чтобы его сбыть неопытным туркменам по дешевой цене»{278}. Для Корнилова чай заваривали отдельно, очень крепкий, в специальном плоском чайничке, привезенном им когда-то из Китая.

Завтрак, как правило, длился не более получаса. За стол Корнилов обычно садился один, редко с кем-то из самых близких сотрудников. Зато на обед (в нашем понимании, скорее, ужин) всегда кто-то приглашался. Это могли быть высокопоставленные визитеры из Петрограда, генералы, приехавшие в Ставку с фронта, иностранные военные агенты. Перед едой Корнилов мог выпить рюмку водки, но не больше. О делах за обедом не говорили, беседы шли на отвлеченные темы. «Интересно и увлекательно он рассказывал сцены и картины нравов из персидской истории, — отмечал Хан Хаджиев, — вспоминал произведения персидских поэтов, часто декламируя большие отрывки на прекрасном персидском языке, переводя их после слушателям. Меткость, изящество, богатство и острота цитат очень нравились присутствующим…»{279} Корнилов очень любил рассказывать о своей службе в Туркестане, часто повторяясь, так что его знакомые могли выучить эти истории наизусть. Впрочем, он был готов внимательно выслушать и собеседника. Правда, острословов в своем окружении Корнилов не любил. Не то чтобы он не понимал шуток, просто не привык смеяться. Когда это все же случалось, из горла у него вместо смеха вырывались какие-то лающие звуки и на лице потом несколько мгновений сохранялось удивленное выражение, как будто бы он сам не мог поверить, что способен на такое.

Вечера и редкие свободные часы главковерх проводил с семьей. Жена Корнилова Таисия Владимировна и младший сын генерала Юрий (Георгий) жили здесь же в губернаторском доме, но в городе показывались очень редко. В десятых числах августа в Могилев приехала из Петрограда старшая дочь Корнилова Наталья. Она планировала задержаться всего на несколько дней,

но последующие события заставили ее остаться с отцом.

Корнилов, что называется, с младых ногтей надел военную форму и когда позже ему приходилось ходить в гражданском, выглядел он в этой одежде довольно нелепо. В Ставке он носил обычный генеральский мундир — китель с погонами зигзагом, темно-синие брюки с широкими генеральскими лампасами, на шее — орден Святого Георгия III степени, на груди слева орден Святого Георгия IV степени. По Статуту георгиевские награды кавалер их должен был носить постоянно. Другие награды, в том числе российские ордена Святого Владимира, Святой Анны, Святого Станислава, французский орден Почетного легиона, английский орден Святых Михаила и Георгия и другие, надевал крайне редко. Не любил он и украшения иного рода. Из таковых он носил только обручальное кольцо и серебряный перстень с китайскими иероглифами. Перстень этот служил Корнилову печатью для личной корреспонденции.

С Корниловым в Могилев приехали и его адъютанты — капитан А.П. Корнилов и поручик В.И. Долинский. Они были с ним начиная с марта: в штабе Петроградского округа, в 8-й армии и на Юго-Западном фронте. Позже к ним присоединился поручик Текинского полка Резак-Бек Хаджиев. Корнилов называл его «Хан» и позднее, в память о погибшем командире, Хаджиев присоединил это слово к своей фамилии. Адъютанты дежурили по очереди. Их обязанностью было докладывать о являющихся на прием, следить за бумагами и выполнять личные поручения главковерха.

Адъютантская часть находилась в ведении генерала для поручений. Эту должность при Корнилове со второй половины июля занимал полковник В.В. Голицын. С Корниловым он познакомился еще в марте, когда был назначен командовать 3-й гвардейской пехотной бригадой, находившейся в Петрограде. После ухода Корнилова с должности главнокомандующего столичным военным округом Голицын последовал за ним. Хотя ему предстояло производство в генерал-майоры, он предпочел выхлопотать увольнение от службы по состоянию здоровья, для того чтобы иметь возможность быть рядом с Корниловым{280}. Современники приписывали Голицыну сильное влияние на Корнилова. Он действительно часто бывал за завтраком у главковерха, водил какую-то дружбу с Завойко, но обычно все же предпочитал оставаться в тени.

Похоже, что Голицын восполнял для Корнилова нехватку общения. Корнилов по своему характеру был замкнутым и плохо сходился с новыми людьми. Однако перед человеком, доказавшим, как Голицын, свою преданность ему, он мог

неожиданно раскрыться. Подобную же роль при Корнилове играл и Завойко. С назначением на должность главковерха, Корнилов, выполняя требования Савинкова, отослал Завойко. Но в середине августа тот вновь появился в Ставке и сразу же занял прежнее положение. Завойко поселился в губернаторском доме и общался с Корниловым почти ежедневно.

Из других старых знакомых Корнилова в Ставке постоянно находился Филоненко. Филоненко получил пост комиссара при Верховном главнокомандующем (комиссарверха) и последовал за Корниловым в Могилев. Все, в том числе и сам Корнилов, видели в Филоненко соглядатая, приставленного Савинковым. Вероятнее всего, именно поэтому Филоненко для Корнилова никогда не стал близким человеком, хотя главковерх приближал к себе и более случайных людей. Филоненко бывал у Корнилова очень часто, запросто садился с ним за стол, но в такие дни разговоры за обедом были особенно далеки от чего-то серьезного.

Большая часть сотрудников Ставки досталась Корнилову «по наследству» от его предшественников. Самой заметной фигурой среди них был начальник штаба генерал-лейтенант А.С. Лукомский. Это был, несомненно, выдающийся организатор. Накануне войны он занимал должность начальника мобилизационного отдела главного управления Генштаба. Сложнейшее дело проведения всеобщей мобилизации было в немалой мере заслугой Лукомского. За несколько месяцев до революции он стал генерал-квартирмейстером Ставки. С назначением Алексеева Верховным главнокомандующим Лукомский должен был автоматически стать начальником штаба, но тогдашний военный министр Гучков предпочел ему генерала Деникина. Лукомский ушел на должность командира 1-го армейского корпуса и вернулся в Ставку лишь при Брусилове.

Прежде Корнилов никогда не сталкивался с Лукомским по службе. В первый же день между ними состоялся сложный разговор. Лукомский заявил, что готов остаться на своем посту только при условии полного доверия к нему. Корнилов согласился с этим, но попросил Лукомского продолжать работу, а будущее оставить в зависимости от того, как сложатся их отношения. По характеру своему Лукомский был очень не похож на Корнилова. Он никогда не позволил бы себе, как тот, радикальных высказываний в республиканском духе. Однако вряд ли это диктовалось исключительно политическими симпатиями, скорее, осторожностью. Долгие годы пребывания на штабных постах дали Лукомскому навык интриг и приучили к скрытности. Он сознательно избегал сближения с кем-либо и потому оставался одним из немногих старших начальников, кто занимал

ответственный пост еще при царе. Но в итоге Корнилов, несмотря на работу бок о бок с Лукомским, инстинктивно дистанцировался от него. Характерно, что позднее, при создании Добровольческой армии, Корнилов предпочел Лукомскому в должности начальника штаба генерала Романовского.

В период, о котором мы ведем речь, генерал-майор И.П. Романовский был первым генерал-квартирмейстером Ставки. С Корниловым Романовский был знаком еще со времени совместной службы в Туркестане. В мае 1917 года, когда Корнилов был назначен командующим 8-й армией, Романовский был у него начальником штаба. Тогда вместе им пришлось прослужить чуть более месяца, с тем чтобы снова встретиться уже в другом качестве в Могилеве.

Как и Лукомский, Романовский был штабным работником очень высокой квалификации. Знавшие его вспоминали, что «к нему надо было приходить с докладом не только хорошо обоснованным, но и приносить с собой груду материалов и книг Свода законов и военных распоряжений»{281}. Несколько тучный для своего сорокалетнего возраста, медлительный в движениях, Романовский производил на окружающих впечатление человека флегматичного и равнодушного ко всему. На самом деле он был очень эмоционален и особенно остро реагировал на развал страны и армии. Его показания следственной комиссии по «корниловскому» делу дышат искренностью и настоящей болью. «Самолюбие русского и самолюбие военного, может быть, оно покажется некоторым смешным, направляло меня по пути, который мог бы привести к спасению России, к спасению армии, без которой не может жить Россия. Единственным путем для меня представлялся путь сильной власти, какая будет эта власть для меня, в сущности, все равно, лишь бы она была сильная, разумная и честная, то есть русская, а не немецкая»{282}. В лице Романовского Корнилов обрел верного помощника и надежного соратника.

Второй генерал-квартирмейстер Ю.Н. Плющик-Плющевский когда-то был сослуживцем Лукомского по мобилизационному отделу Генштаба. Люди, близко общавшиеся с ним, полагали, что он, «не обладая должными качествами, часто не имел своего мнения и у него не хватало мужества защитить свои взгляды, даже когда он придерживался другого мнения»{283}. Корнилов дважды ставил вопрос о замене Плющевского, но оба раза Лукомскому удавалось его отстоять. Позже, однако, Корнилов оценил его умение работать с бумагами, быстро и четко выполнять полученные задания. Именно Плющевский был непосредственным составителем записок Корнилова,

представленных им на обсуждение Временного правительства.

Атмосфера закрытости, в которой жила Ставка, создавала почву для всякого рода интриг. Они процветали и прежде, не прекратились они с назначением Корнилова. Тон в этом задавал Филоненко, видевший свою роль в том, чтобы охранять Корнилова от чуждых влияний, а заодно и присматривать за ним. В этом качестве он рьяно принялся выслеживать «монархические заговоры». Уже через два дня после назначения на новую должность Филоненко сообщил о том, что, по его данным, в Ставке готовится контрреволюционный переворот. По приказу Корнилова было проведено расследование, но выяснилось, что в основе всей этой истории лежали непроверенные, да к тому же искаженные слухи. Однако Филоненко на этом не успокоился и в результате на свет родилось «дело генерала Тихменева».

Генерал-лейтенант Н.М. Тихменев занимал пост начальника военных сообщений. По своим взглядам он был монархистом (в эмиграции он много лет состоял председателем Союза ревнителей памяти императора Николая II). Своих политических симпатий генерал Тихменев не скрывал и потому оказался наиболее удачной кандидатурой на роль главы монархического подполья.

По словам генерала Лукомского, на третий или четвертый день после появления Филоненко в Могилеве ему принесли копию телеграммы, отправленной верховным комиссаром по адресу управляющего военным министерством. «Я прочитал и ничего не понял, — вспоминал Лукомский. — Было упомянуто о “коне бледном”, скачущем через какие-то горы и чего-то затевающем. Было упомянуто среди телеграммы о начальнике военных сообщений. Я сказал, что воровского языка не понимаю и не могу разобрать в чем дело»[{284}]. Действительно, телеграмма могла сбить с толку кого угодно. Вот ее буквальное содержание: «То, что Ваня, Федор, Генрих, Эрна, Жорж делали с запада, теперь может быть в шатре с востока. Конь бледный близко, так мне кажется. Пожалуйста, исполните немедленно все, что завтра утром вам передам»[{285}].

Позже выяснилось, что, опасаясь вездесущих «монархистов», Филоненко зашифровал свое послание именами и образами из романа Савинкова «Конь бледный», рассчитывая на то, что сам его автор (он же адресат) в этом разберется. В переводе это должно было означать, что в Ставке (Шатре) зреет контрреволюционный заговор. На следующее утро в разговоре по прямому проводу Филоненко прямо назвал имя генерала Тихменева и попросил Савинкова срочно вызвать того в Петроград для разбирательства.

Обвинения Филоненко строились на обрывках разговора, подслушанного им в поезде по дороге в Могилев. Ничего конкретного в них не содержалось, но в числе прочего была упомянута фамилия Тихменева. За компанию, Филоненко выставил заговорщиком и Лукомского. История эта дошла до Керенского, однако за Тихменева вступился лично знавший его полковник Барановский, и в итоге дело было закрыто. Лукомского же категорически поддержал сам Керенский. Пострадавшим в результате оказался Филоненко. Лукомский пожаловался на него находившемуся тогда в Ставке министру иностранных дел М.И. Терещенко, а тот сообщил об этом Керенскому. Филоненко был вызван в Петроград для разбирательства, и лишь поддержка Савинкова помогла ему сохранить свой пост.

Савинков понимал, что Филоненко человек пустой и ненадежный. Но бывший террорист в это время затевал сложную игру, в которую были вовлечены и Керенский, и Корнилов. Находясь в Петрограде, Савинков контролировал лишь часть событий. Ему нужны были глаза и уши для того, чтобы следить за партией с противоположного конца шахматной доски. Эта роль и отводилась Филоненко. Однако Савинков совершил ошибку, свойственную многим недюжинным людям. Будучи убежденным в том, что это именно его партия, он и мысли не допускал о том, что какая-то из задействованных им фигур способна на самостоятельные поступки. Уже ближайшее время показало, что это далеко не так.

БОЛЬШАЯ ИГРА

Ко времени назначения Корнилова Верховным главнокомандующим ситуация на фронте начала стабилизироваться. Германо-австрийские войска, испытывавшие острую нехватку резервов, остановили успешно развивавшееся наступление. Россия потеряла все свои завоевания в австрийской Галиции, но в создавшейся ситуации это можно было считать очень скромной платой. Временное затишье на фронтах позволило Корнилову более внимательно сосредоточиться на задуманной им программе оздоровления армии.

30 июля в Ставке состоялось совещание, на котором присутствовали министр путей сообщения П.П. Юренев, министр продовольствия А.В. Пошехонов и их помощники. Главное командование на совещании представляли Корнилов, Лукомский и начальники отделов штаба. В докладе товарища министра путей сообщения Э.П. Шуберского была нарисована удручающая картина полного развала железнодорожного транспорта. Докладчик не скрывал, что уже в ближайшее время это может привести страну к экономической катастрофе и оставить армию без подкреплений и боеприпасов. Подводя итог обсуждению, Корнилов сказал, что России сейчас нужно иметь три армии — армию в окопах, армию в тылу, работающую на нужды фронта, и армию железнодорожную. Он заявил, что не касается вопросов о мерах оздоровления тыла, но, по его мнению, в тылу должна быть установлена такая же жесточайшая дисциплина, которую он стремится возродить на фронте{286}.

Эти положения легли в основу докладной записки Корнилова, представленной им Временному правительству. История ее появления выглядит следующим образом. Еще после июльского совещания с участием Керенского генерал-квартирмейстер Плющик-Плющевский по своей инициативе систематизировал и обобщил прозвучавшие на нем предложения. Сразу же по назначении Корнилова Верховным главнокомандующим Плющевский представил ему подготовленные материалы. Корнилов попросил оформить их в виде сводной записки. В итоговом варианте содержалось требование распространить законы военного времени на тыловые районы, ликвидировать большинство комитетов в армии. Предполагалось их сохранить лишь на уровне рот и батальонов, ограничив их ведение исключительно вопросами культурно-хозяйственными. Все это было изложено в очень жесткой, почти ультимативной форме.

1 августа Плющевский подал записку Верховному главнокомандующему. Корнилов оставил текст почти неизменным и в ночь на 3 августа выехал в Петроград, увозя записку с собой. Накануне в разговоре по прямому проводу он сообщил Савинкову и Филоненко о своем намерении затронуть поставленные в записке вопросы в своем докладе правительству. Петроградских партнеров Корнилова это очень встревожило. Корнилов был нужен Савинкову для того, чтобы оказывать давление на Керенского, самостоятельные же его инициативы в эти планы не вписывались.

Рано утром, на подъезде к столице, в Павловске, Филоненко сел в поезд Корнилова. Первым делом он ознакомился с текстом записки. По словам Филоненко, составлена она была крайне неудачно прежде всего потому, что порождала у читателя подозрение в намерении составителей вернуть страну к старым порядкам. Филоненко сказал об этом Корнилову и по его реакции понял, что тому это не понравилось. Довершил дело еще один неприятный эпизод. Уже в черте Петрограда поезд Корнилова столкнулся с вагонеткой, перевозившей шпалы. В результате этого на вокзал прибыли только незадолго до полудня, с опозданием почти на час.

Немедленно с вокзала Корнилов отправился на встречу с Керенским, а Филоненко, захватив с собой записку, поехал к Савинкову. Став премьером, Керенский поселился в Зимнем дворце (что, к слову сказать, произвело очень неприятное впечатление на многих). Бывшая резиденция российских императоров одним своим видом могла служить символом разрухи, охватившей страну. «Внутри дворца было пустынно и запущено. В залах зияли пустые места по стенам (были сняты царские портреты); в иных местах портреты или картины были завешены брезентом. Тем же брезентом кое-где был устлан и пол, вероятно для сбережения паркетов. Изредка в коридоре появлялась фигура часового-юнкера или дворцового служителя в домашнем платье»{287}. Заседания Временного правительства проходили в Малахитовой гостиной бывшей императрицы. Сам Керенский поселился в бывших комнатах императора Александра III на третьем этаже. В царском кабинете была устроена спальня министра-председателя. В библиотеке императора Керенский принимал доклады и проводил совещания{288}. Здесь же он принял и Корнилова.

Разговор начался в раздраженном тоне. Керенский сказал, что со времени назначения Корнилова главковерхом все его обращения к правительству звучат как настоящие ультиматумы. Корнилов ответил, что дело не в нем, а в обстановке, требующей

немедленных и жестких мер. Далее, по словам Корнилова, Керенский поинтересовался, следует ли ему оставаться на посту главы государства? «Смысл моего ответа, — говорил Корнилов на следствии, — состоял в том, что, по моему мнению, влияние его в значительной степени понизилось, но тем не менее я полагаю, что он как признанный вождь демократических партий должен оставаться во главе Временного правительства и что другого положения я не представляю»{289}.

Остановимся на этом более подробно. Удивляет уже сама тема разговора. С чего бы это Керенскому советоваться с Корниловым по поводу своей будущей судьбы? В интерпретации Керенского все было по-другому. Он, наоборот, защищал свою позицию, и вопрос его звучал чисто риторически: «Ну, предположим, я уйду, что же из этого выйдет?»{290}В конечном счете неважно, как это обстояло на самом деле. Главное — как поняли друг друга собеседники. В понимании Керенского, он подал знак, что никуда не уходит и уходить не собирается. Корнилов же воспринял эту мимолетную фразу как показатель того, что Керенский готов поднять руки и признать свою несостоятельность. Вся «корниловская история» густо замешана на таком, чисто человеческом, взаимном непонимании.

Поскольку заседание правительства было назначено лишь на четыре часа пополудни и свободного времени было достаточно, Корнилов отправился в особняк военного министра на Мойку для разговора с Савинковым. Здесь уже давно находился Филоненко. Он успел познакомить Савинкова с запиской Корнилова и соответствующим образом его настроить. Савинков попросил Корнилова воздержаться до времени от оглашения записки, мотивируя это тем, что аналогичные меры уже готовятся в военном министерстве. Корнилов согласился и передал привезенный с собой текст Савинкову.

В итоге свой доклад правительству Корнилов ограничил чисто военными вопросами. Он охарактеризовал обстановку на фронтах, численность армий, состояние артиллерии, интендантского снабжения и тому подобное. Прогнозируя развитие событий в будущем, Корнилов сказал, что, по его мнению, следующий удар немцы нанесут в районе Риги. Присутствовавшие были напуганы и подавлены. Когда на улице раздался громкий звук лопнувшей автомобильной шины, все вздрогнули и инстинктивно обернулись на окна{291}.

С этим докладом связан эпизод, еще раз подтверждающий, что любая мелочь, случайно сказанное слово могут породить весьма серьезные события. Когда в выступлении Корнилова стали звучать конкретные цифры о количестве войск и вооружений на

фронте, Савинков подал Керенскому записку: «Уверен ли министр-председатель, что сообщаемые генералом Корниловым государственные и союзные тайны не станут известны противнику в товарищеском порядке?»{292} Прочитав записку, Керенский наклонился к Корнилову и шепотом попросил его воздержаться от оглашения секретных сведений. И опять, как и раньше, каждый понял это по-своему. Керенский утверждал, что он просто не хотел затруднять внимание слушателей техническими деталями{293}. По его словам, он не придал никакого значения этому замечанию и не мог предполагать, чем это обернется в дальнейшем. Савинков был более определенен. Позже он объяснял свои опасения тем, что, по его сведениям, некоторые министры-социалисты находились в слишком тесном контакте с лицами, заподозренными в контактах с противником.

Для Корнилова же это стало настоящим шоком. Выходило, что правительство, которому он подчинялся и готов был сохранять верность, включает в себя прямых или косвенных агентов врага. Из разговора с Савинковым уже после заседания он понял, что тот имеет в виду министра земледелия эсера В.М. Чернова. Видимо, какие-то основания для подозрений у Савинкова были. Среди старых знакомых Чернова по эмиграции действительно был некий А.Е. Цивин, работавший на германскую разведку{294}. Но дело даже не в том, сколь много информации немцы получили благодаря этому источнику (скорее всего, очень немного). После того, что произошло, Корнилов не мог доверять центральной власти. Можно сказать, что этот мелкий эпизод стал для него очередным шагом по пути к противостоянию правительству Керенского.

В ту же ночь Корнилов отбыл обратно в Могилев. Савинков, по-прежнему не оставивший надежды на успех начатой им игры, оставался в Петрограде. Рассуждения о политической игре чаще всего подразумевают наличие неких низменных, или, во всяком случае, корыстных целей. Савинков, безусловно, был человеком честолюбивым, но в данном случае его поведение объяснялось иным, нежели вульгарным стремлением к власти. Мы говорим об игре только потому, что методы, использовавшиеся Савинковым, очень напоминали классический набор интриг. Но он по-другому просто не умел, к интригам и многоходовым комбинациям его приучила долголетняя карьера подпольщика. Конечная неудача Савинкова стала еще одним подтверждением того, что негодные средства могут погубить самую благую *цель*.

В те дни Савинков почти ежедневно бывал в доме у супругов Д.С. Мережковского и З. Н. Гиппиус. Похоже, что ему нужно было выговориться, излить душу кому-то, кому он доверял. В

дневниках Зинаиды Гиппиус зафиксированы подробные рассказы Савинкова, позволяющие выяснить суть задуманного им. Савинкова не меньше других волновала нараставшая в стране анархия и большевистская угроза. Выход из создавшегося положения он видел в соединении авторитета Керенского и Корнилова. Корнилов должен был обеспечить опору в войсках, стать залогом возрождения армии. Участие Керенского служило бы гарантией сохранения демократии и свободы. Свою задачу Савинков видел в том, чтобы обеспечить их сотрудничество. Комбинация «двух К» в этом случае превращалась в «ККС», и это, пожалуй, единственное, в чем проявилось честолюбие Савинкова.

Заставить двух таких разных людей протянуть друг другу руки было делом не простым. Савинков это понимал. «Корнилов — честный и прямой солдат… Он любит свободу, это я знаю совершенно точно. Но Россия для него первое, свобода — второе. Как для Керенского, свобода, революция — первое, Россия — второе». Савинков был готов и к тому, что Корнилов захочет пойти один. В этом случае он заранее заявлял, что останется с Керенским. «Я, конечно, не останусь с Корниловым. Я без Керенского в него не верю… Но я не верю, что и Керенский один спасет Россию и свободу; ничего он не спасет»{295}. В этом было главное слабое место задуманного Савинковым. Прежде чем заставить Корнилова и Керенского доверять друг другу, он должен был сделать так, чтобы они доверяли ему самому.

Между тем Керенский все больше разочаровывался и в Корнилове, и в Савинкове. Это разочарование было совершенно неизбежным, так как Керенский (и мы уже об этом писали) абсолютно не умел выбирать сотрудников. От каждого из них он ждал, что тот будет «верным слугой» и не больше. Это срабатывало в отношении юных поклонников обоего пола. Когда же речь шла о людях с самостоятельными амбициями, все быстро заканчивалось испорченными отношениями.

Буквально на следующий день после отъезда Корнилова в «Известиях» Петроградского Совета появились обширные отрывки из привезенной им записки. Савинков клялся в том, что из военного министерства такой утечки быть не могло. Оставалось предположить, что информация просочилась из канцелярии министра-председателя и, возможно, не без его ведома. Левая пресса мгновенно подняла шум по поводу попытки установления военной диктатуры. Имя Корнилова склоняли на все лады, прямо обвиняя его в «контрреволюции».

В такой ситуации Керенский, апеллируя к общественным настроениям, мог потребовать отставки Корнилова. Похоже, что дело к этому и шло. Как раз в это время полковник Барановский

сообщил Филоненко под большим секретом, что Керенский все больше склоняется к кандидатуре генерала Черемисова[296]. Несколько дней спустя Барановский выехал в Киев, для того чтобы навестить больного отца, но по дороге почему-то задержался в Могилеве. Поскольку речь шла о родственнике и ближайшем сотруднике Керенского, это было воспринято как инспекторская проверка. Позднее на допросе по «делу Корнилова» Керенский уклонился от уточнения причин поездки Барановского в Ставку. Он лишь намекнул на то, что у него были какие-то сведения об антиправительственных настроениях руководства Союза офицеров.

7 августа помощник Филоненко Г.С. Фонвизин сообщил Корнилову, что, по его сведениям, вопрос об отставке главковерха уже решен. Корнилов ответил, что он за свой пост не держится, но просит довести до сведения кого следует, что такая мера может вызвать недовольство среди офицерства. Не очень ясно, откуда Фонвизин получил эту информацию. Корнилову он говорил о сведениях, полученных из Петрограда, но Филоненко в Петроград сообщал о том же, ссылаясь на слухи, ходившие в Ставке[297].

Так или иначе, но разговоры об отставке Корнилова стали приобретать упорный характер. Это вызвало целый поток телеграмм в поддержку Верховного главнокомандующего. Они были подписаны Советом Союза казачьих войск, Союзом офицеров армии и флота, Союзом георгиевских кавалеров. В особенно резких выражениях было составлено обращение Совета Союза казачьих войск (его председателем был войсковой старшина А.И. Дутов, будущий атаман Оренбургского казачества). В этой телеграмме говорилось, что в случае отставки Корнилова Совет снимает с себя ответственность за поведение казачьих войск на фронте.

Все это не могло способствовать доверию Керенского к Корнилову. Однако при всей растущей неприязни к главковерху, Керенский его в то время в покушении на переворот не подозревал. Сам Керенский в это время еще не до конца определился с линией своего поведения. 4 августа, на следующий день после доклада Корнилова правительству, в Петрограде, в здании Министерства внутренних дел, собрался съезд губернских комиссаров. В разгар заседания в зале неожиданно погас свет, в перерыве делегатам подали чай, но без сахара[298]. Эти мелкие детали наглядно иллюстрировали разруху, о которой и говорило большинство выступавших.

Этот же вопрос поднял в своей речи и Керенский. Он говорил о том, что власть должна быть твердой и решительной. Любое

промедление приведет к тому, что «анархия, не столько в политической, сколько в хозяйственной жизни в очень скором времени даст непоправимые результаты»{299}. Аудиторией, в которой социалисты были представлены в меньшинстве, это было воспринято как свидетельство поворота в политике правительства. Но в тот же вечер в Смольном, куда недавно переехал ВЦИК Советов, Керенский вновь клялся в верности демократии и заявлял, что «пока он обладает властью, не допустит никаких попыток к возвращению самодержавия»{300}. Показательно, что в эти же дни из тюрьмы были выпущены арестованные в июле большевики — Л.Б. Каменев и А.В. Луначарский.

Колебания в это время были присущи и Корнилову. Но семена раздора уже были посеяны. До этого Корнилов и не думал о возможном выступлении против правительства. Он должен был предполагать, что его программа может быть отвергнута Керенским, но единственным выходом в этом случае видел свою отставку. Сейчас у него появились и другие мысли. Мы думаем, что решающую роль в этом сыграл описанный выше инцидент, имевший место на заседании кабинета министров. Для Корнилова стало страшным открытием то, что даже в составе правительства могут быть вражеские агенты. В этом случае отставки было мало. Искренне верящий в то, что его миссия — спасти Россию, Корнилов был готов ради этого на все.

Утром 7 августа генерал Романовский доложил Лукомскому, что накануне главковерх приказал отдать распоряжение о выводе с Румынского фронта 3-го конного корпуса и Кавказской туземной дивизии и сосредоточении их в районе Невель — Новосокольники — Великие Луки. Сама идея создания крупного кавалерийского резерва принадлежала еще Брусилову. Родилась она в дни июльского контрнаступления немцев, когда ряд полков и дивизий самовольно отошли в тыл, угрожая разложением всего фронта. Для подавления беспорядков нужна была конница, а ее не хватало, в то время как на южном фланге она была в избытке.

Тем не менее отданное распоряжение показалось Лукомскому подозрительным. Странным было уже то, что Корнилов передал его через Романовского, да и район сосредоточения войск внушал сомнения. Со своими вопросами Лукомский пошел к Корнилову. Тот ответил, что хочет сосредоточить конницу в таком районе, откуда ее легко было бы в случае необходимости перевезти либо на Северный, либо на Западный фронт. Лукомский сказал, что Западный фронт не вызывает опасений. Немецкое наступление ожидается в районе Риги, и потому было бы целесообразней сосредоточить конницу в районе Пскова, то есть в тылу Северного

фронта. Однако Корнилов остался при своем решении. Сомнения остались и у Лукомского.

— Я, конечно, сейчас же отдам необходимые распоряжения, но у меня получается, Лавр Георгиевич, впечатление, что вы что-то не договариваете. Выбранный вами район для сосредоточения конницы очень хорош на случай, если бы ее надо было бросить на Петроград или Москву; но, на мой взгляд, он менее удачен, если речь идет лишь об усилении Северного фронта. Если я не ошибаюсь и вы действительно что-то не договариваете, то прошу — или отпустите меня на фронт, или полностью скажите мне ваши предположения. Начальник штаба может оставаться на своем месте лишь при полном доверии со стороны начальника.

Корнилов несколько секунд подумал и ответил:

— Вы правы. У меня есть некоторые соображения, относительно которых я с вами еще не говорил. Прошу вас тот час же отдать распоряжение о перемещении конницы и срочно вызовите сюда командира 3-го конного корпуса генерала Крымова. А мы с вами подробно переговорим после моего возвращения из Петрограда{301}.

Еще ничего не было решено. Перемещение конницы могло так и остаться техническим мероприятием, касающимся только дел на фронте. Однако при другом раскладе сил конный кулак мог стать серьезным аргументом в политическом противостоянии. Но, повторим, еще ничего не было решено.

КОРНИЛОВ И КЕРЕНСКИЙ

Соглашение между Керенским и Корниловым было еще возможно, но отведенное на это время стремительно уходило. В Петрограде Филоненко по заданию Савинкова спешно перерабатывал записку Корнилова. В итоге она стал весьма существенно отличаться от первоначального варианта. В новом виде записка предполагала сохранение в армии солдатских комитетов, располагающих самыми широкими правами, вплоть до участия в назначении командного состава. В записке появились два новых раздела — о железнодорожном транспорте и предприятиях, работающих на оборону. На них предполагалось распространить военные законы со всеми вытекающими наказаниями за нарушение дисциплины. Вариант Филоненко — Савинкова сохранял требование введения смертной казни в тылу, но в целом представлял собой вполне реальную почву для компромисса.

О готовящемся проекте Савинков несколько раз говорил с премьером. Керенский долго уклонялся от разговора, но когда Савинков стал настаивать, заявил, что ни в коем случае и ни при каких обстоятельствах он записку не подпишет. Савинков ответил, что это вынуждает его подать в отставку, но тогда записку от своего имени правительству представит Корнилов. Это было 8 августа, а на следующий день Савинков по прямому проводу связался с Корниловым. Он попросил его немедленно приехать в Петроград, но Корнилов отказался, объясняя это усложнением обстановки на фронте. Савинкову пришлось долго уговаривать Корнилова, прежде чем тот согласился прибыть в столицу.

Нежелание Корнилова ехать в Петроград объяснялось не только оперативной ситуацией, действительно становившейся тревожной. Корнилов подозревал, что вызов в Петроград организован для того, чтобы вдали от армии сместить его с должности главнокомандующего. Доброжелатели напомнили ему историю с вагонеткой, с которой поезд главковерха столкнулся во время предыдущей поездки в столицу. Это было подано как попытка покушения, неудавшегося, а значит, вполне способного иметь продолжение. Со своей стороны, Керенский тоже не горел желанием встречаться с Корниловым. Вечером 9 августа в Могилев ушла телеграмма, в которой говорилось, что правительство не видит необходимости в присутствии в Петрограде Верховного главнокомандующего. Но телеграмма эта была получена в Ставке, когда поезд Корнилова уже отбыл в

столицу.

Корнилов прибыл в Петроград утром 10 августа. На этот раз его сопровождала усиленная охрана. С платформ были выгружены два легковых автомобиля и грузовик. Впереди на автомобиле ехали вооруженные текинцы, далее сам Корнилов, и замыкал кортеж грузовик, на котором были установлены готовые к бою пулеметы. По приезде в Зимний дворец текинцы внесли пулеметы в вестибюль, и только после этого главковерх направился на встречу с премьером. Керенский принял Корнилова стоя. Он заявил, что не приглашал его в Петроград и не знаком с запиской, подготовленной Савинковым. Тем не менее, поскольку Корнилов уже приехал, было решено, что в 6 часов вечера состоится заседание правительства, на котором он доложит свои предложения о реорганизации армии.

Из Зимнего Корнилов отправился на Мойку для свидания с Савинковым. Здесь он впервые увидел переработанный вариант своей записки. Главковерх пригласил сопровождавшего его генерала Плющевского дать свой отзыв относительно новых рекомендаций. Напомним, что именно он был составителем первоначального варианта записки Корнилова. Бегло ознакомившись с новым текстом, Плющевский заявил, что из записки исчезло самое главное — меры, способствующие повышению власти воинских начальников. Савинков больше молчал, а Филоненко начал взволнованно уговаривать Корнилова подписать новый вариант. В итоге Корнилов это сделал, но с видимой неохотой.

К 6 часам вечера все присутствовавшие отправились в Зимний дворец. Однако здесь выяснилось, что заседание правительства отменено. Керенский согласился обсудить записку Корнилова в узком кругу. Помимо него самого, кабинет министров на этой встрече представляли ближайшие соратники премьера — министр иностранных дел М.И. Терещенко и министр финансов Н.В. Некрасов. Савинкова же по приказу Керенского просто не пустили в кабинет. Позднее Керенский оправдывал это тем, что Савинков накануне заявил о своей отставке. Однако формально к тому времени Керенский ее еще не принял. Скорее, пощечина самолюбию Савинкова была мелкой местью, столь свойственной Керенскому.

По просьбе Корнилова генерал Плющевский зачитал текст записки в варианте Савинкова — Филоненко. В ходе начавшегося обсуждения Керенский, против обыкновения, больше молчал. С критикой записки выступил прежде всего Некрасов. Как инженер-путеец, он крайне отрицательно расценил предлагавшиеся в записке меры по милитаризации железных дорог. По мнению

Некрасова, это привело бы к окончательному развалу транспорта и серьезному социальному конфликту. Корнилов фактически с этим согласился. Ему сложно было что-то противопоставить аргументам Некрасова, поскольку он сам ознакомился с этим разделом записки за несколько часов до совещания.

На фоне той критики, которую вызвали мероприятия, предложенные в сфере промышленности и транспорта, меры, касавшиеся армии, были встречены министрами почти благожелательно. В итоге Корнилов согласился вернуться к первоначальному варианту записки. Оставив его Керенскому, он отбыл на вокзал. Однако на вокзале Корнилова дожидались Савинков и Филоненко. Они, особенно Филоненко, настаивали на том, чтобы Корнилов своим авторитетом поддержал второй, отвергнутый министрами вариант записки. Под их нажимом Корнилов сдался. У Филоненко предусмотрительно нашелся с собой конверт, и записка с вокзала была отправлена по адресу Керенского. Интересная деталь — Керенский потом утверждал, что конверта этого не получал. Между тем семь лет спустя второй вариант записки Корнилова был обнаружен в бумагах Временного правительства и опубликован в ленинградском журнале «Красная летопись». Имела ли место здесь действительно обычная путаница, или же Керенский сознательно уклонился от вторичного обсуждения проекта, сказать сейчас трудно.

Керенский вел себя, как избалованный ребенок. Он сознательно грубил Савинкову и Корнилову, словно провоцируя их на разрыв. Возможно, что так оно и было. Не решаясь проявить инициативу, Керенский ждал, что кризис разрешится без его участия. Будь у него повод, он снова смог бы выступить с пламенной речью, обвинить тайных врагов в посягательстве на идеалы демократии. Но Корнилов не стал настаивать на немедленном осуществлении своей программы, а Савинков предпочел демонстративную отставку.

Утром 11 августа Савинков лично принес Керенскому официальное прошение об уходе с поста управляющего военным министерством. Между ними состоялся тяжелый разговор. Савинков держался спокойно, Керенский же, напротив, был криклив и раздражителен.

— Вы — Ленин, только с другой стороны! Вы — террорист! Ну что же, приходите, убивайте меня. Вы выходите из правительства, ну что же. Теперь вам открывается широкое поле независимой политической деятельности.

Савинков ответил, что он не собирается оставаться в политике, а предполагает записаться добровольцем в армию и уйти на фронт. Это еще больше возбудило Керенского. Он стал

требовать у Савинкова ответа, где тот был вечером, когда Корнилов уехал из Зимнего дворца. Керенский упрекал Савинкова в неподчинении, потом неожиданно стал требовать ухода Филоненко, заявив, что он терпеть его не может.

У Керенского была привычка в минуты нервного возбуждения вертеть в руках какой-нибудь предмет. Сейчас он что-то чертил карандашом на прошении Савинкова. Это были буквы «К» и «С». Теребя и комкая бумагу, он заявил, что Савинков напрасно возлагает надежды на триумвират. По словам Керенского, есть «К» и оно останется, а другого «К» и «С» не будет{302}.

Известие об отставке Савинкова произвело неблагоприятное впечатление на тех, кто рассчитывал на ужесточение правительственного курса. Корнилов, получивший сведения об этом от Филоненко, еще из поезда отправил Керенскому телеграмму, в которой говорилось, что этот шаг крайне нежелателен. Не нашел поддержки Керенский и у других членов правительства. Надо сказать, что в ситуации с запиской Корнилова премьер повел себя как «самодержец от революции», фактически проигнорировав остальной состав кабинета министров. Большинство членов кабинета узнали о приезде Корнилова в Петроград случайно. Поспешив к Керенскому за разъяснениями, они получили ответ, что вечером состоится заседание правительства с участием главковерха. Но вызова во дворец все не было, а на следующий день стало известно, что Корнилов уже покинул столицу.

Другие министры, прежде всего министры-кадеты, сочли себя обиженными. Утром 11 августа к Керенскому явился Ф.Ф. Кокошкин и потребовал немедленного созыва правительства для ознакомления с запиской Корнилова. В противном случае он угрожал, что четверо министров кадетов подадут в отставку. Вечером кабинет собрался на заседание. Керенский огласил перед министрами первый вариант записки Корнилова и дал по этому поводу краткие объяснения. По поводу главной меры — введения смертной казни в тылу, Керенский сказал, что он не возражает по существу, однако не считает нужным немедленную реализацию этого положения. Он пообещал, что вернется к этому вопросу, но попросил не спешить, поскольку на следующий день в Москве должно было состояться Государственное совещание, на которое Керенский возлагал большие надежды.

Свою роль демарш министров-кадетов все же сыграл. У Керенского был навязчивый пункт — коалиционная власть. Несмотря на активное давление слева, он не решался пойти на разрыв с единственной крупной не социалистической партией. Да и отбросить Савинкова в ряды своих врагов Керенский попросту

боялся. В ночь на 12 августа премьер выехал в Москву. Уже после его отъезда Савинкову была передана просьба Керенского взять обратно прошение об отставке. Однако условием этого было выдвинуто увольнение Филоненко. Савинков категорически отказался, и вопрос был отложен до возвращения Керенского в Петроград. В тот же день, 11 августа, Зинаида Гиппиус записала в своем дневнике: «Вот ведь зловредный корень всего: Керенский не верит Савинкову, Савинков не верит Керенскому, Керенский не верит Корнилову, но и Корнилов ему не верит»{303}. Корнилова второй его визит в Петроград окончательно убедил в том, что время разговоров прошло. Вернувшись, он с возмущением рассказывал Лукомскому о том, что поездка его была напрасна. По его словам, Керенский водит его за нос, не желая выполнять свои обещания.

— Как видите — только затягивают время. По-видимому, господину Керенскому не хочется, чтобы я ехал на Московское Государственное совещание, но я поеду и добьюсь, чтобы мои требования были наконец приняты.

Лукомскому не пришлось напоминать о разговоре, состоявшемся перед поездкой главковерха в Петроград, Корнилов сам вернулся к нему. Он сообщил, что по донесениям контрразведки в конце августа в столице ожидается новая попытка большевиков захватить власть.

— Вы правы, конный корпус я передвигаю главным об разом для того, чтобы к концу августа его подтянуть к Петрограду и, если выступление большевиков состоится, то рас правлюсь с предателями родины как следует.

Корнилов оговорил, что он не собирается выступать против Временного правительства и надеется в последнюю минуту договориться с Керенским. Но если этого не удастся сделать, он готов действовать самостоятельно.

— Я лично ничего не ищу и не хочу. Я хочу только спасти Россию и буду беспрекословно подчиняться Временному правительству, очищенному и укрепившемуся.

Корнилов сказал, что в его планы посвящены Завойко и полковник Голицын. Полковник Д.А. Лебедев и капитан В.Е. Роженко уже разрабатывают детали будущей операции, и потому Лукомскому не стоит заниматься этим, а лучше сосредоточиться на своих прямых обязанностях{304}.

Мы воспроизводим этот разговор по воспоминаниям генерала Лукомского. По содержанию они очень близки к показаниям, сделанным им по предписанию комиссии, разбиравшей «корниловское дело». Разумеется, стопроцентно доверять свидетельству Лукомского нельзя. На допросах он пытался

обелить и себя, и Корнилова. Но некоторые любопытные детали отсюда можно извлечь. Прежде всего, Корнилов не до конца доверял своему начальнику штаба. Причиной того явно было заступничество Керенского за Лукомского в конфликте того с Филоненко. Отсюда и желание устранить Лукомского от разработки конкретных деталей похода на Петроград, отсюда и успокоительные обещания, что главковерх не пойдет против правительства. Второе обстоятельство, заслуживающее внимания, это то, что к подготовке выступления Корниловым были привлечены люди, явно не авторитетные. Два полковника, капитан и прапорщик — для штаба заговора это выглядит очень несолидно. Конечно, нужно сделать скидку на то, что Корнилов нередко был чрезмерно доверчив по отношению к случайным людям. Но есть и другое объяснение, весь «заговор» к этому времени был не более чем умозрительной конструкцией. Корнилов еще не решался порвать с правительством. Отсюда и оправдание предполагаемой акции готовящимся выступлением большевиков. В этой ситуации главковерх представал бы не мятежником, но защитником правительства. В этом же контексте следует понимать и расчеты Корнилова на то, что на Государственном совещании он все-таки добьется понимания и взаимодействия. Как Корнилов тяготил Керенского, так и Керенский раздражал Корнилова. Но и премьер, и главковерх оттягивали разрыв. Ни тот ни другой не были уверены в том, что в случае конфликта найдут поддержку, способную обеспечить победу. Надежда на выход из кризиса сохранялась, хотя с каждым днем и становилась все более призрачной.

МОСКОВСКОЕ СОВЕЩАНИЕ

На пике популярности Керенского его поклонники устроили настоящее соревнование по части восторженных эпитетов, адресованных своему кумиру. «Солнце свободы», «всенародный президент Российской республики» и даже «друг человечества»{305}. Что касается «всенародного президента», то здесь присутствовала сплошная череда неточностей. Во-первых, Россия официально еще не была провозглашена республикой (как, впрочем, де-факто перестала быть монархией). Во-вторых, Керенского, как и других министров, по большому счету никто не избирал.

Временное правительство родилось в результате кулуарных переговоров лидеров прежней Государственной думы. С мартовских дней его состав менялся уже трехкратно и новый кабинет не мог похвастаться даже той долей легитимности, которую имели министры «первого призыва». До определенной поры это мало кого волновало, но к середине лета авторитет правительства и самого премьера существенно пошатнулся. Все громче стали звучать голоса, критиковавшие власть как справа, так и слева. Судя по всему, это и подвигло Керенского к попытке заручиться общественной поддержкой.

На заседании от 31 июля 1917 года Временное правительство постановило «ввиду исключительности переживаемых событий и в целях единения государственной власти со всеми организованными силами страны», созвать в Москве совещание, на котором были бы представлены все главнейшие политические и общественные организации. Состав будущего совещания должен был стать предельно пестрым. На него были приглашены члены Государственной думы всех четырех созывов, представители земств и городских дум, научных организаций, кооперативов и профсоюзов. Своих делегатов на совещание должны были послать торгово-промышленные объединения, действующие армия и флот, ВЦИК Совета рабочих и солдатских депутатов и исполком Совета крестьянских депутатов. Всего на совещании должно было присутствовать около двух с половиной тысяч человек.

Предполагалось, что Московское совещание не будет принимать каких-либо резолюций, а лишь выслушает мнение различных слоев общественности. Никакими властными полномочиями оно не обладало, и в этом смысле эффективность его была минимальной. Все должно было вылиться в дорогостоящую и шумную церемонию. Не случайно, что совещание немедленно окрестили «коронацией» Керенского,

памятуя, что и проходило оно в древней столице, где традиционно короновались русские цари.

В преддверии совещания Москва стала центром политической жизни страны. За несколько дней до его начала здесь, в здании университета на Моховой, собралось «малое» совещание, объединившее представителей правого крыла российской общественности. В отличие от социалистов, они до сих пор не имели своего центра консолидации. Государственная дума, некогда породившая Временное правительство, благополучно умерла в родах. Те ее депутаты, кому не досталось министерских портфелей, время от времени еще собирались на «частные заседания», но их голоса были не слышны на фоне громких революционных лозунгов.

«Малое» совещание заявило себя беспартийным, но уже сам сравнительно однородный его состав наталкивал на мысль о вполне определенных политических предпочтениях делегатов. Среди них были представлены члены прежней Государственной думы во главе с ее председателем М.В. Родзянко, оставшимся в новых условиях не у дел. На совещании присутствовали и представители торгово-промышленных кругов, руководства кадетской партии. Особое внимание среди прочих делегатов привлекала группа известных генералов — М.В. Алексеев, А.А. Брусилов, донской атаман А.М. Каледин, герой Кавказа генерал от инфантерии Н.Н. Юденич.

Характер обсуждаемых вопросов тоже не оставлял сомнений в настроениях присутствующих. В итоге обсуждения совещание приняло резолюцию, констатировавшую кризис власти, разруху в экономике и разложение армии. «Время не ждет, и медлить нельзя. Правительство должно немедленно и решительно порвать со служением утопиям, которые оказывали пагубное влияние на его деятельность»{306}. Власть должна решительно порвать с советами и комитетами, искать опору не в партиях и классах, а в широких народных слоях.

Все это очень напоминало положения записки Корнилова. Не удивительно, что имя Верховного главнокомандующего всплывало на совещании неоднократно. На второй день работы делегаты получили информацию о готовящемся смещении Корнилова с должности главковерха. По предложению председательствовавшего на заседании Родзянко было решено отправить Корнилову телеграмму с выражением полной поддержки. «Совещание заявляет, — говорилось в этом послании, — что всякие покушения на подрыв Вашего авторитета в армии и России считает преступным и присоединяет свой голос к голосу офицеров, Георгиевских кавалеров и казачества. В грозный час

великого испытания вся мыслящая Россия в Вашем великом подвиге на воссоздание армии и спасения России»[307]. Составлена телеграмма была несколько неуклюже, но общий смысл ее вполне понятен.

По итогам совещания был сформирован постоянно действующий Совет общественных деятелей. В его руководящий центр — бюро вошли М.В. Родзянко, кадеты П.Н. Милюков, В.А. Маклаков и А.И. Шингарев, известный экономист и философ П.Б. Струве, генерал М.В. Алексеев, бывшие думские лидеры умеренно правых В.В. Шульгин и С.И. Шидловский. В дальнейшем Совет общественных деятелей будет играть заметную роль в корниловском выступлении, в судьбе самого Корнилова.

Между тем в Москву съезжались участники собственно Государственного совещания. Его открытие состоялось 12 августа 1917 года в здании Большого театра. Неприятным сюрпризом для устроителей в этот день стала массовая забастовка рабочих крупнейших предприятий Москвы и транспортных служащих. С утра в городе не ходили трамваи, с улиц пропали извозчики, и делегатам, прибывшим по железной дороге, пришлось добираться до центра пешком. Здание театра было оцеплено тройным кольцом юнкеров. Это тоже было сигналом для внимательного наблюдателя — власть не нашла другой охраны, на которую могла бы положиться.

Огромный театральный зал был забит до последнего предела. В царской ложе разместились иностранные дипломаты, бельэтаж и галерку занимала приглашенная публика. Даже на сцене за спиной президиума стояли ряды стульев, предназначенных для журналистов и почетных гостей. Делегаты совещания разместились в партере и первом ярусе лож. Неизвестно, было ли так задумано с самого начала, но места слева от центрального прохода (если смотреть с председательского кресла) заняли представители Советов, справа — члены Государственной думы и делегаты от торгово-промышленных объединений.

В назначенный час на сцене появился Керенский и другие члены правительства. Премьер-министр занял председательское место. За его спиной навытяжку встали адъютанты, справа — молодой моряк в белоснежном кителе, слева — армейский офицер. В этой детали так и чувствуется присущая Керенскому тяга к внешним эффектам. Но на этот раз чувство меры ему изменило. В перерыве адъютантам Керенского была передана записка, в которой говорилось, что по уставу парные часовые возможны только у гроба главы кабинета. В результате, все последующее время они скромно просидели в уголке.

Вступительная речь Керенского растянулась на полтора часа.

Многие делегаты из провинции в первый раз видели воочию главного героя революции, но знакомство это оказалось разочаровывающим. «Перед ними стоял молодой человек с измученным, бледным лицом, в заученной позе актера. Выражением глаз, которые он фиксировал на воображаемом противнике, напряженной игрой рук, интонациями голоса, который то и дело целыми периодами повышался до крика и падал до трагического шепота, размеренностью фраз и рассчитанными паузами этот человек как будто хотел кого-то устрашить и на всех произвести впечатление силы и власти в старом стиле. В действительности он возбуждал только жалость»{308}.

Речь Керенского было полна невнятных угроз, без указания их конкретного адресата. Расшифровать это мог только тот, кто был посвящен в дворцовые интриги новых обитателей Зимнего. Но намек на отсутствовавшего главковерха прозвучал достаточно ясно: «Все будет поставлено на свое место, каждый будет знать свои права и обязанности, но будут знать свои обязанности не только командуемые, но командующие»{309}. К этой теме оратор возвращался вновь и вновь: «И какие бы кто бы ультиматумы ни предъявлял, я сумею подчинить его воле верховной власти и мне, верховному главе ее». В этот раз местоимение «я» звучало у Керенского особенно часто. Создавалось впечатление, что глава правительства потерял какую-либо опору и в одиночку противостоит натиску врагов.

Вслед за премьером выступали другие министры, но аудитория слушала их уже вполуха. Главное было сказано, а новые сенсации ожидались позже. На следующий день пленарного заседания не было, отдельные делегации порознь обсуждали заявления правительства. Внимание газетчиков и обывателей было в эти часы приковано к ожидавшемуся приезду Корнилова. Встреча Верховного главнокомандующего была обставлена с максимально возможным торжеством. На вокзальной платформе был выставлен почетный караул из юнкеров Александровского училища. Среди встречавших были заметные фигуры, вроде бывшего председателя Государственной думы М.В. Родзянко. Стоит, однако, обратить внимание на то, что никого из действующих политиков на вокзале не было.

Появление Корнилова в дверях вагона вызвало восторженные крики. Оркестр заиграл марш, дамы бросали под ноги генералу букеты цветов. Любопытная деталь — целые корзины таких букетов были заранее привезены на вокзал некими неизвестными офицерами, которые, стоя за дамскими спинами, услужливо подавали все новые и новые охапки{310}. Здесь же на вокзале

некогда известный думский оратор, «кадетский златоуст» Ф.И. Родичев обратился к Корнилову с речью: «Вы теперь символ нашего единства. На вере в вас мы сходимся все, вся Москва. Мы верим, что во главе обновленной русской армии вы поведете Русь к торжеству над врагом и что клич — да здравствует генерал Корнилов — теперь клич надежды — сделается возгласом народного торжества. Спасите Россию, и благодарный народ увенчает вас»{311}.

Те же самые услужливые офицеры подхватили Корнилова и на руках вынесли его на привокзальную площадь. Присутствовавшие здесь фотокорреспонденты поспешили запечатлеть эту сцену. Надо сказать, что выглядел в этот момент главковерх довольно нелепо: высоко вскинутые ноги и серьезное, даже сосредоточенное, лицо. С вокзала Корнилов в сопровождении живописного эскорта текинцев в ярких малиновых халатах проехал к Иверской часовне. Здесь вновь повторились приветственные крики, речи и букеты. Впрочем, злые языки потихоньку шептали, что Корнилов ведет себя как прежние русские цари, тоже первым делом при посещении Москвы ехавшие к Иверской иконе.

Действительно, приезд Верховного главнокомандующего в Москву был обставлен с чрезмерной театральностью. Конечно, следует делать скидку на то, что многое, кажущееся нам напыщенным и ходульным, сто лет назад воспринималось как поведение вполне нормальное. У современной аудитории выступления Керенского вызвали бы сомнения в умственной полноценности оратора, но у его слушателей они проходили на «ура». Однако даже с учетом этого, в церемониале, которым было обставлено появление Корнилова на Государственном совещании, чувствуется некий перебор.

Тяга к внешним атрибутам власти была совсем не в характере Корнилова, зато это вполне отвечало настроениям его окружения. Отправляясь в Москву, Корнилов не взял с собой никого из высших чинов Ставки — визит был чисто политическим, а на фронте назревали события, требовавшие каждодневного внимания. В поездке главковерха сопровождали Филоненко и полковник Голицын. На станции Вязьма в поезд Корнилова подсел Завойко.

Напомним, что после своего назначения Верховным главнокомандующим Корнилов, по настоянию Савинкова, выслал Завойко из Могилева. После этого Завойко неоднократно пытался вернуть себе прежнее положение. В конце июля он побывал в Ставке, имел разговоры с Филоненко и Голицыным, но просить встречи с Корниловым не решился. Во время пребывания

главковерха в Петрограде 3 августа 1917 года Завойко все же сумел встретиться с Корниловым, однако тот не проявил никакого желания вновь принять услуги бывшего ординарца. Тем не менее, увидев в Москве Завойко в составе своей свиты, Корнилов сделал вид, что тот никуда и не уезжал. Литературные способности Завойко могли понадобиться главковерху уже в ближайшее время.

Регламентом поведения Московского совещания заведовал министр почт и телеграфов А.М. Никитин. Сразу по приезде Корнилов направил к нему полковника В.М. Пронина с тем, чтобы оговорить время своего выступления. Но Никитин ответил, что выступления членов правительства уже завершились и в последний день работы совещания предполагается заслушивать исключительно представителей общественных организаций. Никитин не удержался от ехидного замечания: «А от какой организации будет выступать генерал Корнилов?» Естественно, что эта колкость, немедленно сообщенная Корнилову, не улучшила его отношения к правительству.

Корнилов и Керенский демонстративно игнорировали друг друга. Керенский не поехал встречать Корнилова на вокзал, а предпочел в эти часы присутствовать на смотре войск московского гарнизона. В свою очередь, Корнилов тщательно уклонялся от встреч с премьером. На все телефонные звонки из канцелярии Керенского адъютанты Корнилова сообщали, что Верховный главнокомандующий подойти к аппарату не может. Зато другие визитеры едва не выстроились в очередь у дверей главковерха. В тот вечер гостями Корнилова были генералы М.В. Алексеев и А.М. Каледин, приезжал А.И. Путилов, надолго засиделся П.Н. Милюков.

Как раз в то время, когда в вагоне Корнилова находился Милюков, главковерху доложили о том, что с поручением от Керенского приехал министр путей сообщений П.П. Юренев. Он сказал, что на следующий день Корнилову будет дано время для доклада, но от имени премьера попросил не касаться в выступлении политических вопросов. В 11 вечера Корнилову, наконец, лично позвонил Керенский. Он повторил, что правительство просит Верховного главнокомандующего ограничиться в своей речи проблемами, стоящими перед армией. Корнилов раздраженно ответил, что будет говорить то, что сочтет нужным. Взаимная неприязнь премьера и главковерха к этому времени уже определилась окончательно.

Всю ночь в вагоне Корнилова его «штаб» работал над составлением будущей речи. Филоненко придумывал, Завойко облекал его мысли в витиеватую форму, Голицын записывал

окончательный текст. Корнилов счел необходимым все-таки прислушаться к пожеланиям правительства и основная часть речи была посвящена ситуации на фронте и положении в армии. Но и в этом случае политика явно выходила на первый план.

На следующий день заседание в Большом театре открылось с большим опозданием. В начале двенадцатого в ближайшей к сцене ложе бельэтажа слева появилась фигура Корнилова. Его появление было встречено бурными овациями правого сектора партера. Левая сторона настороженно молчала. Буквально через минуту в ложе появился адъютант и что-то прошептал на ухо Корнилову, после чего тот поднялся и вышел. Вновь наступила долгая пауза. Позднее стало известно, что в это время Керенский опять уговаривал Корнилова не затрагивать в своем выступлении острых политических вопросов.

Наконец, уже ближе к полудню, в президиуме появились министры во главе с Керенским. Левая часть партера приветствовала его появление криками и продолжительными аплодисментами. На этот раз демонстративно молчала правая часть. Публика ждала, что Корнилов выступит первым, но до него на трибуну выходили еще четверо ораторов. Только спустя два часа, когда сидевшие в зале уже начали уставать, Керенский предоставил слово Верховному главнокомандующему.

Когда Корнилов вышел на сцену, зал вновь взорвался аплодисментами. Делегаты поднялись с кресел, но большая группа солдат, занимавшая левый сектор, продолжала сидеть. Справа раздались возгласы: «Встать!», «Позор!» Один из делегатов совещания вспоминал: «Трудно передать охватившее нас негодование, доходившее почти до бешенства, при виде этих людей в солдатских гимнастерках, сидевших в нарочито небрежных позах, некоторые в фуражках и с папиросами в зубах. Ведь для нас Корнилов был только представителем армии, а для них — Главнокомандующим, при появлении которого согласно воинской дисциплине они обязаны были встать. Их вызывающее поведение наглядно свидетельствовало о полном разложении армии, и видеть это было совершенно нестерпимо»{312}.

Шум продолжал нарастать. Керенский звонил в председательский звонок, но его не было слышно. Наконец, воспользовавшись минутой сравнительной тишины, Керенский сказал: «Предлагаю собравшимся сохранять спокойствие и выслушать первого солдата с долженствующим ему почтении и уважением к правительству».

Понемногу публика успокоилась. Глуховатым, резким голосом, почти не отрываясь от бумаги, Корнилов произнес свою речь. Он приветствовал делегатов совещания от лица

действующей армии и сразу определил тон выступления: «С глубокой скорбью я должен открыто заявить, что у меня нет уверенности, что русская армия без колебаний исполнит свой долг перед Родиной». Корнилов привел многочисленные примеры расправ солдат над офицерами, отказа их от выполнения приказов, бегства с боевых позиций. «Армия должна быть восстановлена во что бы то ни стало, — продолжал он. — Для восстановления армии необходимо немедленное принятие мер, которые я доложил Временному правительству. Мой доклад представлен, и на этом докладе без всяких оговорок подписались управляющий военным министерством Савинков и комиссар при Верховном главнокомандующем Филоненко».

Далее Корнилов кратко изложил основные положения своей записки: восстановление дисциплины в армии, поднятие престижа офицерства и улучшение его материального положения, наведение порядка в тылу. «Я верю в светлое будущее нашей Родины, я верю, что боеспособность армии, ее былая слава будут восстановлены. Но я заявляю, что времени терять нельзя ни одной минуты. Нужны решимость и твердое непреклонное проведение намеченных мер»{313}.

Собравшиеся в зале вновь проводили Корнилова аплодисментами. Однако его выступление вызвало у публики скорее разочарование. Разговоры о развале страны и армии стали к этому времени привычными и, как все привычное, перестали взывать страх и будоражить эмоции. От Корнилова ждали другого — критики правительства и лично Керенского. Но Корнилов, выполняя обещания, которые он дал премьеру, не сказал в адрес правительства ни одного резкого слова.

Казалось, сенсации не будет. Но неожиданно темы, поднятые Корниловым, продолжил в своем выступлении донской атаман генерал А.М. Каледин. Совсем недавно он командовал одной из армий Юго-Западного фронта, и проблемы армии были ему непосредственно близки. Каледин потребовал упразднить Советы и комитеты, дополнить декларацию прав солдата декларацией его обязанностей, восстановить дисциплину и власть начальствующих лиц. «В грозный час испытаний на фронте и внутреннего развала страны может спасти от окончательной гибели только действительно твердая власть, находящаяся в опытных, умелых, руках лиц, не связанных узкопартийными программами, свободных от необходимости после каждого шага оглядываться на всевозможные комитеты и Советы»{314}.

Речь Каледина вызвала в зале настоящую бурю. Правая сторона партера стоя аплодировала, слева раздавались возмущенные крики. Керенский, взяв слово в качестве

председателя, заявил, что правительство созывало совещание вовсе не для того, чтобы кто-то обращался к нему с требованиями. С большим трудом ему удалось навести порядок и предоставить слово следующему оратору. В тот день выступало еще много людей. Самой запомнившейся сценой последующих часов стало рукопожатие, которым публично обменялись представитель Союза торговцев и предпринимателей А.А. Бубликов и «министр-социалист» И.Г. Церетелли.

Наконец список заявленных ораторов был исчерпан. Время подходило к полуночи. На трибуну вновь поднялся Керенский для того, чтобы, как он сказал, «минут на десять», подвести итоги совещания. Но короткое резюме вылилось в длинную и крайне эмоциональную речь. Поблагодарив всех выступавших за высказанное мнение, Керенский заявил, что правительство не будет поддаваться давлению откуда бы, справа или слева, оно ни исходило. Чем дальше он говорил, тем больше заводил самого себя. Присутствовавшие в зале представители американской миссии Красного Креста, не понимавшие ни слова по-русски, потом говорили, что на них Керенский произвел впечатление человека, находившегося под влиянием наркотиков, которые кончились раньше, чем он закончил речь{315}.

Керенский почти кричал в зал: «Пусть будет то, что будет. Пусть сердце станет каменным, пусть замрут все струны веры в человека, пусть засохнут все цветы и грезы о человеке, над которыми сегодня с этой кафедры говорили презрительно и их топтали. Так сам затопчу!.. Я брошу далеко ключи от сердца, любящего людей, и буду думать только о государстве»{316}. В этом месте с галерки раздался испуганный женский голос «Не надо!», что несколько испортило впечатление. Речь Керенского становилась все более бессвязной. Публика с нарастающим изумлением слушала оратора, а тот говорил, говорил и никак не мог остановиться. Наконец, Керенский закончил и, обессилев, не сел, а упал в председательское кресло. На часах было половина второго ночи.

Государственное совещание было задумано Керенским с тем, чтобы обеспечить правительству поддержку страны. Результат его стал прямо противоположным. И правые, и левые критики правительства увидели в «московском позорище» доказательство его слабости. Это было не вполне верно. И правительство, и сам Керенский (а правительство давно уже персонифицировалось с его главой) еще сохраняли определенный кредит доверия. Те, кто полагал, что Керенский — это отыгранная карта, выдавали желаемое за действительное. Это был самообман, но самообман, в значительной мере ускоривший и без того нараставший кризис.

ЗАГОВОРЩИКИ

За несколько дней до открытия Государственного совещания на квартире московского кадета Н.М. Кишкина состоялась встреча посланцев Корнилова с рядом общественных деятелей обеих столиц. Среди присутствовавших на ней были П.Н. Милюков, М.В. Родзянко, В.В. Шульгин и другие не менее известные фигуры. От имени делегатов из Могилева капитан В.Е. Роженко доложил собравшимся о положении в армии, о назревающем конфликте между Керенским и Корниловым. Он сказал, что в окружении премьера готовится смещение Корнилова с должности Верховного главнокомандующего, но тот готов из патриотических соображений не подчиниться такому приказу. Роженко предупредил о том, что, по данным контрразведки, в Петрограде готовится новое выступление большевиков. В преддверии этого к столице выдвинут конный корпус, готовый действовать и против большевиков, и против правительства.

На присутствовавших все сказанное произвело крайне тяжелое впечатление. Дело было не в том, что они не поддерживали Корнилова. Просто новое положение вещей требовало сделать выбор, к чему большинство собравшихся было не готово. Один из присутствовавших на этом собрании вспоминал: «Обсуждать тут же доклад увлекающегося офицера не хотели. Было ясно, что сочувствуют делу все, но никто не верит в успех. Да и связывать себя и политические группы, которые представляли участники совещания, ни у кого не было желания»{317}.

Несколькими днями позже информация из Ставки обсуждалась за закрытыми дверями участниками Совета общественных деятелей. «После долгих объяснений П.Н. Милюков от лица общественных деятелей кадетского направления сделал заявление о том, что они сердечно сочувствуют намерениям Ставки остановить разруху и разогнать совдеп. Но настроение общественных масс таково, что они никакой помощи оказать не могут. Массы будут против них, если они активно выступят против правительства и совдепа. Поэтому на Милюкова и его единомышленников рассчитывать нельзя. К этому заявлению стыдливо присоединились путем молчания и знаком молчаливого согласия остальные общественники»{318}. Уже с мартовских дней кадетские лидеры, включая Милюкова, много раз заявляли о необходимости применить силу. Они с радостью бы одобрили силовую акцию, но только в случае ее успеха. Принимать же на себя ответственность и рисковать последствиями неудачи никто

не хотел.

Попыткой уйти от этого были и прозвучавшие на совещании сомнения в том, что посланцы Ставки говорят от имени самого Корнилова. Нам представляется, что в этом вопросе колебаний быть не может. Напомним, что фамилию капитана Роженко Корнилов называл Лукомскому в качестве одного из разработчиков плана будущего выступления. Роженко был секретарем Главного комитета Союза офицеров, а эта организация с самого начала своего существования взяла курс на военный переворот. По основной должности Роженко был офицером для поручений в Особом делопроизводстве управления генерал-квартирмейстера. Это учреждение с мало чем говорящим названием было своего рода политической канцелярией Ставки, и именно здесь находился центр интриг и заговоров.

В день приезда Корнилова в Москву у него состоялась личная встреча с Милюковым. Разговор был очень дипломатичен и не касался впрямую острых тем. Из этого общения Милюков вынес впечатление того, что Корнилов уже окончательно решился на разрыв с правительством. Но и у Корнилова создалось впечатление, что лидеры кадетов готовы поддержать его. И то и другое было результатом взаимного непонимания. Соратник Милюкова по руководству кадетской партией В.А. Маклаков говорил в это время председателю Главного комитета Союза офицеров Л.Н. Новосильцеву: «Передайте генералу Корнилову, что ведь мы его провоцируем, особенно М[илюков]. Ведь Корнилова никто не поддержит, все спрячутся…»{319}

Еще об одной встрече с Корниловым в эти дни рассказал позднее А.И. Путилов. Напомним, что созданное им Общество экономического возрождения России занималось сбором денег в поддержку мероприятий, направленных на противодействие социалистической пропаганде. Во время своего пребывания в Москве Корнилов пригласил Путилова и другого банкира — А.И. Вышнеградского для беседы к себе в вагон. Не тратя время на долгие предисловия, он сказал: «По соглашению с Керенским, я посылаю в Петроград корпус разогнать большевиков. Но разогнать мало, надо арестовать. Чтобы большевики не разбежались из Смольного и чтобы избежать уличного боя, нужно организовать внутри Петрограда выступление… Для этого потребуются средства. Нужно собрать офицеров, юнкеров. Нужны деньги, чтобы разместить людей перед выступлением, кормить. Можете ли вы мне дать деньги?»{320}

Путилов и Вышнеградский ответили, что деньги есть и, хотя распоряжаются ими не только они, скорее всего проблем с этим не будет. Было условленно держать связь с тем, чтобы в нужный

момент посланцы Корнилова могли прийти за деньгами. Путилов особо подчеркивал, что у него создалось впечатление, что Корнилов и Керенский действуют заодно. Если это ложь, то непонятен ее смысл. Было бы ясно, если бы Путилов утаил что-то в показаниях на следствии по «делу Корнилова». Но его даже не допрашивали, а своими воспоминаниями он поделился лишь спустя десять лет, когда острота вопроса была в значительной мере снята. Приходится верить тому, что он говорил о настроениях Корнилова. Но, может быть, обманывал сам Корнилов? Говоря, что он действует в согласии с Керенским, главковерх уже тогда готовил мятеж? Скорее всего, это тоже не так. Все было даже не сложнее, а гораздо запутаннее.

Заговор, несомненно, был. Но, если вдуматься, он был каким-то странным. Маклаков, присутствовавший на совещании общественных деятелей с представителями Ставки, позже писал: «Я был поражен и напуган тем общим впечатлением, которое посланцы Корнилова вынесли из этого собрания; это впечатление было, что “общественные деятели” им сочувствуют и их поддерживают. Помню, что я очень резко упрекнул Новосильцева в том, что эти посланцы сознательно или бессознательно ведут двойную игру: говорят нам, что дело уже *решено,* что выбора нет, в то время как еще ничего не решено, а затем сообщают Корнилову наше отношение *к свершившемуся факту* под видом отношения к самому *проекту*»{321}.

Итак, заговор был. Были заговорщики, увлеченно, как дети, игравшие в конспирацию. Все это делалось именем Верховного главнокомандующего, но при этом сам он еще далеко не решил для себя, что он будет делать дальше. Корнилов не верил Керенскому, но продолжал верить Савинкову, он еще не оставил надежды на то, что все вопросы можно будет решить путем соглашения. Но нетерпеливые головы из окружения главковерха подталкивали его к разрыву. Самым досадным было то, что в любой момент большинство из них было готово уйти в сторону.

Мы уже писали о том, что отсутствие у Корнилова близких друзей заставляло его приближать к себе людей случайных и ненадежных. Таковыми были Завойко и Филоненко, в какой-то мере — полковник Голицын. В середине августа в окружении главковерха появилась еще одна таинственная личность — А.Ф. Аладьин. Биография его запутана и содержит сведения, противоречащие друг другу. В двадцать с небольшим лет он был арестован за революционную пропаганду, приговорен к ссылке, но бежал за границу. В Россию он вернулся лишь через девять лет, во время первой революции. В 1906 году Аладьин, называвший себя тогда социал-демократом, был избран

депутатом I Думы. В короткий период существования первого российского парламента он получил известность как лидер фракции трудовиков. В том же году Аладьин был снова арестован и снова бежал. Последующие десять лет он прожил в Англии, где занимался коммерцией и журналистикой, а по слухам, не гнушался и вымогательством денег у заезжих русских. С началом войны он стал военным корреспондентом и надел погоны лейтенанта английской армии.

В Россию Аладьин, по его словам, вернулся лишь 2 августа 1917 года, но сразу развил активную деятельность. Уже на следующий день он посетил находившегося в Петрограде Корнилова, познакомился с Савинковым и рядом других министров. Как бывший депутат Думы Аладьин присутствовал на Государственном совещании, тогда же вновь встретился с Корниловым и получил от него приглашение посетить Ставку. Откладывать дело он не стал и тут же выехал в Могилев. Здесь он развивал перед Филоненко фантастический план создания своего рода парламента из депутатов всех четырех дум, перед которым было бы ответственно Временное правительство. Покинув Ставку на несколько дней, он вернулся как раз в самый разгар «корниловского дела».

Милюков, относившийся к Аладьину крайне отрицательно, считал его откровенным авантюристом. Своим подчеркнуто «англизированным» видом, вплоть до вересковой трубки в зубах, он производил впечатление человека, надевшего маскарадный костюм. При этом Аладьин был еще и суеверен до крайности, а когда начинал говорить на свою излюбленную тему о масонах, то и вообще производил впечатление не совсем нормального. При этом он чуть ли не ногой открывал двери министерских кабинетов и присутствовал на самых секретных совещаниях у главковерха. Вероятнее всего это объяснялось тем, что при каждой возможности Аладьин намекал на свою причастность к деятельности английской разведки. Именно как посланца могущественной Британии его принимали и политики, и генералы. Трудно сказать, было ли это так на самом деле. Во всяком случае, Керенский (к слову, отказавшийся встречаться с Аладьиным) называл его весьма важным тайным агентом Англии{322}.

Аладьин, Завойко и прочие своей близостью к главковерху лишь компрометировали его. Пожалуй, лишь один человек, из тех, кто имел влияние на Корнилова, относился к происходящему серьезно и был намерен идти до конца. Мы уже упоминали имя генерала А.М. Крымова. Перед революцией он командовал Уссурийской конной дивизией, действовавшей на Румынском

фронте. Воевавший под его началом генерал П.Н. Врангель вспоминал, что Крымов был «выдающегося ума и сердца человек, один из самых талантливых офицеров Генерального штаба, которых приходилось мне встречать на своему пути»{323}. Внешне он мало походил на генерала, а тем более генерала-кавалериста. Грузный, если не сказать толстый, он больше был похож на купца или чиновника средней руки. Обычно люди такой комплекции отличаются флегматическим характером, но Крымов был переполнен энергией. Недоброжелатели прозвали его «слон в экстазе», и при всей иронии, сквозившей в этом прозвище, что-то от истины в нем было. В проявлении любых чувств Крымов не знал меры. Он мог разрыдаться, нисколько не стесняясь присутствием посторонних. Конечно, сто лет назад мужчины меньше стыдились слез, но все-таки некая аффектация в поведении Крымова имела место. Забегая вперед, скажем, что это в значительной мере объясняет его самоубийство после неудачи корниловского выступления.

Накануне революции Крымов входил в число заговорщиков, планировавших добиться отречения царя в пользу наследника. Душою этого заговора был А.И. Гучков, сохранивший тесные отношения с Крымовым и в последующее время. Мы писали о том, что в марте 1917 года Гучков планировал поставить Крымова во главе Петроградского военного округа, но тот отказался в пользу Корнилова. Сам же Крымов получил под начало 3-й конный корпус и отбыл на фронт.

Революционный «разгул демократии» Крымов с самого начала принял в штыки. Еще в марте, будучи в Петрограде, он говорил Деникину: «Ничего ровно из этого не выйдет. Разве можно при таких условиях вести дело, когда правительству шагу не дают ступить совдеп и разнузданная солдатня. Я предлагал им в два дня расчистить Петроград одной дивизией — конечно, не без кровопролития… Ни за что: Гучков не согласен, Львов за голову хватается…»{324}

В апреле по инициативе Крымова на Юго-Западном фронте возникла тайная офицерская организация. Ее ячейки были созданы, главным образом, в полках 3-го конного корпуса и частях киевского гарнизона. Крымов исходил из того, что остановить общее разложение армии уже не удастся. Его план заключался в том, чтобы в случае падения фронта идти со своим корпусом форсированным маршем к Киеву, занять город и отсюда обратиться с призывом к офицерам и всем честным людям. Обратим внимание — осенью Корнилов будет действовать именно так, с той лишь разницей, что базой для него станет Дон.

Репутация Крымова была хорошо известна и, скорее всего,

сыграла решающую роль в том, что именно ему было поручено командование войсками, перебрасываемыми к Петрограду. 13 августа, в день отъезда Корнилова на Государственное совещание, Крымов прибыл в Могилев. Это может показаться странным, если считать, что он приехал исключительно для получения инструкции по службе. Однако можно предположить, что Крымов сознательно воспользовался отсутствием главковерха. Беря на себя руководство готовящимся выступлением, он тем самым снимал с Корнилова ответственность за возможные последствия этого. Деникин писал: «Крымов добровольно стал орудием, “мечом” корниловского движения; но орудием сознательным, быть может, направлявшим иногда… руку, его поднявшую»{325}. Если Корнилов продолжал колебаться, то для Крымова никакой компромисс с Керенским был невозможен.

Крымов и раньше имел контакты с офицерскими организациями, действовавшими в Петрограде. Скорее всего, что в сотрудничестве с ним работала упоминавшаяся ранее группа П.Н. Врангеля и полковника А.П. Палена (Врангель долгое время был подчиненным Крымова и сменил его на посту командира Уссурийской дивизии). Напомним, что через поручика И.П. Шувалова группа была связана с военной секцией «Республиканского центра».

После приезда Крымова в Ставке состоялось тайное совещание, на котором рассматривались возможности вооруженного захвата Петрограда, намечались конкретные цели и распределялись роли участников. Для координации действий в столицу, по свидетельству Деникина, был командирован некий полковник С., член Главного комитета Союза офицеров. Предположительно речь идет о полковнике (позднее генерале) В.И. Сидорине. Донской казак по происхождению, летчик по военной профессии, он занимал должность заместителя председателя Главного комитета. Как потом оказалось, Сидорин был человеком не очень надежным, да и к тому же большим любителем ресторанных кутежей. В сообщениях из Петрограда он убеждал, что почва для выступления в столице готова, хотя на самом деле никакой серьезной работы им проведено не было.

Для усиления петроградских организаций с середины августа началась тайная переброска офицеров в столицу. Часть из них направлялась по заранее условленным конспиративным адресам, для других был придуман иной способ. 22 августа в штабы фронтов была разослана телеграмма за подписью генерал-квартирмейстера И.П. Романовского. В ней говорилось о предстоящих в Могилеве испытаниях английский бомбометов и минометов новейших систем. Телеграмма предписывала

направить для участия в испытаниях по три кадровых офицера от каждой дивизии{326}. Таким образом предполагалось собрать большую группу офицеров с тем, чтобы потом перебросить их в Петроград, сообщив уже по дороге о настоящей цели вызова.

В самом Петрограде офицерские организации, входившие в орбиту деятельности «Республиканского центра», получили приказ быть готовыми к выступлению. В момент появления Крымова на подступах к столице отряды заговорщиков должны были захватить ключевые пункты в городе, арестовать Временное правительство, взять под стражу, а если надо, то и расстрелять вождей Петроградского Совета{327}. Ожидаемое выступление большевиков могло ускорить эти меры. Если бы большевистского мятежа не было, заговорщики предполагали его сымитировать. Детали этого замысла помогает понять очередное свидетельство В.Н. Львова, если сказанному им вообще можно доверять. Полгода спустя ветер начинавшейся гражданской войны занес Львова в Оренбург. Здесь атаман оренбургского казачества А.И. Дутов рассказал ему, что под видом большевиков должен был выступить именно он{328}.

На первый взгляд налицо детальный и разработанный план переворота. Однако сразу закрадывается подозрение в том, что все это существовало только в фантазии заговорщиков. Нам еще придется писать о том, что все эти замыслы лопнули как мыльный пузырь задолго до стадии реализации. Да и не могло это быть ничем другим, кроме как мыльным пузырем. Никто в Ставке серьезно планов переворота не разрабатывал, никто не поддерживал необходимых контактов со столичным подпольем. Вся петроградская составляющая «заговора» была чистой авантюрой, и подсознательно участвовавшие в ней это чувствовали. Именно это и заставило их в решающий день спрятаться в отдельном кабинете ресторана, вместо того чтобы следовать ранее составленным планам.

Романовский был единственным из старших начальников, кто был посвящен в планы готовящегося выступления. Разумеется, полностью сохранить подготовку в тайне было невозможно. Многие из чинов Ставки догадывались о происходящем, кто-то, как, например, Лукомский, знал об этом почти определенно. Но те, кто догадывался, предпочитали не вмешиваться. Дело было слишком рискованным, и потому в случае его неудачи проще было отговориться незнанием. В том же случае, если бы начинанию способствовал успех, присоединиться было никогда не поздно.

Все зависело от Верховного главнокомандующего. А его намерения были до конца не ясны. Корнилов вернулся из Москвы,

будучи настроен крайне отрицательно в отношении перспектив дальнейшего сотрудничества с Керенским. После встречи с главковерхом Крымов удовлетворенно сказал: «Все идет хорошо. Решили больше не иметь дела с “ними”…»{329} Тем не менее Крымов каждый день откладывал свой отъезд из Могилева. Он не был уверен в том, что Корнилов сохранит свою жесткую позицию. Действительно, тот снова медлил. К середине месяца крайне осложнилась обстановка на фронте и Корнилов всецело отдался этому, как бы оттягивая неизбежное решение.

ПАДЕНИЕ РИГИ

Своим правым флангом русско-германский фронт упирался в Балтийское море в районе Риги. Линия противостояния шла здесь по правому берегу Западной Двины, и лишь у самого города русские войска сохраняли плацдарм на левом берегу. Непосредственную оборону Риги осуществляла 12-я армия Северного фронта. В ее состав входили пять армейских корпусов и две латышские стрелковые бригады, общей численностью более 160 тысяч человек{330}.

Северный фронт, как ближайший к Петрограду, и 12-я армия в особенности, считались наиболее пострадавшими от большевистской пропаганды. Именно здесь выходила знаменитая «Окопная правда», прославившаяся своим антиправительственным и пораженческим курсом. После июльского выступления большевиков газета была закрыта, но ей на смену пришел не менее радикальный «Окопный набат». Особенно сильно большевизмом были заражены латышские полки, позднее ставшие «гвардией Ленина».

С середины июля немцы начали сосредоточивать силы на рижском направлении. Делалось это скрытно, но большим секретом для русского командования не являлось. В распоряжении командующего 12-й армией генерала Д.В. Парского находилось вполне достаточное количество живой силы и артиллерии. Подступы к городу были укреплены по последнему слову военной техники. В обычной ситуации за судьбу Риги можно было не беспокоиться, но революция породила новые обстоятельства, с которыми приходилось считаться.

Все лето в Верманском парке и «Демократическом» (бывшем Царском) саду шли солдатские митинги, дело доходило до прямых столкновений между русскими солдатами и латышскими стрелками. Впрочем, и русские солдаты принимали самое активное участие в разгроме пивных заводов и иных хулиганских выходках. Ненадежны были и части, находившиеся на передовой. В начале августа 54-й стрелковый полк панически бежал с позиций при одних только слухах о появлении немцев. Никто не мог сказать, как будут вести себя войска в боевой обстановке.

Точная дата и место немецкого наступления стали известны еще за несколько дней до его начала от перебежчика-эльзасца{331}. Штаб армии за несколько часов разослал во все полки и дивизии предупреждение о том, что ночью противник начнет артиллерийский обстрел с тем, чтобы утром попытаться прорвать русские позиции. Действительно, в четыре часа утра 19

августа со стороны немецких позиций начался ураганный огонь. Противник применил химические снаряды, что внесло дезорганизацию в ряды русских войск. Начальник 186-й дивизии генерал Дорфман потерял связь со штабом армии и подчиненными ему частями. Полки дивизии начали беспорядочно отступать. Воспользовавшись этим, немцы в 9 часов утра начали переправу через Западную Двину.

Первоначально захваченный противником плацдарм был невелик — не более шести верст в ширину и трех в глубину. Генерал Парский отдал приказ отбросить немцев за реку. Учитывая силы русских, эта задача была вполне реальной. Но резервные части вводились в бой отдельными бригадами и даже полками, что позволяло противнику всякий раз сохранять численный перевес. В результате контратака захлебнулась. К вечеру штаб армии покинул Ригу. Связь штаба с подчиненными ему частями и соединениями была потеряна почти на сутки.

На следующий день бои развернулись уже на окраинах города. Против ожидания, наиболее упорное сопротивление противнику оказали большевизированные латышские полки. На узком участке фронта действовало не меньше десяти русских дивизий. Однако связи между ними не было, они мешали друг другу, спонтанные атаки захлебывались в самом начале. Помощник комиссара Северного фронта В.С. Войтинский вспоминал: «Были и звуки Марсельезы, и красные знамена, и комитетчики в передовых атакующих цепях — а затем все катилось неудержимо назад»{332}. В условиях начинавшегося хаоса дальнейшее сопротивление было невозможно. В ночь на 21 августа русские войска оставили Ригу.

Отступление быстро превратилось в неорганизованное бегство. В воспоминаниях Войтинского картина этих часов выглядит так: «Дорога запружена обозами. Справа и слева от нее по полям и меж деревьями течет пехота. По-видимому, целые воинские части — полки, может быть, и дивизии. Но в каком они виде — базарная толпа, а не армия! То здесь, то там вспыхивает паника. Поднимается беспорядочная оружейная пальба. Обозные соскакивают с телег и принимаются рубить постромки — некоторые с перепугу рубят колеса. Два раза налетали эскадрильи немецких аэропланов, бросая бомбы в движущуюся по шоссе живую реку — и тогда паника принимала формы совершенного безумия»{333}. Немцы фактически не преследовали бегущих. К тому времени, когда отступление было остановлено, русская армия оторвалась от противника на расстояние дневного перехода.

Рижская операция была сопоставима с Тарнопольской

катастрофой. Потери русских войск составили 25 тысяч человек, из них три пятых пленными и пропавшими без вести{334}. В руки врага попало огромное количество орудий, пулеметов и другого военного имущества. С точки зрения стратегической, потеря Риги означала, что немцам была открыта дорога на Петроград. Но неизмеримо большими были политические последствия этого поражения.

Правые и левые в равной мере использовали известия о падении Риги как способ укрепления своих позиций. В начавшейся перепалке и череде взаимных обвинений ситуация очень скоро стала напоминать разговор двух глухих. Кадетская «Речь» в номере от 22 августа писала: «Теперь ясно, что у правительства выбора нет, и если оно не хочет потерять смысл своего существования… то ему нужно решительно и окончательно порвать со своей зависимостью от Советов и принять предложения генерала Корнилова». В ответ левая пресса подняла крик, пугая читателей тем, что контрреволюция поднимает голову.

Масла в огонь подлило официальное сообщение из Ставки Верховного главнокомандующего: «Утром 21 августа наши войска оставили город Ригу и в настоящее время продолжают отход в северо-восточном направлении. Дезорганизованные массы солдат неудержимым потоком устремляются по псковскому шоссе». На страницах «Речи», «Нового времени», «Живого слова» и других «буржуазных» газет появились многочисленные сообщения о панике и дезертирстве в войсках. Виновниками этого правая печать недвусмысленно называла большевиков и их защитников из руководства Совета.

Но одновременно с этим в газетах была опубликована другая телеграмма, подписанная помощником комиссара фронта Войтинским: «Положение остается чрезвычайно серьезным. Не исключена возможность дальнейших неудач, особенно ввиду получающихся известий о дальнейшем расширении района прорыва… Вместе с командным составом свидетельствую: армия честно выполнила свой долг и неудача не ложится позором на те части, на которые обрушиваются удары противника». Сам Войтинский позднее признавал, что его оценка была односторонней, что армия бежала, не вступая в соприкосновение с противником. Он оправдывал себя тем, что писал то, как понимал и чувствовал себя в эти дни{335}.

Однако телеграмма Войтинского была воспринята в социалистических кругах как доказательство того, что генералы и раболепствующие перед ними газеты клевещут на армию. На заседании рабочей секции ВЦИК Советов 23 августа была принята

резолюция с требованием «принять необходимые меры для охранения умирающей на полях сражений армии от похода контрреволюции и ее прессы»{336}. Виновник в поражении под Ригой, таким образом, был найден.

Еще раз повторим — и правые и левые трактовали одни и те же события абсолютно по-разному. Для сторонников сильной власти неудача под Ригой стала еще одним доказательством развала армии, а значит, аргументом в пользу своей точки зрения. Для защитников «революционной демократии» падение Риги было следствием генеральской измены. Разговоры о том, что Корнилов преднамеренно сдал Ригу, начались уже тогда, а позднее, в советские времена, эта версия воспринималась как истина.

Разумеется, все это было не так. Следует вспомнить, что Корнилов, как минимум трижды, предупреждал об опасности, нависшей над Ригой. Первый раз это было во время его доклада на заседании правительства 3 августа. Уже тогда Корнилов говорил о вероятном направлении удара противника (и оказался в этом абсолютно точен). Он честно сказал, что ввиду ненадежности войск он не считает возможным удерживать занимаемые ими ныне позиции. Вторично вопрос о ситуации на Северном фронте был поднят на встрече Корнилова и Керенского 10 августа 1917 года. По словам Корнилова, Керенский спросил его, можно ли рассчитывать на то, что Рига не будет взята немцами еще до Московского совещания? В ответ Корнилов сказал, что Рига может продержаться неделю, но не больше{337}. Наконец, третий раз Корнилов публично заявил о нависшей над Ригой угрозе с трибуны Государственного совещания.

Верховный главнокомандующий, Ставка, командование Северным фронтом и 18-й армией сделали со своей стороны все необходимое. Противник не имел в ходе Рижской операции ни численного преимущества, ни перевеса в артиллерии. Точное знание места и времени вражеского удара создавало уникальные возможности для ответных действий. Если итог оказался неудачным, то причину этого нужно было искать не в военной сфере.

Но разговоры о генералах-предателях, толчок к которым вольно или невольно дала левая пресса, нашли слушателей в солдатской среде. Во второй половине августа массовым явлением стали случаи расправ солдат над офицерами. Особенно много шуму наделало убийство комиссара Юго-Западного фронта Ф.Ф. Линде. Сам по себе комиссар фронта был фигурой немалого масштаба, да к тому же это был тот самый прапорщик Линде, который в апрельские дни поднял солдат на демонстрацию

против Временного правительства. Всероссийская слава вознесла его на высокий пост, но не помешала стать жертвой тех сил, которые он сам когда-то вызвал к жизни.

Все началось с того, что солдаты 444-го Дмитровского пехотного полка, входившего в состав 111-й дивизии Особой армии Юго-Западного фронта, отказались выходить на боевые позиции. На усмирение бунтовщиков были брошены казаки из 1-й Кубанской дивизии. Возглавил карательную экспедицию начальник дивизии генерал П.Н. Краснов, оставивший в своих воспоминаниях подробное описание дельнейших событий. Одновременно с казаками в расположение мятежного полка прибыл и комиссар фронта. Линде был убежден, что он сумеет убедить полк выдать зачинщиков беспорядков и подчиниться приказу. Но взятый им тон и угрозы, которыми изобиловала его речь, привели к противоположному результату. Толпа вооруженных солдат набросилась на него и за считанные минуты забила прикладами.

В тот же день были зверски убиты командир полка и начальник дивизии генерал К.Г. Гиршфельд. Заслуженного генерала, потерявшего в боях руку, привязали к дереву и долго издевались, пока не замучили до смерти{338}. Убийство комиссара Линде позже было описано А.Н. Толстым в «Хождении по мукам» и романе Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго». Имена же десятков офицеров, которых постигла та же судьба, так и канули в безвестности.

Обострение политического и социального кризиса играло на руку только радикалам, как правым, так и левым. В воскресенье 20 августа, тот самый день, когда была оставлена Рига, внимание жителей Петрограда было привлечено к другому событию — выборам в городскую думу. Это была последняя избирательная кампания перед выборами в Учредительное собрание, и ее итоги рассматривались как своего рода прогноз на ближайшее будущее. Неожиданностью для большинства наблюдателей стал успех большевиков. Они получили треть голосов столичных избирателей, столько же, сколько эсеры, и существенно больше, чем меньшевики и кадеты.

В Петрограде начали распространяться слухи о готовящемся новом выступлении большевиков. Называли даже точную дату — следующее воскресенье, 27 августа, день полугодового юбилея революции. ВЦИК и Петроградский Совет выступили с опровержением, но этим заверениям мало кто верил. Приводились и другие сроки будущего мятежа, но сам факт его подготовки сомнению не подвергался. Сообщение о готовящемся захвате власти большевиками 19 августа опубликовала

популярная газета «Русское слово». «По имеющимся в распоряжении правительства сведениям, — говорилось в нем, — большевики готовятся к вооруженному выступлению между 1 и 5 сентября. В военном министерстве к предстоящему выступлению относятся весьма серьезно. Ленинцы, по слухам, мобилизуют все свои силы»[339].

Зинаида Гиппиус 23 августа записала в дневнике: «Весь город ждет выступления большевиков. Ощущение, что *никакой власти нет*»[340]. С высоты наших знаний мы можем сказать, что, на самом деле, большевики в ту пору были еще не готовы к захвату власти. Более того, Ленин, находившийся в это время в Финляндии (приказ о его аресте все еще действовал), расценивал слухи о заговоре как провокацию. Но современники, еще не забывшие июльские дни, верили в большевистскую опасность. Верили этому и в Ставке. Падение Риги убедило Корнилова в правоте взятого им курса, ожидание большевистского восстания заставило его действовать не теряя времени.

МИССИЯ САВИНКОВА

После окончания Государственного совещания Керенский на день задержался в Москве. В столицу он вернулся утром 17 августа и почти сразу вызвал к себе Савинкова. Все предыдущие дни положение Савинкова оставалось двусмысленным. С одной стороны, премьер принял его отставку, с другой — решение об этом хранилось в секрете даже от других членов кабинета.

По словам Савинкова, Керенский во время этой встречи был необычно спокоен и даже вял. Он сказал, что Московское совещание убедило его в том, что у правительства нет надежной опоры. Керенский обвинил Савинкова в том, что благодаря его стараниям Корнилов обрел силу и теперь шантажирует власть. В этой ситуации Савинков не может уйти из правительства и обязан исправить последствия своих ошибок. В ответ Савинков сказал, что он готов продолжать работу, но требует полного доверия не только к себе, но и к своим помощникам. Речь шла о Филоненко, и Керенский великолепно это понял. Он заявил, что вынужден оставить Филоненко, но уже тоном дал понять, что делает он это вопреки своему желанию.

В завершение разговора Савинков напомнил Керенскому, насколько оскорбительны для него были обстоятельства его отставки. Керенский отрешенно улыбнулся: «Да, я забыл. Я, кажется, все забыл. Я… больной человек. Нет, не то. Я умер, меня уже нет. На этом совещании я умер. Я уже никого не могу оскорбить и никто меня не может оскорбить…»{341}. Эти слова настолько поразили Савинкова, что вечером того же дня он дословно пересказал их Зинаиде Гиппиус. Савинкову показалось, что Керенский окончательно потерял волю. Это было ошибкой, просто очередной прилив нервной энергии сменился у Керенского столь же неизбежным спадом. Такие перепады вводили в заблуждение самых разных людей, обманули они и Савинкова.

В тот же день в четыре часа пополудни состоялось заседание правительства. На нем министр юстиции А.С. Зарудный доложил о страшной трагедии, случившейся в Казани. 15 августа здесь произошел пожар на пороховом заводе. Огонь перекинулся на расположенные по соседству военные склады. В результате было уничтожено до 12 тысяч пулеметов и около миллиона снарядов. Взрывом были уничтожены строения в радиусе нескольких километров, были и многочисленные человеческие жертвы. В ходе начавшегося следствия была выдвинута версия о том, что происшедшее стало результатом деятельности вражеских

диверсантов. На эту мысль наводила странная цепь совпадений: за несколько дней до того пожаром были уничтожены склады снарядов в Петрограде, днем позже сгорел петроградский завод «Вестингауз», тоже работавший на оборону, 18 августа пожар случился на Прохоровской мануфактуре в Москве{342}.

Савинкову как управляющему военным министерством было поручено разобраться в этом вопросе. Тогда же Савинков огласил новую телеграмму Корнилова, в которой содержалась настоятельная просьба ускорить проведение в жизнь мероприятий, изложенных им в ранее представленной записке. На этот раз никаких возражений со стороны Керенского это не вызвало. Он вообще, что для него было не типично, больше молчал. В эти дни Керенский чуть ли не впервые со времени революции приехал на квартиру Мережковских. Хозяев не было, и премьера встретил их старый друг (и, можно сказать, член семьи) Д.В. Философов. По его словам, Керенского трудно было узнать. «Впечатление морфиномана, который может понимать, оживляться только после впрыскивания. Нет даже уверенности, что слышал, запомнил наш разговор»{343}. Керенскому, несомненно, было трудно. Рядом с ним не оказалось ни друзей, ни единомышленников. В такой ситуации он предоставил событиям возможность идти естественным путем.

19 августа, в день начала рижской операции, из Ставки поступила новая телеграмма. В ней Корнилов сообщал, что, по поступившим к нему сведениям, немцы готовят десант на островах Моонзундского архипелага и побережье Финляндии. В этой связи он вновь выдвигал план объединения сил Северного фронта, Балтийского флота, столичного гарнизона и частей, расквартированных в Финляндии в Особую армию с подчинением ее непосредственно верховному командованию.

Ознакомившись с телеграммой, Керенский вызвал Савинкова. Он предложил ему немедленно выехать в Ставку для переговоров с Корниловым. Премьер выражал согласие принять предложения Верховного главнокомандующего, но оговорил, что сам Петроград должен быть выделен из состава планируемой объединенной единицы. Керенский мотивировал это политическими причинами, но соглашался объявить столицу на военном положении. Для того чтобы иметь реальную возможность осуществить это, Керенский просил направить в Петроград конный корпус. Одновременно в качестве секретной задачи Савинкову было поручено постараться ликвидировать Союз офицеров и политический отдел при Ставке.

О своем намерении выехать в Могилев Савинков в тот же день в разговоре по прямому проводу предупредил Филоненко. Одновременно он оповестил об этом телеграммой Корнилова. Но

тот попросил его отсрочить поездку, поскольку он в это время был занят немецким прорывом под Ригой. Савинков перенес дату своего визита на 23 августа, приурочив ее к созываемому в Ставке совещанию представителей армейских комитетов, фронтовых и армейских комиссаров.

В назначенный день Савинков в сопровождении полковника Барановского приехал в Могилев и прямо с вокзала направился к Корнилову. Первая их встреча происходила наедине. Тем не менее нам известно, о чем там шла речь, поскольку Савинков сразу после ее окончания дословно записал весь разговор. Обратим внимание на эту деталь — Савинков и Корнилов не доверяли друг другу. Они никогда не были в полном смысле этого слова единомышленниками, но до определенного времени цели их совпадали. Сейчас и тот и другой предчувствовали возможный разрыв и старались заранее обзавестись доказательствами на случай взаимных обвинений.

Разговор был недолгим и принципиальных разногласий не вызвал. На удивление, быстрее всего были решены вопросы, связанные с деятельностью Союза офицеров и политического отдела Ставки. Корнилов согласился подчинить политотдел контролю со стороны Филоненко. В отношении Союза офицеров было решено перевести его Главный комитет из Могилева в Москву, что должно было резко ограничить его возможности. Корнилов не возражал и против выделения столицы из состава Петроградского военного округа, но детали этого было решено отложить до вечерней встречи.

Главковерх и управляющий военным министерством обменялись мнением о политическом положении. Корнилов был откровенен: «Я должен вам сказать, что Керенскому и Временному правительству я больше не верю. Во Временном правительстве состояли членами такие люди, как Чернов, и такие министры, как Авксентьев. Стать на путь твердой власти — единственный спасительный для страны — Временное правительство не в силах. За каждый шаг на этом пути приходится расплачиваться частью отечественной территории. Это — позор. Что касается Керенского, то он не только слаб и нерешителен, но и неискренен. Меня он незаслуженно оскорбил на Московском совещании…»

В ответ Савинков сказал, что в государственных делах не может быть места личным обидам. Он подчеркнул, что не собирается строить комбинаций за спиной Керенского, хотя согласен с тем, что тот слаб и подвержен колебаниям. Корнилов заявил, что необходимы принципиальные изменения в составе правительства. При этом он назвал имена Алексеева, Плеханова,

Аргунова. Савинков уточнил: «Вернее нужно, чтобы советские социалисты были заменены несоветскими. Это ли вы хотите сказать?» Корнилов ответил: «Да. Советы доказали свою нежизнеспособность, свое неумение оборонить страну».

Савинков отвечал, что, по его мнению, это дело далекого будущего. Сейчас же любое правительство немыслимо без Керенского. Корнилов согласился: «Вы, конечно, правы: без возглавления Керенским правительство немыслимо, но Керенский нерешителен. Он колеблется, он обещает, но не исполняет обещаний». Савинков заверил Корнилова в том, что он сделает все, чтобы Керенский уже в ближайшее время подписал закон о мерах по оздоровлению фронта и тыла. «Я вам верю, — сказал Корнилов, — но я не верю в твердость Керенского». На этом беседа и завершилась{344}.

Слова Корнилова и тон, каким они были произнесены, вызвали у Савинкова беспокойство. На вечернюю встречу он захватил с собой Филоненко. С Корниловым на этот раз был генерал Лукомский. Главной темой разговора стало выделение Петрограда в особую военно-административную единицу. Корнилов и Лукомский возражали против этого, но Савинков сумел убедить их в том, что этот вопрос не столь принципиален. Керенскому важно, говорил он, чтобы его уступки не выглядели капитуляцией. Именно так это будет выглядеть, если Петроград будет впрямую подчинен верховному командованию. Правительство не возражает против того, чтобы в случае необходимости город был объявлен на военном положении.

По словам Лукомского, Савинков был убежден, что применение чрезвычайных мер станет делом ближайшего будущего. Он полагал, что объявление столицы на военном положении есть единственное средство предотвратить ожидаемое выступление большевиков. «Я надеюсь, Лавр Георгиевич, что назначенный вами начальник отряда сумеет решительно и беспощадно расправиться с большевиками и с Советом рабочих и солдатских депутатов, если последний поддержит большевиков»{345}. В этой связи Савинков передал просьбу Керенского отправить в Петроград 3-й конный корпус, но попросил не ставить во главе его генерала Крымова.

Репутация Крымова была хорошо известна, и одно его имя могло вызвать раздражение в левых кругах. Кроме того, Савинков попросил по возможности не включать в состав предполагаемой экспедиции Кавказскую туземную дивизию (больше известную как Дикая дивизия). О всадниках-горцах из Дикой дивизии ходил распространенный анекдот: «Мы не знаем, что такое старый режим, новый режим, мы просто режем».

После того как общая договоренность была достигнута, в кабинет были приглашены генерал Романовский и приехавший с Савинковым полковник Барановский. В их присутствии на карте были определены границы будущего размежевания. Романовский выразил сомнение в целесообразности выделения Петрограда, так как, по его мнению, Временное правительство не сумеет самостоятельно навести порядок в городе. Неожиданно его поддержал полковник Барановский, заявивший, что выделение петроградского железнодорожного узла не позволит поддерживать необходимую связь с финляндской группой войск. В устах Барановского эти слова прозвучали очень неожиданно, и их запомнили все присутствовавшие. Это подтверждает сам факт того, что они были произнесены, хотя Барановский всячески позднее от них открещивался. Корнилов снова начал было колебаться, но Савинков прервал обсуждение, сказав, что вопрос уже решен.

На следующий день с утра в Могилеве открылось совещание представителей армейских комитетов, армейских и фронтовых комиссаров. От штаба Ставки на него были делегированы генерал Ю.Н. Плющик-Плющевский и начальник политического отдела полковник К.В. Сахаров. О последнем ходили слухи как о главном заговорщике, и Филоненко настоял на том, чтобы он был отозван. Это вызвало резкое недовольство Лукомского. Он немедленно сообщил об инциденте Корнилову, и тот прибыл на совещание уже будучи крайне раздраженным.

Делегаты совещания обсуждали проект положения о новом статусе комитетов и комиссаров. В основу его была положена записка Савинкова—Филоненко, подготовленная к 10 августа. Напомним, что содержание ее существенно ограничивало функции армейских комитетов, сводя их почти исключительно к хозяйственной и культурной деятельности. В свое время возражения Корнилова вызвало право комиссаров вмешиваться в назначение старших начальников. Накануне совещания Савинкову удалось уговорить Корнилова не спешить с публичными заявлениями по этому поводу. Но сейчас Корнилов и слышать ничего не хотел. Его короткая речь так и дышала неприязнью. Начал он с необходимости объединения всех сил перед вражеской угрозой, но внезапно сорвался. Указав на лежавший на столе президиума проект, Корнилов сказал, что «этого» он никогда не утвердит.

Главковерх покинул зал, едва ли не хлопнув дверью. Он спешил на новую встречу с Савинковым, в ближайшие часы покидавшим Могилев. Они вновь коротко обговорили обсуждавшиеся накануне вопросы. Прощаясь, Савинков спросил:

«Каково ваше отношение к Временному правительству?» Корнилов ответил: «Я прочел законопроект о военно-революционных судах в тылу. Передайте Александру Федоровичу, что я буду его всемерно поддерживать, ибо это нужно для блага отечества»{346}. Расставались Савинков и Корнилов подчеркнуто благожелательно. Главковерх лично проводил Савинкова до поезда и дождался его отправления. Но на деле ни Савинков, ни Корнилов уже не верили друг другу.

На обратном пути в вагон Савинкова подсел комиссар 8-й армии В.К. Вянзягольский. Он сказал, что в Ставке готовится заговор против правительства, и предложил свои услуги в его пресечении. Показательно, что Савинков, по его же собственным словам, не был этим удивлен{347}. Но и в Могилеве к визиту Савинкова отнеслись с большим подозрением. Сразу после его отъезда Корнилов пригласил к себе Лукомского, Крымова, Завойко и Аладьина. Сам состав этого совещания, на котором прапорщик соседствовал с генералами, должен был внушить подозрение информаторам правительства.

Корнилов передал собравшимся свой разговор с Савинковым и сказал, что теперь все намеченное согласовано с Временным правительством и потому никаких трений быть не должно. Но Лукомского это не убедило. По его мнению, все шло даже слишком хорошо. «Все, сказанное Савинковым, настолько согласуется с нашими предложениями, что получается впечатление, как будто Савинков или присутствовал при наших разговорах, или… очень хорошо о них осведомлен»{348}. Лукомский добавил, что его беспокоит требование Савинкова не ставить во главе направляемых в Петроград войск генерала Крымова.

Корнилов возразил, что нельзя быть столь мнительным. Савинков, как умный человек, понимает обстановку и потому пришел к тем же выводам. Что касается Крымова, то он известен своей решительностью и Савинков боится, что тот повесит «лишних 20—30 человек». Впоследствии Савинков будет только доволен, что командовать войсками поставлен именно Крымов. Лукомского это мало успокоило, и он попросил дословно запротоколировать все сказанное Савинковым в присутствии Романовского. Протокол тут же был составлен и подписан. Вспомним, Савинков также дословно записал содержание своих разговоров с Корниловым. Больших доказательств взаимного недоверия не требовалось.

Большая игра, задуманная Савинковым, выходила из-под его контроля. Обе ключевые фигуры — Корнилов и Керенский, не желали играть по навязанным им правилам. Керенский понимал

это яснее, но, чувствуя свою слабость, мог ответить только одним — всячески затягивая и откладывая окончательное решение. У Корнилова антипатия к Керенскому росла с каждым днем. Но он был оторван от столицы и каких-то серьезных информаторов в Зимнем дворце не имел. Поэтому он верил или должен был верить в то, что Керенский пойдет по намеченному пути до конца. Но где-то в глубине души Корнилов уже думал о большем.

На следующий день после отъезда Савинкова у Корнилова состоялся разговор с Филоненко. Главковерх проявил максимум дружелюбия: он принял комиссара по первой его просьбе и немедленно согласился с тем, что его поведение на вчерашнем совещании было ошибкой. В последующей беседе Корнилов спросил Филоненко, не думает ли он, что единственным выходом для России сейчас является военная диктатура? Филоненко ответил, что это привело бы к еще более худшей анархии. «Будем откровенны, — продолжил он, — диктатором сейчас можете быть только вы, Лавр Георгиевич. Но при всех ваших неоспоримых достоинствах, у вас ограничены знания в вопросах невоенных. Как результат, вашим именем будет править безответственная камарилья. Это вызовет гражданскую войну, а плодами ее будут пользоваться только немцы.

— Что же делать? — спросил Корнилов. — У правительства не хватает энергии для того, чтобы спасти страну, а время не ждет». Филоненко сказал, что диктатура не обязательно должна быть единоличной. Возможно создание некой директории или малого военного кабинета с чрезвычайными полномочиями. В нынешней ситуации такая директория немыслима без Керенского. Но Корнилов упорствовал. Он еще как минимум дважды подводил Филоненко к идее единоличной диктатуры. «Предположите на минуту, что в диктатуре единственное спасение страны, которую вы ведь любите, что бы вы сделали тогда?» Филоненко ответил, что в этом случае он просто покинул бы страну{349}.

Странная это была беседа. Никогда Корнилов не допускал подобной откровенности, том более с Филоненко, к которому он всегда относился с подозрением. Похоже, что он убеждал самого себя. Мы не можем сказать, что Корнилов уже тогда принял решение. К этому его энергично подталкивала «камарилья», но сам он, скорее, был готов действовать в духе договоренности с Савинковым. Это было проще, это позволяло уйти от тех вопросов, ответ на которые он попытался найти у Филоненко. Бесспорно, что Корнилов был честолюбивым человеком, но его честолюбие никогда не принимало патологических форм. Стремление к власти ради обладания властью было для него не

характерно. Власть для того, чтобы спасти страну, — это другое, на это Корнилов мог бы решиться. Но до определенного времени все это оставалось делом будущего.

КОРНИЛОВ И ЛЬВОВ

Савинков вернулся из Могилева в Петроград днем 25 августа. К этому времени он постарался отогнать тяжелые мысли. Главное дело было сделано — компромисс с Корниловым найден. Теперь оставалось одно: необходимые бумаги должен был подписать Керенский. Сразу по возвращении Савинков доложил о результатах своей поездки премьеру, а потом по требованию министра путей сообщений П.П. Юренева — и всему составу правительства.

В тот же день Савинков дважды обращался к Керенскому с просьбой подписать наконец привезенные из Ставки бумаги, но тот оба раза отказывался под какими-то надуманными предлогами. Та же ситуация повторилась и на следующий день. С Керенским явно что-то происходило. Он очнулся от транса предыдущих дней и опять прибег к своей любимой манере затягивать и откладывать неприятные ему решения. Серьезных оснований не верить Корнилову у Керенского, по его же собственному признанию, не было. Скорее здесь сработала его пресловутая интуиция: он нюхом чувствовал приближающиеся перемены, хотя вряд ли мог сам сформулировать, в чем они состоят.

Впрочем, некоторая информация, неизвестная Савинкову, у Керенского все же была. 22 августа, когда Савинков выехал в Могилев, в кабинете премьера побывал посетитель, которому было суждено сыграть роковую роль в бурных событиях последующих дней. Это был давний знакомый Керенского В.Н. Львов. Как и Керенский, он был депутатом IV Думы, как и тот, в марте 1917 года вошел в состав Временного правительства. В Думе Львов был известен как специалист по делам русской церкви. По этой причине и в кабинете, возглавляемом его однофамильцем князем Г.Е. Львовым, он занял должность обер-прокурора Святейшего синода.

По свидетельству людей, близко знавших его, Львов был человеком искренним, но в то же время экспансивным и увлекающимся. Он «был одушевлен самыми лучшими намерениями и также поражал своей наивностью, да еще каким-то невероятно легкомысленным отношением к делу»{350}. Когда правительство возглавил Керенский, Львов был вынужден уйти. Потом ему припомнили, что в пылу гнева он называл тогда Керенского своим смертельным врагом. Однако это были не более чем слова, гнев у Львова мог почти мгновенно смениться таким же удушающим обожанием. Не прошло и нескольких дней, и он

повсюду начал кричать о своем восхищении Керенским, которого именовал не иначе как своим близким другом.

Как бывший депутат Думы, Львов принимал участие в работе Государственного совещания. Даже на него, человека не слишком прозорливого, увиденное произвело гнетущее впечатление. У другого это могло вызвать тревогу, страх за будущее. Львов, с его сверхэмоциональным восприятием окружающего, едва не заболел. Для него навязчивой мыслью стало примирение Керенского и Корнилова. То, что произошло дальше, на первый взгляд кажется невероятным, совершенно фантастической чередой ошибок. На деле трагическая путаница последующих дней была порождением того взаимного недоверия, которое заставляло Керенского, Корнилова, Савинкова да и всех других, вовлеченных в эту историю, подозревать друг друга в смертных грехах.

В Москве Львов остановился в гостинице «Националь». Здесь он случайно встретил некого И.А. Добрынского, с которым когда-то был шапочно знаком. Добрынский имел репутацию авантюриста и пустослова. Знакомые за глаза назвали его «хан татарский». Он действительно хвастал родством со знаменитой ханской династией Гиреев и говорил, что по первому его слову поднимутся 40 тысяч горцев. Патологическая хвастливость была главной чертой Добрынского, а для того чтобы создавать впечатление о себе как о человеке значащем, он постоянно должен был вращаться в «кругах».

Добрынский немедленно рассказал Львову, что едет в Ставку, куда приглашен для участия в неком секретном совещании. На самом деле Добрынского никто в Ставку не приглашал, и ездил он в Могилев по мелкому, сугубо личному поводу. В вагоне Добрынский познакомился с Аладь-иным. Ни о чем серьезном они не говорили, но Добрынский почувствовал зависть: ведь Аладьин действительно ехал в Ставку по приглашению Корнилова, а на перроне того встречали Филоненко и Завойко. В Могилеве, коротая время до поезда, Добрынский пошел обедать в Офицерское собрание. Здесь он подслушал разговор неизвестных офицеров, поносивших правительство и самого Керенского. Этот ничего не значащий эпизод стал толчком к обвалу дальнейших событий.

Вернувшись в Москву, Добрынский вновь встретился с Львовым. Тот по характеру своему был готов поверить любому вранью, и Добрынский не выдержал. Под страшным секретом он сообщил, что присутствовал на тайном совещании, где было решено объявить генерала Корнилова диктатором. В Ставке, по его словам, все ненавидят Керенского. На него уже готовится покушение, и премьера специально пригласили в Могилев для

того, чтобы арестовать, а то и убить. Он, Добрынский, уговорил Корнилова повременить, но в его отсутствие дурные советчики могут заставить главковерха изменить свое мнение.

Львов страшно разволновался. Он действительно восхищался Керенским и теперь испугался за него. Он решил немедленно ехать в Петроград, для того чтобы предупредить Керенского о грозящей опасности. По приезде в столицу он сразу же отправился в Зимний дворец и немедленно был принят Керенским. Это уже выглядит странно, премьер нередко отказывал во встрече и действующим министрам. По словам Керенского, он полагал, что Львов зашел «попросту поболтать»{351}. Примем это объяснение — Керенский знал, что Львов его боготворит, и мог позволить себе получить удовольствие от сеанса восторженного поклонения.

Но разговор с самого начала далеко ушел от публичного признания в любви. Львов начал путано говорить о том, что Керенский теряет авторитет в стране, что против него крайне левые, а ныне и правые. Правительству, по его словам, нужно иметь более прочную опору и для этого ввести в состав кабинета политических деятелей, стоящих правее кадетов. При этом он постоянно говорил так, что создавалось впечатление, будто бы он действует от чьего-то имени.

Керенский попытался уточнить, кого Львов представляет, но тот ответил, что не может этого сказать. Тем не менее Керенский не прервал разговор, не выставил Львова вон. По его словам, он подумал, что Львов действует от имени «родзянковской группы», то есть умеренно правых политиков, оставшихся после революции не у дел{352}. Центром их консолидации весной 1917 года были частные совещания Государственной думы, а с августа — вновь созданный Совет общественных деятелей.

Расстались Львов и Керенский почти дружески. Львов пообещал при следующей встрече рассказать о том, кто стоит за ним. Керенский дал обещание ответить на вопрос о перспективах расширения правительства за счет представителей правого политического крыла. Львов задом пятился к двери, повторяя, что у тех, кого он представляет, есть серьезные силы и влияние. Керенский улыбаясь провожал его к выходу, он, похоже, искренне получил удовольствие от этой бестолковой беседы.

Разумеется, никого, кроме себя самого, Львов не представлял. Возвратившись в Москву, он связался со своим старшим братом Н.Н. Львовым. Тот тоже в недавнем прошлом был депутатом Думы, но, в отличие от младшего брата, отличался характером более трезвым и рациональным. Львов-старший входил в руководство Торгово-промышленного союза и обладал прочными

связями в деловом и финансовом мире. При встрече братьев младший сообщил старшему, что он только что приехал из Петербурга, куда его вызывал Керенский. По его словам, Керенский пришел к убеждению, что для борьбы с большевизмом необходимо прилечь к управлению общественных деятелей правого толка и эту задачу премьер поручил ему{353}. В воображении Львова-младшего все успело перепутаться. Инициированный им самим визит к Керенскому стал поездкой по приглашению, то предложение, сказанное им на этой встрече, теперь было вложено в уста премьера. Все это важно понять, чтобы разобраться в причинах позднейшего конфликта Керенского и Корнилова.

Отметим еще одно обстоятельство: ложь всегда остается ложью, но поведение Добрынского и Львова принципиально различалось своей природой. То, что у Добрынского было откровенной «хлестаковщиной», у Львова звучало настолько искренне, что вполне могло убедить собеседника. Львов-старший показал на следствии по «корниловскому» делу: «Считаю нужным прибавить, что брат мой Владимир, благодаря глубоко пережитым душевным потрясениям, связанным с революцией 1917 года, отличался крайней неуравновешенностью характера и порывистостью принимаемых решений»{354}. Менее деликатные современники прямо писали, что Львов серьезно повредился рассудком. В его мозгу фантазии и реальность настолько переплетались, что различить их не мог и он сам.

Вечером в гостиничный номер Львова зашли Добрынский и Аладьин. Львов, к этому времени уже искренне уверовавший в свои выдумки, завил им, что его поездка увенчалась полным успехом. Керенский, как он сказал, вполне готов вести переговоры о реконструкции правительства. Лишне напоминать, что это было совсем не так. Прошел день, а Львову все уже виделось в другом свете, нежели это было в реальности. Аладьин вздохнул: «Ну, слава Богу, мы, кажется, избегли крови». Но дело испортил Добрынский, обидевшийся на то, что он перестал быть центром внимания. Он сказал, что из Ставки им получены тревожные вести: верх снова берут сторонники диктатуры. Львов вновь засуетился и заявил, что завтра же едет в Могилев, чтобы лично договориться с Корниловым.

В путь они отправились вместе с Добрынским и на следующий день, 24 августа, уже были на месте. Как раз в это время Корнилов провожал в столицу Савинкова. Генерал П.А. Половцев, ехавший тем же поездом, вспоминал, что видел Львова на перроне, но не придал этому значения{355}. До этого Львов никогда не был в Ставке, у Добрынского знакомых здесь тоже не

было. Точнее, знакомый был, но чисто случайный. Во время первой поездки в Могилев попутчиком Добрынского оказался есаул И.А. Родионов, член Главного комитета Союза офицеров, а по совместительству еще писатель и журналист. К нему-то в гостиницу «Париж» и направились приехавшие. Тот оказался на месте и гостеприимно предложил Львову пустующую кровать в своем номере.

Завязался разговор, и Родионов с места в карьер начал ругать Керенского. Он говорил, что Корнилов вот-вот провозгласит себя диктатором, мол уже готов соответствующий манифест, но пока все хранится в тайне. Львов уже привычно ужаснулся. Добрынский поспешил увести своего впечатлительного приятеля. Был уже вечер, когда Львов появился в губернаторском доме. Имя бывшего министра сыграло роль пропуска, и Корнилов согласился принять его. Встреча, однако, длилась всего несколько минут. Ссылаясь на поздний час, Корнилов попросил Львова прийти наутро.

Львов вернулся в гостиницу. Родионов в это время отсутствовал. Когда он поздно ночью пришел домой, гость его уже спал. Родионов вошел в комнату, не включая свет. Вдруг Львов поднялся на кровати и голосом, в котором не чувствовалось и капли сна, спросил: «Как спасти Керенского?» — «От кого спасти?» — удивился Родионов. «Верховный главнокомандующий сказал, что между 27 и 30 августа в Петрограде ожидается выступление большевиков. И я боюсь, что они убьют Керенского, потому что страшно злы на него»{356}. В этих словах (а Родионов клялся, что воспроизвел их буквально) чувствуется что-то уже совершенно ненормальное. Примирение Керенского и Корнилова стало для Львова навязчивой идеей, не оставлявшей его ни днем ни ночью.

На следующий день в 10 утра Львов был в кабинете Корнилова. В углу на стуле пристроился Завойко, до поры не вмешивавшийся в разговор. Прежде всего Корнилов спросил, от чьего имени Львов ведет переговоры. Тот совершенно определенно ответил, что действует по инициативе Керенского. На вопрос о письменных полномочиях Львов отвечал, что в таком деликатном деле не может быть лишних бумаг, а лучшей гарантией его полномочий может служить его статус бывшего члена правительства. По его словам, он является «интимнейшим другом» Керенского и потому был избран для этого поручения.

Все сказанное звучало вполне убедительно, и Корнилов попросил гостя перейти к сути дела. Львов начал с того, что в крайне мрачных красках описал происходящее в стране. Единственным выходом из этой ситуации, по его мнению, могла

быть только коренная реконструкция власти. Перейдя на пафосный тон, он заявил, что его друг Керенский уполномочил его предложить Верховному главнокомандующему три возможных варианта дальнейшего развития событий: 1. Корнилов становится главой правительства, а Керенский возвращается к частной жизни; 2. Корнилов возглавляет правительство, а Керенский занимает один из министерских постов; 3. Правительство делегирует Корнилову полномочия единоличного диктатора{357}.

В ответ Корнилов сказал, что положение на фронте критическое. Рига взята, возникла угроза оставления Бессарабии. По данным контрразведки, в Петрограде готовится выступление большевиков. Для предотвращения катастрофы необходима твердая власть. «Не думайте, — сказал он, — что я говорю для себя, но для спасения Родины. Я не вижу другого выхода, как передача в руки Верховного главнокомандующего всей военной и гражданской власти». Львов уточнил: «И гражданской?» Корнилов твердо ответил: «Да, и гражданской».

Корнилов заявил, что он не может гарантировать жизнь и безопасность Керенского и Савинкова где-либо, кроме Ставки, и потому просит их как можно скорее приехать в Могилев. Он добавил, что предлагает Савинкову пост военного министра, а Керенскому — министра юстиции. Тут в разговор бесцеремонно вмешался Завойко: «Не министра юстиции, а заместителя министра-председателя». На что Львов заметил, что Корнилов никак не прореагировал на это почти неприкрытое хамство. Позднее Львов вспоминал: «Мне сделалось одновременно и жалко за Корнилова и убедительно ясно, что секретарь держит Верховного главнокомандующего в своих руках»{358}.

На этом аудиенция закончилась. Львов вместе с Завойко направились в комнаты дежурного генерала. Здесь они застали полковника Голицына и Добрынского. За завтраком к ним присоединился некий профессор Яковлев, с увлечением излагавший свой план: пообещать каждому солдату после войны по 8 десятин земли и тем заручиться их поддержкой. Львов усомнился: «Откуда вы возьмете столько земли?» — «У меня все подсчитано», — уклончиво отвечал его собеседник, но подсчеты свои предпочел оставить при себе{359}.

После завтрака Завойко положил на стол лист бумаги и небрежно сказал: «Итак, заместителем председателя Совета министров будет Керенский». Он записал это и поднял глаза на Львова: «Кто будет министром внутренних дел? Может быть, вы?» Львов поспешил откреститься от лестного предложения, и в списке появилась фамилия Филоненко. Так постепенно были заполнены все вакансии. После окончания разговора Львов (по

его словам, машинально) захватил бумажку с собой. Позднее, при его аресте, этот список был у него изъят и приобщен к следственному делу.

Эти записи производят впечатление совершенно непродуманной импровизации. Министерские посты в списке получили все члены «камарильи». Завойко здесь назван министром юстиции, Аладьин — иностранных дел. Кандидатами на пост военного министра вписаны такие несхожие люди, как Савинков, Алексеев, Лукомский и Колчак. Удивительную картину являет собой политический состав нового кабинета министров. В нем почти паритетно представлены социалисты (Плеханов, Аргунов, престарелый Герман Лопатин), деятели старого режима (М.Н. Покровский, граф П.Н. Игнатьев) и представители крупного капитала (С.Н. Третьяков)[360]. На практике такой «черно-красный» кабинет составить было невозможно, но это никого не волновало. Взрослые люди играли в свои игры, не задумываясь о предполагаемых последствиях.

Завойко собрался провожать Львова на станцию. Здесь Львов вспомнил о предмете своего обожания. Он спросил: «Корнилов гарантирует жизнь Керенскому?» — «Ах, как может Верховный главнокомандующий гарантировать жизнь Керенскому?» — «Однако же, он это сказал?» — «Мало ли что он сказал! Разве Корнилов может поручиться за всякий шаг Керенского? Выйдет он из дома и убьют его». — «Кто убьет?» — «Да хоть тот же самый Савинков, почем я знаю кто…» — «Но ведь это же ужасно!» — «Ничего ужасного нет. Его смерть необходима как вытяжка возбужденному чувству офицерства». — «Так для чего же Корнилов зовет его в Ставку?» — «Корнилов хочет его спасти, да не может»[361].

Позднее Завойко всячески открещивался от этих кровожадных слов. Он говорил, что мог сказать такое только в шутку. «У меня есть отвратительная черта характера — в том случае, когда я вижу перед собой исключительного дурака, отлить ему в разговоре с самым серьезным видом какую-нибудь пулю, идущую вразрез со всем сказанным до того времени»[362]. В реальности речь шла, конечно, не о дурной шутке. Завойко, почувствовав слабость Львова, сознательно старался запугать его, а через него — и Керенского. Может быть, этот прием и сработал бы, если бы Львов действительно приезжал по поручению премьера. Сейчас же все еще больше запуталось. Львов буквально впал в транс. Он боялся за Керенского, боялся за себя, боялся неправильно передать сказанные ему слова. Из этого страха в его помутненном сознании родились какие-то кошмарные фантазии.

РАЗРЫВ

Пока Львов трясся в поезде, дела в Ставке шли свои чередом. О визите бывшего обер-прокурора Синода почти никто не вспоминал. Лишь Лукомский, узнав о беседе Корнилова с Львовым, выразил свои опасения по этому поводу. Корнилов ответил, что у Львова репутация порядочного человека. Лукомского это не убедило: «Что он высоко порядочный человек — в этом и у меня нет сомнений, но что у него репутация путаника — это тоже верно. Но, кроме того, мне вообще это поручение Керенского, передаваемое вам через Львова, не нравится. Я боюсь, не затевает ли Керенский какой-нибудь гадости. Все это очень странно. Почему Савинков ничего не знал, или ничего не сказал? Почему дается поручение Львову, в то время как в Ставку едет Савинков? Дай Бог, чтобы я ошибался, но мне все это очень не нравится, я опасаюсь Керенского»{363}.

В тот же день главковерх подписал приказ, в котором говорилось, что постановлением Временного правительства Петроградский военный округ, за исключением самой столицы, переходит в его непосредственное подчинение. В силу этого создавалась Отдельная Петроградская армия в составе войск Петроградского военного округа, Кронштадта, Нарвских позиций и Балтийского флота. Имя главнокомандующего армией в приказе названо не было. Корнилов помнил о просьбе Савинкова не назначать на этот пост Крымова, но рассчитывал в итоге добиться согласия на его кандидатуру.

Все эти дни Крымов продолжал оставаться в Ставке. Вечером 25 августа с ним случайно встретился Добрынский, знавший генерала и раньше. Крымов ему сказал: «Иду в распоряжение военного министра по просьбе Савинкова, 27-го выступают большевики, если будет восстание, отобью охоту его повторять…» Добрынский спросил: «А как будет с Советом рабочих и солдатских депутатов?» — «О них не знаю. Впрочем, кто из них словом или делом поддержит большевиков, то я исполню долг перед родиной…»{364} В тот же день Крымов составил приказ, в котором в качестве главнокомандующего Отдельной Петроградской армией объявлял Петроград, Кронштадт, Петроградскую и Эстляндскую губернии, а также Финляндию на военном положении. На этих территориях вводился комендантский час, запрещались забастовки, митинги и собрания, восстанавливалась предварительная цензура печатных изданий. Население было обязано немедленно сдать имеющееся у него оружие. Виновные в злостных нарушениях, а также

уличенные в грабежах и насилиях должны были расстреливаться на месте. Параграф десятый содержал прямую угрозу: «Предупреждаю всех, что на основании повеления Верховного главнокомандующего войска не будут стрелять в воздух»{365}.

Петроград был поделен на три части по числу дивизий, предназначенных для того, чтобы занять город. К приказу были приложены копии плана Петрограда, на которых были отмечены казармы и фабрики с приблизительным указанием численности расквартированных там солдат и вооруженных рабочих. Приказ был составлен только в семи экземплярах (трех машинописных и четырех, переписанных от руки){366}. Объяснялось это желанием сохранить в тайне детали операции до ее начала. Ни Крымов, ни Корнилов не скрывали сам факт продвижения армии к Петрограду, поскольку были убеждены, что действуют в полном согласии с Керенским.

Крымов выехал из Могилева около полудня 26 августа. В тот же день вечером в кабинете Корнилова собрались Филоненко, Завойко и Аладьин. Назначение Корнилова главой правительства рассматривалось присутствующими как само собой разумеющееся, разговор шел о конкретных формах реорганизации верховной власти. Установление единоличной диктатуры было признано нежелательным, а потому было решено создать орган диктатуры коллективной — Совет народной обороны. Председателем его должен был стать Корнилов, а Керенский занять пост его заместителя. В совет планировалось также включить Алексеева, Колчака и известных политических деятелей — от умеренных социалистов до представителей старой бюрократии. После совещания Корнилов остался работать над бумагами, а Завойко, Аладьин и полковник Голицын за вечерним чаем обсуждали технические детали ожидавшегося приезда Керенского. С этим обитатели губернаторского дома и разошлись спать, не подозревая о том, что маховик будущих трагических событий уже раскрутился вовсю.

В Петрограде утро 26 августа тоже не предвещало ничего необычного. В первой половине дня Савинков дважды обращался к Керенскому с просьбой подписать документы, привезенные им из Ставки. Керенский по привычке уходил от ответа, но наконец согласился заслушать доклад Савинкова о его поездке в Могилев на вечернем заседании правительства. К этому времени, подчиняясь распорядку премьера, кабинет перешел на ночной режим работы. Заседание было назначено на 10 вечера, что было далеко не самым поздним временем. Но за оставшиеся часы все планы изменились кардинальным образом.

Поезд, в котором ехал Львов, прибыл в столицу в два

пополудни. С вокзала Львов позвонил во дворец, но Керенский назначил ему аудиенцию лишь вечером. Остававшееся до этого время Львов провел на квартире у Милюкова. Показательно, что сам Милюков ни слова не рассказал о деталях этой встречи, хотя можно быть уверенным, что Львов не утерпел и передал хозяину какие-то подробности своего поручения. Так или иначе, но в шестом часу Львов перешагнул порог кабинета Керенского.

Керенский встретил его приветливо. Он спросил: «Вы опять по тому же делу?» Львов ответил: «Нет. Тут обстоятельства изменились». Он сбивчиво начал говорить о том, что Керенскому грозит опасность, что он приехал предупредить об этом. Видя, что собеседник на это не реагирует, Львов наконец собрался с духом. «Я должен передать вам формальное предложение». — «От кого?» — «От Корнилова». Суть рассказа Львова сводилась примерно к следующему: в ближайшее дни в Петрограде готовится выступление большевиков, предупредить это можно единственным способом — передать всю полноту власти в руки Корнилова. В новом правительстве Керенскому будет предоставлен пост министра юстиции, пока же ему необходимо ради собственного спасения срочно выехать в Ставку.

Сначала Керенский не поверил: «Бросьте шутить, Владимир Николаевич!» Но Львов взволнованно убеждал его в том, что единственный выход для него — это принять требования Корнилова. Керенский бегал взад и вперед по огромному кабинету. В голове у него уже рождался план. Он сказал Львову, что если он просто передаст это предложение правительству, то ему никто не поверит. «Если вы ручаетесь, что действительно передаете поручение Корнилова, то возьмите и запишите его требования». Львов сел за стол и тут же написал короткую записку: «Генерал Корнилов предлагает:

1. Объявить г. Петроград на военном положении.

2. Передать всю власть, военную и гражданскую, в руки Верховного главнокомандующего.

3. Отставка всех министров, не исключая и министра-председателя, и передача временного управления министерств товарищам министров вплоть до образования кабинета Верховным главнокомандующим»{367}.

Именно этот документ позднее везде фигурировал как «ультиматум Корнилова». Уточним некоторые детали: написан он все-таки был Львовым, хотя и от имени Корнилова. В записке говорилось о предложениях, а не безусловных требованиях. Первый пункт «ультиматума» был уже давно согласован с Керенским. Что касается второго и третьего пунктов, то они могли удивить Керенского, но никак не стать основанием для

паники. Но Керенский уже сделал для себя выбор: ему нужны были доказательства готовящегося переворота, причем как можно в большем количестве, для того чтобы компенсировать их слабую убедительность.

Львов закончил свою записку и, подавая ее Керенскому, сказал: «Это очень хорошо, что все кончится мирно. Там считали очень важным, чтобы власть от Временного правительства перешла легально. Ну а вы, что же, поедете в Ставку?» Керенский держал в руках заветный листок. Теперь он мог уже не притворяться: «Конечно же нет, неужели вы думаете, что я могу быть министром юстиции у Корнилова?» Неожиданно Львов просиял: «Конечно, не ездите. Ведь для вас там ловушка готовится. Он вас там арестует. Уезжайте из Петрограда… А там вас ненавидят»{368}. Как видно, Завойко излишне переусердствовал, пугая Львова. Зато у Керенского теперь появился новый мотив для того, чтобы действовать. Он договорился с Львовым о встрече в восемь вечера в особняке военного министра на Мойке. Там стоял аппарат Юза и можно было связаться с Корниловым по прямому проводу.

Керенский был на месте даже раньше назначенного часа. В качестве свидетеля он пригласил с собой товарища министра внутренних дел В.В. Вырубова. Тот опоздал, перепутав место встречи, задержался и Львов. Однако Керенский не стал никого дожидаться. Не исключено, что он поступил так преднамеренно, поскольку незадачливый посланец Корнилова мог бы стать помехой в задуманном плане. Напомним, что аппарат Юза — это усовершенствованный телеграфный аппарат, позволяющий передавать не только точки и тире, но и печатать текст буквами на длинной ленте. Идентифицировать собеседника, находящегося на другом конце провода, в этом случае крайне сложно. Этим-то обстоятельством и воспользовался Керенский.

Керенский заявил Корнилову, что рядом с ним у аппарата стоит Львов, и попросил подтвердить привезенные им сведения. Корнилов ответил, что он вновь готов повторить сказанное им Львову для передачи Керенскому. «События последних дней и вновь намечающиеся повелительно требуют вполне определенного решения в самый короткий срок». Из этих слов было совершенно неясно, о чем идет речь. Тогда Керенский вторично, на этот раз от имени Львова, попросил Корнилова подтвердить его предложение. На этот раз Корнилов был более конкретен: «Да, подтверждаю, что я просил вас передать Александру Федоровичу мою настойчивую просьбу приехать в Могилев». Керенский не унимался:

— Понимаю ваш ответ как подтверждение слов, переданных

мне Владимиром Николаевичем. Сегодня выехать нельзя. Надеюсь выехать завтра. Нужен ли Савинков?

Корнилов отвечал:

— Настоятельно прошу, чтобы Борис Викторович приехал вместе с вами. Сказанное мною Владимиру Николаевичу в одинаковой степени относится и к Борису Викторовичу. Очень прошу не откладывать вашего отъезда позже завтрашнего дня. Прошу верить, что только сознание ответственности момента заставляет меня так настойчиво просить вас{369}.

Даже при крайней степени предвзятости, в этом разговоре невозможно увидеть доказательства какого-то преступного умысла со стороны Корнилова. Он просит, а не требует. Что касается Керенского, то его поведение явно пахнет провокацией. Он обманул Корнилова, выступив от имени Львова, да и к тому же всячески подбивал своего собеседника на необдуманные высказывания. Правда, делал он это без особого успеха. Из беседы было ясно только то, что Корнилов просит Керенского и Савинкова спешно приехать в Ставку. Делать на этом основании выводы о мятеже было более чем рискованно.

Керенский с Вырубовым спускались из аппаратной в вестибюль, когда на лестнице их встретил запыхавшийся Львов. Первым делом он спросил: «Что же, Александр Федорович. Я верным другом оказался, не обманул вас?» В этих словах столько детского и непосредственного. Так и видишь, как Львов спрашивает Керенского, заглядывая ему в глаза снизу вверх. Он доверился старшему другу (неважно, что «старший друг» был на девять лет моложе Львова), но тот его безжалостно обманул.

В Зимнем дворце Керенский встретил оказавшегося здесь по своим делам помощника начальника Главного управления милиции С.А. Белавинского. Премьер оставил Львова ждать в приемной, а сам провел Белавинского в свой кабинет и спрятал в углу за шторой. Затем он вновь пригласил к себе Львова и попросил вновь прочесть вслух свою записку и подтвердить ее содержание. Измученный Львов сказал, что он четыре ночи не спал, но послушно сделал все, что у него просили. Он даже подтвердил содержание телеграфного разговора с Корниловым, хотя сам при этом не присутствовал. Тогда торжествующий Керенский вывел из угла Белавинского и объявил Львову, что тот арестован{370}. Львов был помещен под стражу тут же во дворце. К нему приставили целых двух часовых, причем находились они не снаружи у дверей, а в самой комнате, ни на секунду не выпуская арестованного из виду.

Керенский тут же продиктовал телеграмму в Ставку. В ней говорилось, что Корнилов отрешается от должности Верховного

главнокомандующего. Ему предписывалось немедленно прибыть в Петроград, а обязанности главковерха временно возлагались на генерала Лукомского. Телеграмма была без номера и подписана просто «Керенский». Тем временем в Малахитовой гостиной стали собираться министры. Керенский явился на заседание с опозданием. Он был очень оживлен и явно доволен собой. Почти все, видевшие его в этот вечер, вспоминают, что премьер был в необыкновенно приподнятом настроении.

Керенский рассказал другим членам правительства о визите Львова, прочел «ультиматум» и телеграфную ленту разговора с Корниловым. Премьер потребовал себе исключительные полномочия для борьбы с мятежом и право формирования кабинета министров по своему усмотрению. После минутного молчания первым поднялся государственный контролер Ф.Ф. Кокошкин. Он сказал, что в такой ситуации не считает возможным оставаться в составе правительства и просит принять его заявление об отставке. Его единодушно поддержали все другие члены кабинета. Керенский заявил, что он принимает отставку правительства, но просит министров вплоть до назначения их преемников оставаться на своих местах. С этим согласились все, за исключением Кокошкина.

Заседание затянулось допоздна. Лишь около четырех часов ночи Керенский вернулся к себе. Находившийся в соседней комнате Львов вспоминал, что Керенский еще долго пел в своем кабинете арии из опер{371}. Человек, способный распевать среди ночи оперные арии, либо окончательно сошел с ума, либо пребывает в крайней степени радостного возбуждения. Керенский действительно ликовал, от прежней его апатии не осталось и следа. Мучившие его в предшествующее время вопросы разом разрешились сами собой. Теперь не нужно было поддаваться напору Савинкова, не нужно было идти на соглашение с Корниловым, рискуя своей репутацией «героя революции». Он снова стал Керенским мартовских дней, человеком, на которого затаив дыхание будет смотреть вся Россия. В том, что все будет именно так, Керенский не сомневался.

ПРОТИВОСТОЯНИЕ

Разговор по телеграфу с Керенским и «Львовым» не вызвал у Корнилова никаких подозрений. Выходя из аппаратной, он столкнулся с руководителем дипломатической канцелярии Ставки князем Г.Н. Трубецким. Тот вспоминал, что главковерх выглядел успокоившимся и удовлетворенным. Трубецкой спросил: «Значит правительство идет вам навстречу во всем?» Корнилов коротко ответил: «Да»{372}. В 2 часа 30 минут ночи (в это время Керенский уже объявил его изменником) Корнилов отправил Савинкову телеграмму о том, что согласно ранее достигнутой договоренности 3-й конный корпус заканчивает сосредоточение в районе Петрограда.

Около семи часов утра главковерха разбудил дежурный адъютант, сообщив, что на его имя поступила телеграмма от министра-председателя. Это была та самая телеграмма, в которой Керенский отрешал Корнилова от должности.

Корнилов немедленно вызвал к себе Лукомского, который ответил, что уже знаком с текстом телеграммы и считает невозможным брать на себя обязанности Верховного главнокомандующего. Корнилов сказал: «Да, обстановка такова, что я должен оставаться на своем посту до конца. Я должен добиться, чтобы Временное правительство провело в жизнь мои требования. Пошлите сейчас же телеграмму Крымову, чтобы он ускорил сосредоточение своих войск к Петрограду»{373}.

К 9 утра в кабинет Корнилова были приглашены Завойко, Аладьин и Филоненко. Ознакомившись с текстом телеграммы, все единодушно заявили, что это провокация. Смущало отсутствие в послании номера, подпись Керенского без указания должности, да и сам факт того, что по закону главнокомандующий мог быть смещен только общим постановлением правительства. Но, видимо, в глубине души каждый понимал, что телеграмма подлинная и дело, не успев начаться, с треском проваливается.

Особенно суетился Филоненко. Ему не хотелось попасть в число заговорщиков, и он стал говорить, что ему спешно нужно выехать в Петроград. В противном случае он угрожал даже застрелиться. На это ему резко ответил Аладьин: «Если вы понимаете, что произошло, то вы как честный человек должны обо всем телеграфировать Временному правительству и остаться при генерале Корнилове»{374}. Филоненко заявил, что он останется, только если его арестуют. Тогда Корнилов сказал, что он запрещает Филоненко куда-либо ехать, а если тот ослушается, то его задержат. Филоненко потом раздул из своего «ареста»

целую историю. На деле же «арестованный» весь день посидел в кабинете главковерха, а вечером свободно выехал в Петроград, получив для своих нужд экстренный эшелон.

После обеда в столицу ушла телеграмма за подписью Лукомского. В ней вновь повторялось сказанное уже много раз: спасение России в создании сильной власти, оздоровлении армии и наведении порядка в тылу. Лукомский писал, что все эти мероприятия были одобрены правительством. Подтверждением этому могут служить визиты Савинкова и Львова, приезжавших от имени Керенского. Лукомский заявлял, что «остановить начавшееся с Вашего же одобрения дело невозможно и это поведет лишь к гражданской войне, окончательному разложению армии и позорному сепаратному миру, следствием коего, конечно, не будет закрепление завоеваний революции.

Ради спасения России Вам необходимо идти с генералом Корниловым, а не смещать его. Смещение генерала Корнилова поведет за собой ужасы, которых Россия еще не переживала.

Я лично не могу принять на себя ответственность за армию, хотя бы на короткое время, и не считаю возможным принимать должность от генерала Корнилова, ибо за этим последует взрыв в армии, который погубит Россию»[{375}].

Телеграмма Лукомского была единственным ответом Ставки на вызов правительства. Поразительно, но Корнилов даже не попытался лично связаться с премьером для того, чтобы разрешить возникшее недоразумение. Можно понять, что в этом сыграла свою роль гордость — Керенский действительно уволил Корнилова как лакея. Но в Могилеве вообще была утеряна всякая информация о происходящем в столице. Своим бездействием Ставка отдавала инициативу противной стороне и рисковала поплатиться за это. Керенский же сознательно шел на обострение конфликта, с порога отвергая все попытки примирения.

В Петрограде воскресенье 27 августа 1917 года выдалось теплым и ясным. В воздухе уже дышало осенью (по европейскому календарю на дворе был сентябрь), но погода была солнечной и какой-то радостной. На улицах царила удивительная тишина. До этого в течение как минимум двух недель по городу ходили слухи о массовых беспорядках, предстоящих в день полугодового юбилея революции. Напуганные власти постарались свернуть все запланированные мероприятия. Даже торжественное заседание ВЦИКа Советов прошло накануне. Марсово поле — излюбленное место проведения демонстраций, было пустынно. На Невском мальчишки-газетчики приставали к прохожим с надоевшими новостями о немецкой угрозе и голодных волнениях в провинции. Никто и не догадывался, какой скандал разгорится уже в

ближайшие часы.

В полдень невыспавшиеся члены правительства вновь собрались в Зимнем дворце. Формально накануне министры подали в отставку и потому встреча была объявлена частным совещанием. Керенский прочел собравшимся текст своего обращения к населению. В нем было много слов о защите завоеваний революции, свободы и республиканского строя, но причины отставки Корнилова были названы крайне расплывчато и неубедительно. В итоге министры отказались подписать этот документ, мотивируя свой поступок вчерашней отставкой. Часть присутствовавших предложила повременить с обнародованием обращения и попытаться еще раз связаться со Ставкой. Керенский не возражал, но отказался лично беседовать с Корниловым. Это было поручено Савинкову, а заседание прервано до вечера.

На переговоры с Корниловым Савинков взял с собой В.А. Маклакова. Он был известен как человек весьма умеренных политических взглядов, спокойный и рассудительный. Участие его в урегулировании разгоравшегося конфликта могло стать очень важным. Надо сказать, что сам Савинков повел себя во время этой беседы не лучшим образом. Он начал долго обвинять Корнилова в обмане, причем используя очень жесткие выражения. Создается впечатление, что бывший террорист смалодушничал. Керенский считал Савинкова главным виновником «корниловского дела» и был готов отдать приказ о его аресте{376}. Обвиняя Корнилова, Савинков, таким образом, оправдывал себя.

Корнилов попросил полчаса для обдумывания ответа. По прошествии этого срока разговор возобновился. Главковерх повторил, что ни на секунду не думал поднимать мятеж. Он неоднократно говорил, что не мыслит себе правительства без участия Керенского и Савинкова. Именно такие инструкции и были даны Львову. «Я вновь повторяю, что мне интересы моей Родины, сохранение мощи армии дороже всего. Свою любовь к Родине я доказал много раз, рискуя собственной жизнью, и ни вам, ни остальным министрам правительства не приходится напоминать мне о долге перед Родиной». Корнилов сказал, что решение о его отставке навязано изменниками и предателями и подчиниться ему равнозначно бегству с поля битвы. «В полном сознании своей ответственности перед страной, перед историей и перед своей совестью, я твердо заявляю, что в грозный час, переживаемый нашей Родиной, я со своего поста не уйду»{377}.

Как ни странно, но этот жесткий ответ разрядил обстановку. Савинков в ответной реплике назвал происходящее «недоразумением» и пообещал доложить о разговоре правительству. Маклаков, вступивший в беседу в последние

минуты, выразил уверенность в том, что все случившееся — одна большая ошибка. Впрочем, он мягко намекнул, что Корнилов может быть неверно проинформирован о политическом положении. Любая попытка установления военной диктатуры приведет только к истреблению офицеров и гибели армии. Разговор закончился вполне спокойно, собеседники были любезны и вежливы. Хронометр в аппаратной показывал 17 часов 50 минут.

Отказ Корнилова подчиниться предписанию об отставке существенно усложнял ситуацию. С другой стороны, готовность обеих сторон признать происшедшее недоразумением оставляло шансы для мирного улаживания конфликта. Однако поведение Керенского перечеркнуло любую возможность компромисса. Когда Савинков вернулся во дворец, первым, кого он встретил, был Н.В. Некрасов. Он резко сказал, что из-за попыток Савинкова договориться с Корниловым правительство уже опоздало. Савинков не понял, о чем идет речь, и направился к Керенскому. Здесь он узнал, что еще за два часа до этого обращение, объявлявшее Корнилова изменником, было передано в газеты и на радиостанции. Стала ясна и реплика Некрасова: именно он настоял на том, что ждать больше нельзя. По инициативе Керенского и Некрасова по всем железным дорогам была разослана телеграмма, предписывавшая любым путем задержать продвижение к Петрограду войск мятежников. Одновременно Керенский телеграфировал главнокомандующему Северным фронтом генералу В.Н. Клембовскому, приказывая ему временно вступить в должность Верховного главнокомандующего. Перед Савинковым Керенский впрямую поставил вопрос: с ним он или нет. Оказавшись перед выбором, Савинков снова уступил и принял назначение военным генерал-губернатором Петрограда. В его обязанность входило организовать оборону города от корниловских войск, то есть собственноручно похоронить свой же замысел.

В эти часы в Зимнем шли бесконечные совещания. День сменялся ночью, но никто этого не замечал, участники совещаний если и спали, то урывками, пристроившись где-нибудь поблизости. Керенский понимал, что противостоять Корнилову он сможет только опершись на человека, столь же влиятельного в офицерских кругах. Выбор его пал на генерала Алексеева, когда-то отправленного в отставку по инициативе самого Керенского. Алексеева начали искать, но выяснилось, что он накануне выехал к семье в Смоленск. По всему пути его следования были даны телеграммы, генерала нашли на половине дороги и экстренным поездом привезли в Петроград.

Алексеев приехал в столицу в час ночи 28 августа. На вокзале его встретил Вырубов и на автомобиле отвез в Зимний. От Вырубова Алексеев впервые узнал о происходящих событиях. Керенский предложил Алексееву принять на себя обязанности Верховного главнокомандующего. Ознакомившись с деталями случившегося, Алексеев высказал убеждение в том, что дело следует закончить соглашением, а Корнилова оставить на прежнем посту{378}. Но Керенский был непреклонен, он заявил, что никаких соглашений с Корниловым быть не может.

В четыре часа утра 28 августа в Зимнем дворце состоялось совещание, на котором помимо Керенского и Алексеева присутствовали Вырубов, Савинков и бывший министр иностранных дел Терещенко. По словам Савинкова, все, кроме самого премьера, были согласны в том, что «ультиматум» Львова есть не более как недоразумение{379}. В тот день многие предпринимали попытки переубедить Керенского, но всякий раз неудачно.

Накануне поздно вечером состоялось заседание Совета Союза казачьих войск. Его участники единодушно пришли к мнению о том, что в сложившейся ситуации единственным выходом является примирение премьера и главковерха. Совет выразил готовность выступить в ходе таких переговоров в роли посредника. С этим предложением делегация в составе войскового старшины А.И. Дутова, терского атамана М.А. Караулова и есаула А.И. Аникеева отправилась в Зимний. Керенский принял казачьих представителей, однако заявил, что никакое соглашение с Корниловым невозможно. Он согласился принять посредничество лишь для того, чтобы убедить Корнилова подчиниться решению правительства. На следующий день делегация должны была выехать в Ставку, но когда ее участники явились за пропусками, им в этом было отказано.

С предложением о своем посредничестве к Керенскому обращался Милюков. Аналогичную инициативу высказали послы Великобритании, Франции и Италии. Но Керенский во всех случаях отвечал категорическим отказом. У Керенского был целый букет неприятных черт. Он был хвастлив, эгоистичен, способен солгать и походя растоптать недавнего соратника. Но в критические минуты он мог проявить достойное уважения упорство. В данном случае он сделал выбор, хотя далось это ему очень непросто.

Утром 28 августа в Петрограде стало известно о реакции на происходящее со стороны главнокомандующих фронтами. Генерал В.Н. Клембовский, которому Керенский приказал вступить в обязанности Верховного главнокомандующего,

отказался от этого предложения. Он заявил, что не чувствует в себе «ни достаточно сил, ни достаточно умения для столь ответственной работы». Главнокомандующие Западным и Румынским фронтами генералы П.С. Балуев и Д.Г. Щербачев выразили свое согласие с предложенной Корниловым программой оздоровления армии и заявили, что его отставка может привести к крайне опасным последствиям. Еще более определенно высказался главнокомандующий Юго-Западным фронтом генерал А.И. Деникин. В своей телеграмме он писал: «Я солдат — и не привык играть в прятки… Сегодня получил известие, что генерал Корнилов, предъявивший известные требования, могущие еще спасти страну и армию, смещается с поста главковерха. Видя в этом возвращение власти на путь планомерного разрушения армии и, следовательно, гибели страны, считаю долгом довести до сведения Временного правительства, что по этому пути я с ним не пойду»{380}. Позиция, занятая старшим генералитетом, значительно ухудшила положение Керенского. Но это был еще не последний удар.

На созванном в том же день частном совещании бывших министров была высказана мысль о создании директории с обязательным участием генерала Алексеева. Кокошкин предложил передать Алексееву все полномочия главы правительства. Керенского покинули даже самые верные его соратники. Министр иностранных дел М.И. Терещенко говорил, что «это дело надо ликвидировать так, чтобы обоих за штат отправить — и Керенского, и Корнилова, обе стороны удовлетворить взаимным жертвоприношением»{381}. За создание правительства под началом Алексеева высказался и Некрасов, еще совсем недавно во всем поддерживавший Керенского.

Настроение в столице приближалось к панике. Газеты сообщали о боях на ближних подступах к Петрограду. В такой ситуации дальновидные люди поспешили отречься от прежнего кумира. В.В. Вырубов воспоминал: «Во дворце, где в предшествующие недели, еще накануне толпились днем и ночью сотни людей в ожидании разных свиданий, переговоров, приемов, на этот раз не было ни души. Шел зловещий слух о том, будто через несколько часов в город — и в первую очередь во дворец, войдет Дикая дивизия, первые эшелоны корниловских войск… Зимний дворец был пуст. Керенский, одинокий, оставленный, лежал на диване в кабинете. Отдаю ему справедливость: при всей своей обычной нервности, он сохранял присутствие духа и о своей личной участи не беспокоился»{382}.

Другой очевидец этих часов, И.Г. Церетели, рисует поведение Керенского в менее приглядных тонах. «На него было жалко и

противно смотреть. Это был совершенно потерянный человек. Он мне сказал: «Некрасова и Терещенко я уже не вижу два дня. Меня все покинули. Все». И вдруг он отодвигает ящик письменного стола, вынимает револьвер и прикладывает к виску с какой-то жалкой, глупой и деланой улыбкой»[383]. Несомненно, что Церетели пристрастен в своем рассказе. Но положение Керенского действительно было очень шатким. Любой, самый незначительный, толчок мог сбросить его с кресла премьера. Но проблема была в том, что в Ставке не знали, что происходит в Петрограде, равно как в столице были мало осведомлены о происходящем в Могилеве. В Зимнем полагали, что все случившееся есть результат хорошо подготовленного заговора, и потому преувеличивали силы противника. В Могилеве были ошеломлены поворотом событий и по этой причине недооценивали свои возможности. Время было упущено, и это определило результат.

МЯТЕЖНИК

Конфликт между главой правительства и Верховным главнокомандующим внешне мало изменил привычный ритм жизни Ставки. Генерал П.Н. Краснов, вызванный 28 августа в штаб главковерха, передает свои впечатления от увиденного так: «Могилев имел обычный вид. На станции, как и всегда, толпились офицеры, много было солдат ударных батальонов с голубыми щитами, нашитыми на левом рукаве рубахи с изображением белой краской черепа и мертвых костей. Не понравились они мне. Чем-то бутафорским веяло от этих неаккуратно сделанных нарукавных нашивок. Поразила меня еще и крайняя сдержанность, совсем необычная нашим, всегда так неумеренно болтливым, офицерам. Как будто боялись друг друга и друг за другом следили»{384}. Подспудный страх, так удививший Краснова, был порождением растерянности, охватившей большинство обитателей Могилева.

Затронула она и самого Корнилова. В течение всего 27 августа он даже не пытался публично ответить на обвинения Керенского. Лишь с опозданием на сутки главковерх обнародовал обращение, в котором излагал свое видение происшедшего. Датировано оно было 27 августа, но реально в типографию поступило не ранее 3 часов ночи следующего дня. В обращении говорилось: «Телеграмма министра-председателя во всей своей первой части является сплошной ложью: не я посылал члена Государственной думы Владимира Львова к Временному правительству, а он приезжал ко мне как посланец министра-председателя, тому свидетель член 1-й Государственной думы Аладьин. Таким образом, свершилась великая провокация, каковая ставит на карту судьбу Отечества».

Корнилов обвинял Временное правительство в том, что оно под давлением большевистского большинства Советов, «действует в полном согласии с планами германского генерального штаба», разлагает армию и губит страну. Завершалось обращение словами: «Я, генерал Корнилов, сын крестьянина и казака, заявляю всем и каждому, что лично мне ничего не надо, кроме сохранения великой России, и клянусь довести народ путем победы над врагом до Учредительного собрания, на котором он сам решит свою судьбу и выберет уклад своей новой государственной жизни»{385}.

Автором этого текста был Завойко, что, помимо прямых свидетельств, подтверждается присущей ему излишне патетической манерой. Обращение, адресованное народу, было

изложено совсем не народным языком. Именно такое впечатление сложилось у генерала Краснова, да и у многих других современников. «В прекрасно, благородно, смело написанном приказе звучала фальшь»{386}. Смущало и то, что после суточного молчания Ставка разразилась целым потоком воззваний. Они были искренни, они брали за душу, но их было слишком много. В приказе за № 827 от 28 августа 1917 года подробно излагалась история конфликта между Верховным главнокомандующим и Временным правительством. Днем позже в приказе за № 900 отказ Корнилова уйти с должности главковерха мотивировался усилением немецкой угрозы на фронте и в тылу. В этой связи было упомянуто о взрыве оружейных складов в Казани, предполагаемых диверсиях на железных дорогах, готовящейся высадке немецкого десанта в Финляндии.

Следует обратить внимание на важное обстоятельство — Корнилов фактически нигде не противопоставляет себя правительству. Наоборот, он обращается к Керенскому и другим министрам: «Приезжайте ко мне в Ставку, где свобода и ваша безопасность обеспечены моим честным словом и, совместно со мной, выработайте и образуйте такой состав правительства народной обороны, который, обеспечивая победу, вел бы народ русский к великому будущему, достойному могучего свободного народа»{387}. Лишь однажды в воззвании к казакам, выпущенном в тот же день 28 августа, проскользнуло другое: «Я не подчиняюсь распоряжениям Временного правительства и ради спасения Свободной России иду против него и против тех безответственных советников его, которые продают Родину»{388}.

Воззвания, приказы, обращения — создавалось впечатление, что в сложившейся ситуации единственным оружием главковерха стали слова. Так, наверное, оно и было, учитывая, что с Корниловым остались те люди, кто кроме слов ничем другим владеть не умел. Создалась странная картина: Ставка была забита народом, немалая часть которого сочувствовала Корнилову, но при этом рядом с ним не оказалось никого. В городе вполне открыто действовали враги главковерха, сплотившиеся вокруг Могилевского Совета, а вот друзей было не видно и не слышно. В этом сказалась прежняя конспирация: в планы преобразования верховной власти был посвящен ограниченный круг лиц, и теперь только они разделили с Корниловым его новое положение.

Мы уже писали о том, что Лукомский категорически отказался принять на себя обязанности Верховного главнокомандующего. Он не скрывал, что одобряет шаги Корнилова по наведению порядка в армии и тылу, но поддержать его в выступлении против правительства отказался. Он заявил,

что не хочет провоцировать гражданскую войну и считает недопустимым «создавать из Могилева форт Шаброль»[389]. Точно так же молчаливо устранились от происходящего Романовский и Плющик-Плющевский. Весь огромный аппарат Ставки продолжал привычно работать, но эта работа находилась вне всякой связи с конфликтом главковерха и правительства. В губернаторском доме Корнилов должен был чувствовать себя, как на пустынном острове, довольствуясь компанией Завойко, Аладьина и полковника Голицына.

В «змеином гнезде заговорщиков», как окрестила Могилев левая пресса, не нашлось сил, на которые Корнилов мог бы с уверенностью положиться. Еще 21 августа по распоряжению главковерха Корниловский полк, находившийся в это время на доукомплектовании в Проскурове, был выведен из состава частей Юго-Западного фронта. Полку было предписано передислоцироваться на Северный фронт, в район Нарвы. Три дня спустя полк погрузился в эшелоны, но во время проезда через Могилев неожиданно получил приказ выгрузиться и расквартироваться в городе.

На следующий день, 28 августа, в четыре часа дня на главной площади города был устроен парад немногочисленному могилевскому гарнизону. Помимо Корниловского полка в параде участвовали Георгиевский батальон и два эскадрона текинцев из личной охраны главковерха. Обойдя строй, Корнилов потребовал, чтобы ему принесли стул. Забираясь на него, он оступился и чуть не упал. Рядом кто-то вздохнул: «Плохой знак!»[390] Корнилов обратился к войскам: «Я сын казака-крестьянина. На своих же руках я видел мозоли и возвращения к старому не желаю…» Он сказал, что пригласил в Могилев Керенского и лидеров всех политических партий для того, чтобы вместе сформировать правительство народной обороны. За безопасность приезжающих он ручается свои честным словом. «Но если Временное правительство не откликнется на мое предложение и будет также вяло вести дело, мне придется взять власть в свои руки, хотя я заявляю, что власти не желаю и к ней не стремлюсь. И теперь я спрашиваю вас, будете ли вы готовы тогда?» Вопрос был встречен молчанием. Корнилов повторил: «Будете ли вы готовы?» В шеренгах раздались нестройные голоса: «Готовы». По словам очевидца, «впечатление получилось жидкое»[391].

Если уж старшие начальники устранились от происходящего, то среди младших офицеров и солдат колебания были еще большими. Даже в Корниловском полку четверо офицеров — прапорщики Горбацевич, Колоколов, Шморгунов и Яковенко заявили о том, что остаются верными правительству[392]. В этом

нет ничего удивительного, слишком неожиданными оказались известия о конфликте премьера и главковерха, слишком трудно было понять, кто в этом споре прав, а кто виноват. Но эта растерянность подтверждает тот факт, что выступление Корнилова вовсе не было заранее подготовленным мятежом. Если бы дела обстояли так, мятежный вождь, во всяком случае, позаботился бы о надежной охране своей собственной резиденции.

Генерал Краснов вспоминал, что, когда по завершении своих дел он собрался вернуться на вокзал пешком, в штабе его не пустили. Ему предоставили автомобиль, мотивируя это тем, что мало ли что может случиться. Дело, напомним, происходило в Могилеве. Если штаб не контролировал ситуацию в городе, что уж говорить о стране.

Происходившее в эти августовские дни меньше всего вызывало ассоциации со временами Наполеона. Тот же Краснов с полным основанием указывал, что переворот в наполеоновском духе неизбежно предполагает некую театральность. «Собирали III корпус под Могилевом? Выстраивали его в конном строю для Корнилова? Приезжал Корнилов к нему? Звучали победные марши над полем, было сказано какое-либо сильное, увлекающее слово. — Боже сохрани, не речь, а именно слово, — была обещана награда? Нет, нет и нет. Ничего этого не было. Эшелоны ползли по железнодорожным путям, часами стояли на станциях. Солдаты толпились в красных коробках вагонов, а потом на станции толпами стояли около какого-нибудь оратора — железнодорожного техника, постороннего солдата — кто его знает кого? Они не видели своих вождей с собой и даже не знали, где они». Вывод Краснова звучит почти обвинением: «Корнилов задумал такое великое дело, а сам остался в Могилеве, во дворце, окруженный туркменами и ударниками, как будто и сам не верящий в успех»{393}.

Такого рода вопросы появлялись у многих. Позднее французский корреспондент Клод Ане прямо спросил Корнилова, как могло случиться, что, разорвав с Керенским, он сам не пошел на Петроград. Ведь, если бы главковерх встал во главе наступающих войск, он занял бы Зимний дворец без выстрела. Корнилов ответил: «Если бы я был тем заговорщиком, каким рисовал меня Керенский, если бы я составил заговор для низвержения правительства, я, конечно, принял бы соответствующие меры. В назначенный час я был бы во главе своих войск и, подобно вам, не сомневаюсь, что вошел бы в Петроград почти без боя. Но в действительности я не составлял заговора и ничего не подготовил. Поэтому, получив непонятную

телеграмму Керенского, я потерял двадцать четыре часа. Как вы знаете, я полагал, или что телеграф перепутал, или что в Петрограде восстание, или что большевики овладели телеграфом. Я ждал или подтверждения, или опровержения. Таким образом, я пропустил день и ночь: я позволил Керенскому и Некрасову опередить себя… Железнодорожники получили приказы: я не мог получить поезда, чтобы приехать в окрестности столицы. В Могилеве мне бы дали поезд, но в Витебске бы меня арестовали. Я мог бы взять автомобиль: но до Петрограда 600 верст по дурным дорогам. Как бы то ни было, в понедельник, несмотря на трудности, я еще мог бы начать действовать, наверстать потерянное время, исправить сделанные ошибки. Но я был болен, у меня был сильный приступ лихорадки и не было моей обычной энергии»[394].

Корнилов действительно был болен. Ко всему прочему, у него обострилась застарелая невралгия. Правая рука мучительно болела и перестала подчиняться настолько, что не могла держать даже карандаш. Но главное другое. У Корнилова было свойство, очень сильно ему мешавшее. Иногда, в решающие минуты, когда требовалось предельно сконцентрировать волю, на него нападали странная апатия и нерешительность. Нечто подобное произошло и сейчас. Создавалось впечатление, что ему нужно было предпринимать усилия для того, чтобы заставить себя действовать. Распоряжения Корнилова были не до конца последовательны и к единой цели не вели.

Вечером 28 августа Корнилов отправляет телеграмму главнокомандующему Петроградским военным округом генералу О.П. Васильковскому, приказывая ему перейти в подчинение генералу Крымову. Чуть позже была отправлена телеграмма в штаб Северного фронта с предписанием прервать связь между Петроградом и Псковом. Генералу Клембовскому было приказано немедленно прибыть в Ставку. Одновременно Корнилов потребовал от главнокомандующего Западным фронтом генерала П.С. Балуева и командующего Московским военным округом полковника А.И. Верховского подчиниться его приказам[395].

Ни одно из этих распоряжений выполнено не было. Клембовский и Балуев просто не ответили. Полковник Верховский всего сутками ранее находился в Ставке. Он покинул Могилев утром 27 августа, уже зная о телеграмме Керенского. Ни одним словом Верховский не дал понять, что не согласен с Корниловым. Однако, вернувшись в Москву, он первым поднял крик о «мятеже». Активность Верховского не осталась незамеченной, и уже в ближайшие после этого недели он займет пост военного министра.

В тот же день, 28 августа, Могилев и ближайшие к нему окрестности на расстоянии до 10 верст были объявлены находящимися на осадном положении. Комендантом города был назначен комендант Главной квартиры полковник С.Н. Квашнин-Самарин. Своим постановлением он запретил уличные митинги и собрания, распространение печатных изданий без предварительной цензуры, хранение огнестрельного оружия. В Могилеве был объявлен комендантский час. Каких-либо беспорядков в городе действительно удалось избежать. Но Ставка все больше и больше попадала в изоляцию от всего окружающего мира.

В ночь на 29 августа была прервана телеграфная связь Могилева с штабами фронтов. О местонахождении генерала Крымова ничего не было известно. Еще утром 28-го на его поиски был отправлен полковник Д.А. Лебедев, но известий от него не поступало. Новая попытка выйти на связь с Крымовым была предпринята 30 августа. В направлении Пскова вылетел аэроплан, пилоту которого было поручено разыскать отряд Крымова с воздуха. Летчик вез с собой копии приказов главковерха и личное письмо Корнилова.

Корнилов писал: «Приказом Временного правительства я, Лукомский, Деникин и несколько других генералов отрешены от должностей и преданы военно-революционному суду за мятеж. Но вместе с тем я получил приказание руководить операциями до приезда генерала Алексеева, назначенного начштаверхом. Алексеев приезжает завтра к ночи. Получился эпизод, единственный в мировой истории: главнокомандующий, обвиненный в измене и предательстве родины и преданный за эту суду, получил приказание продолжать командование армиями, так как назначить другого нельзя. С получением сего, доставьте мне возможно подробные сведения о расположении ваших полков, настроении ваших офицеров, казаков и всадников, о связи, имеющейся у вас с организациями, на которые мы рассчитывали, и на дельнейшие планы, на возможность крепкого нажима средствами, имеющимися в вашем распоряжении»{396}.

Это письмо не дошло до адресата. Крымову пришлось принимать решение самостоятельно, и решение это оказалось очень тяжелым.

ГЕНЕРАЛ КРЫМОВ

Как мы уже писали, Крымов выехал из Ставки днем 26 августа, будучи назначен главнокомандующим Отдельной Петроградской армией. Впрочем, армии как таковой не было. Она формировалась прямо на ходу на базе все того же 3-го Конного корпуса. В его составе было три дивизии: Кавказская туземная (Дикая), 1-я Донская и Уссурийская. К этому числу предполагалось присоединить 5-ю Кавказскую казачью дивизию, стоявшую в Финляндии. Одновременно Кавказская туземная дивизия должна была быть развернута в корпус за счет присоединения двух кавалерийских полков и Осетинской пешей бригады. К середине августа Дикая дивизия находилась на станции Дно, большая часть эшелонов 1-й Донской стояла в Пскове, Уссурийская дивизия располагалась в районе Великих Лук и Новосокольников. Растянутость соединений корпуса и, как следствие, плохая связь между ними были серьезной проблемой. Еще одной бедой было отсутствие общего руководства. Генерал Крымов был назначен командующим армией, во главе корпуса его сменил генерал Краснов, но ни того ни другого в расположении войск не было.

Поезд Крымова добрался до Луги, где находились передовые части Донской дивизии, только в ночь на 28 августа. Дважды его задерживали в пути, но станционное начальство не могло ответить, по чьему распоряжению это сделано.

Вплоть до прибытия в Лугу Крымов ничего не знал о состоявшемся разрыве между Керенским и Корниловым. Ночью из Луги Крымов позвонил по телефону в Петроград. В штабе округа к трубке подошел полковник Барановский. Он почему-то не стал ничего рассказывать, а позвал к телефону кого-то другого, кто представился начальником штаба округа. Тот колеблющимся голосом крайне нерешительно сообщил, что по приказу военного министра Керенского корпус должен остановить свое продвижение на Петроград. Крымов ответил, что он получил приказ Верховного главнокомандующего и подчинится распоряжению военного министра, только если будет иметь его в письменном виде.

Этот разговор произвел на Крымова тревожное впечатление. Он сказал сопровождавшему его начальнику штаба генералу М.К. Дитерихсу, что, возможно, Петроград уже захвачен большевиками. Телефон в Луге находился в самом городе в пятнадцати минутах ходьбы от станции. Когда Крымов и Дитерихс вернулись к эшелонам, они увидели, что вдоль путей

собираются группы вооруженных людей. На вопрос, кто они такие и что здесь делают, они отвечали, что по приказу местного исполкома им предписано задержать дальнейшее продвижение казачьих эшелонов. Здесь же Крымов узнал содержание телеграммы Керенского, объявлявшей Корнилова изменником.

В штабном вагоне Крымова дожидался офицер, который привез из Пскова копию распоряжения Корнилова. Донской дивизии предписывалось двигаться на Гатчину, пунктом сосредоточения Туземной дивизии было назначено Царское Село, для Уссурийской дивизии — Красное Село. Позже, около четырех часов ночи, в штаб Крымова поступила телеграмма за подписью Керенского. В ней говорилось о том, что в Петрограде все спокойно, и содержался приказ немедленно остановить переброску корпуса к столице. Ввиду наличия противоречащих распоряжений Крымов предложил Дитерихсу выехать в Псков, в штаб Северного фронта, и там на месте разобраться в происходящем.

В девять утра Дитерихс был в Пскове и немедленно встретился с главнокомандующим фронтом генералом Клембовским. Однако и тот знал очень немного. Дитерихс связался по телефону с Могилевом. Ему удалось найти генерала Романовского, который ответил, что Корнилов по-прежнему остается на своем посту. Романовский сообщил, что в настоящее время идут переговоры с правительством, ответ из Петрограда еще не получен, но достижение компромисса очень вероятно. Он сказал, что Крымову сейчас следует дождаться подхода отстающих эшелонов, а за это время ему будут даны дополнительные распоряжения.

Днем 28 августа на станции Луга скопилось уже более десятка эшелонов с казаками 1-й Донской дивизии. Дальнейшему их продвижению мешало то, что севернее города у станции Преображенская кто-то уже успел разобрать железнодорожные пути. Крымов послал на этот участок дороги казаков, которые, угрожая оружием, заставили местных путевых рабочих вновь уложить рельсы. Около четырех пополудни по приказу Крымова станция с телеграфом и телефоном была занята прибывшими войсками. Гарнизон Луги при этом никакого сопротивления не оказал.

Но это отнюдь не означало, что все проблемы решены. Крымов не мог с уверенностью положиться на казаков. Каждый час их пребывания в Луге и общение с местными и столичными агитаторами усиливали колебания в их среде. По этой причине в шесть часов вечера по приказу Крымова войска были выгружены из эшелонов и отведены к деревне Заозерье в 15 верстах от Луги

по Псковской дороге. Поздно вечером здесь появились приехавшие из Петрограда посланцы «Республиканского центра» — полковник Л.П. Дюсимитьер и инженер П.Н. Финисов. Они убеждали Крымова как можно скорее двигаться на столицу, где, по их словам, его готовы поддержать многочисленные офицерские организации.

В реальности петроградское подполье к этому времени было полностью дезорганизовано. Подробности этой истории позже рассказал в своих воспоминаниях А.И. Путилов. Согласно его свидетельству, во второй половине дня 26 августа к нему пришли Финисов, Сидорин и Дюсимитьер. Они предъявили письмо Корнилова и потребовали выдать им 2 миллиона рублей. В самом письме речь шла о 800 тысячах, но Сидорин заявил, что цифру увеличили они сами, так как запрошенной первоначально суммы не хватает на размещение и питание прибывающих офицеров{397}. Путилов дал чек на 400 тысяч, собранных «Обществом экономического возрождения», и еще такую же сумму из собственных средств. Банки закрывались через четверть часа, и потому остальную сумму он обещал дать на следующий день.

Вечером у Путилова собрались крупнейшие столичные финансисты: Б.А. Каминка, Н.Н. Кутлер, Н.А. Белоцветов. В первом часу ночи приехал Гучков. Всех смущала разница цифр. Несмотря на это, деньги решено было все-таки дать. На следующий день в условленное время Путилов и Белоцветов ждали эмиссаров Корнилова в помещении «Русско-Азиатского банка». Просидели они до восьми вечера, но так никто и не явился. Путилов позвонил инженеру Финисову. Его кухарка ответила, что барин ужинает в «Малоярославце».

Путилов и Белоцветов поехали в ресторан, где им открылась неожиданная картина. «Кабинет огромный, настоящий зал. За столом сидят человек сорок офицеров и пируют. Несметное множество бутылок… Председательствует полковник Сидорин. Все в форме, некоторые в походном снаряжении». Присутствовавшие были уже изрядно пьяны. Громкими голосами они обсуждали план будущего выступления, нисколько не стесняясь официантов и лакеев. В десять вечера в зале появился новый гость, сообщивший, что Керенский объявил Корнилова изменником. Первой реакцией собравшихся был страх, но уже через несколько минут все успокоилось. Кто-то пьяным голосом потребовал еще шампанского. Белоцветов, наклонившись, сказал на уху Путилову: “Не знаю как вы, а я чеков не дам. К ночи они без ног будут. Деньги все равно пропадут”».

Эта неприятная история — тоже часть правды. В оправдание можно сказать лишь одно — сама обстановка подполья неизбежно

разлагает людей, независимо от того, считают они себя революционерами или контрреволюционерами. Во всяком случае, репутацию дела, начатого Корниловым, поведение петроградских «заговорщиков» изрядно подпортило. Видимо, они и сами понимали это, и потому на следующий день Фетисов и Дюсимитьер выехали к Крымову. С собой они привезли известия о каких-то вооруженных столкновениях на подступах к столице. Кто с кем воюет, не знали ни приехавшие, ни сам командующий армией.

Сейчас нам известно, что это была Туземная дивизия. Передовые эшелоны ее к 28 августа выдвинулись до Вырицы. Дальнейшее продвижение по железной дороге было невозможно ввиду повреждения путей. Шедшая в авангарде третья бригада (Чеченский и Ингушский полки) выгрузилась из вагонов и походным порядком двинулась на Царское Село. У станции Антропшино в 10 часов вечера завязался бой. После первых выстрелов отряд, высланный из Царского Села, отступил. Но командир бригады князь А.В. Гагарин побоялся попасть в окружение и скомандовал отход.

После этого дивизия расположилась на станции Дно и в дальнейших событиях участия не принимала. В эти же дни Уссурийская дивизия добралась до Нарвы и Ямбурга, но здесь остановила свое продвижение. Везде имело место одно и тоже — присланные из столицы агитаторы успешно сеяли сомнения в умах и без того колебавшихся казаков и горцев. Проходивший в эти дни в Петрограде Всероссийский мусульманский съезд направил навстречу Дикой дивизии специальную делегацию, члены которой владели чеченским, ингушским, кабардинским, татарским языками. В результате дотоле крепкая дивизия начала на глазах разлагаться.

Все это заставило Крымова усомниться в успехе. К тому же он потерял контакт с главковерхом и не знал, как себя вести в сложившейся ситуации. Под утро 29 августа Крымова все же нашел посланный из Ставки полковник Д.А. Лебедев. За сутки до этого он выехал из Могилева на автомобиле и после многих часов блуждания почти случайно наткнулся на штаб командующего Петроградской армией. Лебедев сообщил о том, что Корнилов не собирается подчиняться распоряжению о своей отставке. По словам Лебедева, в Петрограде тоже зреет недовольство правительством и в любое время можно ожидать падения Керенского.

Эта информация заставила Крымова принять решение о возобновлении движения. 29 августа он подписал приказ, в котором объяснял причины этого. В первом и втором пунктах

приказа воспроизводились телеграммы Керенского и Корнилова, в третьем говорилось о том, что казаки отказываются признать отставку Верховного главнокомандующего. Наибольший интерес представлял последний пункт. В нем Крымов утверждал, что в Петрограде начались голодные бунты. Он заявлял, что ставит собой целью только восстановление порядка и пресечение анархии и не посягает на республиканский строй{398}. Конечно, все рассказы о погромах в столице были ложью. Крымов пошел на это, рискуя быть разоблаченным, только из осознания собственной слабости. Это был единственный способ заставить казаков двинуться с места, хотя, как оказалось, способ ненадежный.

В ночь с 29 на 30 августа Донская дивизия по приказу Крымова выступила в направлении Луги. Однако не дойдя до города четырех верст, войска повернули обратно. Оказалось, что два полка— 13-й и 15-й отказались подчиниться распоряжению. Казаки, несмотря на ночь, митинговали. Прибывший на место Крымов заявил, что на первый раз он прощает нарушителей приказа, но в следующий раз будет поступать с ними по закону военного времени. Тем не менее генерал решил не рисковать и приказал отряду двигаться в обход Луги. Крымов старался держаться как обычно, но для него происходящее было крушением всех привычных представлений. До сих пор он считал, что неповиновение есть результат слабости командного состава. Теперь его 3-й конный, сохранявший дисциплину в течение всех предыдущих месяцев, разваливался на глазах.

В Петрограде у Крымова был верный человек — полковник С.Н. Самарин. Когда-то он был начальником штаба у Крымова в бытность того командиром Уссурийской дивизии. Сейчас Самарин служил в военном министерстве. Посланец Крымова нашел Самарина, и тот сообщил, что постарается приехать в Лугу. Самарин (вероятно, через своего сослуживца Барановского) сумел переговорить с Керенским. Рано утром 30 августа он появился в штабе Крымова. Самарин предложил Крымову выехать вместе с ним в Петроград, дав гарантию от имени премьера, что его свободе и безопасности ничего не грозит. После совета с другими старшими начальниками Крымов решил принять это предложение.

В ночь на 30 августа Крымов и Дитерихс выехали из Луги и рано утром 31-го были в Петрограде. В столице Крымов сразу же направился к Алексееву. В этот день Алексеев уезжал в Ставку к Корнилову и специально задержался для того, чтобы выслушать Крымова. Позже Алексеев рассказывал: «Крайне неутешителен был доклад генерала Крымова: под влиянием идущих из

Петрограда распоряжений и агитации (посылка делегаций) дивизии корпуса нравственно развалились и едва ли были пригодны к работе, даже в том случае, если бы в деятельности их встретилась надобность даже в интересах самого Временного правительства»{399}. По свидетельству Алексеева, Крымов находился в крайне подавленном состоянии.

В полдень Крымов вошел в кабинет Керенского. Он попытался убедить премьера в том, что никогда не призывал к борьбе против правительства, что все его шаги были направлены исключительно на сохранение существующей власти. Керенский слушал сначала спокойно, но постепенно все более выходил из себя. Наконец он не выдержал и вскочил: «Вы, генерал, очень умны. Я давно слышал, что вы умный. Этот приказ вами так скомбинирован, что не может служить вам оправданием. Все ваше движение было подготовлено заранее…»{400} Крымов пробовал оправдаться, но Керенский его не слушал. Он вызвал в кабинет прокурора И.С. Шабловского, который предписал Крымову явиться на следующий день для дачи официальных показаний. Керенский демонстративно повернулся к генералу спиной и перед уходом не подал ему руки.

Было около трех пополудни, когда Крымов покинул Зимний дворец. Оттуда он направился на квартиру к своему знакомому ротмистру Журавскому в дом № 19 по Захарьевской улице. Хозяин предложил гостю чаю. «Да, да, конечно», — ответил тот, но его отсутствующий вид внушал сомнение в том, что он что-то слышит и понимает. Журавский вышел в другую комнату и вдруг услышал, как за дверью раздался выстрел. Крымов смертельно ранил себя в область сердца. Срочно вызванная карета скорой помощи отвезла его в Николаевский госпиталь, но было поздно. Через несколько часов, не приходя в сознание, он скончался.

Крымов успел написать письмо Корнилову. Его адъютант, рискуя быть арестованным, сумел доставить письмо в Могилев. Но Корнилов послание уничтожил, и что в нем было, так и осталось неизвестным. Возможно, Крымов упрекал Корнилова в нерешительности и необдуманном поведении. Для Крымова, с его характером, любые колебания были мучением. Единственный среди участников августовского выступления, он покончил с собой потому, что не мог вынести даже мысли о том, что ему предстоит предстать перед судом. Самый убежденный из «переворотчиков», он и разочаровался последним. Смерть Крымова означала, что дело проиграно.

АРЕСТ

Панические настроения, характеризовавшие обстановку в Зимнем дворце в понедельник 28 августа, постепенно сменились новыми надеждами. Уже к вечеру вторника стало ясно, что угроза миновала. Победители жестоко мстили за свой недавний страх. По всей стране начались расправы над «корниловцами». В Бердичеве были арестованы главнокомандующий Юго-Западным фронтом генерал-лейтенант А.И. Деникин со своим начальником штаба генералом С.Л. Марковым, а также группа других генералов. 29 августа генерал Марков записал в своем дневнике: «В 5 ½ (17½) ввергнуты в узилище, нас рассматривают как зверей. Иногда слышишь нелепую, глупую брань, иногда наблюдаешь смущение и даже услужливость…»{401} Аресты прошли в Киеве, Одессе, Минске и других городах. Кровавыми убийствами завершились аресты «корниловцев» в Выборге.

Керенский вновь почувствовал силу. 30 августа он без объяснения причин уволил в отставку Савинкова. Таким образом, инициатор «большой игры» первым оказался в чистом проигрыше. Однако до той поры, пока Корнилов оставался в Могилеве, правительство не могло быть спокойным. При всех недостатках Керенского, он совершенно искренне стремился остановить надвигающуюся гражданскую войну. Для этого нужно было найти того, кто сумеет заставить Корнилова без сопротивления оставить свой пост.

Собственно, сделать это мог один человек — генерал Алексеев. Ему Корнилов мог сдаться, не потеряв при этом лица. Но Керенский не доверял Алексееву и потому боялся назначения его главковерхом. Удобнее и безопаснее он был бы в роли начальника штаба. Было ясно, что Алексеев не потерпит над собой кого-то из скороспелых полководцев вроде Черемисова или Верховского. Поэтому Керенский решил взять обязанности Верховного главнокомандующего на себя.

Однако Алексеева еще нужно было уговорить. По приказу Керенского утром 30 августа Вырубов отправился на Фурштадтскую, в квартиру графа Келлера, где тогда жил Алексеев. Но на переданное им предложение генерал ответил решительным отказом. Вырубов вернулся во дворец и сообщил об этом Керенскому. Тот отреагировал крайне взволнованно и потребовал, чтобы Вырубов вернулся обратно и во что бы то ни стало убедил Алексеева принять предлагаемую должность. Вырубов заявил, что один он не поедет. Тогда, после некоторых колебаний, Керенский отправился вместе с ним.

Алексеева визитеры встретили у входа — он возвращался с прогулки. Генерал молча пожал приехавшим руки и не произнес ни слова, пока они поднимались наверх. Только войдя в спальню, он сказал: «Уж если вы ко мне пришли, то выслушайте от меня всю правду…» Крайне резко он обвинил Керенского в попустительстве разложению армии и развалу фронта. По его словам, премьер-министр несет личную ответственность за катастрофическое положение страны. «Керенский, бледный как полотно, молча слушал речь Алексеева, нервно опершись обеими руками о спинку кровати. Когда Алексеев кончил, Керенский сказал тихим голосом:

— А все-таки Россию спасать надо…

Наступило молчание, которое продолжалось минуты две. Затем Алексеев кратко произнес:

— Я в вашем распоряжении»[402].

Разговор продолжился уже в Зимнем. Алексеев поставил свои условия: он не желал иметь дела с Некрасовым, которого считал главным виновником происшедшего; вторым требованием было уничтожение поста комиссара при Верховном главнокомандующем; наконец, Алексеев потребовал, чтобы посты военного и морского министров были замещены профессионалами. Керенский согласился на все (забегая вперед, скажем, что обещание упразднить должность комиссара при Ставке выполнено не было).

Немедленно после этого Алексеев поехал в военное министерство и по телеграфу связался с Корниловым. Интересная деталь — Корнилов, не желая снова стать жертвой провокации, первым делом потребовал, чтобы его собеседник удостоверил свою личность знанием деталей, известных только ему. После истории с фальшивым «Львовым» все телеграфные разговоры теперь начинались с предварительной проверки.

Алексеев рассказал о своем предполагаемом назначении и особо подчеркнул, что в своих мероприятиях он предполагает следовать программе, предложенной Корниловым. В ответ Корнилов зачитал ему телеграмму, подготовленную к отправке от имени генерала Лукомского. В ней говорилось, что Верховный главнокомандующий готов оставить занимаемый им пост, но только при соблюдении ряда условий. Должно было быть официально объявлено, что в России создается сильная власть, свободная от влияния безответственных организаций. Генерал Деникин и другие арестованные вместе с ним лица должны быть немедленно освобождены. Правительство должно немедленно прекратить рассылку телеграмм и приказов, порочащих Верховного главнокомандующего и вносящих смуту в умы.

В этом был весь Корнилов — от него ждали капитуляции, а он фактически выдвигал ультиматум. Всякое было в характере Корнилова, но одно свойство поражало всех, кто его знал. Корнилов никогда, даже в самые сложные минуты, не чувствовал себя побежденным. Он мог колебаться, мог проявлять нерешительность, но ощущение проигрыша, то самое, которое парализует волю человека, ему было незнакомо. Более того, в такие минуты к нему возвращалась утраченная энергия, он вновь становился тем Корниловым, которого искренне уважали соратники и боготворили подчиненные. Другой вопрос, что не всегда это помогало наверстать упущенное.

Корнилов попросил Алексеева, чтобы тот не задерживался и был в Ставке не позже 1 сентября. В противном случае он снимал с себя ответственность за дельнейшие события. Вечером, около восьми, состоялся второй разговор по телеграфу Алексеева и Корнилова. Алексеев проинформировал об изменениях в ситуации (в Ставке не знали почти ничего), Корнилов, в свою очередь, попросил помочь ему связаться с Крымовым{403}. Как мы уже писали, на следующий день Алексеев задержал свой отъезд специально для того, чтобы встретиться с Крымовым.

Отправление Алексеева из Петрограда сопровождалось курьезным эпизодом, характеризующим тот недавний страх, от которого власть не успела еще окончательно избавиться. К перрону было подано три вагона — один для Алексеева, другой для сопровождавшего его Вырубова. Провожавший их Терещенко спросил у проводника, для кого предназначен третий вагон. Тот ответил, что для господина Филоненко. Терещенко пришел в панику. «Вы понимаете, — сказал он взволнованно, — это заговор. Филоненко со своими людьми едет в одном поезде с вами. Ясное дело, в дороге вы с Алексеевым будете схвачены и выданы кому следует. Надо немедленно вызвать охрану»{404}. Вскоре, однако, недоразумение выяснилось, оказалось, что речь идет о путейском инженере, однофамильце бывшего комиссара. После некоторой задержки поезд тронулся в путь.

Состав шел медленно, часто останавливаясь. На одной из станций Вырубов получил телеграмму о самоубийстве Крымова. С ней он направился в вагон к Алексееву. «Михаил Васильевич, получены известия о Крымове…» — «Что? Он застрелился?» — «Застрелился после разговора с Керенским». — «Да, он утром сообщил, что застрелится», — тихо сказал Алексеев{405}. Во время остановки на станции Луга Алексеев произнес короткую речь перед всадниками и офицерами Туземной дивизии. Смысл ее был в том, что между правительством и Ставкой возникло недоразумение, которое он и едет разрешить. Присутствовавшие

на этом импровизированном митинге проводили генерала громким «Ура!».

Поздно вечером в Витебске Алексеев вновь по телеграфу связался с Могилевом. Вторым участником этого разговора был генерал Лукомский. Он пожелал удостовериться в том, что говорит именно с Алексеевым, и спросил: «Какой армией ваше высокопревосходительство командовали на маневрах 1913 года?» Алексеев громко ответил: «Я командовал 3-й австрийской армией, взявшей Пултуск». У открытой двери в соседней комнате находились представители Витебского Совета. Как вспоминал Вырубов, по выражению ужаса на их лицах стало понятно, что они заподозрили в Алексееве переодетого вражеского агента. Алексеев хотел уточнить, как воспринимают в Ставке его приезд. Видит ли Корнилов в этом начало переговоров или же готов полностью подчиниться и передать в его руки руководство? Лукомский ответил, что Корнилов не собирается отсиживаться в Могилеве. Он предложил разбудить главковерха (время уже перевалило за полночь) и еще раз спросить его об этом.

Корнилов еще не спал. Выслушав Лукомского, он попросил его собрать старших чинов штаба. Когда все собрались, Лукомский передал им содержание разговора с Алексеевым. Корнилов попросил присутствовавших высказаться. Большинство выступивших считали недопустимым подчинение Временному правительству. По их словам, в Могилеве достаточно сил для того, чтобы сопротивляться любому карательному отряду. С этим категорически не согласился Лукомский. Он сказал, что посылкой одного отряда дело не ограничится. Сопротивление сыграет только на руку Керенскому, поскольку убедит всех в том, что мятеж действительно имел место. Кроме того, в такой ситуации Ставка рискует потерять контроль над оперативным руководством, а в условиях войны грозит страшными последствиями{406}.

Корнилов не комментировал услышанное. Поблагодарив всех присутствовавших, он попросил Лукомского зайти к нему через час. Когда тот вновь появился в его кабинете, он сказал: «Вы правы, дальнейшее сопротивление было бы глупо и преступно. Пойдите на телеграф и передайте генералу Алексееву, что я и вы ему подчинимся и ему в Ставке не угрожают никакие неприятности». Лукомский вышел. У дверей, волнуясь, стояли жена и дочь Корнилова. Таисия Владимировна прошла в кабинет к мужу. О чем они говорили, неизвестно, но, выйдя, она сказала дочери: «Отец не имеет права бросить тысячи офицеров, которые шли за ним. Он решил испить чашу до дна»{407}.

У Алексеева в Витебске тоже была бессонная ночь. Ему стало

известно, что по распоряжению Керенского в Орше собирается отряд полковника А.И. Короткова, который намеревается штурмом брать Могилев. Алексеев связался по телеграфу с Оршой, приказав прекратить движение на Могилев. Однако Коротков отказался подчиниться. Он ссылался на телеграмму начальника Политического отдела кабинета военного министра прапорщика П.М. Толстого, в которой была дана подробная диспозиция штурма. Вырубов вспоминал: «Ярость, в которую пришел ген. Алексеев, с трудом поддается описанию: в таком состоянии я ни прежде, ни потом ни разу не видал спокойного и уравновешенного Михаила Васильевича. Он приказал мне немедленно вызвать к прямому проводу самого Керенского. К счастью, распоряжение это оказалось невыполнимым, ибо прямой провод внезапно испортился. Часа через два Алексеев “отошел” и я убедил его, не обращая внимания на пустяки, продолжать начатое дело»{408}.

В Могилев поезд Алексеева прибыл в 3 часа дня 1 сентября 1917 года. На вокзале его встречали Лукомский и несколько других офицеров. Алексеев задержался для разговора со встречающими, а к Корнилову был командирован помощник Вырубова — Марковин. Он приходился Корнилову шурином, давно был знаком с ним и должен был подготовить его к визиту Алексеева. Как оказалось, Корнилов был очень раздражен против Алексеева. Он полагал, что тот сам если не участвовал в «заговоре», то сочувствовал ему, и потому не имеет права выступать от имени правительства. «Пусть Алексеев пожалует сюда, — говорил Корнилов Марковину, — я ему все выпою. А обо мне, пожалуйста, не беспокойся. Пустить себе пулю в лоб я всегда успею»{409}.

Взаимная неприязнь двух генералов не была новостью. Корнилов помнил, что Алексеев в апреле помешал назначению его главнокомандующим Северным фронтом. Сейчас Корнилов был глубоко убежден в том, что именно Алексеев своим авторитетом спас Временное правительство. Кто-то рассказал ему, что Алексеев вместе с Савинковым разрабатывал план обороны Петрограда от «корниловских» войск. Несмотря на то что это было ложью, Корнилов ей поверил. Позднее он говорил Деникину, что никогда не забудет и не простит этого{410}.

Алексеев приехал в губернаторский дом в сопровождении Вырубова и не задерживаясь прошел в кабинет к Корнилову. Двери за ним плотно закрылись. Вырубов остался ждать в приемной. Здесь же находились полковник Голицын и адъютанты Корнилова — поручик Долинский и корнет Хаджиев. Время тянулось страшно медленно. Не выдержав ожидания, из жилых

комнат в приемную пришли жена и дети Корнилова. Наконец, через два часа из кабинета вышел Алексеев. Он был настолько взволнован, что не заметил никого из находившихся в помещении. Алексеев стал спускаться по лестнице, Вырубов поспешил за ним.

Через несколько минут в приемную вышел Корнилов. Руки его были заложены в карманы, сам он был мрачен и хмур. Семья бросилась к нему. Корнилов молча обнял сына. Голицын и Долинский тихо вышли из комнаты, лишь Хаджиев задержался на пороге. Корнилов подошел к жене и погладил ее по волосам: «Ничего, ничего. Что вы плачете? Не надо, успокойтесь». Потом посадил на колени сына и несколько раз поцеловал. Чувствовалось, что он был взволнован, хотя и пытался казаться спокойным. Неожиданно Корнилов вскочил и начал быстро ходить по комнате. Он то останавливался у окна, выходящего на площадь, то невидящими глазами смотрел на стену. «Ну что, Хан, что же будет дальше?» — обратился он к Хаджиеву. «Все, что случается с человеком, все к лучшему, Ваше высокопревосходительство. Кисмет[9], от судьбы не уйдешь. Все великие люди страдали»{411}. Подробности этой сцены нам известны в изложении Хаджиева. Далеко не всегда его воспоминаниям можно доверять. Он явно многое сочинил для того, чтобы показать свою особую близость к Корнилову. Но приведенная выше сцена убеждает деталями, которые трудно было бы придумать. Никто не мог знать, что будет дальше, и готовиться надо было к самому худшему.

Между тем Алексеев отправился в аппаратную и попытался связаться с Керенским. Когда это наконец удалось, Алексеев не постеснялся высказать премьеру все накопившиеся претензии. Он вспомнил и карательный отряд Короткова и телеграмму Верховского с извещением о том, что из Москвы в Могилев готовы отправиться эшелоны революционных войск. Керенский оправдывался тем, что у него были сведения, будто бы в Могилеве под ружьем стоят целые дивизии с артиллерией. Керенский пообещал Алексееву, что никаких карательных мер против Ставки предпринято не будет. Однако Керенский потребовал немедленного ареста вождей «заговора». По его словам, в Петрограде распространяются слухи о том, что правительство бездействует и даже сознательно щадит мятежников. Известия об арестах в Могилеве должны были положить конец подобным толкам.

Около одиннадцати вечера Алексеева вызвал к аппарату полковник Барановский. Он еще раз повторил требование Керенского относительно ареста Корнилова и других генералов.

Алексеев ответил, что час назад генералы Корнилов, Лукомский, Романовский, Плющик-Плющевский арестованы. На первых порах они были помещены под домашний арест, но уже в этот день были предприняты меры по освобождению от постояльцев лучшей в городе гостиницы «Метрополь». Для того чтобы избежать возможных эксцессов, перемещение арестованных в «Метрополь» было решено организовать тайно. В ночь со 2 на 3 сентября лил холодный дождь. Около трех часов после полуночи два эскадрона текинцев вытянулись цепью вдоль улицы от губернаторского дома до подъезда «Метрополя». Комендант Ставки по списку проверял прибывших и направлял их в отведенные для них комнаты. В начале четвертого на автомобиле подъехал Корнилов. Внешне он был абсолютно спокоен и даже шутил со своими адъютантами. Поднявшись в свою комнату, он попросил чаю и газету и отпустил сопровождающих. В жизни Корнилова начинался новый этап, непредсказуемый и потому пугающий.

ТЮРЬМА

На первых порах арестованных в «Метрополе» набралось двадцать два человека. Помимо Корнилова и других старших генералов, под стражу были взяты товарищ министра путей сообщения генерал В.Н. Кисляков, начальник политического отдела полковник В.К. Сахаров, заведующий типографией Ставки капитан А.П. Брагин и фактически в полном составе Главный комитет Союза офицеров. В трехэтажном здании гостиницы арестованные расположились с комфортом: каждому достался отдельный номер (язык не поворачивался назвать его «камерой»), и лишь младшие офицеры поселились по двое в комнате и то исключительно по собственному желанию.

Обеды арестованным приносили из ресторана офицерского собрания. Для того чтобы поднять им настроение, друзья и знакомые уже в первый день завалили их сладостями и домашним печеньем. Те, кому приходилось посещать в эти дни Корнилова, вспоминали, что его комната была буквально заставлена тортами{412}. Друг с другом обитатели «Метрополя» общались совершенно свободно. Сама гостиница ничем не напоминала тюрьму — ни запоров на дверях, ни решеток на окнах. Впрочем, к окнам арестованные старались без нужды не подходить. Дело в том, что каждый день напротив гостиницы собирались толпы зевак, преимущественно солдат местного гарнизона. Стоило за стеклами появиться любому силуэту, как толпа начинала гоготать и показывать пальцами.

Малоприятно ощущать себя зверем в клетке, но иногда арестованным приходилось с этим мириться. Дело в том, что в первые дни им не разрешали свиданий с родными. В то же время арестованных свободно посещали их прежние денщики и вестовые. Через них «на волю» была передана информация об условном часе. В назначенное время обитатели «Метрополя» прильнули к окнам, чтобы увидеть, как на другой стороне улицы прогуливаются их жены и невесты. Сам Корнилов у окон никогда не появлялся. Более того, он настоял, чтобы его семья как можно скорее покинула Могилев.

Наружную охрану гостиницы нес Георгиевский батальон. Под влиянием революционных агитаторов георгиевцы были настроены по отношению к арестованным достаточно враждебно. Но внутренние посты в «Метрополе» занимали текинцы, и это служило залогом безопасности находившихся в здании. Первые недели в Могилеве еще продолжал находиться Корниловский полк. Каждый день около полудня командир полка капитан М.О.

Неженцев нарочно проводил корниловцев мимо «Метрополя». Под окнами гостиницы он командовал «Смирно!», и полк проходил расстояние до угла здания, чеканя шаг, как на параде. Демонстративное поведение корниловцев вызывало страшное раздражение у руководителей Могилевского Совета. В любой момент в городе можно было ждать вооруженного столкновения. Алексеев рассматривал варианты перевода Корниловского полка как можно дальше от Могилева (обсуждалась даже возможность перевезти его во Францию или под Салоники). В итоге полк был передислоцирован в Киев для доукомплектации с последующим включением в состав Юго-Западного фронта.

2 сентября в Могилев прибыли члены Чрезвычайной следственной комиссии. Она была учреждена постановлением Временного правительства от 29 (фактически — 31) августа для расследования «дела о бывшем Верховном главнокомандующем генерале Л.Г. Корнилове и его соучастниках». Возглавил ее главный военно-морской прокурор И.С. Шабловский, а членами комиссии стали военные юристы полковники Н.П. Украинцев и Р.Р. Раупах, а также следователь по особо важным делам Н.А. Колоколов. Первоначально комиссия была настроена предвзято по отношению к могилевским «заговорщикам», но уже первые допросы вскрыли истинную картину августовских дней. С этих пор Шабловский и его помощники не скрывали своих симпатий к арестованным и были готовы пойти навстречу любой их просьбе.

Но не все складывалось так хорошо. 5 сентября в Могилев прибыл Керенский. Он не стал встречаться с Корниловым и даже не появился в городе. Все недолгое время своего пребывания в Ставке новый Верховный главнокомандующий провел в вагоне личного поезда на железнодорожных путях близ вокзала. Керенский вызвал к себе Алексеева и потребовал от него немедленно провести чистку Ставки от контрреволюционных элементов. Нетрудно было понять, что речь идет о репрессиях против тех, кто сочувствовал Корнилову. Алексеев не счел возможным взять на себя такие обязанности и на следующий день подал в отставку. Единственное, что он сумел сделать, — это настоять на назначении своим преемником начальника штаба Западного фронта генерала Н.Н. Духонина. По своей прежней работе Духонин хорошо знал особенности функционирования Ставки. К тому же он не скрывал своих симпатий к Корнилову, а значит, в случае необходимости мог вступиться за арестованных.

Необходимость этого могла возникнуть в любой момент. Левые газеты открыто призывали поскорее покончить с мятежниками. Могилевский Совет требовал перевода арестованных в тюрьму. По-прежнему опасение внушала судьба

Деникина и других генералов, арестованных в Бердичеве. Комиссар Юго-Западного фронта меньшевик (а позднее большевик) Н.И. Иорданский настаивал на том, чтобы следствие по делу «бердичевской группы» проходило отдельно. Свое мнение он мотивировал необходимостью ускорить суд нам мятежниками, но на деле попросту пытался таким образом нажить политический капитал. Образованная Иорданским комиссия изначально была настроена на обвинительный вердикт. Как ни настаивал Шабловский на том, что могилевский и бердичевский эпизоды должны быть объединены в одно дело, убедить своих оппонентов ему не удавалось.

Дальнейшее пребывание в Могилеве могло угрожать жизни арестованных. По согласованию с комиссией Шабловского новое руководство Ставки приняло решение перевести их в Старый Быхов — маленький городок верстах в сорока от Могилева ниже по течению Днепра. Переезд был назначен днем 11 сентября, но известие об этом вызвало большое скопление любопытствующей публики. По этой причине все было перенесено на ночное время. В три часа пополуночи к «Метрополю» были поданы автомобили и на них арестованные были перевезены к поезду, стоявшему (опять же из соображений конспирации) не у пассажирской, а у товарной платформы. Здесь арестованных разместили в комфортабельных вагонах 1-го и 2-го классов. Для того чтобы не будить пассажиров среди ночи, поезд на несколько часов задержался на промежуточной станции и прибыл в Быхов уже утром.

Быхов был крохотным городком, где русское, белорусское, польское и еврейское население перемешалось в невообразимую кашу. Среди деревянных домиков, составлявших в Быхове большинство, выделялось двухэтажное каменное здание, окруженное фруктовым садом. Когда-то, во времена Речи Посполитой, здесь был монастырь бенедиктинцев, а в последнее время располагалась женская гимназия. Этот-то дом с необычайно толстыми стенами и сводчатыми потолками стал тюрьмой для Корнилова и его сподвижников.

Места здесь было меньше, чем в «Метрополе», и потому арестованные разместились по двое или по трое в комнате. Отдельные комнаты были только у Корнилова и Лукомского. Корнилову поначалу предложили занять две комнаты, но он отказался, заметив полушутя, что вторую камеру оставит для «товарища Керенского». В остальном режим заключения в Быхове мало отличался от того, что имело место в Могилеве. Утром между восемью и девятью часами подавался кофе или чай. С одиннадцати до часу дня полагалась прогулка. В час дня — обед,

затем вновь прогулка и прием посетителей и в восемь вечера ужин. В десять часов было предписано гасить свет в комнатах{413}.

Завтракали, обедали и ужинали арестованные в общей столовой на первом этаже. Лишь Корнилову подавали еду прямо в комнату. Гуляли обитатели дома во внутреннем дворе, примыкавшем к костелу. Другим излюбленным местом прогулок был старый сад. Здесь стояли скамейки и можно было сесть с книгой или газетой, благо погода стояла удивительно хорошая. Внутреннюю охрану тюрьмы, как и в Могилеве, несли текинцы, наружную — Георгиевский батальон. Шесть постов георгиевцев располагались по периметру стены, окружавшей здание тюрьмы. Внутри, в вестибюле и на площадке второго этажа, стояли караульные-текинцы, посты часовых были расположены и по концам коридора{414}.

Число арестованных постоянно менялось. Кого-то выпускали на свободу, кто-то пополнял контингент обитателей бывшего монастыря. Из Витебска в Быхов перевели председателя Главного комитета Союза офицеров Л.Н. Новосильцева и бывшего члена Государственного совета А.А. Римского-Корсакова. Последний пострадал исключительно из-за своей репутации крайне правого и вскоре был отпущен. 28 сентября в Быхов прибыли члены «бердичевской группы» во главе с генералом Деникиным. После ужасов, с которыми им пришлось столкнуться в предыдущие недели, быховская идиллия показалась им раем{415}.

В Быхове арестованным было разрешено встречаться с родными. С особого разрешения коменданта тюрьмы допускались и посторонние. Показательно, что ни один из политиков, ранее заявлявших о своем сочувствии корниловскому движению, не счел нужным навестить опального главковерха. Почти не было среди визитеров и старших воинских чинов. Зато рядовые офицеры и даже гимназисты были готовы часами стоять у забора для того, чтобы хотя бы на расстоянии увидеть тех, кто в их понимании были героями и мучениками.

Несколько раз в здание тюрьмы пытались проникнуть корреспонденты столичных газет. Журналист Филатов из «Раннего утра», назвавшись другом полковника Пронина, беспрепятственно проник в сад. Его спутница, некая Рихтер, сумела пробраться в само здание и бесцеремонно ввалилась в комнату Корнилова, когда тот спал. Когда ее попытались увести, она убежала и спряталась. С огромным трудом настырных журналистов выдворили вон. Этот инцидент привел к смещению коменданта тюрьмы полковника Григорьева, замененного на этом посту полковником Эргардом.

На прогулках арестованные бегали, боролись, занимались гимнастикой, играли в городки и мяч. После обеда Аладьин давал всем желающим уроки английского языка. Вечером собирались для бесед в комнате № 6 (которую, естественно, тут же окрестили «палатой № 6»). Новосильцев делился своими воспоминаниями о Государственной думе, Родионов рассказывал о своих встречах с Распутиным и Иллиодором, Брагин читал только что сочиненные сатирические стихи. Иногда на этих собраниях присутствовал и Корнилов. Однажды, будучи в хорошем настроении, он даже рассказал в деталях о своем бегстве из плена.

Чаще же Корнилов держался в стороне. На прогулках он общался преимущественно с другими генералами. Как правило, он сидел у себя и что-то писал. Ко всему прочему он был болен. Помимо невралгии у него разыгрался ревматизм. От этого тогда лечили скипидарными ваннами, но в тюрьме это было невозможно. Сильные боли заставляли Корнилова по целым дням не выходить из комнаты.

Разумеется, было бы неверно представлять жизнь в быховской тюрьме как эдакий «курорт». В конечном счете, игра в городки, уроки английского и вечерние беседы были не только способом занять время, но и попыткой отвлечься от пугающих мыслей. Будущее арестованных оставалось неопределенным. Первоначально против Корнилова и его сподвижников было выдвинуто обвинение в государственной измене по статье 108 Уголовного уложения. Наказанием за это была смертная казнь. Однако Чрезвычайная комиссия, рассмотрев обстоятельства дела, пришла к выводу, что оно не может быть определено как государственная измена.

Комиссия выступила с инициативой переквалифицировать обвинение по статье 100 («О бунте против верховной власти и о преступлениях против священной особы императора и членов императорского дома»). Она предусматривала наказание от бессрочной каторги до смертной казни. Но дело было не в этом. Сотая статья передавала вынесение приговора гражданскому суду, в то время как 108-я входила в компетенцию военно-революционных судов. Керенский получил бы максимум удовлетворения, предав Корнилова суду, учрежденному по его же инициативе. Керенский вовсе не собирался казнить Корнилова. Он говорил об этом много раз, и нет оснований ему не верить. Для него лучшим выходом было бы дождаться смертного приговора, а потом отменить его своей властью. Нетрудно понять, что для Корнилова это было неприемлемо.

Обитатели быховской тюрьмы обсуждали не только отвлеченные темы. Общим молчаливым правилом было не

касаться недавних событий, но вольно или невольно разговоры не раз скатывались к мерам, необходимым для спасения страны. Аладьин предлагал создать политическую партию, которая сделала бы своим знаменем имя генерала Корнилова. Ему легко было говорить об этом, поскольку он в любой день мог покинуть тюрьму и продолжал оставаться под стражей скорее из принципа. Против создания «корниловской партии» категорически выступил Деникин. По его мнению, имя Корнилова должно было объединить самые широкие слои, независимо от их партийной, социальной и профессиональной принадлежности.

В конечном итоге сторонники «партийного» и «надпартийного» подходов объединились в признании необходимости разработать некую программу на будущее. Была создана специальная комиссия, итогом работы которой стали следующие положения: установление в центре и на местах власти, свободной от влияния безответственных организаций; продолжение войны в полном единении с союзниками; создание боеспособной армии и организованного тыла, без вмешательства комитетов и комиссаров; упорядочение транспорта, восстановление заводов и фабрик, организация бесперебойного снабжения населения продовольствием; мораторий на кардинальные изменения в политической, социальной и национальной сферах вплоть до Учредительного собрания{416}. Эти пункты получили неофициальное наименование «программы Корнилова», хотя сам Корнилов к разработке их никакого отношения не имел. Быховская «программа Корнилова» осталась чисто умозрительной конструкцией, в отличие от документа с аналогичным названием, разработанного через несколько месяцев уже на Дону.

Особенно внимательно арестованные читали газеты. Адъютант Корнилова Хаджиев кипами скупал на железнодорожной станции в Могилеве свежую прессу и в тот же день привозил ее в Быхов. Информацию о себе обитатели быховской тюрьмы могли найти буквально в каждом номере всех крупнейших газет. Левая печать уже с конца августа вела шумную кампанию за скорейший суд над «мятежниками». Особенно отличались в этом большевистский «Рабочий путь» и примыкавшая к большевикам «Новая жизнь». Правые газеты до поры молчали. В середине сентября генерал М.В. Алексеев обратился к редактору «Нового времени» Б.А. Суворину с просьбой вмешаться в происходящее. С этой поры «Новое время» регулярно помещало на своих страницах статьи в защиту Корнилова. Подключились к этому и кадетская «Речь» и «Общее дело», издававшееся известным «охотником за провокаторами»

В.Л. Бурцевым.

«Дело Корнилова» раскололо российское общество пополам. Революция давно ушла от всеобщего единодушия мартовских дней, но до августа голоса тех, кого тревожило нарастание анархии, звучали еще очень робко. Споры вокруг судьбы Корнилова легализировали то, о чем дотоле говорилось втихую. Иначе говоря, разгром «мятежа», вопреки желанию Керенского, привел не к консолидации страны, а к дальнейшему углублению политической поляризации. Вполне естественно — чем громче звучали голоса защитников Корнилова, тем более кровожадные призывы раздавались из противоположного лагеря. В социалистической прессе печатались многочисленные резолюции собраний и митингов, требовавшие ужесточить режим содержания узников быховской тюрьмы. Пронесся слух о том, что арестованные будут переведены в городок Чериков в 80 верстах дальше по железной дороге. Одновременно началась подготовка к переброске Текинского полка на границу с Персией.

Несложно было понять, что за этим кроется подготовка расправы над арестованными. Корнилов направил в Ставку письмо, категорически протестуя против этих мер. Новый генерал-квартирмейстер М.К. Дитерихс ответил обещанием, что не допустит ни перевода арестованных из Быхова, ни удаления текинцев. Напомним, что совсем недавно Дитерихс был начальником штаба у Крымова. И он, и генерал Духонин открыто сочувствовали Корнилову. Надо сказать, что Корнилову трудно было привыкнуть к своему новому положению. Его письма, адресованные в Могилев, нередко носили характер прямых распоряжений. Но ни Духонин, ни Дитерихс никогда не позволяли себе обижаться на подобный тон.

При желании быховские узники в любой момент могли покинуть тюрьму. Подобные варианты обсуждались как минимум с середины октября. Через полковника Голицына по тайным каналам из Петрограда были получены необходимые средства. Был разработан и план, предполагавший уход на Дон. Но пока у власти оставался Керенский, бегство было для Корнилова неприемлемым. Он был не настолько наивен, чтобы ждать справедливого суда. Но судебный процесс (особенно, если бы он проходил в гражданском суде) давал возможность открыто сказать правду. Бегство же сыграло бы только на руку Керенскому, поскольку подтвердило бы его обвинения.

Впрочем, все решилось очень быстро. 8 октября генерал С.Л. Марков записал в своем дневнике: «До нас доходят тысячи слухов. Рекомендуют опасаться ближайших 10—12 дней. В какой водоворот еще попадешь?» Об октябрьском перевороте в Быхове

узнали с запозданием всего в несколько часов. 27 октября Марков пишет в дневнике: «К нам постоянно поступают все новые и новые сведения. Ставка потеряла голову. Черемисов ведет крупную игру. Керенский бежал в Псков и оттуда с 3-м конным корпусом повел наступление на Питер. Какая злая ирония, даже корпус тот же. Зимний дворец горит, мне делается омерзительной вся эта выплывшая на поверхность сволочь». Последняя запись в дневнике датирована 9 ноября: «Волнения нарастают. Крыленко объявил себя Верховным главнокомандующим. Все гибнет»{417}. Но это был не конец, а скорее начало, начало новой эпохи в истории России и нового этапа в жизни Корнилова.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ. ДОБРОВОЛЬЧЕСКАЯ АРМИЯ

«АЛЕКСЕЕВСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ»

В то время как левая пресса во всю муссировала «дело Корнилова», само дело, начатое бывшим главковерхом, продолжало жить. Теперь во главе его встал Алексеев. Корнилов и Алексеев не любили друг друга, об этом мы писали и еще будем писать, но в отношении оценки происходившего в стране их взгляды полностью сходились.

После своей вторичной отставки Алексеев уехал в Смоленск, где жила в ту пору его семья. Вернулся в Петроград он только в начале октября, будучи избранным в состав Предпарламента. Именно в это время и родилась «алексеевская организация», позднее ставшая основой Добровольческой армии. Три месяца спустя, отвечая на вопросы членов донского правительства, Алексеев рассказал об этом так: «В октябре месяце в Москве был организован “Союз спасения родины”. Организаторами этого Союза являлись главным образом представители кадетской партии. Этот Союз поручил мне дальнейшую организацию дела спасения Родины всеми мерами и средствами, для каковой цели я и приехал на Дон как единственное безопасное место, куда стали стекаться беженцы, офицеры и юнкера, из которых мною и была организована Добровольческая армия»[{418}].

Ни имен, ни деталей Алексеев тогда не назвал. Это понятно — лишняя информация могла повредить тем, кто находился под властью большевиков. Теперь у нас есть возможность рассказать об этом более подробно. Во-первых, упомянутые организаторы «Союза спасения» — это, несомненно, члены Совета общественных деятелей. После неудачного завершения «корниловской истории» Совет попытался найти нового популярного генерала, вокруг которого могли бы объединиться сторонники твердой власти. Поначалу в качестве такового предполагался Брусилов. С ним уже начаты были конкретные переговоры. Участник этих встреч, московский кадет Н.И. Астров вспоминал: «Генерал в пространных речах развивал план возможных, по его мнению, действий, долженствовавших изменить весь ход революции. Однако план этот казался настолько фантастичным, что никто серьезно к нему не относился»[{419}]. После этого-то и возникло вновь имя Алексеева.

Во-вторых, достаточно точно можно указать и дату создания организации. 12 октября в заседаниях Предпарламента был объявлен четырехдневный перерыв. На это время центр политической жизни переместился из Петрограда в Москву. Здесь прошел десятый по счету съезд кадетской партии и, естественно,

собралось все партийное руководство. Их присутствие позволило провести второе совещание общественных деятелей, на которое был приглашен Алексеев. Именно тогда было решено создать тайный «Союз защиты Родины и свободы»[420].

У любого, кто хотя бы в общих чертах интересовался историей гражданской войны, это название вызывает другие ассоциации. Так называлась тайная организация Савинкова, летом 1918 года сделавшая попытку организовать антибольшевистские восстания в ряде городов центральной России. Это не совпадение, Савинков действовал (во всяком случае, формально) от имени Алексеева и Корнилова. Можно предположить, что упоминание «свободы» в одном контексте с «Родиной» должно было привлечь к работе Союза представителей «революционной демократии». Но для большинства офицеров, которые стали его реальной опорой, «февральские революционеры» были не менее ненавистны, чем большевики. В результате «Союз защиты Родины и свободы» сначала трансформировался в «Союз спасения Родины», а затем в совсем нейтральную «Алексеевскую организацию».

План Алексеева, положенный в основу деятельности Союза, был прост. Он исходил из того, что существующая армия полностью разложилась и в таком виде сохранена быть не может. Вместо нее нужно создавать новую армию с опорой на патриотически-настроенное офицерство. Структурной единицей такого формирования должны были стать звенья, состоящие из 30 пятерок каждое. Предполагалось, что офицеры, входящие в пятерки, привлекут по своему усмотрению 10 надежных солдат, в первую очередь георгиевских кавалеров и добровольцев. Таким образом, в пятерке должно было быть 5 офицеров и 50 солдат. Это составило бы кадр будущей роты, а звено в целом — полка[421]. В плане было расписано все до деталей, вплоть до жалованья добровольцам (рядовому 20 рублей в месяц, фельдфебелю 40). Особо оговаривалось, что в армии должна присутствовать строгая дисциплина и полностью запрещена любая политика.

Может показаться, что сама идея эта была не нова. Попыткой вычленить в армии здоровые силы было уже создание ударных батальонов. В октябре 1917 года очень схожий проект выдвигал военный министр А.И. Верховский. Но в плане Алексеева было одно существенное отличие. Он предполагал создавать новую армию не внутри старой, а вовне ее. Таким образом, дело с самого начала выходило на конспиративный уровень, приобретало характер нелегальной, а значит антиправительственной затеи.

Новая армия в первую очередь должна была стать инструментом внутренней политики. Цели ее определялись так: «При неизбежном новом выступлении большевиков, когда Временное правительство, безусловно, окажется неспособным его подавить, выступить силами организации, добиться успеха и предъявить Временному правительству категорические требования к изменению своей политики»{422}. По сути, это было то же самое, что в августе хотел сделать Корнилов.

От московских деятелей Алексеев получил обещание всяческой поддержки, но ни копейки денег, ни одного человека в помощь. Все, что им было сделано, стало результатом его собственных усилий. Сделано же было немало, особенно учитывая отпущенное на это время. В Петроград Алексеев возвратился 16 октября (по дороге он заезжал к семье в Смоленск) и сразу же приступил к работе.

Прежде всего был установлен контакт с «Обществом русской государственной карты», возглавляемым бывшим думским депутатом В.М. Пуришкевичем. У Пуришкевича была репутация крайнего монархиста, человека скандального и склонного к эпатажным выходкам, но имя его было известно всей стране. К тому же в ситуации, когда все другие ограничивались только разговорами, Пуришкевич пытался что-то делать.

В Петрограде к этому времени скопилось немало оставшихся не у дел офицеров. Большей части из них негде и не на что было жить. По рекомендации Алексеева один из членов организации — полковник П.А. Веденяпин вошел в состав общества борьбы с туберкулезом «Капля молока». Завербованные офицеры под видом туберкулезных больных были прикреплены к бесплатному питательному пункту. Одновременно были начаты переговоры об их размещении в качестве рабочих на нескольких заводах города.

В своей квартире на Галерной улице (специально снятой для него Советом общественных деятелей) Алексеев встречался в эти дни с министрами, иностранными дипломатами, корреспондентами столичных газет. Приходилось спешить, так как обстановка в Петрограде обострялась с каждым днем. 22 октября генерал писал жене: «Никогда еще не охватывала мою душу такая давящая тоска, как в эти дни, дни какого-то бессилия, продажности, предательства. Все это особенно чувствуется здесь, в Петрограде, ставшем осиным гнездом, источником нравственного, духовного разложения государства. Как будто по чьему-то приказу исполняется чей-то предательский план, власть в полном значении слова бездействует и ничего не хочет “делать”, зато говоренья бесконечно много… Предательство явное, предательство прикрытое господствует на всем»{423}.

В день большевистского восстания Алексеев, еще не зная о происходящем в городе, пошел на заседание Предпарламента, но не был пропущен в Мариинский дворец часовым. В штабе Петроградского округа, куда он обратился за помощью, ему посоветовали скрыться из города. К вечеру он вернулся к себе на Галерную. Но близкие знакомые генерала — супруги Щетинины, полковник Веденяпин и ротмистр А.Г. Шапрон в тот же вечер увезли его оттуда. Алексеев временно поселился в квартире Щетининых на Манежной. Здесь он поздним вечером встретился с Савинковым. Тот убеждал Алексеева обратиться к офицерам и юнкерам с призывом выступить в поддержку Временного правительства, но генерал ответил, что он детей на верную смерть не пошлет.

Тем не менее «Алексеевская организация» все же успела получить боевое крещение в борьбе с большевиками. На второй день после переворота члены организации по цепочке получили предписание собраться в здании Павловского женского института. Таковых оказалось около 150 человек, преимущественно это были юнкера, причем лишь половина из них имела оружие. Командование сводной ротой принял на себя штабс-капитан В.Д. Парфенов.

Утром 28 ноября рота направилась к казармам 14-го Донского казачьего полка, который, по слухам, выразил намерение присоединиться к выступлению. Однако оказалось, что полковое собрание постановило «держать нейтралитет». День и следующую ночь рота провела в казармах донцов, а на следующее утро Парфенов увел своих добровольцев на помощь поднявшемуся против большевиков Николаевскому инженерному училищу. До наступления темноты в окрестностях Михайловского замка происходили короткие стычки юнкеров с красногвардейцами и матросами, а ближе к ночи был получен приказ расходиться по одиночке.

Вся эта затея выглядит плохо организованной и бессмысленной. Сомнительно, что в ее подготовке участвовал Алексеев, тем более что это не согласуется с его нежеланием рисковать жизнями офицеров и юнкеров. Сами они с трудом представляли, кто отдавал им приказы{424}. Можно предположить, что инициатором выступления в данном случае был сам штабс-капитан Парфенов. В «Обществе русской государственной карты» он занимал пост начальника военного отдела, а значит, был в курсе списочного состава членов организации. Парфенов был бескомпромиссным монархистом и в 1918 году даже покинул на время ряды Добровольческой армии ввиду несогласия с замалчиванием ее командованием лозунга

восстановления трона. Он вполне мог решиться на непродуманное выступление, исключительно под влиянием ненависти к большевикам.

Алексеев же в эти дни был практически изолирован от происходящего. Два дня он безвыходно пребывал на квартире Щетининых. Вечером 29 ноября он все-таки решился выйти на улицу в сопровождении ротмистра Шапрона. Когда они возвращались обратно, генерала узнал кто-то из соседей. После этого Алексеева из соображений безопасности перевезли на Спасскую улицу, где находилась квартира графини Сивере (двоюродной сестры Шапрона).

Оставаться в Петрограде становилось делом слишком рискованным. Один из знакомых Щетининых сумел достать железнодорожные билеты до Ростова. Алексеев очень беспокоился за семью, оставшуюся в Смоленске, поэтому его пришлось ввести в заблуждение. Ему было сказано, что билеты взяты только до Москвы, поскольку оттуда проще и безопаснее будет добраться до Смоленска. Сопровождать Алексеева в поездке должны были ротмистр Шапрон, Н.П. Щетинина и полковник Веденяпин, ехавший по документам ее мужа. Сам генерал получил паспорт отца Щетининой, тайного советника в отставке.

Поезд отходил в 11 часов вечера 30 ноября 1917 года. Веденяпин и Щетинина отправились на вокзал заранее, Алексеев же и Шапрон должны были прибыть за пятнадцать минут до отхода состава. Шапрон вспоминал: «Тяжело и странно было смотреть на генерала Алексеева в столь несвойственной ему штатской одежде, особенно той, которой ему пришлось пользоваться за неимением времени достать что-либо более подходящее. Генерал был одет в очень потертое осеннее пальто темно-шоколадного цвета с небольшими темными крапинами. Оно крайне неуклюже сидело на нем. Из-под не по росту длинного пальто виднелись черные брюки, бахрома оконечностей которых ярко очерчивала военные сапоги. Голову его покрывала синяя фетровая шляпа, опоясанная черною лентою, которую генерал как-то особенно глубоко напяливал на голову с наклоном на правый бок. Передняя часть шляпы доходила до бровей, отчего неестественно поднималась задняя ее часть, придавая столь непривычный и резко бросающийся в глаза вид»{425}.

Когда приехали на вокзал, выяснилось, что поезд задерживается. Больше часа Шапрон с Алексеевым были вынуждены гулять по улицам под не прекращавшимся холодным дождем. Посадка в вагон прошла без особых проблем. В одном из двух смежных купе расположились Е.П. Щетинина и полковник Веденяпин, в другом — генерал Алексеев и ротмистр Шапрон.

Купе были соединены общей уборной, и поэтому пассажиры могли в течение всей поездки не выходить в коридор.

Тем не менее тревожных минут за время пути было немало. Дважды генерала узнавали: сначала проводник, потом случайный пассажир из того же вагона. В Москве Алексеева пришлось убеждать продолжить путь дальше до Ростова. Он согласился при условии, что пробудет на Дону всего несколько дней и при первой же возможности выедет в Смоленск. Где-то, то ли в Орле, то ли в Курске, во время стоянки спутники внезапно потеряли Алексеева. Оказалось, что генерал ходил на вокзал отправлять жене телеграмму о том, что он выехал на юг. Вся конспирация, естественно, после этого становилась весьма сомнительной. Но все обошлось, и рано утром 2 ноября путешественники прибыли в Ростов. Позавтракав на вокзале, они пересели на пригородный поезд и около 9 утра были в Новочеркасске.

Немедленно по прибытии Алексеев направился к генералу А.М. Каледину. Донской атаман встретил Алексеева приветливо, но без особого радушия. Он предупредил о том, что пребывание Алексеева на Дону может быть использовано врагами войскового правительства для агитации в пользу большевиков, и потому попросил его при первой возможности покинуть пределы области, а до той поры не афишировать свое присутствие. В течение всего времени пребывания в Новочеркасске Алексеев был вынужден носить гражданскую одежду, в газетах же он фигурировал под прозрачным псевдонимом «генерал Алексин». Впервые фамилия Алексеева была прямо названа в публикации «Вольного Дона» от 12 декабря 1917 года в заметке о создании общества «Белый крест» для помощи детям офицеров, в числе учредителей которого был назван и он.

На следующий день в Атаманском дворце состоялось совещание, на котором, помимо Алексеева и Каледина, присутствовали председатель областного правительства М.П. Богаевский, некоторые члены правительства и представители кубанского войска. Большинство участников встречи сошлись во мнении, что казачество своими силами не способно свергнуть большевистский режим. Единственное, что можно сделать сейчас, — это не допустить распространения большевизма на Дону и Кубани. Фактически донские власти отказали Алексееву в прямой поддержке, но согласились до поры до времени закрыть глаза на его деятельность.

Для проживания Алексееву был предоставлен пассажирский вагон, стоявший на запасных путях близ вокзала. Это было не слишком удобно (однажды ночью вагон едва не прицепили к какому-то поезду), тем более что примерно через две недели к

генералу из Смоленска приехала семья. Снять квартиру в городе оказалось очень сложно, так как никто не хотел пускать к себе «чужих». Наконец, какой-то купец-старообрядец согласился сдать бывшему Верховному главнокомандующему пустующее помещение своей конторы. Маленькая прихожая была превращена в канцелярию, — здесь стоял письменный стол и стулья для посетителей. Узкая комната в одно окно стала спальней Алексеева, радом в такой же комнате поместились его адъютант ротмистр А.Г. Шапрон дю Ларре и врач С.М. Крупин. За этими комнатами находилось бывшее складское помещение, переоборудованное в гостиную. Здесь же за ширмой спали дочери Алексеева. Днем в квартире постоянно толпились люди. Это неудивительно, поскольку именно здесь и рождалась новая, антибольшевистская, армия.

ДОБРОВОЛЬЦЫ

Еще при формировании «Алексеевской организации» ее участникам было предписано в случае непредвиденных обстоятельств самостоятельно пробираться на Дон. Кое-кто приехал в Новочеркасск в одном поезде с Алексеевым (конечно, не зная этого) или даже раньше его. 3 ноября 1917 года, на второй день пребывания Алексеева в донской столице, с ним встречался думский депутат, известный журналист и публицист В.В. Шульгин. Позднее он вспоминал: «Генерал Алексеев жил в вагоне-салоне. В его кабинете стоял письменный стол. Он принял меня очень любезно. Мы были знакомы с ним еще по Киеву. У него было нечто двойное в лице. С одной стороны, это было лицо фельдфебеля, простонародное. С другой стороны, его очки и выражение лица выдавали профессора, каковым он и был. В качестве такового голосом скрипучим, но уверенным он прочел мне лекцию:

— Каждая армия, какова она бы ни была, должна иметь базу. Без базы армия существовать не может. Я избрал базу здесь на Дону, в Новочеркасске. И здесь болото, но другой базы нет».

Продолжение «лекции» прозвучало еще более пессимистично:

«— Кроме базы, армия должна иметь личный персональный состав. В данную минуту этот персональный состав состоит из 28 человек»{426}.

В день прибытия в Новочеркасск Алексеев отправил в Петроград условную телеграмму, которая должна была стать сигналом для ожидавших в столице членов «Алексеевской организации». Но еще до получения ее на Дон выехала группа в составе 45 человек во главе со штабс-капитаном В.Д. Парфеновым. До места назначения они добрались к вечеру 3 ноября. Это был уже достаточно большой контингент, и потому пришлось думать о том, где его размещать. К счастью, удалось договориться с Союзом земств и городов о предоставлении в распоряжение формирующейся армии помещения лазарета № 2 по Барочной улице, 39.

В последующем приток добровольцев продолжался. 4 ноября прибыло сразу 142 человека, через десять дней еще 297, а еще через неделю — 211{427}. Это только крупные партии, а так не проходило и дня, чтобы общежитие на Барочной не пополнялось новыми обитателями. Офицеры, юнкера и совсем еще юные кадеты пробирались на Дон по одиночке и группами. 8 ноября Алексеев направил письмо генерал-квартирмейстеру Ставки М.К. Дитерихсу. В нем излагался план создания подпольных центров в

Петрограде, Москве, Киеве, Харькове и других городах, которые занялись бы вербовкой офицеров с последующей переправкой их на Дон. Алексеев просил при первой же возможности направить в Ростов или Новочеркасск под предлогом пополнения тыловых гарнизонов надежный полк: «Узаконьте формирование такого, якобы запасного полка, и формирование крупной части обеспечено».

Однако реально пробраться на Дон сумел только кадр Георгиевского полка — около трех десятков офицеров под началом полковника И.К. Кириенко, да и то они предприняли этот шаг не по приказу вышестоящего начальства, а по собственной инициативе.

К концу ноября количество добровольцев превысило уже 600 человек. Ввиду нехватки места кадеты и часть юнкеров были переведены на Грушевскую улицу в помещение 23-го лазарета, а юнкера-артиллеристы размещены в пустующей Платовской гимназии на Ермаковском проспекте.

Но даже это было ничтожной каплей по сравнению с той частью офицерства, которая сознательно предпочитала оставаться в стороне от начинающейся борьбы. Первоначально Алексеев рассчитывал собрать под свои знамена не менее 30 тысяч человек{428}. При обозначившихся темпах на это понадобилось бы не менее трех лет. Несомненно, что в какой-то мере это объяснялось трудностями, которые подстерегали добровольцев по пути на Дон. Но преувеличивать их тоже нельзя. Еще очень долго, как минимум до середины декабря 1917 года, продолжала действовать инерция мирной жизни и из «красной» Москвы в «белый» Ростов по-прежнему ходили поезда. В том же Ростове к этому времени скопилось до 16 тысяч офицеров, которым вообще никуда не надо было ехать, но из этого числа на призыв Алексеева откликнулось только 300 человек{429}.

Многие мемуаристы, пытавшиеся объяснить пассивность офицерства в эти первые месяцы гражданской войны, ссылались на особенности профессиональной психологии. По их мнению, причиной этого стало отсутствие официального приказа. Однако у современников была и иная точка зрения на этот счет. «Все были убеждены, — отмечается в сборнике воспоминаний офицеров-марковцев, — что таковой приказ, будь он отдан генералом Алексеевым или генералом Корниловым, исполнен бы не был»{430}. Надо иметь в виду и то, что уклонение от участия в гражданской войне для многих было вполне сознательной позицией. В начале февраля 1918 года в Ростове была предпринята попытка организовать собрание офицеров для записи в антибольшевистскую армию. Когда пришедшие на эту

встречу узнали о целях мероприятия, возник стихийный митинг, принявший резолюцию: «Русский офицер призван защищать границы своего государства, а не честь отдельных генералов»{431}.

Конечно, это принципиальное на первый взгляд поведение попросту прикрывало нежелание связываться с непредсказуемой по последствиям затеей. Но этот случай показывает, что авторитет приказа отнюдь не был непререкаемым для большей части офицерства. По мере падения престижа власти и крушения государственности, офицерский корпус все более утрачивал корпоративные черты, распадаясь на отдельные группы, мотивы поступков которых зачастую были очень несхожи.

Общее разложение и деморализация не обошли стороной и офицерство. Уже начальный период истории белого движения, позднее обретший черты героической легенды, был омрачен черными страницами. Бессудные расправы над заподозренными в большевизме можно, по крайней мере, объяснить озлобленностью и чувством мести. Но подчас имели место и проявления прямого бандитизма. В Ростове в предновогоднюю ночь некий поручик Михайлов, незадолго перед этим записавшийся в Добровольческую армию, вместе с двумя юнкерами совершил налет на кафе Филиппова{432}. По-видимому, случаи такого рода были не редкостью, так как через несколько дней в газетах появилось официальное сообщение, предостерегавшее от самочинных обысков именем Добровольческой армии{433}.

Вполне возможно, что такие обыски были делом рук уголовников, а то и провокаторов. Но все же и добровольцы отнюдь не были ангелами. Поначалу отсутствие определенного дела привело к тому, что на Барочной начались попойки и пьяные скандалы. Отселение юнкеров и кадет в лазарет на Грушевской в какой-то мере было продиктовано стремлением оградить их от этого влияния. Многие из первых добровольцев признавали, что «дикие попойки в различных вертепах не могли способствовать усилению симпатий к нам»{434}. Разумеется, на этом основании нельзя строить обвинение в отношении всех, но не упоминать об этом — значит не понять истоки тех явлений, которые через три года приведут Белое движение к гибели.

Если же вернуться к причинам, обусловившим пассивность офицерства в начале гражданской войны, то понять их будет проще, поставив вопрос по-другому. Кто же все-таки откликнулся на призыв генерала Алексеева и каковы были побудительные мотивы этого? Когда в начале февраля 1918 года добровольцы оставляли Ростов, в составе армии насчитывалось немногим более трех тысяч человек. Из этого числа лишь пятая часть приходилась на долю тех, чей возраст превышал 40 лет.

Примерно такое же количество едва достигло совершеннолетия, это были кадеты, гимназисты, учащиеся других средних школ. Целые подразделения состояли из молодежи, здесь можно вспомнить Студенческий батальон, Михайловско-Константиновскую батарею, роту Павловского военного училища{435}. Такой возрастной расклад вполне объясним. В обстановке развала страны, когда, казалось, все было кончено, предприятие Алексеева представлялось заранее обреченным делом. Поддержать его значило перечеркнуть все прожитое, и сделать это было легче тем, у кого груз прошлого за плечами был не столь уж велик.

Революция, которую ждали и поначалу искренне приветствовали многие из будущих добровольцев, быстро показала свои темные стороны. Чувство отчаяния и унижения порождали ненависть к тем силам, которые были ответственны за это. «Сидишь как пень и думаешь, — читаем в дневнике поручика А.И. Лютера, — думаешь о грубости и варварстве. Не будь его, ей-богу, я был бы большевиком. Только поменьше социализма… Будь все сделано по-людски, я бы отдал им и землю, и дворянство, и образование, и чины, и ордена… Так нет же: “Бей его, мерзавца, бей офицера (сидевшего в окопах), бей его, помещика, дворянина, бей интеллигента, буржуя, соси его последние соки” — и, конечно, я оскорблен, унижен, истерзан, измучен»{436}.

Поведение юнкеров и гимназистов, столь же юных прапорщиков и подпоручиков диктовалось не столько неприятием политической доктрины новой власти («ей-богу, я был бы большевиком»), сколько эмоциональным началом. Сначала ненависть, а потом мечты о возрождении великой России — это соотношение приоритетов было слишком схоже с большевистской формулой, призывавшей до основания разрушить весь мир насилья и лишь затем начать строительство царства справедливости. При таком настрое умов междоусобная бойня становилась неизбежной.

Молодость первых добровольцев объясняет и тот налет театральности, который явственно окрашивал их поведение. Каждое появление добровольческих отрядов на улицах Новочеркасска было своего рода демонстрацией. «Тут уж наша “кадетня”, — вспоминал участник этих событий, — старалась превзойти саму себя: маршировали, как прусские гренадеры Фридриха Великого, бросая открытый вызов революционной анархии, дезертирам и самой распущенной толпе на заплеванных лузгой тротуарах. Выровненные штуки блестят на солнце, винтовки подняты высоко “по-гвардейски”, шпоры трехсот

человек мерно лязгают в такт шагу. “Смирно! Равнение направо, господа офицеры!” Честь генералу… Донской генерал, очевидно в отставке, уже старичок, испуганный революцией, робко идет по тротуару, боится, как бы его не тронули, не обругали новые господа улицы. Старичок никак не думает, что это командуют ему, роняет палку, растерянно машет рукой…»[437].

В сознании многих этих юношей Гражданская война превращалась в романтический крестовый поход за спасение Родины. Не случайно одно время вынашивался план создания в составе армии особых «крестовых» рот, носивших бы на погонах и одежде изображение Креста Господня, как некогда его носили воины, штурмовавшие Иерусалим. Это была своеобразная игра в благородных рыцарей и прекрасных дам, но кровь в этой игре грозила пролиться вполне реальная.

Но зато можно сказать определенно — тем, кто преследовал меркантильные интересы, карьерные или денежные, в обреченной армии места не было. Вначале жалованье добровольцам вообще не предусматривалось. Лишь с декабря 1917 года было установлено денежное содержание — 100 рублей в месяц офицерам и 30 рублей рядовым. В январе офицерский оклад был повышен до 150, а в феврале до 270 рублей[438]. Это были очень небольшие суммы. Сто рублей просили на рынке за пару сапог, полушубок тянул на все пятьсот.

Необходимость добывать деньги на содержание армии была для Алексеева предметом ежедневной головной боли. Из Петрограда в Новочеркасск он привез с собой 10 тысяч рублей. Частично эта сумма принадлежала ему самому, частично была занята у знакомых. На эти деньги будущая армия и существовала в течение первых дней. Алексеев очень надеялся на московских промышленников и банкиров, обещавших ему в свое время поддержку. Но на просьбы посланцев Алексеева те откликались очень неохотно. Всего из Москвы было получено 360 тысяч рублей, что, в общем-то, было каплей в море.

Некоторые из добровольцев, вставших под знамя Алексеева, в прежней мирной жизни были вполне состоятельными людьми. Воспользовавшись этим, они подписали долговые обязательства, которые и были учтены в ростовском отделении Русско-Азиатского банка. Это дало дополнительно 350 тысяч[439]. С руководством банка была достигнута неофициальная договоренность о том, что долг взыскиваться не будет, а полученные деньги являются безвозмездным пожертвованием в пользу армии. Забегая вперед, скажем, что год спустя банк потребовал возвращения полученной суммы вместе с причитающимися процентами. Деникин, вставший к тому

времени во главе армии, наложил на донесение об этом резолюцию: «Я глубоко возмущен наглостью поганых буржуев Русско-Азиатского банка, забывших все»{440}. Странный в устах Деникина «комиссарский» лексикон свидетельствует о тех непростых отношениях, которые сложились у добровольческого командования с «новыми Миниными».

Лишь после того как большевистская угроза Дону стала вполне реальной, местные предпринимательские круги стали охотнее жертвовать в пользу армии. По договоренности с донским правительством в декабре 1917 года в Ростове и Новочеркасске была проведена подписка, средства от которой предполагалось поровну распределить на нужды донских и добровольческих частей. В Ростове подписка собрала 6,5 миллиона, в Новочеркасске — 2 миллиона. Однако от этой суммы добровольческий штаб получил менее 2 миллионов, и то в самый последний момент. Алексеев не отказывался ни от каких, даже самых незначительных сумм. На Новый год Дамское благотворительное общество устроило в Ростове елку с беспроигрышной лотереей. Собранная таким путем сумма в размере 28 тысяч 414 рублей 35 копеек была передана в распоряжение раненых добровольцев. После этого Алексеев не поленился отправить устроительницам вечера благодарственное письмо с подробным разъяснением того, куда пойдут пожертвованные ими деньги{441}.

Поначалу Алексеев строил серьезные расчеты на финансовую помощь со стороны военных и дипломатических миссий союзных с Россией держав. Но для союзников самым важным было, чтобы русская армия продолжала воевать, а уж кто будет находиться у власти — большевики или их противники, воспринималось как дело десятое. Не желая преждевременно идти на конфликт с большевиками, английские и французские дипломаты всячески уклонялись от контактов с эмиссарами Алексеева. Лишь в начале 1918 года от французского представительства в Киеве в три приема было получено 305 тысяч рублей{442}.

В декабре донское правительство приняло решение изъять 25 процентов казенных сборов, собранных на территории области. Половина от этой суммы, примерно 12 миллионов рублей, поступила в распоряжение формирующейся армии. Это был не слишком законный, но зато самый стабильный источник поступления средств. В начале января 1918 года было принято решение использовать эвакуированные ранее в Ростов мощности экспедиции заготовления государственных бумаг. Здесь предполагалось начать выпуск 10-рублевых купюр, но ко времени захвата города красными организовать эту операцию в широких

масштабах так и не удалось.

Нехватка денег была лишь частью тех проблем, с которыми пришлось столкнуться Алексееву. Нарождавшаяся армия не имела ни стрелкового оружия, ни артиллерии. На 600 человек насчитывалось всего 100 винтовок, пулеметов вообще не было{443}. На войсковых складах винтовок и пулеметов было в достатке, но донские власти, боявшиеся озлобить фронтовиков, отказывались выдавать это имущество добровольцам. Оружие пришлось добывать в буквальном смысле у врагов. В предместье Хотунок на северо-западной окраине Новочеркасска были расквартированы 272-й и 373-й запасные полки. Осенью 1917 года они находились в крайней стадии разложения и представляли собой серьезную опасность для войскового правительства. Алексеев предложил использовать силы добровольцев для разоружения запасных. Казаки в таком деле были бы слишком ненадежны, и атаман Каледин дал свое согласие на предложение Алексеева. Все было осуществлено в ночь на 22 ноября, причем без единого выстрела. Захваченное при этом оружие перешло в распоряжение добровольцев.

Подобным же образом был решен и вопрос с артиллерией. В Ставропольскую губернию, по соседству с рубежами Дона, в это время прибыла с Кавказского фронта 39-я пехотная дивизия. Как и большинство фронтовых соединений, она находилась в крайней стадии разложения. Добровольческому командованию стало известно о том, что в селе Лежанка, в нескольких верстах от границы Донской области, расположилась артиллерийская батарея. Было решено организовать налет на Лежанку и захватить пушки.

На это дело были отправлены 25 офицеров и юнкеров под началом морского офицера лейтенанта Е.Н. Герасимова. До Лежанки отряд добирался не без проблем. В хуторе Веселом юнкерам пришлось разгонять толпу местных жителей, почему-то решивших, что в отряде скрываются Керенский и великая княжна Татьяна Николаевна. Зато в Лежанке все обошлось без крови. Ночью юнкера разоружили караул красных и, пользуясь темнотой, вывезли две пушки и четыре зарядных ящика{444}. Еще одну пушку позаимствовали в Донском запасном артдивизионе. Взяли ее на похороны умершего от ран юнкера и «позабыли» вернуть. Четыре орудия с запасом снарядов попросту купили за 5 тысяч рублей у вернувшихся с фронта казаков-артиллеристов{445}. Постепенно армия обустраивались, но все равно каждый день грозил принести с собой новые проблемы и неожиданности.

ПЕРВАЯ КРОВЬ

Выбор Алексеевым Новочеркасска как места формирования армии был не случаен. В письме генералу М.К. Дитерихсу от 8 ноября 1917 года Алексеев писал: «Моя мысль, развитая и дополненная некоторыми прибывшими из центра деятелями, такая: юго-восточный угол России — район относительного спокойствия и сравнительного государственного порядка и устойчивости; здесь нет анархии, даже ярко выраженной классовой борьбы, кроме, в известной мере, угольного и рудного участков. Здесь естественные большие богатства, необходимые всей России, на Кубани и Тереке хороший урожай… Как от масляной капли (отсюда) начнет распространяться пятно желаемого содержания и ценности…»{446} Другими словами, план Алексеева состоял в том, чтобы, не дожидаясь падения большевиков, начать строительство «второй России», своего рода острова стабильности, опираясь на который потом можно было бы приступить с освобождению Петрограда и Москвы.

Однако казаки, особенно те, кто недавно вернулся с фронта, были заражены анархическими настроениями не меньше, чем остальное население России. Генерал А.П. Богаевский, в будущем донской атаман, писал об этом так: «Разбрелись казаки по своим станицам, и каждый эгоистически думал, что страшная красная опасность где-то далеко в стороне и его не коснется. Отравленные пропагандой на фронте, строевые казаки спокойно ждали Советской власти, искренно или нет считая, что это и есть настоящая народная власть, которая им, простым людям, ничего дурного не сделает. А что она уничтожит прежнее начальство — атамана, генералов, офицеров да кстати и помещиков, так черт с ними! Довольно побарствовали!»{447}

К тому же в состав Донской области входили территории, где казачество составляло меньшинство. Это был многолюдный промышленный и торговый Ростов, портовый Таганрог и район угольных шахт на границе с Екатеринославской губернией. Здесь наиболее активную часть населения составляли рабочие, а настроение их было вполне большевистское. Существенно влияли на общий процесс разложения и солдаты запасных частей, расквартированных в пределах области.

2 ноября 1917 года донской атаман генерал А.М. Каледин подписал приказ за № 3288, в котором говорилось: «Ввиду развивающегося большевистского движения и пропаганду, Ростовское на Дону градоначальство, округа Черкасский, Ростовский и Таганрогский с городами Новочеркасском,

Таганрогом и Азовом объявляются состоящими на военном положении»{448}. Еще раньше распоряжением Каледина было введено военное положение на территории Донецкого угольного района. Осознание бессилия заставляло донские власти хвататься за любую надежду.

В сентябре 1917 года на совещании в Екатеринодаре представители Дона, Кубани и Терека выдвинули идею создания союза «с целью сохранения здоровых частей государства от развала, образования сильной национальной власти в России, содействия борьбе с врагом и анархией». Месяц спустя, 16 октября, во Владикавказе в атаманском дворце собрались делегаты от казачьих войск юга, горцев Северного Кавказа и калмыков Астраханской губернии. Делегаты единогласно постановили организовать союз, который получил официальное наименование «Юго-Восточный союз казачьих войск, горцев Кавказа и вольных народов степей».

На заседании 21 октября был подписан Союзный договор. В качестве целей вновь образуемого объединения в нем называлось создание твердой и авторитетной государственной власти; содействие центральному правительству в борьбе с внешним врагом и в заключении мира; гарантию самостоятельности и независимости членов Союза в отношении их внутренней жизни; содействие членам Союза в подготовке и реорганизации внутренней жизни их как штатов будущей Российской Федерации.

Еще в ходе заседаний конференции во Владикавказ поступили телеграммы от Азербайджанского национального комитета, а также Уральского и Оренбургского казачьих войск о желании присоединиться к Союзу. Делегаты решили «предоставить право Азербайджану и казачьим войскам Уральскому и Оренбургскому вступить членами в Союз по письменному о том заявлению их органов власти». 31 октября представители Уральского войска подписали Союзный договор.

Столицей Юго-Восточного союза стал Екатеринодар. Здесь должно было располагаться союзное правительство, главой которого был избран донской политический деятель, в прошлом думский депутат и комиссар Временного правительства в Закавказье В.А. Харламов. В состав правительства вошли представители всех объединившихся в союз территорий.

У любого трезвомыслящего наблюдателя затея с Юго-Восточным союзом могла вызвать только скепсис. Уж слишком разнородным были его составляющие, да и к тому же пространственно расположены далеко друг от друга. Если представить себе карту Союза, то она выглядела бы не

монолитом, а причудливым кружевом. Единственно, что отражало это начинание, так это растущие сепаратистские настроения казачества. Тем более удивительно, что Алексеев отнесся к созданию Союза вполне серьезно. Он дважды приезжал в Екатеринодар и после переговоров был назначен главой союзных вооруженных сил{449}. По воспоминаниям кубанского атамана А.И. Филимонова, Алексеев «не только не предостерегал нас от увлечения идеей сепаратизма, но как будто бы огорчался недостаточной интенсивностью его проявления»{450}. Видимо, сепаратистские настроения казачества рассматривались вождями нарождавшегося Белого движения как источник иммунитета против большевизма. Конфликт между белыми генералами и казачьими «самостийниками» был еще впереди.

Из второй поездки в Екатеринодар Алексеев возвращался через Ростов. В город он и сопровождавший его ротмистр Шапрон прибыли ранним утром и около полудня благополучно выехали в Новочеркасск. В этот же день, буквально часом позже, в Ростове вспыхнуло большевистское восстание. Казачьи полки, стоявшие в Новочеркасске, отказались выступить на его подавление. Атману Каледину пришлось вновь обратиться за помощью к Алексееву.

Днем 26 ноября под Ростов были направлены донские части, согласившиеся выполнить приказ атамана. Таковых набралось немного: пластунский батальон неполного состава и сотня юнкеров Донского училища. С ними отправилась Георгиевская рота, сформированная из добровольцев. В ночь на 27-е на помощь им выехал отряд полковника И.К. Хованского в составе Офицерской роты и Юнкерского батальона. В отряде было четыре пулемета и броневик{451}.

В пять часов утра отряд Хованского высадился из вагонов в полутора верстах от станции Нахичевань. Пользуясь темнотой, добровольцы выбили со станции немногочисленные караулы красных. На рассвете отряд Хованского начал наступление вдоль железной дороги в направлении рабочего предместья Ростова — Темерника. В центре наступала Офицерская рота, на правом фланге казаки, на левом — Юнкерский батальон.

Добровольцы отбросили красных к окраине Ростова, но на правом флаге наступление захлебнулось. В распоряжении Хованского не оставалось резервов, и он приказал Офицерской роте и юнкерам отступать назад. Бой длился до темноты, отряд Хованского потерял убитыми и ранеными примерно четверть своего состава{452}. Ночью добровольцы отошли на станцию Кизетеринка. Здесь выяснилось, что людей после боя нечем накормить. Добровольцы хотя бы имели с собой усиленный дневной паек, у казаков же не было и этого. В Новочеркасск был

оправлен специальный нарочный, но и он не добился у интендантов ничего. Лишь с помощью местных дам-благотворительниц удалось собрать хлеб, чай и сахар и на другой день подвезти все это на позиции{453}.

Очевидец этих событий бывший член Государственной думы Н.Н. Львов вспоминал: «Я помню завывание вьюги ночью на станции Кизетеринке. Штаб стоял в дощатых станционных постройках. Тусклый свет фонарей в полном мраке. На запасных путях теплушки; туда переносили раненых и клали их в солому на холоде… Ночью копали мерзлую землю… Полушубки, чулки, валенки носили людям в окопы. В ноябрьскую стужу они пошли кто в чем был»{454}. Утром 28 ноября на станцию прибыла из Новочеркасска сводная Михайловско-Константиновская артиллерийская рота с сотней казаков и донским артиллерийским взводом. Помощь могла появиться и раньше, но машинисты отказались вести паровоз, и замену им пришлось искать среди юнкеров.

У юнкеров-артиллеристов возникла идея соорудить бронепоезд. Железнодорожные платформы спешно укрепили шпалами, установили пулеметы, и первый бронепоезд Добровольческой армии был готов. За этот день особых изменений «ростовский фронт» не претерпел. Во второй половине дня красные попытались атаковать, но были отбиты. На следующий день противник вновь предпринял атаку, на этот раз поддержанный огнем с яхты «Колхида», стоявшей в фарватере Дона. Но у добровольцев к этому времени было уже два орудия, плюс пулеметы «бронепоезда». Красных удалось отбросить, несмотря на большие потери. На этот день потери добровольцев убитыми и ранеными составили уже 72 человека. Интересный факт с точки зрения характеристики состава первых добровольцев: из 51 человека, доставленных в областную больницу и лазарет Общества донских врачей, 48 составляли юнкера и кадеты{455}.

30 ноября в Кизетеринку прибыл атаман Каледин, взявший на себя руководство операцией. Решающее наступление было намечено на следующий день. Здесь надо сказать, что и у красных дела обстояли не слишком хорошо. Стоявшие в Ростове четыре запасных полка объявили нейтралитет. Реально силы красных немногим превышали тысячу человек, хотя и в этом случае на их стороне был численный перевес.

Утром 1 декабря добровольцы пошли в атаку. Противник ожесточенно оборонялся, но неожиданно в тылу красных раздались орудийные залпы. Поначалу никто не понял, откуда взялась эта неожиданная помощь. Позднее оказалось, что это

подошел из Таганрога отряд генерала Назарова.

В его распоряжении было всего полторы сотни добровольцев — офицеров и гимназистов, но главное — два полевых орудия. Силы невелики, но сработал эффект внезапности. Красные, атакуемые с двух сторон, бросили позиции и бежали. Окончательно Ростов был занят 2 декабря. В этот день главную улицу города — Садовую заполнила чисто одетая публика. Автомобиль атамана встречали цветами, невесть откуда взявшимися в декабрьский мороз. В этот же день в Новочеркасске хоронили убитых добровольцев. Посреди огромного войскового собора стояли девять простых гробов. Прощаясь с убитыми, Алексеев сказал: «Я бы поставил им памятник — разоренное орлиное гнездо, а в нем убитые птенцы — и на нем написал: “Орлята умерли, защищая родное гнездо, а где же были орлы?”»{456}. К сожалению, вопрос этот пришлось не раз задавать и позже.

БЫХОВСКИЙ ИСХОД

Октябрьский переворот и приход к власти большевиков привел к тому, что юридический статус быховских узников оказался вконец запутанным. Они обвинялись в мятеже против правительства, которое само к этому времени прекратило существование. Казалось бы, теперь не оставалось никаких формальных препятствий, мешавших бегству. Тем не менее еще больше месяца Корнилов не предпринимал никаких активных шагов, направленных на то, чтобы покинуть Быхов.

Это объяснялось многими причинами. Первые дни и даже недели все были убеждены, что большевики долго не продержатся. Раз так, то не имело смысла торопить события. Еще более серьезной причиной было опасение того, что известия о бегстве Корнилова могут привести к падению фронта. Деникин писал: «Падение фронта! Этот фатум тяготел над волей и мыслью всех военачальников с самого начала революции. Он давал оправдание слабым и связывал руки сильным. Он заставлял говорить, возмущаться или соглашаться там, где нужно было действовать решительно и беспощадно… Даже когда разум говорил, что фронт уже кончен, чувство ждало чуда и никто не мог и не хотел взять на свои плечи огромную историческую ответственность — дать толчок к его падению — быть может последний»{457}.

Существовало еще одно обстоятельство. В распоряжении Ставки по-прежнему оставались огромные возможности. Владея ими, можно было помериться силой с большевиками. Пребывание в непосредственной близости от Могилева позволяло Корнилову надеяться на возвращение к активной роли военачальника и политика. 1 ноября 1917 года, ввиду безвестного отсутствия Керенского, начальник штаба Ставки генерал Н.Н. Духонин принял на себя обязанности Верховного главнокомандующего. В тот же день Корнилов обратился к Духонину с пространным письмом, в котором излагал свое понимание первоочередных мер. В письме говорилось: «По тем неполным, отрывочным сведениям, которые доходят до меня, положение тяжелое, но еще не безвыходное. Но оно станет таковым, если Вы допустите, что Ставка будет захвачена большевиками, или же добровольно признаете их власть»{458}. Корнилов предлагал немедленно перевести в Могилев один из чешских полков и польский уланский полк; занять Оршу, Смоленск, Жлобин и Гомель частями польского корпуса, усилив последний за счет казачьих батарей фронта; сосредоточить на линии Орша — Могилев —

Жлобин все части чехословацкого корпуса, Корниловский полк и наиболее крепкие казачьи дивизии; сосредоточить там же все имеющиеся броневики с заменой их экипажей исключительно офицерами.

Важнейшим делом Корнилов считал создание в Могилеве или поблизости от него запаса оружия и боеприпасов для раздачи офицерам и добровольцам. Он полагал также необходимым установить прочную связь с донским, кубанским и терским атаманами, а также с польским и чехословацким комитетами. Духонин внимательно ознакомился с этим письмом, о чем свидетельствуют его пометки на тексте, но никаких серьезных мер не предпринял.

О генерале Н.Н. Духонине даже его враги вспоминали с симпатией. Совсем еще молодой для своей должности (ему только исполнился сорок один год), всегда подтянутый и даже щеголеватый, он умел произвести впечатление. Нередко бывает, что за блестящей внешностью скрывается личность пустая и обделенная талантами. О Духонине этого сказать было нельзя — деловой штабист и человек храбрый, о чем свидетельствовали ордена Святого Георгия IV и III степени[10] и Святого Владимира III степени с мечами. К тому же Духонин, что было гораздо большей редкостью, отличался честностью и прямотой и был напрочь лишен амбиций, которые двигали многочисленными в ту пору «кандидатами в Наполеоны».

Но беда была в том, что Духонин всю жизнь привык быть на вторых ролях. Оказавшись в новом для себя качестве, он старался прислушиваться к советам со всех сторон и очень быстро запутался. Главным центром интриг в эти дни стала гостиница «Франция», буквально набитая заговорщиками всех мастей. В комнате на втором этаже здесь жил начальник гарнизона Могилева генерал М.Д. Бонч-Бруевич. Через своего брата, известного большевика, в ту пору коменданта Смольного, Бонч-Бруевич находился в постоянном контакте с новыми властями Петрограда.

В двух соседних номерах той же «Франции» квартировал верховный комиссар В.Б. Станкевич. Он был назначен на этот пост одним из последних распоряжений Керенского и приехал в Ставку уже после большевистского переворота. В начале ноября у Станкевича появились гости — в Могилев приехали Чернов, Авксентьев, Гоц и некоторые другие руководители партии эсеров. Начались долгие совещания, на которых обсуждался вопрос о превращении Ставки в центр сопротивления большевизму. Предполагалось объявить о создании здесь нового правительства, призвавшего бы к сопротивлению захватчикам. Но, как это чаще

всего и бывало у социалистов, дело ограничилось одними разговорами.

Наконец, в той же гостинице располагалось своего рода неофициальное представительство Корнилова. Связным между Быховом и Могилевом был адъютант Корнилова Хан Хаджиев. Каждое утро он делал 40 верст до Могилева, здесь выполнял данные ему поручения, встречался с родственниками арестованных, а вечером возвращался обратно. Однако это оказалось слишком неудобно, и Хаджиев договорился с одним из знакомых офицеров, уступившим ему комнату в гостиничном номере. «В этой комнате, — вспоминал позднее Хаджиев, — я должен был принимать посетителей, приезжавших из разных мест России с поручением к верховному и желавших попасть в Быхов, а также принимать письма и вещи от родственников и знакомых заключенных. Таким образом, комната эта являлась местом свидания для едущих в Быхов офицеров, складом для вещей, предназначенных узникам, адресом для Ставки и иностранных миссий»{459}.

В Быхове выжидали, но готовились к любому повороту событий. Арестованные в тайне обзаводились оружием, документами и всем необходимым на случай бегства. Те, кто имел для этого хотя бы формальные основания, старались добиться официального освобождения. В самом конце октября под предлогом болезни были освобождены подполковник В.М. Пронин, капитаны С.Н. Ряснянский и В.Е. Роженко. Подполковник И.Г. Соотс был освобожден как гражданин «самоопределившейся» Эстонии.

В начале ноября в Петроград из Быхова тайно был командирован капитан Н.Г. Чухнин. Ему было поручено связаться с членами бывшей комиссии Шабловского Н.П. Украинцевым и Р.Р. Раупахом. К этому времени комиссия фактически прекратила свое существование, а сам Шабловский покинул Петроград. Чухнин получил задание добыть чистые бланки постановлений об освобождении.

Сделать это было непросто, так как все материалы по делу Корнилова находились теперь в ведении нового органа — Военно-морской следственной комиссии, подчинявшейся большевистскому Совнаркому. Для получения доступа к ним нужно было разрешение наркома по военным и морским делам П.П. Дыбенко. В разговоре с ним Раупах и Украинцев объяснили свою просьбу тем, что дело Корнилова имеет большое историческое значение и потому документы нуждаются в окончательной обработке. Украинцев вспоминал: «Дыбенко выслушал нас без большого интереса, посмотрел на нас, как на

странных людей, занимающихся какой-то ерундой, и согласие дал без всяких уговоров»[460]. После этого добыть необходимые бланки не составило труда.

Доставленные Чухниным документы позволили уже в первую неделю ноября освободить большую часть арестованных. В Быхове продолжали оставаться меньше десяти узников, в том числе пять генералов: сам Корнилов, Деникин, Лукомский, Романовский и Марков. Они не могли покинуть тюрьму без согласия Духонина. Сделать это — означало бы сильно осложнить его положение, а Духонин не решался освободить быховских генералов, опасаясь обвинений в контрреволюции.

К тому же вставал вопрос о том, куда уходить из Быхова. Корнилов не мог просто так затаиться, ожидая перемены обстоятельств. Он уже давно не принадлежал себе, не мог поступать так, как поступил бы обыкновенный человек. Он обречен был продолжать борьбу, победить или погибнуть. Но и сам Корнилов тогда не знал, где и в каких формах это возможно. Один из его сотоварищей по быховскому заключению, капитан С.Н. Ряснянский позднее писал: «К сожалению, у г[енерала] Корнилова не созрел тогда еще определенный план борьбы с большевиками, он предполагал уехать или в Туркестан, или в Сибирь и там начать формировать армию, были даже у него планы проехать в Персию или Среднюю Азию и там временно выждать, а когда наступит определенный момент, то вернуться в Россию и начать борьбу с большевиками. О формировании армии на Дону заговорили уже позже, незадолго до отъезда из Быхова»[461].

Напомним хронологию событий. Алексеев прибыл в Новочеркасск 2 ноября 1917 года. Ему понадобилось несколько дней для того, чтобы оценить перспективы, и лишь 6 ноября он направил письмо генерал-квартирмейстеру М.К. Дитерихсу, сообщая о начале формирования армии. Письмо было отправлено с нарочным и, значит, получено в Могилеве 8 или 9 ноября. Но к этому времени ситуация в Ставке и вокруг нее существенно изменилась.

Советское правительство потребовало от Духонина официально обратиться к немцам с предложением прекратить военные действия и начать переговоры о мире. Ставка ответила на это молчанием. В ночь на 9 ноября Духонина вызвали к прямому проводу. В Петрограде у аппарата находились Ленин, Сталин и Крыленко. Духонину вновь, на этот раз ультимативно, было предписано приступить к заключению перемирия. Духонин пытался всячески уйти от ответа, но в итоге получил распоряжение, отстраняющее его от должности. Новым

главковерхом Совнарком назначил прапорщика Н.В. Крыленко. Духонину под страхом ответственности было предписано, продолжать ведение дел до прибытия его преемника.

В эти же самые дни, 8 или 9 ноября, в Ставку из Петрограда выехал Украинцев. Он вез с собой очередную порцию чистых бланков об освобождении, выданных от имени комиссии Шабловского. В Могилеве его (к большому его удивлению) пригласили к Духонину. Украинцев вспоминал: «Я никогда его до той поры не знал. Довольно высокий, плотный, очень моложавый генерал с двумя Георгиевскими крестами, брюнет с необычайной нежности цветом лица».

Украинцев застал в кабинете главковерха командира Польского корпуса генерала И.Р. Довбор-Мусницкого. Духонин был крайне взволнован. Нервно расхаживая по кабинету, он повторял: «Ну что я могу поделать в таком положении?» — «Дело не в материальной силе, — отвечал ему Довбор-Мусницкий, — тебе нельзя сдать Ставки. Они (большевики) могут быть материально в десять раз сильнее тебя, но все должны знать, что есть идея, которая не склоняется перед ними. Если бы Крыленко пришел сюда, я бы взял значок главнокомандующего и выехал с ним в соседнее местечко, деревню, пусть в чистое поле, и оттуда бы объявил, что Штаб главнокомандующего пребывает здесь…»

Духонин с нетерпением выслушал собеседника и высоким голосом, так не вязавшимся с его представительной внешностью, стал возражать, что все это бессмыслица, что главнокомандующий без подчиненных ни на что не способен. У Украинцева, ставшего случайным свидетелем этой сцены, создалось впечатление, что Духонин находится в полной растерянности.

На следующий день Украинцев был в Быхове. После короткого ожидания его провели к Корнилову. Он внимательно расспросил гостя о том, что тот видел в Петрограде и Ставке. Украинцев, в свою очередь, задал вопрос о том, когда арестованные генералы собираются покинуть тюрьму и куда направятся после этого. Корнилов ответил, что, когда настанет пора, он с текинцами уйдет на Дон. Украинцев вспоминал, что отнесся тогда к этому весьма скептически, но его поразила убежденность Корнилова. «Я чувствовал, что решение в такой мере созрело в душе его, что не он им, а оно им владеет. И было оно настолько высокого морального порядка, что внушило мне впервые безоговорочное почтение к этому удивительному человеку с удивительной судьбой»{462}.

Корнилов отдал приказ текинцам готовиться к походу, назначив выступление на один из ближайших дней. Узнав об

этом, другие арестованные генералы делегировали Деникина для переговоров с Корниловым. Между ними состоялась следующая беседа:

— Лавр Георгиевич! Вы знаете наш взгляд, что без край ней необходимости нам уходить отсюда нельзя. Вы решили иначе. Ваше приказание мы исполним беспрекословно, но просим предупредить по крайней мере дня за два.

— Хорошо, Антон Иванович, повременим…{463}Позиция Деникина и других генералов объяснялась тем, что в те дни еще сохранялась надежда на возможность превращения Могилева в центр сопротивления большевикам. «Положение Ставки в стратегическом смысле казалось вполне надежным, — вспоминал В.Б. Станкевич. — Лежащий в стороне от больших путей к фронту спокойный Могилев представлял собой как бы островок среди взволнованного народного моря. Подобраться к нему казалось затруднительным»{464}. По распоряжению Духонина в Могилев с фронта были вызваны ударные батальоны, составившие группу общей численностью примерно две тысячи человек. Кроме того, в городе находились Георгиевский батальон и несколько эскадронов Текинского конного полка, неподалеку стоял Польский корпус Довбор-Мусницкого, а подступы со стороны Орши прикрывали четыре полка 1-й Финляндской дивизии.

Но шли дни, и положение становилось все более и более тревожным. Поступила информация о том, что Крыленко с отрядом балтийских матросов уже занял Оршу, при этом Финляндская дивизия не оказала никакого сопротивления. О своем нейтралитете объявили поляки, брожение началось среди георгиевцев. В самом Могилеве местный Совет перешел на сторону большевиков.

Верховный комиссар Станкевич через своих сотоварищей по партии народных социалистов начал переговоры с Украинской радой о возможности переезда Ставки в Киев. Украинские власти, не желая конфликтовать с большевиками, согласия на это не дали. Тем не менее 18 декабря была предпринята попытка вывезти из Могилева часть штабных учреждений. Как только об этом стало известно, у резиденции главковерха собралась агрессивно настроенная толпа солдат. После этого Духонин, не желавший провоцировать столкновения, приказал все приготовления к переезду прекратить.

В Быхове с понятным волнением следили за происходящим. Утром 18 ноября комендант быховской тюрьмы подполковник Эргард получил телеграмму, предписывавшую в тот же день отправить арестованных специальным поездом на Дон в сопровождении эскадрона текинцев и полуроты георгиевцев.

Эшелон должен был быть подан к шести часам вечера. Однако в указанное время поезд так и не подошел. Примерно через два часа из Могилева на специальном паровозе прибыл начальник оперативного отдела Ставки полковник П.А. Кусонский, сообщивший, что все прежние распоряжения отменяются.

Корнилов был крайне раздражен этим. Он вызвал к себе коменданта тюрьмы и сказал ему, что на следующий день намеревается покинуть Быхов. Командиру Текинского полка было приказано готовиться к выступлению в поход. Тогда же Корнилов написал Духонину письмо, с которым в Могилев был отправлен Хан Хаджиев.

Духонин все еще продолжал колебаться, хотя счет времени шел уже не на дни, а на часы. Подробности того, что происходило в это время в Ставке, мы знаем в изложении В.Б. Станкевича. 19 ноября в пять утра он был разбужен телефонным звонком. Духонин срочно просил его прийти к нему и обсудить только что полученные известия. Станкевич попытался перенести встречу на более позднее время, но его собеседник настоял на своем. Станкевич вспоминал: «Духонин был измученный и бледный. На столе лежала кучка телеграмм. Из 35-го корпуса сообщалось, что в нем разруха и о каком-либо сопротивлении большевикам не может быть и речи. Далее было известие, что большевистский эшелон стоит в Орше и утром предполагает двинуться дальше на Могилев. Далее была телеграмма от начальника 1-й Финляндской дивизии о том, что дивизия решила быть “нейтральной” и не препятствовать большевикам на пути»{465}.

Духонин сообщил о том, что командиры ударников предупредили его о намерении покинуть Могилев. В свою очередь, Станкевич рассказал, что у него накануне был командир Текинского полка и просил не рассчитывать на его помощь. «Вывод, однако, был ясен, — вспоминал Станкевич, — ни одного солдата для защиты Ставки!»{466} Он предложил Духонину немедленно уехать из города, но тот возразил, что даже солдаты, обслуживающие гараж, отказываются выполнять его распоряжения. Однако у Станкевича был готов запасной вариант. Он заранее узнал, что в городе находится еще один гараж, принадлежавший эвакуированному Варшавскому округу путей сообщения. Станкевич отправился договариваться об автомобиле. Одновременно он из соображений безопасности предложил Духонину перебраться из помещения Ставки в гостиницу.

Станкевич вернулся примерно через два часа и застал в гостиничном номере разговор Духонина с генералом Дитерихсом. Тот убеждал Духонина в том, что его отъезд будет воспринят как бегство. В конечном счете Духонин, и без того измученный

колебаниями, решил остаться. Станкевич вспоминал: «Мы сердечно простились. Духонин натянул непромокаемую накидку, прикрывавшую его генеральские погоны, и вернулся в Ставку»{467}.

В то время когда Станкевич бегал по городу в поисках автомобиля, у Духонина состоялась еще одна важная встреча. Около шести утра с ним виделся Хан Хаджиев, приехавший из Быхова со срочным письмом от Корнилова. Духонин прочел письмо и тут же написал ответ. Запечатанный конверт он вручил Хаджиеву со словами: «Передайте, Хан, верховному мой искренний привет и пожелание ему счастливого пути. Торопитесь!»{468} Сама эта реплика раскрывает нам содержание письма. Несомненно, это было распоряжение об освобождении арестованных.

Для того чтобы в подлинности приказа не возникало сомнений, вместе с Хаджиевым в Быхов был командирован все тот же полковник Кусонский. В Быхове его сразу же провели к Корнилову. Кусонский доложил, что не позже чем к концу дня в Могилеве ожидают эшелоны Крыленко. Сопротивления не предвидится, и потому генерал Духонин предписывает всем заключенным немедленно покинуть тюрьму.

Около десяти утра полковник Эргард и командир георгиевцев прапорщик Гришин объявили караулу о том, что предписанием следственной комиссии Деникин, Лукомский, Марков и Романовский отпускаются на свободу. Освобожденные генералы отправились на квартиру коменданта. Здесь Деникин и Лукомский переоделись в штатское (Лукомский в дополнение сбрил бороду и усы). Романовский превратился в немолодого прапорщика инженерных войск, а Марков, надевший солдатскую шинель, — в его денщика.

Полковник Кусонский должен был из Быхова на экстренном паровозе отправиться в Киев и предложил взять с собой двух человек. Было решено, что с ним поедут Романовский и Марков. Лукомский решил ехать через Могилев и Оршу в расчете на то, что здесь-то уж беглецов искать не будут. Деникин до вечера пробыл в штабе польской дивизии. Здесь он получил документы на имя начальника перевязочного отряда Александра Домбровского.

Деникин выехал из Быхова поездом в пол-одиннадцатого вечера. Как раз в это время к Могилеву подходили эшелоны Крыленко. Первым делом большевистский главковерх распорядился доставить к нему Духонина. Они беседовали около часа, после чего Крыленко отбыл в город, оставив Духонина в вагоне. Часа через два Крыленко донесли, что у вагона, где

находился Духонин, собралась толпа солдат и матросов, которая требует его выдачи. Крыленко немедленно отправился на вокзал. С трудом пробившись сквозь людскую массу, он поднялся на площадку вагона и стал уговаривать собравшихся разойтись.

В конце концов толпу удалось успокоить. Солдаты выражали готовность уйти, если им выдадут пусть не самого Духонина, так хотя бы его погоны. Крыленко и приехавший с ним генерал С.И. Одинцов (кстати, однокурсник Духонина по академии) прошли в вагон и попросили у Духонина для спасения его жизни его погоны. У Духонина тряслись руки, и он не мог отцепить погоны от кителя. Тогда Одинцов сам отвязал их и передал Крыленко.

Получив погоны, толпа разошлась. Но через полчаса Крыленко снова вызвали из вагона. Оказалось, что пришла делегация матросов и требует выдать ей Духонина. Крыленко опять начал уговоры, но в это время другие матросы проникли на площадку за его спиной, ворвались в вагон и вытащили наружу Духонина. Кто-то всадил ему в спину штык, затем его сбросили на землю и добивали ногами. Поживились и мародеры — с тела стащили сапоги, вытащили часы с бумажником и сняли верхнюю одежду. На следующий день гроб с телом Духонина был поставлен в товарный вагон и прицеплен к киевскому поезду. В Киеве Духонин был похоронен на Лукьяновском кладбище.

История русской революции полна кровавых эпизодов. Убийство десятков и сотен старших и высших офицеров стало привычным делом и проходило незамеченным. Но расправа над Духониным явилась одним из первых деяний такого рода и потому прогремела на всю страну. Выражение «отправить в штаб Духонина» как эвфемизм для обозначения убийства было повсеместно распространено на протяжении всей Гражданской войны. В этом смысле смерть Духонина стала началом страшной междоусобной бойни.

ТЕКИНЦЫ

Прежде чем продолжить рассказ о дальнейшей судьбе Корнилова, необходимо сказать несколько слов на другую тему. Мы уже не раз упоминали Текинский полк, выполнявший в бытность Корнилова главковерхом функции его личного конвоя, а после его ареста охранявший быховскую тюрьму. Еще до мировой войны в составе русской армии существовал Туркменский конный дивизион. В июле 1914 года он был развернут в четырехэскадронный Туркменский конный полк, который с марта 1916 года был переименован в Текинский.

Рядовой состав полка («всадники») формировался из туркмен Закаспийской области, причем исключительно добровольцев, поскольку коренное население края призыву в армию не подлежало. Офицеры полка большей частью были русскими. Полку была присвоена особая яркая форма: малиновые шаровары с серебряным галуном, желто-малиновый халат («гармыз-дон»), высокие черные папахи («тел-пек») из бараньей шкуры. Личным оружием всадника являлся клыч (кривая сабля) в украшенных серебром ножнах. «Джигиты своим видом, дисциплиной и оригинальностью костюма сразу привлекли внимание всех чинов штаба, — вспоминал Хан Хаджиев. — Высокие и стройные джигиты были одеты в малиновые халаты. Их гибкие фигуры в нарядных красивых шелковых халатах были туго-натуго перетянуты широкими толстыми туркменскими кушаками, за которыми были воткнуты пичаки (ножи) с белыми ручками. Сверх этого кушака находился серебряный пояс, украшенный разноцветными камнями, к которому прикреплялся ятаган. Красивые загорелые лица под большими черными папахами ежеминутно улыбались во время разговоров с чинами штаба, показывая ослепительно белые зубы. Услужливые, внимательные и на редкость симпатичные туркмены быстро завоевали симпатию всех чинов штаба…»{469}

Для Корнилова, никогда не забывавшего годы своей службы в Туркестане, текинцы были особенно близки. Он полагал, что всадники, многие из которых плохо понимали по-русски, уже этим застрахованы от влияния большевистской агитации. Сам он беседовал с ними по-туркменски, и текинцы действительно были безоговорочно преданны своему «бояру», поскольку видели в нем почти земляка в этой чужой для них стране.

Трудно сказать, что заставило Корнилова выступить на Дон во главе Текинского полка. Конечно, пробираться в одиночку или вместе с другими «быховскими» генералами означало бы

подвергнуть себя риску. Благодаря иллюстрированным газетам и журналам внешность Корнилова была известна многим. Но все же не надо преувеличивать значение этого обстоятельства. Переодевания и небольшой маскировки было бы достаточно для того, чтобы снизить опасность быть узнанным до минимума. В конечном итоге, как мы увидим, Корнилов так и поступил. Нам представляется, что попытка прорваться на Дон вместе с текинцами была обусловлена другой причиной. Появление Корнилова в качестве «беженца» поставило бы его в положение, подчиненное Алексееву. Корнилов хотел въехать в Новочеркасск полководцем во главе своего войска и сознательно шел навстречу опасностям, с которыми мог быть сопряжен этот поход.

Выступление текинцев готовилось заранее, о чем свидетельствуют многие мелкие детали. 17 ноября, когда Корнилов еще оставался в Быхове, в новочеркасских газетах была опубликована беседа с прапорщиком Текинского полка Игнатьевым, якобы командированным для закупки хлеба{470}. Можно предположить, что он был одним из тех тайных посланцев, которые должны были договориться о приеме бывшего главковерха на Дону. Две недели спустя в газетах появилось новое интервью, на этот раз с вахмистром-текинцем Вердневым{471}. Слишком уж часто текинцы начали бывать в Новочеркасске, чтобы это было простой случайностью.

К середине ноября 1, 2 и 3-й эскадроны Текинского полка, а также пулеметная команда были расквартированы в Быхове, а полковой штаб и 4-й эскадрон находились в Могилеве. Помимо этого всадники 4-го эскадрона стояли на постах летучей почты между Могилевом и Быховом. Около восьми часов вечера 19 ноября 1917 года в штаб полка из Быхова прибыл поручик Захаров, который сообщил о том, что в час ночи Корнилов покидает Быхов вместе с охранявшими тюрьму эскадронами текинцев и приказывает 4-му эскадрону присоединиться к ним. Соединение должно было произойти на переправе через реку Сож. За три дня до этого переправа была уже обследована специально посланными разведчиками. Это еще раз подтверждает то обстоятельство, что бегство тщательно готовилось заранее.

В Быхове же тем временем происходили следующие события. Около полуночи в помещение, где находился караул от 3-й роты Георгиевского батальона, вошел прапорщик Гришин и сообщил о том, что Корнилов освобождается по предписанию Чрезвычайной следственной комиссии. Солдаты ответили, что хорошо бы проверить бумаги. Гришин сказал, что бумаги он всегда просматривает и за правильность их отвечает головой. Корнилов, одетый в обычную форму, спустился с верхнего этажа. Проходя

мимо караульного помещения, он сказал: «Прощайте, георгиевцы, я уезжаю»{472}.

Текинский полк был поднят по тревоге. Большая часть русских обозных отказалась выходить. В конечном итоге их силой заставили запрячь повозки. Полк направился по Банной улице к мосту через Днепр. Здесь к нему присоединились Корнилов, прапорщик Гришин и еще один караульный офицер, капитан Попов. Корнилов вскочил на лошадь, и эскадроны стали вытягиваться через мост.

На следующий день после полудня на переправе через Сож полк соединился с 4-м эскадроном. Переправлялись на пароме, вмещавшем не более 12 лошадей, и потому это заняло немало времени. На ночевку встали у деревни Струмень в пяти-шести верстах от переправы. В эту ночь бежали почти все русские обозные. Большую часть повозок после этого пришлось бросить. На следующее утро выступили еще затемно. За день проделали 35—40 верст. Стоял мороз, дул сильный ветер. Ночью вновь бежали русские денщики. Во всем полку, исключая офицеров, остались один русский писарь Морозов и армянин-обозный.

23 ноября переправились через реку Бесеть у села Попова Гора. Для того чтобы запустить паром, пришлось взламывать лед на реке. Для этого были согнаны местные крестьяне, но они работали плохо да к тому же сумели повредить и сам паром. Удалось переправить только 40 лошадей 1-го эскадрона, и паром затонул. Тогда на лед стали накладывать доски, ломая для этого заборы. Первый настил проломился, пришлось переносить его в другое место. К темноте едва закончили переправу 1-го эскадрона. Корнилов перешел на другой берег пешком по льду и заночевал в Поповой Горе в доме священника. Всадники же продолжали переправу всю ночь при свете костров.

Почти весь следующий день отряд отдыхал и вновь выступил в путь лишь около восьми вечера. Температура воздуха опустилась до пятнадцати градусов ниже нуля. Непривычные к холоду и плохо одетые всадники обмораживали руки и ноги. Но страшнее холода была атмосфера вражды и ненависти, с которой текинцам приходилось сталкиваться в каждой деревне. Адъютант Корнилова корнет Хаджиев вспоминал: «Чем дальше мы ехали, тем больше встречали недружелюбие со стороны жителей деревень, через которые приходилось проезжать. Все жители шарахались от нас, не желая давать ничего, даже за деньги. Как только мы выезжали из какой-нибудь деревни, так из нее сразу же передавали в другие деревни о том, что едет шайка Корнилова, которой не надо ничего давать, а всячески ей препятствовать во всем. При въезде в деревню мужики безмолвно и злобно

исподлобья смотрели на нас, толпясь по обеим сторонам улицы, а большинство из них даже не здоровалось с нами»{473}.

На рассвете 25 ноября полк вступил в городок Сураж. Улицы города были безлюдны, окна домов плотно закрыты ставнями или занавесками. Не останавливаясь, текинцы дошли до моста и переправились на другой берег реки Ипуть. Лишь отойдя от Суража на восемь верст, остановились в какой-то деревне. Командир полка полковник Н.П. фон Клюгельген отправил вперед квартирьеров под началом прапорщика Ранненкампфа, а всадникам дал несколько часов отдыха. Во время этой стоянки из случайно найденной газеты стало известно о гибели Духонина.

Ближе к вечеру отряд снова двинулся в путь. Шли на деревню Писаревка, но по дороге заблудились. Дело в том, что единственную карту-двухверстку увез с собой Ранненкампф. Долго блуждали по замерзшим болотам и лишь после полуночи остановились в деревне Красновичи. Здесь квартирьеры должны были оставить связных, но почему-то их не оказалось. Позже выяснилось, что их выдали красным местные мужики, хотя опрошенные жители деревни и утверждали, что знать об этом ничего не знают.

Следующий день, 26 ноября, был днем Георгиевского праздника, всегда особо отмечавшегося в русской армии. Утром Корнилов поздравил офицеров и всадников, подчеркнув, что впереди еще долгий и трудный путь. Накануне к командиру полка подошел местный крестьянин и предложил показать короткую дорогу на Писаревку. Колонна всадников стала вытягиваться за околицу. Впереди ехал Корнилов вместе с командиром полка и подполковником Эргардом. Дорога шла по застывшему кочковатому лугу, копыта лошадей скользили по ледяной корке. Верстах в двух от деревни дорога вступала в лес и именно здесь полк наткнулся на засаду.

Когда авангард колонны приблизился к лесу, скрывавшиеся за деревьями красные открыли огонь в упор из пулеметов. При первых же выстрелах проводник скрылся. Полк в беспорядке стал отходить к реке. Корнилов, взявший на себя командование, приказал отступать к Красновичам. Здесь полк оставил раненых и, почти не останавливаясь, продолжил путь в юго-западном направлении. В Писаревке ждали квартирьеры, но полк уходил в противоположную сторону, даже не пытаясь связаться с ними.

Корнилов решил перейти железную дорогу у деревни Старая Гута недалеко от разъезда Песчаники. Начинался вечер. Головной отряд был уже возле железнодорожной насыпи, как вдруг из-за леса со стороны станции Унечи показался бронепоезд. Пушки ударили в упор. Один из участников похода вспоминал: «Все это

было так неожиданно, что полк в полном беспорядке бросился назад, расстреливаемый сильным огнем бронепоезда. Всадников охватила паника; к тому же на обледенелом поле лошади скользили и падали, и все поле было покрыто всадниками без лошадей и лошадьми без всадников»{474}. Остановить бегущих удалось только у деревни Старая Гута. Когда остатки полка собрались под прикрытием домов, выяснилось, что среди спасшихся нет ни командира полка, ни подполковника Эргарда, ни, главное, Корнилова.

Понемногу стали собираться отставшие. Корнилова случайно нашли на опушке леса. Выяснилось, что его лошадь, та самая буланая кобыла Фатима, которая верно служила ему в бытность его главковерхом, убита. Полк же понес страшные потери. В поход выступило около 400 всадников, 24 офицера плюс два офицера Георгиевского батальона. Теперь осталось не больше 150 человек. Всадники стояли беспорядочной толпой, тут же прямо на земле сидели и лежали раненые. С разъезда продолжала слышаться ружейная и пулеметная стрельба. Автор уже цитировавшихся нами воспоминаний (штаб-ротмистр Текинского полка, не указавший в рукописи свою фамилию) писал: «Было видно, что всадники страшно пали духом и некоторые из них уговаривали других пойти сдаваться большевикам, говоря, что все равно мы окружены, что и половины полка нет налицо и что нельзя драться, когда вся Россия против нас»{475}.

Офицеры сочли необходимым предупредить Корнилова о настроении всадников. Тот выслушал и сказал: «Господа, быть может, будет лучше, если я пойду и сам сдамся большевикам. Я не хочу, чтобы вы погибли из-за меня». В эту минуту вся история нарождавшегося Белого движения могла пойти другим путем. В походе Корнилов носил простой крестьянский полушубок без погон. Сейчас он специально надел генеральское пальто и, сев верхом на коня, обратился к текинцам с речью. Он сказал, что по приказу генерала Духонина полк должен сопровождать его на Дон на поруки юго-восточного правительства. Он, Корнилов, не хочет верить в то, что текинцы собираются его предать. Из толпы всадников раздались крики о том, что надо сдаваться. Корнилов ответил: «Я даю вам пять минут на размышление, после чего, если вы все-таки решите сдаваться, вы расстреляйте сначала меня. Я предпочитаю быть расстрелянным вами, чем сдаться большевикам». Эти слова не слишком изменили настроение толпы. Положение спас ротмистр Натансон. Он выехал вперед, без папахи, в расстегнутом мундире, и, приподнявшись на стременах, закричал: «Текинцы! Неужели вы предадите своего генерала! Не будет этого! Не будет!» В толпе подхватили: «Не

будет!» Не давая всадникам опомниться, Натансон скомандовал: «По коням! Садись!»

На первый взгляд этот рассказ может вызвать сомнения. Уж слишком пафосно он звучит, к тому же поразительно напоминает известную историю времен Ста дней Наполеона: «Солдаты! Неужели вы будете стрелять в своего императора?!» Но именно это, на наш взгляд, и подтверждает подлинность свидетельства мемуариста. То, что мы сейчас воспринимаем как ходульность и позу, сто лет назад зачастую было естественным поведением. К тому же мы уже писали о том, что наполеоновские аллюзии были свойственны и самому Корнилову, и его окружению. Похоже, что он искренне ощущал себя Наполеоном, бежавшим с Эльбы, и мог надеяться только на то, что впереди его ждет не Ватерлоо, а триумф.

Отряд шел всю ночь, постоянно меняя направление для того, чтобы сбить со следа возможную погоню. Двигаться приходилось густым лесом, не имея возможности свериться с картой. Единственная двухверстка так и осталась у прапорщика Ранненкампфа, но, на счастье, у Корнилова с собой оказался светящийся компас. Генерал был молчалив и угрюм. К тому же случайной веткой он повредил себе глаз. Веко распухло и саднило. Наскоро глаз перевязали какой-то грязной тряпкой, так что вид у Корнилова был совсем негероический. Наконец, около двух часов после полуночи удалось в пустынном месте перейти железнодорожное полотно. В последний момент вдалеке показался бронепоезд красных, но в темноте оттуда просто не заметили быстро уходивший в лес полк.

Настало утро, но текинцы продолжали идти почти без остановок. Лишь около семи часов вечера отряд встал на отдых в деревне Новоселки. Было ясно, что всадники выдохлись и в любой момент можно было ожидать повторения срыва. Поэтому на совещании старших офицеров было решено разделиться. Предполагалось сформировать группу из наиболее сильных и выносливых всадников. Они должны были составить охрану Корнилова и в дальнейшем двигаться скрытно, совершая длительные переходы. Остальная же часть полка во главе с командиром полковником фон Клюгельгеном должна была играть отвлекающую роль и потому идти не скрываясь.

На рассвете 28 ноября полк покинул Новоселки. Около восьми утра сделали остановку в селе Тарасовка. Здесь отобрали в отряд Корнилова 32 всадника (из них 11 киргизов 4-го эскадрона). С командиром полка осталось 90—95 всадников и пять офицеров{476}. Эта группа направилась прямо на восток. Корнилов же с сопровождающими двинулся на юго-восток к

переправе через Днепр у Каменки.

30 ноября около двух часов дня отряд Корнилова вошел в Погар, заштатный город Черниговской губернии. Неожиданно оказалось, что здесь же находятся и всадники полковника фон Клюгельгена, прибывшие в Погар накануне. Участник похода ротмистр Фаворский вспоминал: «В Погаре общее настроение по отношению к генералу и текинцам было отрицательное, как и везде, но вид наших больших шапок невероятно пугал жителей»{477}. До вечера Корнилов пробыл в хате, где остановились киргизы, и лишь в темноте перешел в дом помещика Силича. Здесь на совещании было решено, что продвигаться далее тем же порядком невозможно и потому Корнилов должен ехать один. Хозяин дома вызвался достать на утро сани с надежным возницей. В гостях у Силича оказался его сосед Гамалей, в прошлом депутат Думы. Он сразу узнал Корнилова, которого видел на Государственном совещании. Гамалей еще несколько месяцев назад был уполномоченным Союза городов на Румынском фронте. Скорее всего, именно он выписал Корнилову подложные документы на имя беженца из Румынии Лариона Иванова.

На следующий день около полудня Корнилов в одежде киргиза в сопровождении двух всадников и ротмистра Толстого выехал верхом из Погара. Был базарный день, и на улице было много народа, но так как в толпе везде мелькали папахи текинцев, то никто не обратил внимания на то, что четыре всадника куда-то поехали. Верстах в пяти от города их уже ожидали сани. Корнилов переоделся в черную вязаную куртку, защитного цвета штаны и серую солдатскую шапку. Путь его лежал на станцию Холмечи. Через пять дней, 6 декабря, он благополучно добрался до Новочеркасска.

Что происходило с Корниловым в эти дни, мы не знаем и, наверное, никогда не узнаем. Сам он об этом не рассказывал, а других свидетелей этому не было. Деникин в своей книге приводит следующий эпизод. В ночь на 3 декабря на станции Конотоп остановился вагон, в котором везли в Киев двух отставших от полка и пойманных текинских офицеров. Один из них, ротмистр В.А. Арон, был отпущен под караулом в буфет за провизией. На перроне его окликнул хромой старик в старой заношенной одежде и стоптанных валенках:

— Здорово, товарищ! А Гришин с вами?

— Здравия… Здравствуйте, да…

Старик кивнул головой и исчез в темноте.

— Послушайте, да ведь это генерал Корнилов! — воскликнул караульный офицер.

Ледяной холод в сердце, неискренний смешок и сбивчивая речь в ответ:

— Что вы, ха-ха, как так Корнилов, просто знакомый один… {478}

Что касается дальнейшей судьбы текинцев, то она складывалась следующим образом. Остатки полка простояли в Погаре еще две недели, затем перешли в Новгородсеверский и, с согласия Украинской рады, были перевезены в Киев, где находились до середины января 1918 года. С приходом в город красных полк рассеялся. Отбившиеся во время похода были выловлены красными и отправлены в тюрьму в Брянск. В середине декабря здесь находилось три офицера-текинца и 264 всадника{479}. Позднее они были переправлены в Москву и отпущены по домам. Только 40 текинцев самостоятельно добрались до Новочеркасска и из них лишь семь человек согласились вступить в Добровольческую армию. Во время Кубанского похода они составляли личный конвой Корнилова.

О походе текинцев написано очень мало. Даже Деникин, обычно многословный, говорит об этом в «Очерках русской смуты» предельно лаконично. Это нетрудно понять, ведь поход обернулся полной катастрофой. Уже не раз цитировавшийся нами анонимный автор воспоминаний об эпопее текинцев писал: «Главная причина неудачи лежит не на всадниках, и не в холоде и в плохом снаряжении полка, на что все время ссылались впоследствии»{480}. В первые же дни люди и кони были измотаны до предела неоправданно тяжелыми переходами. Командование полка плохо знало окружающую обстановку, разведка и охранение практически отсутствовали. В результате всадники в течение одного дня дважды попадали под вражеский огонь. На произвол судьбы были брошены раненые и отставшие.

Конечно, главную вину за это, уже по положению своему, должен был нести командир полка. Но можно понять, что и он был ограничен в самостоятельных решениях в присутствии Корнилова. Тот же, на удивление, никак не проявил себя, не смог сплотить людей, воодушевить их своей уверенностью и примером. Учитывая неопределенность будущего, это было не самым лучшим предзнаменованием.

КОРНИЛОВ И АЛЕКСЕЕВ

Корнилова в Новочеркасске ждали давно, и ждали с нетерпением. Еще 30 ноября газета «Вольный Дон» сообщила о том, что бывший главковерх находится в пределах Донской области. «Местопребывание его известно войсковому правительству, но по понятным причинам не может быть объявлено»{481}. На следующий день эта информация была опровергнута, но читателей такой шаг еще более убедил в том, что Корнилов уже на Дону.

С приездом Корнилова связывали надежды на чудо, но на самом деле его появление в донской столице едва не привело к краху всего начинания. Причиной тому была давняя и непреходящая неприязнь между Алексеевым и Корниловым. Алексеев считал, что Корнилов прибыл на «все готовое», и меньше всего хотел уступать ему руководство. В равной мере Корнилов не хотел да и не мог довольствоваться второй ролью. Уже первое свидание двух генералов продемонстрировало их взаимные чувства. О чем они говорили с глазу на глаз неизвестно, но свидетели вспоминали, что «разошлись они темнее тучи»{482}.

Алексеев в качестве компромисса предложил географически разделить сферы деятельности — он останется в Новочеркасске, а Корнилов уедет в Екатеринодар, где тоже приступит к формированию добровольческих отрядов. Но Корнилов отверг это сразу, заявив, что в этом случае они уподобятся содержателям двух балаганов, зазывающих к себе публику на одной и той же ярмарке{483}. Действительно, неизбежная в этом случае конкуренция могла погубить все дело.

Однако надо признать, что и сам Корнилов внес немалую лепту в намечавшийся раскол. Его раздражало все: ничтожная численность добровольцев, весь тот «майнридовский» дух, который пропитывал зарождавшееся движение. Ему, привыкшему командовать настоящими армиями в большой войне, было трудно привыкнуть к армии, состоявшей из одних офицеров и учащейся молодежи. «Ну, да это все офицеры, а где же солдаты?.. Солдат мне дайте — офицер хорош на своем месте — солдат мне дайте!»{484} В какой-то мере настроение бывшего главковерха исправило появление на Дону Корниловского полка. Напомним, что в сентябре полк, переименованный к этому времени в Славянский, был отправлен в Киев. После большевистского переворота корниловцы в одиночку и группами стали пробираться на Дон. Ко второй половине декабря в Новочеркасске собралось около 500 солдат и офицеров во главе с командиром —

полковником М.О. Неженцевым.

Тем не менее происходившее на Дону представлялось Корнилову мелкой и потому обреченной затеей. У него крепло намерение уехать на Волгу, а потом дальше — в Сибирь, где он рассчитывал поднять знамя антибольшевистской борьбы. Корнилов говорил: «Сибирь я знаю, в Сибирь я верю; я убежден, что там можно поставить дело широко. Здесь же с делом легко справится и один генерал Алексеев. Я убежден, что долго здесь оставаться буду не в силах. Жалею только, что меня задерживают теперь и не пускают в Сибирь, где необходимо начинать работу возможно скорей, чтобы не упустить время»{485}. Другому собеседнику Корнилов примерно в это же время рассказывал о своем намерении уехать на Кавказ, для того чтобы собрать там остатки Дикой дивизии{486}.

Слухи о конфликте между двумя вождями доходили и до рядовых добровольцев, едва не вызвав в их среде раскол. Кое-кто из первых членов «Алексеевской организации», рассчитывавших благодаря своему «стажу» занять руководящие посты, чрезмерно ревниво отнесся к приезду «быховских генералов». Считалось, что Алексеева поддерживают бывшие гвардейские офицеры, в глазах которых Корнилов был выскочкой. Но неизмеримо большее число добровольцев в случае раскола встало бы на сторону Корнилова.

В их глазах Алексеев был «профессором», «дедушкой», его можно и нужно было уважать, но не боготворить. Добровольцы беззлобно посмеивались над штатской внешностью Алексеева, Корнилову же прощали все. Надо сказать, что вынужденный в первое время носить штатскую одежду, Корнилов выглядел в ней весьма нелепо. Вот как описывал его в эти дни донской журналист В. Севский (Краснушкин): «В сереньком пиджачке, в жилете, который топорщился на груди, с галстуком, висевшим где-то около плеча… Монгольское лицо, борода в три волоса»{487}. Но даже если бы Корнилов появился среди добровольцев в маскарадном костюме, это не изменило бы восторженного отношения к нему.

У Корнилова было то, чего не было у Алексеева, — харизма вождя. К этому времени он уже стал живым символом, полумифической личностью. В отношении добровольцев к Корнилову было что-то иррациональное. «Смело, корниловцы, в ногу, с нами Корнилов идет…» — этого было достаточно, чтобы забылись все больные вопросы, появилась надежда и вера в будущее. Нельзя не согласиться с Деникиным, писавшим, что в случае ухода Алексеева армия бы раскололась, в случае же, если бы ушел Корнилов — перестала существовать{488}.

Любому популярному вождю приходится считаться с тем, что

в его окружении появляется множество желающих приобщиться к славе кумира. С приездом Корнилова в Новочеркасск в донскую столицу съехалось огромное количество политиков всех направлений, в том числе и откровенных авантюристов. Из этой среды исходили самые фантастические планы. Некий М., заявлявший о том, что у него в парижских банках лежат миллионы, предлагал организовать политическую комбинацию под названием «РАК». Складывалась она из имен бывшего председателя Государственной думы М.В. Родзянко, Алексеева и Корнилова. «Я предложил ему, — вспоминал рассказавший об этом эпизоде журналист Б.А. Суворин, — изменить эту неблагозвучную комбинацию на АКР или КАР, но он стоял на своем и вскоре, обиженный общим недоверием, уехал к своим миллионам со своим РАКом»{489}.

Еще до приезда Корнилова в Новочеркасске оказался Завойко. Он попытался поставить себя в качестве единственного полномочного представителя своего бывшего начальника и сосредоточить в своих руках весь сбор денежных средств на нужды армии. Ходили слухи о том, что он готовит свержение Каледина и замену его на атаманском посту Корниловым. Этим он настроил против себя и атамана, и Алексеева. Скорее всего разговоры о готовящемся перевороте были совершенно беспочвенны, но Корнилов не счел нужным защищать своего бывшего ординарца. Он приказал Завойко в 24 часа покинуть Новочеркасск, еще раз доказав этим, что у него нет ни друзей, ни постоянных соратников.

Нужно заметить, что в Могилеве в августовские дни в окружении Корнилова было куда больше авантюристов. В ту пору «серьезные» политики предпочитали оставаться в столицах, дирижируя (или думая, что они дирижируют) происходящим на расстоянии. Теперь у них не было такой возможности, так как и в Москве, и в Петрограде хозяйничали большевики. В результате в Новочеркасске собралось такое количество столичных знаменитостей, какое маленький городок не видел никогда.

Еще в начале октября в Москве возник политический блок, включивший в свой состав три влиятельные организации — Совет общественных деятелей, Торгово-промышленный союз и кадетскую партию. Вновь возникшее объединение не имело в ту пору собственного названия, и потому в воспоминаниях современников оно фигурирует просто как Московский центр. Исполнительным органом центра стала так называемая «девятка», куда были делегированы по три представителя от вошедших в блок организаций. Полтора месяца спустя почти все руководство Московского центра (среди наиболее заметных фигур, его

представлявших, можно назвать П.Н. Милюкова и П.Б. Струве) оказалось на Дону.

Именно московским политикам принадлежала заслуга в примирении Алексеева и Корнилова. По их инициативе 18 декабря состоялось первое большое совещание с участием всего высшего генералитета. Деникин вспоминал: «Произошла тяжелая сцена; Корнилов требовал полной власти над армией, не считая возможным иначе управлять ею и заявив, что в противном случае он оставит Дон и переедет в Сибирь; Алексееву, по-видимому, было трудно отказаться от прямого участия в деле, созданном его руками. Краткие нервные реплики их перемешивались с речами общественных деятелей (в особенности страстно реагировал Федоров), которые говорили о самопожертвовании и о государственной необходимости соглашения…»{490} В итоге совещание закончилось безрезультатно.

Через несколько дней состоялась новая встреча в том же составе. На этот раз представители Московского центра выдвинули серьезный аргумент. Ими было заявлено, что финансовая помощь со стороны столичных деловых кругов и дипломатических миссий союзных держав будет предоставлена только в том случае, если Алексеев, Корнилов и Каледин будут работать в единой связке. Организационное оформление этой совместной работы было предложено Деникиным. Он составил своего рода «конституцию», отдававшую Алексееву гражданское управление, внешние сношения и финансы, Корнилову — военную власть, а атаману Каледину — управление Донской областью. По словам самого Деникина, эта конструкция была «исключительно психологическим средством», призванным примирить соперничавших генералов{491}. Создание «триумвирата» позволило Алексееву сохранить лицо, уступив фактически главенство Корнилову.

Роль правительства при «триумвирате» должен был играть Гражданский совет. В него вошли Корнилов, Алексеев, Каледин, Лукомский и Романовский (Деникин от сделанного ему предложения отказался). Московский центр был представлен М.М. Федоровым, Г.Н. Трубецким и А.С. Белецким (после его отъезда в Москву его сменил П.Б. Струве). На персональных началах был приглашен П.Н. Милюков. От донских властей в совет были включены помощник атамана, «донской златоуст» М.П. Богаевский и известный промышленник Н.Е. Парамонов. При совете была учреждена Политическая канцелярия, персонально представленная уже известным нам С.С. Щетининым и полковником Я.М. Лисовым{492}.

Политические взгляды основателей Белого движения не

отличались левизной, но общественное сознание в ту пору еще не изжило привнесенные революцией ярлыки. Это сыграло решающую роль при решении вопроса о включении в состав совета Б.В. Савинкова. Он появился в Новочеркасске в середине декабря. Первоначально Корнилов, подозревавший Савинкова в двойной игре во время августовских событий, категорически отказался встречаться с ним. Но Савинков сумел убедить Каледина в своей незаменимости. Донской атаман сильно зависел от общественного мнения, а то прямо обвиняло добровольческое командование в реставраторских настроениях.

Каледин в свою очередь попытался уговорить Алексеева и Корнилова. Начались долгие переговоры с Савинковым, в которых в качестве посредников принимали участие Милюков и Федоров. В конце концов Савинков ультимативно потребовал включения в состав Гражданского совета его и еще нескольких представителей «революционной демократии», говоря, что это снимет с совета обвинения в реакционности и привлечет на сторону движения казаков и солдат. После обсуждения этого требования в кругу генералов было решено согласиться на том основании, что не стоит наживать себе врага. В итоге в совет вошли сам Савинков, его соратник — бывший комиссар 8-й армии В.К. Вендзягольский, а также левый депутат Донского круга П.М. Агеев и председатель крестьянского съезда С.П. Мазуренко.

Деникин писал, что «участие Савинкова и его группы не дало армии ни одного солдата, ни одного рубля и не вернуло на стезю государственности ни одного казака; вызвало лишь недоумение в офицерской среде»{493}. Значительной частью офицерства Савинков воспринимался прежде всего как бомбист, революционер, а значит, человек, несущий вину за происходящее. Именно этим объяснялась попытка покушения на его жизнь. Впрочем, покушение это было каким-то странным. Сам Савинков позднее рассказывал: «Ко мне на квартиру пришел артиллерийский офицер, для того чтобы меня убить, но когда мы с ним остались с глазу на глаз, он побоялся поднять оружие. В разговоре со мной он сознался, что был послан меня убить, и просил только об одном, чтобы я не давал ходу этому делу»{494}.

Просьбе этой Савинков не внял и постарался использовать происшедшее в своих целях. Он рассказал об этом инциденте Алексееву, намекнув, что против того тоже готовится покушение. Алексеев разволновался и позвал для совета Деникина и Лукомского. Отделить в этой истории правду от лжи было невозможно. В итоге было принято решение усилить охрану членов Гражданского совета, а Савинкову рекомендовано не задерживаться в Новочеркасске надолго. В начале января он

покинул донскую столицу и уехал в Москву, увозя с собой письма Алексеева к Г.В. Плеханову и другому видному социалисту — Н.В. Чайковскому.

Поведение Алексеева в истории с Савинковым было очень характерно для тогдашних настроений основателя армии. Надо сказать, что по характеру своему он был человеком мнительным, к тому же давал о себе знать и возраст. Алексеев чувствовал себя обиженным тем, что его оттеснили на второй план, и потому был готов поверить в любые новые обиды. Этим-то и пользовались любители сплетен и интриг, которых тогда в Новочеркасске было более чем достаточно.

Недели две спустя после описанных событий некий капитан Капелька (князь Ухтомский), служивший в штабе Алексеева, доложил ему о новом заговоре. В армии якобы готовится переворот. Корнилов собирается свергнуть «триумвират» и объявить себя диктатором. В этой связи уже сделаны все назначения до московского генерал-губернатора включительно. Источником своих сведений Капелька называл И.А. Добрынского, подвизавшегося при Корнилове еще в августовские дни.

Алексеев потребовал объяснений и пригласил к себе для этого Корнилова и других генералов. Корнилов, узнав о сути дела, вспылил и покинул совещание. Попытки докопаться до правды ни к чему не привели. Как выяснилось, Добрынский спешно покинул Новочеркасск, даже не заплатив за. гостиничный номер. На следующий день и Алексеев и Корнилов прислали формальные письма о своем отказе от участия в дальнейшей работе: Алексеев — мотивируя это слабым здоровьем, Корнилов — желанием в скорейшее время уехать в Сибирь. Деникину вновь пришлось уговаривать сначала Алексеева, а потом вместе с атаманом Калединым вести долгую беседу с Корниловым. В результате Алексеев извинился перед Корниловым, но, похоже, остался при своих убеждениях. Во всяком случае, капитан Капелька никак не поплатился за ложный донос. Он остался служить в штабе Алексеева и был убит во время Первого кубанского похода.

Позже, когда добровольческое командование переехало в Ростов, пошли разговоры о новом заговоре, на этот раз направленном против Корнилова. Доброжелатели представили ему целый список офицеров, якобы задумавших организовать его убийство. В списке фигурировали главнейшие фигуры из окружения Алексеева. Оскорбленные этим обвинением офицеры потребовали реабилитации. Корнилов собрал их и сказал: «Дело не в Корнилове. Я просто не допускаю мысли, чтобы в армии имелись офицеры, которые могли бы поднять руку на своего

командующего. Я вам верю и прошу продолжать службу»[{495}].

С этих пор Алексеев и Корнилов старались по возможности избегать личных контактов. В случае необходимости они общались друг с другом в письменном виде. Это выглядело особенно странно в ту пору, когда штабы Алексеева и Корнилова располагались в одном и том же здании гостиницы «Европейская» (приметный по меркам Новочеркасска дом в три с половиной этажа и колоннами по фасаду). Однако вскоре штаб Корнилова переехал в помещение по Комитетской улице, где поселился и сам бывший главковерх.

К этому времени к нему приехала семья: жена, сын Юрий и дочь Наталья. В декабре к Наталье приезжал из Петрограда ее муж — морской офицер Маркин. Он уговаривал ее уехать с ним, но Наталья предпочла остаться с отцом. Это было ее последнее свидание с Маркиным. Позднее, уже в эмиграции, Наталья Корнилова выйдет замуж за бывшего адъютанта Алексеева А.Г. Шапрона дю Ларре.

Дочь Корнилова нашла себе работу в военном госпитале. Бок о бок с ней здесь трудилась и дочь Алексеева Вера. К счастью, конфликт отцов никак не сказывался на их взаимоотношениях. Позже к ним присоединилась молодая жена Деникина Ксения. Сорокапятилетний генерал, пользовавшийся до этого репутацией убежденного холостяка, пошел под венец с дочерью своего давнего друга, которую он когда-то знал еще ребенком. Свадьба состоялась в ноябре 1917 года в одной из маленьких церквей Новочеркасска. Медовый месяц (сократившийся до восьми дней) молодые провели в промерзшей насквозь хате на станции Славянская между Ростовом и Екатеринодаром. Можно себе представить, что чувствовали новобрачные в те дни, когда крах едва народившегося Белого движения и гибель его участников казались неминуемыми.

АРМИЯ И ПОЛИТИКА

В канун нового, 1918 года, на Рождество, Корнилов официально был объявлен командующим армией, которая с этого времени получила название Добровольческой. Пост начальника штаба армии занял генерал А.С. Лукомский. После его отъезда на Кубань в январе 1918 года его сменил генерал И.П. Романовский. Дежурным генералом был назначен генерал-майор С.М. Трухачев, начальником снабжения — генерал-лейтенант Е.Ф. Эльснер. Артиллерийскую часть возглавил полковник Мальцев, инженерную — бывший член Государственной думы Л.В. Половцев (позднее — полковник Селиванов). Должность начальника санитарной части получил полковник медицинской службы В.П. Всеволожский, интендантской — земский деятель из Таврической губернии Н.Н. Богданов{496}. Вся армия по численности немногим превышала полк военного времени. Тем не менее было начато формирование ядра 1-й Добровольческой дивизии (генерал А.И. Деникин, начальник штаба — генерал С.Л. Марков).

Цели армии были изложены в декларации от 27 декабря 1917 года. В ней говорилось о необходимости создания «организованной военной силы, которая могла бы быть противопоставлена надвигающейся анархии и немецко-большевистскому нашествию». Первой задачей армии должна была стать защита казачьих областей юго-востока от вторжения с севера. В будущем Добровольческая армия должна была завершить освобождение всей страны и гарантировать осуществление чаяний и воли народа. «Перед волей этой должны преклониться все классы, партии и отдельные группы населения. Ей одной будет служить создаваемая армия, и все, участвующие в ее образовании, будут беспрекословно подчиняться законной власти, поставленной этим Учредительным собранием»{497}.

Содержание и тон декларации во многом были обусловлены необходимостью успокоить казачью «демократию». Казачьи политики очень опасались обвинений в реакционности и потому с большой осторожностью относились к Добровольческой армии. Еще более сильны были эти настроения среди «иногороднего» (неказачьего) населения области. По просьбе Каледина, добровольческое командование старалось, чтобы информация о деятельности армии не просачивалась в газеты. Когда в «Телеграммах Юго-Восточного агентства» была опубликована маленькая заметка о назначении Корнилова командующим Добровольческой армией, атаман остался этим очень недоволен и

лично выговорил редактору газеты капитану А. Ноль де Монклар[498].

30 декабря 1917 года проходивший в Новочеркасске съезд иногородних потребовал «разоружения и роспуска контрреволюционной Добровольческой армии, борющейся против наступления войск революционной демократии». Для того чтобы снять назревавший конфликт, атаман Каледин попросил Алексеева выступить перед членами войскового правительства, к этому времени уже паритетного, то есть составленного в равных пропорциях из представителей казачества и «иногородних».

Встреча эта состоялась 18 января 1918 года. Алексеев коротко рассказал об истории создания армии, после чего ему был устроен настоящий допрос.

— Если у вас, генерал, существует, как вы говорите, кон такт с демократическими партиями, то почему чины вашей армии нисколько не стесняются выражать свое презрение к демократическим организациям, допуская в своих разговорах такие выражения, как «совет собачьих депутатов» и прочее?

Алексеев на это ответил:

— Прежде чем судить добровольцев, нужно вспомнить, что они пережили и переживают. Войдите в их психологию, и вы поймете происхождение этих разговоров. Ведь 90 про центов их буквально вырвались из когтей смерти и по при езде на Дон, не оправившись еще от пережитого, вынуждены были вступить в бой с советскими войсками. Из трех ночей им приходится спать только одну. Кроме того, я не понимаю, почему это вас так волнует: ведь Добровольческая армия не преследует никаких политических целей. Члены ее при своем вступлении дают подписку не принимать никакого участия в политике и заниматься какой бы то ни было политической деятельностью[499].

Действительно, у добровольцев к этому времени сформировалась вполне определенная репутация. Говорили, например, что после взятия Ростова победители вступали в город под пение «Боже, царя храни»[500]. На деле, конечно, все было не совсем так. Мы не ошибемся, если скажем, что симпатии основной массы первых добровольцев были далеки от монархизма. В общественном сознании в ту пору еще сохранялся отрицательный стереотип монархии, созданный в предыдущие месяцы газетами и социалистической пропагандой. Правительство Керенского широко эксплуатировало слухи о якобы готовящемся монархическом заговоре, выдвигая в противовес лозунг единого фронта революционной демократии.

В результате октябрьский переворот поначалу привел к

странному раздвоению оценок. Иллюстрацией этого может служить обращение, выпущенное в декабре 1917 года студенческой боевой дружиной Ростова. «Мы, дружинники, — говорилось в нем, — не признаем ни единоличной власти монарха, ни власти кучки узурпаторов, при посредстве грубой силы старающихся навязать свою волю большинству страны, ибо мы не признаем насилия… Мы боремся не с идейным большевизмом, с которым мы боролись и ныне боремся словом; нет, орудием мы боремся с тем шкурным, анархическим и разбойничьим большевизмом, который попирает всякое право и грозит погубить Россию»{501}.

Студенчество, несомненно, представляло собой специфическую категорию, но такая позиция в ту пору была свойственна не только ему. В первом варианте полковой песни корниловцев, написанном в январе 1918 года прапорщиком А.П. Кривошеевым, фигурировали характерные слова: «Русь могучую жалеем, царь нам не кумир…» Через год эту строчку пели уже по-новому: «…нам она кумир!»

Но даже те из добровольцев, кто считал себя монархистами, по сути таковыми не были. Царя большинство из них видело только на портретах или на фотографиях в «Ниве». Монархизм, в их понимании, означал неприятие революционного хаоса и анархии, тягу к сильной власти. Свидетель первых месяцев истории Добровольческой армии журналист А.А. Суворин (младший из двух сыновей к тому времени уже покойного «короля русской прессы») писал о том, что офицеры, называющие себя монархистами, «попросту не видят того, что желается им не царь, а диктатор». Они потому и идут так слепо за Корниловым, что «он и есть прирожденный диктатор, то есть то самое, что им и нужно»{502}.

Перу А.А. Суворина принадлежит и весьма характерный проект государственного переустройства России. В отличие от многих аналогичных документов, созданных уже в эмиграции, суворинский проект представляет собой едва ли не единственный пример такого рода, появившийся непосредственно в годы Гражданской войны. Он предусматривал создание в стране «державного вече», избираемого по принципу представительства от профессиональных групп, церковных приходов, городов, университетов, общественных организаций. Из своей среды вече должно было выбирать посадника, возглавлявшего исполнительную власть. Всю эту структуру венчал несменяемый и невыбираемый «великий атаман». Места еще и коронованному монарху в этой схеме просто не оставалось{503}. Обращает внимание сходство суворинского проекта с концепцией

«корпоративного государства» итальянских фашистов. Напомним, что идеи фашизма, именно в итальянском его варианте, были позднее очень популярны среди белой эмиграции.

В нашем распоряжении имеется еще один любопытный документ, позволяющий реконструировать политические взгляды основателей Добровольческой армии, — так называемая «программа Корнилова». Под этим наименованием известны два несхожих документа, что подчас порождает путаницу. Мы уже писали о том, что первый из них был разработан еще в быховской тюрьме. Он включал шесть разделов, большинство из которых не касалось вопросов общественного переустройства: воссоздание боеспособной армии, продолжение войны до победного конца, восстановление дисциплины на заводах и транспорте, упорядочение продовольственного дела. Лишь требование установления сильной независимой власти и призыв отложить решение других проблем до Учредительного собрания в определенной мере носили политическую окраску{504}.

Гораздо более детален второй вариант «программы Корнилова». Впервые он был опубликован в 1923 году на страницах берлинского «Архива русской революции». Помещен он был в качестве приложения к отчету генерала В.Е. Флуга, командированного в январе 1918 года из Добровольческой армии в Сибирь. Спустя пять лет текст программы появился в другом эмигрантском издании, «Белом архиве», на этот раз в сопровождении обстоятельств ее создания.

Рассказал об этом бывший журналист газеты «Русское слово» М.С. Лембич, состоявший в описываемый период при штабе Добровольческой армии. По его словам, 22 января 1918 года он был вызван к Корнилову, который и продиктовал ему основные положения программы, с просьбой литературно обработать их. В программе провозглашались равенство граждан перед законом, свобода слова и печати, восстановление права собственности, отделение церкви от государства, введение всеобщего начального образования, право рабочих на стачки и создание профессиональных союзов.

Особенно интересно выглядит предлагавшийся в программе путь решения аграрного вопроса. Корнилов первоначально имел в виду узаконить происшедший земельный передел за счет выкупа государством захваченных крестьянами помещичьих земель. Лембич вспоминал, что таким образом генерал Корнилов «рассчитывал привлечь на сторону будущего правительства миллионы вновь образовавшихся мелких собственников»{505}. Однако в конечном счете по настоянию Милюкова этот пункт был заменен нейтральной фразой о необходимости отложить решение

аграрного вопроса до Учредительного собрания.

Нетрудно заметить, что в этом варианте «программа Корнилова» была настоящей «конституцией», нацеленной не только на завтрашний день, но и на достаточно отдаленную перспективу. Составлена эта «конституция» была в весьма либеральном духе и куда более глубокой и последовательной, чем позднейшие политические декларации Деникина, Колчака и других белых вождей. Одна проблема — мы не можем со стопроцентной уверенностью утверждать, что «программа Корнилова» отражала взгляды самого Корнилова. Авторство ее различные источники приписывают и Лембичу, и Милюкову, и, что совсем уж неожиданно — Доб-рынскому{506}. Что касается других руководителей армии, то Алексеев, по словам Лембича, узнал о программе задним числом. Не упоминает о ней и Деникин. Судя по всему, январская «программа Корнилова» не носила официального характера. Появилась она в те дни, когда само существование Добровольческой армии было поставлено под угрозу, и осталась практически никому не известной.

В январе 1918 года, когда происходили описываемые нами события, самым обсуждаемым политическим вопросом был вопрос о дальнейшей судьбе разогнанного большевиками Учредительного собрания. Позднее он расколол антибольшевистский лагерь на сторонников «революционной демократии» в ее эсеровской трактовке и приверженцев собственно Белого движения. Первые ратовали за восстановление Учредительного собрания в прежнем составе, вторые либо вообще обходили этот вопрос, либо выдвигали условием новые выборы.

Можно понять, почему белым вождям было не по душе Учредительное собрание, среди делегатов которого треть была большевиками, а большинство составляли эсеры-черновцы. На «допросе» в войсковом правительстве Алексеев говорил: «Конечно, с Черновым и его партией никаких переговоров быть не может — нам с ними не по пути»{507}. Этот вопрос возник и в ходе обсуждения декларации от 27 декабря 1917 года. Присутствовавший при этом генерал А.С. Лукомский потребовал уточнить, о каком Учредительном собрании идет речь: о новом или избранном на ноябрьских выборах? По словам Лукомского, «все высказались единодушно, что об Учредительном собрании 1917 года не может быть и речи; что выборы в это собрание были проведены под давлением большевиков и что состав этого собрания не может быть выразителем мнения России»{508}.

Между тем в опубликованном тексте декларации этот принципиальный момент специально не оговаривался. Лишь в «программе Корнилова» появились слова о том, что «выборы в

Учредительное собрание должны быть проведены свободно, без давления на народную волю и по всей стране»[509]. Само упоминание о выборах в будущем времени предполагало, что прежние признаются недействительными, но об этом нужно было еще догадаться. Нам кажется характерным, что все политические декларации и программы Белого движения в этот, начальный, период его истории полны недомолвок и противоречий. Не стоит искать в этом злой умысел. Скорее это было результатом того, что и рядовые участники движения, и его вожди плохо представляли отдаленные перспективы. Сложно было думать о будущем в ситуации, когда каждый день мог стать последним.

БОИ НА ДОНУ

Новый, 1918 год начинался тревожно. 2 января Корнилов пришел в общежитие на Барочной. Собрав офицеров, он обратился к ним с краткой речью: «Здравствуйте, господа! Дай Бог, чтобы этот новый год был счастливее старого. Тяжелое будет время для вас и для меня. Я объявил войну предателям Родины. Большевиков за врагов я не считаю, это лишь несчастные обманутые люди. Если же я борюсь с ними, то лишь потому, что вслед за ними мы увидим немецкие каски. Большевики — это немецкий авангард. Тяжелый будет год и тяжелая борьба. Наверное, многие из вас падут в этой борьбе, может быть, погибну и я, — но я верю в то, что Россия снова будет великой, могучей»{510}.

Корнилов собрался уходить, но его попросили остаться. Оказывается, ожидая командующего, офицеры пригласили городского фотографа и сейчас попросили Корнилова сфотографироваться с ними. Этот снимок (последний прижизненный снимок Корнилова) сохранился. В тесной, заставленной металлическими кроватями комнате столпилось множество людей. На первом плане — Корнилов. Он одет в длинное бесформенное пальто с меховым воротником, на голове — высокая барашковая папаха. Лицо его усталое и спокойное.

В начале января стало ясно, что большевики готовят генеральное наступление. Красное командование намеревалось вбить клин между территорией Дона и Украиной, где у власти находилась Центральная рада. Красные продвигались от Харькова и Луганска через Лозовую и Синельниково в направлении Новочеркасска и Ростова. 10 января штаб Добровольческой армии перебрался в Ростов. Сюда же переехала и семья командующего. Жена и дети Корнилова поселились в одноэтажном каменном доме на Ермаковском проспекте, сам же Корнилов большую часть времени проводил в помещении штаба.

Разместился штаб в особняке миллионера Парамонова на Пушкинской улице. Здание было недостроено, во многих комнатах еще не было обоев, мебель была самой разномастной. Генерал А.П. Богаевский вспоминал: «Большой дом Парамонова кипел жизнью как улей. С утра и до поздней ночи там шла нервная, лихорадочная работа, происходили совещания, приходила масса офицеров всяких чинов, сновали ординарцы с донесениями и приказами. Кроме генералов Алексеева и Корнилова, я встречал там генералов Деникина, Лукомского и многих других. Печать тревоги и тяжелой грусти лежала на всех

лицах: не слышно было шутки и смеха и громкого разговора…»[511]

Корнилов занял угловой кабинет на втором этаже. В комнате постоянно были опущены шторы, но огромная люстра под потолком давала вполне достаточно света. Для того чтобы попасть к командующему, нужно было пройти целый лабиринт комнат и приемную, где дежурили Хаджиев и второй адъютант командующего — поручик Долинский. Один из визитеров, побывавших у Корнилова в эти дни, вспоминает об этом так: «В светлом кабинете за большим письменным столом, в широком кожаном кресле сидел генерал, желтый, скуластый, с по-монгольски раскосыми глазами. Он, вероятно, был мал ростом и словно утонул в кресле — над столом виднелись только голова и плечи с погонами»[512].

В том же здании, но по другую сторону от вестибюля, располагался кабинет Алексеева. Они по-прежнему предпочитали не встречаться между собой. Даже в письменном виде генералы общались крайне редко, причем инициатором в таких случаях всегда выступал Алексеев.

По договоренности между Корниловым и Калединым Новочеркасск должны были защищать донские части, в то время как оборона Ростова передавалась добровольцам. Был еще третий фронт, южнее Ростова, у Батайска. Там добровольцам противостояли лишь немногочисленные отряды красных, и потому до начала февраля на этом участке царило относительное затишье.

На ростовском направлении линия противостояния проходила у станции Матвеев Курган примерно в 35 верстах к северу от Таганрога. Здесь оборону держали две роты — Ростовская и Георгиевская. Накануне Нового года в помощь к ним была переброшена рота 2-го Офицерского батальона и самодельный блиндированный поезд, вооруженный одним орудием. Общее командование отрядом принял полковник А.П. Кутепов. Под его началом было менее 300 человек. Силы же красных превышали по численности шесть тысяч[513].

Пользуясь этим перевесом, красные 11 января внезапной атакой захватили Матвеев Курган. Добровольцы отступили почти на 20 верст и встали у станции Неклиновка. Сюда из Ростова спешно были переброшены подкрепления. Все, что мог выделить Корнилов, — это две роты Офицерского батальона. Но и с этими силами добровольцы на следующий день сумели отбить новую атаку красных. Противник отошел к Матвееву Кургану и несколько дней не предпринимал никаких активных действий.

В Таганроге, крупном промышленном и торговом центре,

насчитывалось до 25 тысяч рабочих, в массе своей сочувствовавших большевикам. 14 января в городе началось восстание. В Таганроге стояла рота юнкеров численностью примерно 250 человек. В первые же часы восстания она оказалась разделенной надвое. Часть юнкеров засела на вокзале, вторая часть занимала Балтийский завод. Два дня осажденные отбивали атаки противника и лишь 16 января, отчаявшись получить помощь, решили пробиваться из города. При отступлении застрелился раненый командир отрада полковник Мастыко. Уйти от преследования удалось только половине юнкеров. Захваченные в плен, а также остававшиеся в госпиталях раненые были подвергнуты жестоким издевательствам и убиты.

Восстание в Таганроге коренным образом изменило ситуацию. Отряд Кутепова оказался зажат с двух сторон. К счастью, стало известно о существовании железнодорожной ветки в обход Таганрога. По ней отряд и отступил, увозя с собой артиллерию (два орудия), боеприпасы и раненых. Добровольцы закрепились на станции Бессергеновка восточнее Таганрога.

Не лучше обстояли дела и на «Новочеркасском фронте». Поразительно, но ни один казачий полк не внял приказу атамана выступить против большевиков. На фронте воевали исключительно партизанские отряды, сформированные из казаков-добровольцев. Живой легендой стал командир одного из таких отрядов есаул В.М. Чернецов. Он отличался безоглядной храбростью, заставлявшей вспомнить лучшие времена истории донского казачества. Но далеко не все его земляки следовали примеру Чернецова.

10 января в станице Каменской состоялся съезд фронтового казачества. Делегаты съезда объявили низложенными атамана и войсковое правительство и, в свою очередь, избрали Донской казачий военно-революционный комитет во главе с унтер-офицером Ф.Г. Подтелковым и прапорщиком М.В. Кривошлыковым. О подчинении Донскому ВРК объявил 21 казачий полк. Под началом же Чернецова было всего 400 сабель. Тем не менее Чернецов предъявил руководителям ВРК ультиматум, требуя подчиниться войсковому правительству. Получив отказ, он 17 января штурмом взял Каменскую. За эту фантастическую победу атаман Каледин произвел Чернецова, минуя чин, сразу в полковники.

Но даже храбрость Чернецова не могла компенсировать нехватку людей на фронте. Это заставило Каледина вновь обратиться за помощью к командованию Добровольческой армии. В распоряжение Чернецова были отправлены офицерская рота и артиллерийское орудие (то самое, «похоронное», которое

незадолго до того добровольцы хитростью взяли у казаков). Для маленькой Добровольческой армии и это было слишком тяжелой жертвой. Корнилов был крайне раздражен. В беседе с ростовскими журналистами он говорил: «Я рвался из Быхова на Дон, я верил в казаков, думал вместе с ними создать плотину, которая остановила бы всероссийский поток в бездну. И нашел тех же русских солдат…»{514}

Между добровольческим командованием и донскими властями нарастали взаимные претензии. Атаман полагал помощь со стороны добровольцев недостаточной, к тому же для него унизительными были сами эти просьбы. Корнилов же считал, что от него требуют невозможного. Он резонно говорил, что оборона Донской области — это дело прежде всего самих казаков.

15 января Каледин попросил экстренно созвать заседание Гражданского совета. Члены совета собрались в восемь часов вечера в особняке Парамонова. Участник этой встречи полковник Я.М. Лисовой вспоминал: «Тихим, по обыкновению, голосом, смотря куда-то в сторону, генерал Каледин начал свой доклад». Говорил он недолго и закончил такими словами: «Таким образом, нас постепенно но верно окружают со всех сторон, и выхода нет никакого, надеяться не на кого, абсолютно не на кого, кроме как на самих себя». После атамана выступали председатель правительства М.П. Богаевский и член Войскового круга П.М. Агеев. Сообщенные ими сведения еще более усугубили и без того мрачную картину.

«Генерал Алексеев, склонившись над столом, по обыкновению что-то отмечал в своей записной книжечке; П.Б. Струве и князь Г.Е. Трубецкой тихо перешептывались; атаман застыл в своей унылой позе; Агеев без конца ходил из угла в угол; Н.Е. Парамонов, мрачно насупившись и втянув голову в плечи, казалось, ничего не видел и не слышал, остальные члены совета тоже молчали… За стеной раздавался вой ветра и мокрый обледенелый снег, как песок, хлестал в стекла окон; изредка глухо доносились одиночные ружейные выстрелы и надоедливо, монотонно такала в соседней комнате пишущая машинка»{515}.

Встал Милюков и в своей речи обвинил в создавшейся ситуации донские власти. Каледин с досадой ответил: «Мы не за критикой сюда пришли». Напряженную ситуацию попытался разрядить Алексеев. Он сказал, что нужно бороться до конца, а если станет ясно, что сил нет, — «ну что ж, и это не так уж плохо; мы тогда уйдем к Саратову или куда-нибудь за Волгу и там соберемся с силами для новой борьбы — Добровольческая армия готова к этому».

Эти слова очень взволновали атамана. «Для меня большая

новость, — сказал он, — что Добровольческая армия собирается куда-то уходить из Донской области и что она даже уже готова к этому». Алексеев попытался что-то объяснить, но атаман, поклонившись всем, вышел, забыв даже в зале свою папаху{516}.

Донской атаман, 55-летний генерал от кавалерии А.М. Каледин был талантливым военным. Об этом говорит его участие в знаменитом наступлении 1916 года, когда возглавляемая им 8-я армия сыграла решающую роль в прорыве австрийского фронта. Но сейчас атаману приходилось действовать в непривычной для него политической сфере. К тому же сам Каледин был личностью сложной. На знавших его он производил впечатление человека, всегда погруженного в какие-то угрюмые думы. Никто никогда не видел его не то что смеющимся, но даже улыбающимся. «Сумрачный атаман» — эта характеристика в разных вариациях встречается у всех мемуаристов.

Мрачные настроения атамана передавались и окружающим. В атаманском дворце, всегда полном людьми, крыло, где находился кабинет Каледина, производило впечатление пустыни. Даже дежурные адъютанты предпочитали дольше необходимого не задерживаться в приемной. Деникин вспоминал о первой встрече с Калединым на Дону: «Каледин сидел в своем кабинете один, как будто придавленный неизбежным горем, осунувшийся, с бесконечно усталыми глазами»{517}. Таким же увидел его в эти дни и генерал Богаевский: «Алексей Максимович принял меня приветливо, со своим обычным сумрачным, без улыбки, видом. Он произвел на меня впечатление бесконечно уставшего, угнетенного духом человека. Грустные глаза редко поглядывали на собеседника»{518}.

Бесспорно, у Каледина чем дальше, тем больше было оснований для тяжелых дум. Принято считать, что пессимисты более реально, чем оптимисты, смотрят на окружающий мир. Но в критической ситуации, сложившейся в начале 1918 года на Дону, мрачный настрой атамана не помогал найти выход, а, скорее, усугублял происходящее.

Крайне тяжелое впечатление на Каледина, да и не только на него, произвела гибель Чернецова. 20 января отряд Чернецова атаковал станцию Глубокая, но, наткнувшись на ожесточенное сопротивление противника, отступил. Ночью остатки отряда были атакованы превосходящими силами конницы красных. Командовавший красной кавалерией войсковой старшина Голубов честным словом офицера обещал Чернецову пропустить его и его партизан при условии сдачи оружия. Слова своего Голубов не сдержал и отправил пленных на станцию Глубокая под конвоем, которым командовал уже упоминавшийся Подтелков. По

дороге пленные предприняли попытку убежать, но Чернецов при этом был зарублен лично Подтелковым.

Деникин писал: «Со смертью Чернецова как будто ушла душа от всего дела обороны Дона. Все окончательно разваливалось»[519]. Начались проблемы и на ростовском участке фронта. 27 января красные предприняли наступление на позиции отряда Кутепова. Хотя противник и был остановлен, угроза обхода справа заставила Кутепова отойти на станцию Синявская. На следующий день новое, на этот раз удачное, наступление красных вынудило отряд отойти еще на 20 верст к востоку на станцию Хопры. До Ростова оставалось всего 10 верст. Корнилов, опасаясь остаться без резервов, приказал добровольцам, воевавшим на Новочеркасском направлении, отходить к Ростову. Известие об этом подтолкнуло Каледина к роковому решению.

Утром 29 января в атаманском дворце в Новочеркасске состоялось заседание войскового правительства. Каледин прочитал собравшимся телеграммы Алексеева и Корнилова. После этого он сообщил, что столицу далее оборонять невозможно, в последние дни на помощь фронту удалось мобилизовать всего 147 штыков. «Положение наше безнадежно, — заключил он. — Население не только нас не поддерживает, но и настроено нам враждебно. Сил у нас нет и сопротивление бесполезно. Я не хочу лишних жертв, лишнего кровопролития; предлагаю сложить свои полномочия и передать власть в другие руки. Свои полномочия войскового атамана я с себя слагаю».

После этого он поднялся на второй этаж дворца, туда, где располагались жилые помещения. Через несколько минут раздался выстрел. Жена и адъютант Каледина, вбежавшие в комнату, увидели следующую картину: «На кровати лежал Алексей Максимович, уже мертвый. Голова немного свесилась на правую сторону, слегка приоткрытый рот. Левая рука на груди, правая вытянулась, уронив револьвер»[520]. Похоронили Каледина 2 февраля тут же, в Новочеркасске, возле ограды кладбищенской церкви.

Новым донским атаманом был избран генерал А.М. Назаров. Первым же своим приказом он объявил мобилизацию всего казачьего населения в возрасте от 17 до 55 лет. «Приказываю всем, способным носить оружие, встать на защиту Дона. Объявляю всеобщую мобилизацию. Станицам и хуторам в тот же час по объявлении сформировать пешие и конные дружины, которые направлять в г. Новочеркасск в мое распоряжение»[521].

Решительные меры нового атамана возродили исчезнувшие было надежды. Корнилов, который был уже готов отдать распоряжение оставить Ростов, по совету других генералов

согласился подождать еще несколько дней. Добровольческий штаб официально успокаивал население города: «Ростов располагает вполне определенными устойчивыми самостоятельными силами. Силы эти укрепляются со дня на день: запись в Добровольческую армию превышает всякие ожидания. В распоряжении добровольческих отрядов имеется достаточное количество снаряжения, экипировки и т. д.»{522}

На деле все было гораздо хуже. Приток новых добровольцев сократился до минимума. Внешне город жил прежней жизнью, спокойной и оживленной. В кинотеатре «Возрождение» шел фильм «Позабудь про камин, в нем погасли огни» с В. Холодной и О. Руничем в главных ролях. В «Кинопаласе» — «Отец и сын» — «большой русский боевик с участием любимца публики И. Мозжухина». По-прежнему были открыты рестораны, кафе. Но в темное время появляться на улицах города, а в особенности в рабочем предместье Темернике, стало небезопасно. Нападения на офицеров, а то и убийства одиночек, стали делом ежедневным.

Приближение развязки чувствовалось всеми. Н.Н. Богданов, в ту пору глава интендантской службы армии, вспоминал: «Генерал Корнилов все время очень нервничал. Он то проявлял кипучую деятельность и входил во все дела, то бросал дело и относился безучастно»{523}. В конце января Корнилов отправил жену и детей с надежным сопровождающим во Владикавказ, где они должны были переждать тревожные дни. Прощаясь с семьей, не знал, что видит ее в последний раз.

Между тем становилось очевидно, что ситуация безнадежна. «Новочеркасский фронт» фактически рухнул. Войсковое правительство послало делегацию в станицу Каменскую для переговоров с Донским ревкомом. Но красные, уже ощущая себя победителями, не соглашались ни на что другое, кроме капитуляции. 1 февраля красные начали наступление на батайском участке фронта. После ожесточенного боя добровольцы были вынуждены оставить Батайск и перейти на правый берег Дона. У Хопра, где полковника Кутепова в качестве командира отряда сменил генерал Черепов, добровольцы с трудом сдерживали многократно превосходящего противника. 8 (21)[11] февраля красные перешли в наступление. Отряд Черепова стал откатываться к Ростову.

Дальнейшее промедление могло погубить все дело. Вечером 8 февраля Корнилов подписал приказ, текст которого мы приведем полностью:

«Ввиду наступления значительных сил противника и отсутствия помощи со стороны казаков, я решил части Добровольческой армии отвести к Аксаю.

Приказываю:

1. Частям Юнкерского батальона, отряда полковника Ширяева и морской роты, кадру Корниловского полка, общежитию лазарета № 8 и взводу артиллерии, сосредоточившись к Лазаретному городку, выступить в 20 часов под общим началом генерала Боровского и следовать по дороге севернее Нахичевани на станицу Аксай.

2. Партизанскому отряду полковника Симановского выступить в 20 часов, следовать кратчайшим путем и расположиться у пересечения железной дороги западнее станции Александровской у будки на грунтовой дороге из Нахичевани в Аксай, составить левый арьергард. Дальнейший отход по особому приказанию.

3. Георгиевскому и Корниловскому полкам со своей артиллерией выступить от восточной окраины станицы Гниловской и следовать через вокзал севернее Нахичевани на станицу Аксай.

4. Всем партизанским отрядам полковника Краснянского, отряду полковника Кутепова сняться в 21 час с позиций и, следуя севернее городов Ростова и Нахичевани, отходить на станицу Аксайскую, оставив дивизион полковника Гершельмана у будки на перекрестке дорог железной и грунтовой из Ростова, где войти в состав правого арьергарда генерала Боровского.

5. Отрядам полковника Борисова выступить с вокзала в 21 час 30 минут и следовать по дороге севернее Нахичевани на железнодорожную будку у перекрестка дорог шоссейной и грунтовой, ведущей из Ростова на Новочеркасск. Восточнее реки Кизеттеринки, где составить левый арьергард. Дальнейший отход по особому приказанию.

6. Отрядам генерала Маркова выступить в 21 час со станции Заречная и следовать на станицу Ольгинская.

7. Я буду следовать при колонне генерала Боровского.

Генерал Корнилов».

Отступлением из Ростова начиналась новая эпоха в истории Добровольческой армии. Никто тогда не знал, что это будет и последний эпизод в жизни Корнилова.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ.
ЛЕДЯНОЙ ПОХОД

ОЛЬГИНСКАЯ

Вечером, когда уже стемнело, в вестибюле особняка Парамонова собралось все руководство Добровольческой армии. Пешком по неосвещенным улицам генералы и чины штаба добрались до казарм Ростовского полка в Лазаретном городке, где был назначен пункт сбора. Накануне выпал снег и запорошил тротуары и мостовые. Вдали на Темернике и в районе вокзала слышались редкие ружейные выстрелы. «На улицах — ни души. Негромко отбивается нога. Приказано не произносить ни звука. Попадаются темные фигуры, спрашивают: “Кто это?” Молчание. “Кто это идет?” Молчание. “Давно заждались вас, товарищи”, — говорит кто-то из темных ворот. Молчание»{524}.

Долго ждали подхода остальных частей. Настроение у всех было подавленное, ибо происходящее слишком напоминало поспешное бегство. То, что это было именно бегство, подтверждается многими деталями. Несмотря на явную опасность переправы через Дон в темноте, Корнилов увел армию ночью, тайно. Приказ об оставлении Ростова был неожиданным не только для рядовых добровольцев, но и для многих генералов. Деникин, например, начал поход в штатском платье и легких ботинках, не успев достать сапоги. В городе остались большие запасы одежды и продовольствия, уже по дороге из Ростова пришлось бросить бронеавтомобили, так как для них забыли захватить бензин.

Но главное: с Добровольческой армией уходили те, у кого не было другого выхода, кто не мог оставаться, не опасаясь мести победителей. Утром последнего дня пребывания в Ростове командир Студенческого батальона, состоявшего в основном из местных уроженцев, генерал А.А. Боровский объявил о том, что желающие могут вернуться домой. Ушли многие, но к вечеру большинство вернулось, объясняя это следующим: «Все соседи знают, что мы были в армии, товарищи или прислуга выдадут»{525}.

Наконец, уже ближе к полуночи, двинулись в путь. Деникин так вспоминал этот исход: «По бесконечному гладкому снежному полю вилась темная лента. Пестрая, словно цыганский табор: ехали повозки, груженные наспех и ценными запасами и всяким хламом; плелись какие-то штатские люди; женщины в городских костюмах и в легкой обуви вязли в снегу. А вперемежку шли небольшие, словно случайно затерянные среди “табора”, войсковые колонны — все, что осталось от великой некогда русской армии…»{526}

Корнилов шел впереди армии. Шел пешком по глубокому снегу. Командир проезжавшего мимо конного дивизиона предложил командующему коня, но тот отказался. Всю дорогу Корнилов был хмур и мрачен. Это нетрудно понять, ведь даже ближайшее будущее сулило мало хорошего. Предчувствия стали сбываться очень скоро. Когда на рассвете армия подошла к Аксайской станице, где предполагалось остановиться на отдых, выяснилось, что станичный сход постановил «держать нейтралитет» и отказывается впустить добровольцев.

Начинать поход с карательных операций означало бы окончательно восстановить против себя местное население. Корнилов послал для переговоров Романовского и Деникина. После полутора часов утомительных бесед атаман и станичное правление согласились впустить в станицу войска при условии, что они не станут задерживаться дольше, чем на полдня. Говорили, что решающую роль в переговорах сыграл ординарец Корнилова, намекнувший атаману, что уже решено в случае отказа смести станицу из пушек.

После короткого отдыха армия переправилась через Дон. Лед на реке уже подтаял и угрожающе трещал. Первым на другой берег перешел генерал Алексеев — пешком, опираясь на палку, как бы ощупывая ею крепость льда. Корнилов переехал Дон верхом во главе своего конвоя и, остановившись на высоком левом берегу, пропускал проходившие мимо части, здороваясь с ними. Уже через час армия вошла в станицу Ольгинскую, где и расположилась на отдых. Остаток дня и ночь прошли спокойно. Лишь на рассвете со стороны Нахичевани было произведено несколько орудийных выстрелов, однако снаряды взорвались на окраине станицы, не причинив никому вреда. Одновременно красная конница атаковала стоявший в охранении отряд сотника Грекова, но и в этом случае без особого успеха. После этого красные оставили армию в покое.

Следующее утро выдалось на удивление теплым и погожим. Яркое, почти весеннее солнце, казалось, прогнало все страхи предыдущих дней. Пользуясь передышкой, добровольцы приводили в порядок оружие и снаряжение. Спешно комплектовались конница и обоз, по диким ценам, не торгуясь, закупали лошадей и телеги.

В Ольгинской был проведен учет наличных сил. К этому времени в армии числилось около трех с половиной тысяч человек. Состав отряда был по преимуществу офицерским: три полных генерала, восемь генерал-лейтенантов, 25 генерал-майоров, 190 полковников, 52 подполковника, 215 капитанов, 251 штабс-капитан, 394 поручика, 535 подпоручиков, 688

прапорщиков, нижних чинов 1067 (из них 437 кадет и юнкеров), 630 добровольцев, 148 врачей и медицинских сестер и 118 гражданских беженцев. Артиллерия была представлена четырьмя батареями по два трехдюймовых орудия в каждой. Боеприпасы — по 200 патронов на винтовку и примерно 600 снарядов.

Ко времени ухода из Ростова в армии насчитывалось 25 отдельных частей — батальонов, рот и отрядов. Во время стоянки в Ольгинской была проведена реорганизация, в итоге которой структура армии стала выглядеть следующим образом: 1-й офицерский полк под началом генерала С.Л. Маркова; Юнкерский батальон под командованием генерала А.А. Боровского; Корниловский ударный полк во главе с полковником М.О. Неженцевым; Партизанский полк генерала А.П. Богаевского; артиллерийский дивизион; чехословацкий инженерный батальон и конные отряды полковников Глазенапа, Гершельмана и Корнилова.

12 (25) февраля, на третий день пребывания в Ольгинской, в восемь утра на главной станичной площади выстроилась вся армия. Не все еще были в курсе проведенной реорганизации, и потому много времени ушло на перемещение из одних колонн в другие. Наконец, около 11 часов движение на площади прекратилось. Раздалась команда:

— Смирно! Господа офицеры!

Перед строем показалась группа всадников во главе с Корниловым. Рядом с командующим ехал казак с трехцветным русским флагом в руках. Один из участников похода вспоминал: «Генерала Корнилова не все видели раньше, но все сразу же узнали его. Он и национальный флаг! В этом было что-то величественное, знаменательное, захватывающее! Взоры всех и чувства были направлены туда. Те, кто ехали за ним, люди в шинелях, кожухах, штатских пальто, — не привлекали внимания»{527}.

Корнилов лично представил добровольцам новых начальников, а после этого устроил отдельный смотр Юнкерскому батальону. Во время смотра командующий произвел всех юнкеров в чин прапорщиков, а кадетам старших классов дал новое звание — «походных юнкеров». Всем вновь произведенным офицерам немедленно были выданы погоны, заготовленные еще в Ростове. Отличительным знаком «походных юнкеров» стала ленточка национальных цветов, нашитая по нижнему ранту их кадетских погон.

Этот эпизод еще раз подтверждает то, что Корнилов хорошо знал психологию военной молодежи. Для вчерашних юнкеров производство в офицеры затмевало все ужасы недавнего

прошлого и непредсказуемого будущего. Казалось, что все не так страшно, что происходящее — что-то вроде маневров и армия вот-вот вернется домой, где ее встретят букеты и радостные лица.

Ощущение того, что война «не в самом деле», а «понарошку», усугублялось тем, что в Ольгинскую неожиданно нагрянула целая толпа журналистов из Ростова. Корнилов принял их в помещении штаба армии, напротив станичного правления. В изложении Николая Литвина, корреспондента газеты «Вольный Дон», слова командующего выглядели следующим образом: «Я буду продолжать и развивать борьбу. Я вывел армию из Ростова, потому что в обывателе, насмерть перепуганном приближением противника, мы уже не могли встретить не только активной, но и моральной поддержки. Нельзя было подвергать город бомбардировке, а это было бы неизбежно, если бы моя армия продолжала оставаться в Ростове»{528}.

Журналистов в первую очередь интересовали планы Корнилова. Ответ был вполне определенным:

— Куда я направляюсь? Лишь только соберу все части армии и приведу их в порядок — я тотчас же перейду сюда.

И генерал обвел на карте карандашом кружок вокруг станицы Великокняжеской{529}.

Сознательно или нет, но Корнилов в данном случае лукавил, так как вопрос о дальнейшем направлении движения армии был к этому времени еще не решен. Месяцем ранее в штабе Добровольческой армии был разработан план перенесения военных действий в район Царицына и Астрахани. В это время на Дон прибыла депутация астраханского казачества во главе с И.А. Добрынским, полагавшим себя давним сподвижником Корнилова и потому предъявлявшим претензии на особые права. Депутация известила о том, что в Астрахани готовится антибольшевистское восстание и помощь добровольцев может оказаться решающей.

Во исполнение этого замысла в станице Нижне-Чирской у границ Астраханской губернии был создан тайный центр во главе с полковником А.В. Корвин-Круковским, снабженным документами на имя «японского полковника Ака»{530}. Конечно, столь экзотический способ конспирации может внушить сомнения в достоверности этой информации. Но здесь нужно иметь в виду, что Корвин-Круковский действительно чертами лица напоминал японца и был известен среди офицеров под прозвищем «Микадо». Подтверждением того, что «астраханский план» рассматривался вполне серьезно, служит и то, что как раз в это время в Москву были направлены полковники Перхуров, Страдецкий и капитан Клементьев. Им было поручено сформировать из числа находившихся в столице офицеров кадр пехотного полка и

артиллерийского дивизиона с последующим перебазированием их в Астрахань{531}. Однако восстание в Астрахани началось тогда, когда Ростов и Новочеркасск уже были блокированы с севера войсками красных. Поэтому от первоначальных замыслов пришлось отказаться.

В двадцатых числах января, когда Корнилов впервые известил донского атамана о намерении покинуть Ростов, разрабатывался новый план, предполагавший сосредоточение армии в районе узловой станции Тихорецкая. В этой связи уже были сделаны некоторые приготовления — на станцию Батайск отправлены эшелоны с боеприпасами и снаряжением. Но недельное промедление привело к тому, что железная дорога на Ставрополь и Екатеринодар оказалась в руках красных. Оставалась возможность походным порядком пробиваться на Кубань или идти на север Донской области, в район «зимовников», то есть степных хуторов на зимних пастбищах.

Сам Корнилов склонялся ко второму варианту. Однако это решение вызвало резкий протест со стороны Алексеева. Во время пребывания в Ольгинской, 12 (25) февраля 1918 года, он обратился к Корнилову с письмом:

«Из разговоров с генералом Эльснером и Романовским я понял, что принят план ухода отряда в зимовники, к северо-западу от станицы Великокняжеской. Считаю, что при таком решении невозможно не только продолжение нашей работы, но даже при надобности и относительно безболезненная ликвидация нашего дела и спасения доверивших нам судьбу людей. В зимовниках отряд очень скоро будет сжат с одной стороны распустившейся рекой Доном, с другой стороны железной дорогой Царицын — Торговая — Тихорецкая — Батайск, причем все железнодорожные узлы и выходы грунтовых дорог будут заняты большевиками, что лишит нас совершенно возможности получать пополнения людьми и предметами снабжения, не говоря уже о том, что пребывание в степи поставит нас в стороне от хода событий в России»{532}. Алексеев настаивал на немедленном созыве военного совета для принятия окончательного решения.

Совет собрался вечером того же дня. Мнения его участников разделились. Марков и Богаевский поддержали Корнилова, в то время как Алексеев, Деникин и Романовский высказались за то, чтобы увести армию на Кубань на соединение с войсками кубанского правительства и формировавшимися в Екатеринодаре добровольческими частями. Корнилов колебался, но все же дал понять, что готов идти на Кубань. Нерешительность Корнилова во многом объяснялась тем, что, наученный опытом пребывания на Дону, он меньше всего хотел опять оказаться в зависимости от

казачьих политиков, на этот раз кубанских. Он, как бы это не выглядело фантастически, еще не отказался от планов перенесения центра антибольшевистского сопротивления в Сибирь. Уже из Ольгинской для связи с сибирскими подпольными центрами был командирован полковник Д.А. Лебедев, ставший позднее начальником штаба у адмирала Колчака.

На следующий день в Ольгинскую прибыл донской походный атаман П. Х. Попов со своим начальником штаба полковником В.И. Сидориным. К слову сказать, это был тот самый полковник Сидорин, который не лучшим образом проявил себя, стоя во главе петроградского подполья. Точно также упомянутый выше полковник Лебедев — это тот связной, посланный из Ставки к генералу Крымову. Через полгода после августовских событий большая часть участников «корниловского дела» вновь встретилась на Дону.

Попов и Сидорин ушли из Новочеркасска буквально за час до вступления в город большевиков, уводя с собой небольшой отряд в полторы тысячи человек при пяти орудиях и 40 пулеметах{533}. От прибывших стали известны подробности последних дней белого Дона. После ухода Корнилова Малый круг решил послать парламентеров к большевикам с просьбой прекратить военные действия, так как Добровольческая армия, борьба с которой объявлялась раньше главным поводом похода на Дон, покинула пределы области. Но полученный ответ не вызывал сомнений в намерениях победителей. Последующие дни депутаты провели в бесполезных прениях. Вечером 12 (25) февраля в разгар очередного заседания в зал ворвались красные. Атаман и члены правительства с сорванными погонами были препровождены на гауптвахту. Позднее атаман А.М. Назаров и председатель Малого круга войсковой старшина Е.А. Волошинов были расстреляны вместе с другими генералами и старшими офицерами.

Приезд походного атамана заставил Корнилова изменить прежние намерения. 13 (26) февраля около полудня вновь был созван военный совет. Помимо Корнилова и Алексеева на нем присутствовали Деникин, Романовский, Марков, Богаевский, а также генерал А.С. Лукомский, приехавший накануне из Новочеркасска, где он был представителем армии при донском правительстве.

Приглашенные на совещание Попов и Сидорин категорически отказались уходить с Дона. Они вновь предложили Корнилову уйти в район «зимовников» в междуречье Дона и Сала, поскольку казаки неизбежно поднимутся против большевиков и нужно лишь переждать время. Неожиданно их поддержал генерал Лукомский. Он заявил, что «зимовники» — лучшее место для того, чтобы

армия успела отдохнуть, пополнить конский состав и подготовиться к боям. Это должно было, по его мнению, занять не больше полутора месяцев, после чего возможным станет и движение на Кубань. В настоящее же время поход на Екатеринодар грозит гибелью всего дела.

К этой же позиции в итоге склонился и Корнилов, лишь уточнив направление отхода армии. Им должна была стать все та же станица Великокняжеская. С одной стороны, это был степной район вдали от железнодорожных линий, что и являлось главным преимуществом «зимовников». С другой — Великокняжеская находилась в относительной близости от границ Кубанской области, что давало возможность в случае необходимости вернуться к первоначальному варианту.

Алексеев был очень недоволен принятым решением. Вечером он попытался вновь собрать высший генералитет на совещание, но переубедить Корнилова ему не удалось. В итоге было постановлено, что донской отряд генерала Попова идет непосредственно в «зимовники», в то время как Добровольческая армия следует на юг по направлению к станице Егорлыцкой. Там, по слухам, находились большие склады боеприпасов, которых так не хватало добровольцам. От Егорлыцкой армия должна была повернуть на восток и соединиться с донцами в районе Великокняжеской.

Тот вечер в Ольгинской запомнился многим. Спокойная, почти нормальная жизнь заканчивалась навсегда. Во всяком случае, заканчивалась она для Корнилова. Около шести вечера Корнилов вышел на крыльцо проститься с генералом Поповым. Полковник Сидорин уже сидел на лошади.

— Значит, вы меня известите немедленно, как только переговорите со своими. Время не терпит! Вы сами знаете, в каком положении дела.

— Так точно, Ваше превосходительство.

Попов и Сидорин в сопровождении 20 казаков покинули станицу, Корнилов же прошел в дом, где горела керосиновая лампа, а на столе был готов скромный ужин. Хаджиев принес рюмку и бутылку водки. Вошел Деникин. Корнилов обратился к адъютанту:

— Есть ли у вас еще рюмочка?

Пока Хаджиев наливал, Деникин спросил:

— Где вы, Лавр Георгиевич, добываете неисчерпаемое количество влаги, так необходимой в такие тяжелые дни? Проклятье, никто не хочет продать Малинину[12] и нигде не найти.

Корнилов кивнул на адъютанта:

— Вот Хан знает, где находится запас.

— Хан, пожалуйста, скажите Малинину, где вы добываете, — попросил Деникин.

— Тогда, Ваше высокопревосходительство, вы не удостоите вниманием наш скромный обед.

Корнилов, улыбаясь, сказал:

— Хан, нет ли у вас еще для одной рюмки?{534}

Ни о чем серьезном за ужином не говорили. Все присутствовавшие понимали, что завтра начнется совсем другая жизнь и такой вечер больше не повторится.

Утром 14 (27) февраля 1918 года Добровольческая армия покинула Ольгинскую. Предыдущие дни были ясными и солнечными, а сейчас небо было покрыто низкими свинцовыми тучами. Генерал А.П. Богаевский вспоминал: «По широкой грязной улице привольно раскинувшейся станицы уныло шла колонна добровольцев. Бедно и разнообразно одетые, разного возраста, с котомкой за спиной и винтовкой на плече, они не имели вида настоящей подтянутой воинской части. Это впечатление переселяющегося цыганского табора еще более увеличивалось многочисленным и разнообразным обозом, с которым ехали раненые и еще какие-то люди»{535}. За околицей станицы лежала голая, заснеженная степь.

«КОЧУЮЩАЯ АРМИЯ»

Покинув Ольгинскую, армия двинулась по направлению к станице Хомутовской. Дорога была не слишком долгой, но тяжелой — люди и повозки буквально утопали в липкой грязи. Расположились на ночлег кто как сумел. Обоз остановился на самой окраине станицы, поскольку никому не хотелось терять драгоценные минуты отдыха.

Расплачиваться за эту беспечность пришлось весьма скоро. На рассвете красные атаковали станицу, предварительно открыв огонь из орудий и пулеметов. Контратака добровольцев заставила красных отступить, и, в общем-то, все это скоротечное сражение обошлось малой кровью. Однако этот инцидент научил многому, и отныне армия не останавливалась на ночевку, не обеспечив предварительно должного охранения.

В тот же день, после двадцативерстного перехода, добровольцы пришли в станицу Кагальницкую, где и задержались на два дня. Красные больше не показывались, что позволило армии еще дважды останавливаться на дневки в станицах Мечетинской и Егорлыцкой. Известный эмигрантский литератор, а в ту пору прапорщик Корниловского полка Р.Б. Гуль вспоминал: «Опять идем по бескрайней белой степи… Один день похож на другой. И не отличить их, если б не весеннее солнце, начавшее заменять белизну ее черными проталинами и ржавой зеленью…»{536} Начинавшаяся весна создавала свои проблемы. «Переходы эти были невероятно мучительны, — писал позднее другой участник похода. — Днем на солнце сильно таяло, и черноземная дорога превратилась в вязкое, невылазное болото. Улицы в селениях сделались совсем непроходимыми. И лошади, и люди прямо выбивались из сил. Повозки были нагружены тяжело для сокращения обоза. Приходилось разгружать, временно оставлять одни повозки на топких местах, а коней припрягать к другим, да и самим впрягаться, чтобы только вывезти из котловины»{537}.

Для того чтобы преодолеть восемьдесят с небольшим верст от Ольгинской до Егорлыцкой, армии понадобилось шесть дней. Такая медлительность объяснялась не только тяжелыми условиями перехода. Главная причина была в том, что добровольческое командование так и не определило окончательно направление дальнейшего движения. Распоряжения Корнилова отражали его колебания. С одной стороны, еще из Ольгинской на Кубань для установления контактов с краевым правительством был командирован генерал Лукомский. С другой

— в район «зимовников» был направлен конный отряд полковника В.С. Гершельмана. С его уходом вся добровольческая конница свелась к отряду полковника П.В. Глазенапа числом в 13 человек «разного возраста, чина и даже пола»{538}. Позднее кавалеристы Гершельмана нагнали армию уже на Кубани.

Командование старалось утаить свои колебания от подчиненных, но до конца это было сделать невозможно. Журналист Б.А. Суворин вспоминал: «Самое тяжелое за весь этот переход, который закончился для нас возвращением на Дон 21 апреля, было чувство совершенной неизвестности. Одни думали, что мы будем уходить за Волгу и в Сибирь, другие мечтали пробраться поодиночке на Север России. Неизвестность угнетала нас от самого начала похода»{539}.

Планы Корнилова были неизвестны не только рядовым добровольцам, но и старшим генералам. Алексеев только на третий день после того, как армия покинула Ольгинскую, понял, что Корнилов ведет ее в «зимовники». Во время стоянки в Кагальницкой 16 февраля (1 марта) 1918 года он обратился к Корнилову с письмом. Этот документ слишком велик, чтобы приводить его дословно, и потому мы ограничимся наиболее важными выдержками.

«Милостивый государь, Лавр Георгиевич, настроение среди офицерского состава Добровольческой армии, по имеющимся у меня сведениям, нервное и неуверенное. Главнейшею причиной такого нежеланного состояния является полное отсутствие для всех освещения, во имя чего и как будет в ближайшее время действовать армия, какую задачу она ставит себе. Проникающие различные слухи, между прочим, и об уходе в зимовники, не успокаивают, а, напротив, усугубляют, в связи с событиями 15 февраля, нервность и порождают нарекания на лиц, которые взяли на себя нравственную ответственность за судьбу тех, которые во имя служения Родине доверили себя руководству и командованию всей нашей организации…

Как 12 февраля, так и теперь, я считаю себя обязанным высказать, что остановка в зимовниках грозит армии опасностью, что ко времени возможного выступления из этого района армия окажется окруженною и обреченною на борьбу в условиях исключительно тяжелых, быть может, безысходных и несравнимых с обстановкою настоящей минуты».

Алексеев полагал, что «идея движения на Кубань понятна массе, она отвечает и той обстановке, в которой армия находится… Она требует деятельности, от которой не отказывается большая часть армии». Исходя из этого, он считал необходимым немедленно принять четкое решение и сообщить

его не только старшим начальникам, но и всем чинам армии. «Я добавлю к этому, — писал Алексеев, — что в центрах — Москве и Петрограде, — по-видимому, назревают крупные события. Вывести на это именно время из строя, хотя и слабую и усталую, Добровольческую армию можно только с риском, что она навсегда уже утратит свое значение в решении общегосударственной задачи»{540}.

В ответе Корнилова, датированном следующим днем, чувствуется плохо скрываемое раздражение: «Милостивый государь, Михаил Васильевич, крайне сожалею о существовании в частях Добровольческой армии толков и пересудов, волнующих массы. Я должен отметить, что по имеющимся у меня сведениям распространением таких толков и слухов занимаются прежде всего чины политического отдела, настроение которых далеко не спокойное, что и сказалось в их поведении 15 февраля при обстреле ст. Хомутовской. Я усердно прошу Вас принять в этом отношении меры.

Что касается вопроса о возможности пребывания в течение некоторого времени на зимовниках, то он будет решен на основании данных разведки по выходе частей Добровольческой армии к станице Егорлыцкой. Во всяком случае, свертывать на Кубань немедленно нам не представляется возможным по многим причинам и прежде всего потому, что к нам должны присоединиться наши конные отряды полковника Гершельмана и подполковника Яновского.

Я ясно себе представляю, что единственная цель нашего движения на Кубань — это поставить Добровольческую армию в условия возможной безопасности и предоставить возможность ее составу разойтись, не подвергаясь опасности быть истребленными.

Что касается выполнения каких-либо государственных задач, то я признаю, что при существующей организации управления Добровольческой армии и при постоянном вмешательстве политического отдела в вопросы, не подлежащие его ведению, это невозможно, почему при выходе на Кубань я немедленно слагаю с себя командование Добровольческой армией и совершенно прекращаю свои отношения к организации…»{541}

Увы! Умение выражать свои мысли на бумаге коротко и ясно к числу талантов Корнилова не относилось. Но, если вчитаться в этот многословный текст, можно заметить некоторые любопытные детали. Видно, что командующий не был уверен в будущем Добровольческой армии. В это время целью похода на Кубань для него прежде всего была возможность самороспуска армии. К слову сказать, Алексеев видел будущее примерно так

же: «Распустим офицеров, дав им денег и предложив самостоятельно, через Кавказские горы, пробираться кто куда пожелает или будет в состоянии»{542}.

Обратим внимание еще на одно обстоятельство. Попытку Алексеева настоять на «кубанском варианте» Корнилов расценил как вмешательство в свои дела и, как и прежде, отреагировал на это крайне болезненно. Можно было ожидать, что он из упрямства будет настаивать на уходе в «зимовники». Однако всего два дня спустя, 20 февраля (5 марта) 1918 года, во время стоянки в Егорлыцкой официально было объявлено о том, что армия идет на Екатеринодар.

Мотивы этого решения командующий, судя по всему, не сообщил даже ближайшим помощникам. Позднее, когда Деникин собирал материалы для «Очерков русской смуты», он запросил по этому поводу других участников похода. В полученных ответах говорилось о том, что «зимовники» были признаны неудобными для размещения армии, поскольку находились на большом удалении друг от друга, к тому же там не было необходимых запасов топлива и продовольствия. Силы же кубанцев, из-за отсутствия регулярной связи с Екатеринодаром, сильно преувеличивались{543}.

Эти аргументы, несомненно, учитывались, но все же они не до конца раскрывают причины решения Корнилова. Сам он, как это видно из отправленного им в середине января письма командованию Румынского фронта, отнюдь не обольщался в отношении ситуации на Кубани{544}. Трудности же пребывания в «зимовниках» были известны и ранее. Объяснение, как нам кажется, нужно искать в уже отмечавшихся особенностях характера Корнилова. Нередко в критических ситуациях он проявлял странную нерешительность. Необходимо было стороннее влияние, причем подчас исходящее от случайных, отнюдь не самых близких командующему лиц, для того, чтобы побудить его прекратить колебания. Но с этого момента принятое решение становилось исключительно его решением. Корнилов умел убеждать и себя, и окружающих в том, что выбор сделан им самостоятельно, а прежние советчики оказывались не у дел. Напомним, что на совещании в Ольгинской наиболее рьяно поход в «зимовники» отстаивал генерал Лукомский. Теперь же Лукомского с армией не было, а Деникин, как и Алексеев, был сторонником кубанского направления.

Утром 21 февраля (6 марта) 1918 года армия выступила из Егорлыцкой в направлении Лежанки. Это богатое и многолюдное село находилось уже в Ставропольской губернии, в той ее части, которая узким клином разделяла Донскую и Кубанскую области.

Добровольческое командование знало, что в Лежанке сосредоточены большие силы красных. В данном случае это были не плохо организованные отряды из числа местных уроженцев, а солдаты большевизированной 39-й пехотной дивизии, наводившей ужас на весь Северный Кавказ.

Шли долго, дважды останавливались на отдых. До Лежанки было 22 версты, и Корнилов в преддверии боя берег силы добровольцев. Наконец дорога поднялась на вершину холма. Отсюда было видно все село, до которого оставалось около версты. Неожиданно со стороны Лежанки раздались орудийные выстрелы. Позиции красных защищала река Средний Егорлык — неширокая, но болотистая и уже свободная ото льда. Дорога выводила прямо на мост. Справа, у западной околицы, в районе кирпичного завода, находилась плотина с дамбой.

Корнилов приказал Офицерскому полку атаковать противника в лоб. Корниловский полк получил приказ нанести фланговый удар в районе дамбы. Красные открыли шквальный огонь из винтовок и пулеметов. Р.Б. Гуль вспоминал: «Мы идем цепью по черной пашне. Чуть-чуть зеленеют всходы. Солнце блестит на штыках. Все веселы, радостны — как будто не в бой…»{545} Офицерский полк двигался под пулями в полный рост, почти не ускоряя шаг. Впереди, опираясь на палку, шел помощник командира полка полковник Тимановский с трубкой в зубах. Не выдержав, красные бросились врассыпную. Одновременно с запада в село ворвались корниловцы. Все сражение заняло менее получаса.

Генерал А.П. Богаевский позднее писал: «Этот первый в походе правильный бой, окончившийся полной нашей победой, имел для Добровольческой армии огромное нравственное значение. Явилась твердая вера в Корнилова и других начальников, уверенность в своих силах и в том, что лучший способ разбить большевиков — решительное наступление, не останавливаясь перед естественными преградами, сильнейшим огнем и превосходными силами противника»{546}. Но в то же время в этом бою проявились и те проблемы, которые в течение всего похода осложняли жизнь Добровольческой армии. Прежде всего это нехватка резервов и отсутствие конницы, что затрудняло разведку и делало невозможным преследование разбитого врага.

Когда армия вошла в Лежанку, выяснилось, что она почти покинута жителями. Деникин писал об этом: «Мы входим в село, словно вымершее. По улицам валяются трупы. Жуткая тишина. И долго еще ее безмолвие нарушает сухой треск ружейных выстрелов: “ликвидируют” большевиков… Много их…»{547} На

следующий день в сельской церкви прошла панихида по погибшим добровольцам. Их было четверо (17 человек получили ранения разной тяжести). Красные потеряли 540 (по другим данным — 507) человек, причем большая их часть была убита не в бою, а уже после боя{548}.

Первые часы пребывания в Лежанке ознаменовались серией кровавых расправ над захваченными в бою красными. Когда генералу Маркову доложили о пленных, его первой реакцией было: «На кой черт вы их взяли?» Подчиненные поняли генерала правильно — не успел он отъехать, как сзади раздались выстрелы{549}. Командир Корниловского полка полковник Неженцев лично созывал желающих на расправу. Недостатка в таковых не было.

В дальнейшем подобная картина стала привычным делом. «Все большевики, захваченные нами с оружием в руках, — писал младший из братьев Суворины, — расстреливались на месте: в одиночку, десятками, сотнями. Это была война “на истребление”»{550}. Об этом же, как о само собой разумеющемся, упоминал и другой участник похода: «Конечно, мы почти в каждой станице, где останавливался обоз на несколько дней, расстреливали обличенных большевиков или вешали их комиссаров»{551}. Оба автора, как мы видим, пишут о большевиках, но несомненно основная масса жертв имела с большевизмом мало общего. Даже Деникин, в чьем описании Кубанский поход приобретает эпические черты, подчеркивал, что «диапазон» понимания большевизма большей частью добровольцев «имел весьма широкие размеры»{552}.

Конечно, при желании все можно объяснить. Лишенная тыла «кочующая армия» попросту не имела возможности вести с собой еще и пленных. Нельзя не учитывать и то, что многие добровольцы оставили на Дону свои семьи, о судьбе которых не было никаких известий. «А почем я знаю! Может быть, эта сволочь моих близких в Ростове перестреляла!»{553} Но объяснить — не значит оправдать. Крайняя жестокость, с самого начала характеризовавшая поведение белых, во многом обусловила их конечное поражение в Гражданской войне.

При этом большинство добровольцев вовсе не относились к числу людей, получающих удовольствие от страданий других. Для многих из них даже зарезать курицу было проблемой. Нам представляется, что жестокость добровольцев была оборотной стороной их легендарной храбрости. В обстановке первых месяцев Гражданской войны могло показаться, что ничтожной кучке молодежи, сплотившейся вокруг Корнилова, противостоит вся остальная Россия. Эти настроения можно почувствовать в словах

одной из ранних добровольческих песен:

На Родину нашу нам нету дороги,
Народ наш на нас же восстал.
Для нас он воздвиг погребальные дроги
И грязью нас всех закидал.
Раз так, то незачем бояться смерти.

Но, мало ценя собственные жизни, добровольцы столь же легко относились к жизням других. Отсюда и атаки в полный рост под пулеметным обстрелом, отсюда и расправы над пленными после боя.

Мы не будем сейчас подробно рассуждать о причинах красного и белого террора. На эту тему написано много, разброс в оценках подчас полярный и до согласия еще очень далеко. Наш герой — Корнилов, и для нас значительно важнее выяснить его отношение к этому. В исторической литературе, причем не только в работах исследователей советской поры, но и у авторов-эмигрантов, не раз упоминался некий «приказ Корнилова», якобы содержавший распоряжение о расстреле пленных. Однако такой приказ до сих пор не найден, да и вряд ли он существовал в действительности.

Другое дело, что сам Корнилов был убежден, что любые проявления мягкотелости и излишнего либерализма в создавшейся ситуации идут только во вред. Выступая в январе 1918 года перед офицерами Корниловского полка, он говорил: «В плен не брать. Чем больше террора, тем больше победы»{554}. В том же духе звучало составленное в Лежанке воззвание Корнилова к жителям Ставропольской губернии: «На всякий случай предупреждаю, что всякое враждебное действие по отношению к добровольцам и действующим вместе с ними казачьим отрядам повлечет за собой самую крутую расправу, включая расстрел всех, у кого найдется оружие, и сожжение селений»{555}.

Не менее характерен другой эпизод. Еще в Ростове командование армии получило предложение от действовавшей в Петрограде нелегальной офицерской организации устроить взрыв Смольного. Алексеев высказался против, так как при этом могли пострадать невинные люди, да к тому же подобная акция могла побудить большевиков к усилению репрессий. Корнилов же однозначно поддержал замысел. «Пусть надо сжечь пол-России, — заявил он, — залить кровью три четверти России, а все-таки надо спасти Россию»{556}.

Нельзя сказать, что жестокость была чертой характера

Корнилова. Он лишь сказал то, о чем думало большинство добровольцев, не исключая и старших начальников. Тот же Алексеев не протестовал против расправ над пленными. Деникин впоследствии, когда ему пришлось стать во главе белых армий Юга, категорически противился любым попыткам отменить смертную казнь. Алексеев и Деникин были просто большими дипломатами и не всегда высказывали свои мысли вслух.

Что касается Корнилова, то у него были свои, правда, достаточно специфические представления о законности. В числе взятых в Лежанке пленных было несколько офицеров-артиллеристов, командовавших батареей красных. В горячке первых минут после боя их тоже хотели расстрелять. Однако Корнилов воспротивился этому на том основании, что наказать офицера может только суд. В итоге наскоро собранный военно-полевой суд оправдал арестованных. Получилось, что жизнью своей они оказались обязаны именно Корнилову.

Так или иначе, но слухи о расстрелах в Лежанке быстро распространились по окрестным селам и станицам. Это в немалой мере повредило репутации Добровольческой армии. Белые, рассчитывавшие найти на Кубани отдых и поддержку, столкнулись здесь с открытым сопротивлением.

НА КУБАНИ

В Лежанке добровольцы простояли полтора дня. Утром 23 февраля (8 марта) армия вновь тронулась в путь и уже вскоре вступила в пределы Кубанской области. К вечеру остановились в станице Плосской. Местные жители оказались радушны и приветливы. Это стало неожиданным для добровольцев, уже привыкших к взглядам исподлобья. Настроение сразу поднялось, на какое-то время показалось, что все беды уже позади.

На следующий день армия двинулась на запад и в сумерки вступила в станицу Незамаевскую. Здесь впервые белые получили заметное пополнение. К армии присоединились около полутораста человек молодых казаков, из которых были сформированы пешая и конная сотни. Надежда на то, что беглецы наконец нашли свою «землю обетованную», понемногу превращалась в уверенность. Деникин писал: «Это настроение проходило, словно невидимый ток, по всему добровольческому организму и одинаково захватывало мальчика из юнкерского батальона, полковника, шагавшего в рядах Офицерского полка, бывшего политического деятеля, трясущегося на возу в обозе, и… самого командующего армией»{557}.

Однако время для благодушия еще не настало. Добровольческой армии предстояло пересечь железную дорогу на участке между станциями Тихорецкая и Сосыка. Было известно, что там располагаются большие силы красных, а перегон между станциями постоянно контролируют бронепоезда. Рассчитывать можно было только на неожиданность.

Переход из Незамаевской до станицы Веселой оказался неожиданно коротким. Армия встала на дневку, не пройдя и 15 верст. Добровольцы, уже научившиеся угадывать замыслы командующего, поняли, что предстоит ночной марш. Действительно, около девяти вечера был получен приказ следовать дальше. Армия двинулась на запад, в направлении станции Сосыка, но через десять верст круто повернула к югу. Корнилов понимал, что у красных повсюду хватает осведомителей, и надеялся этим маневром обмануть противника. Добровольцы старались не производить лишнего шума, разговоры и курение были строго запрещены. Один из участников похода вспоминал: «В полной тишине шли всю ночь. Руки немели от винтовок, ноги наливались тяжестью, глаза слипались, одолевал сон, но шли и шли безостановочно в эту холодную, сырую ночь»{558}. В темноте перешли мост через речку Тихонькую, но орудия застряли на болотистом берегу. Пришлось потерять около

двух часов на то, чтобы из соломы и камыша соорудить временную гать.

На рассвете вышли к железнодорожному переезду. На всякий случай инженерная рота привела в негодность рельсы по обе стороны от него. Под охраной Офицерского полка армия и обоз начали перебираться через пути. Большая часть людей и повозок прошли вполне благополучно, но в последний момент с севера, со стороны Сосыки, подошел бронепоезд красных и открыл огонь по переезду. Оказалось, что рельсы были подорваны слишком близко. Однако добровольческая батарея артиллерийским огнем отогнала вражеский бронепоезд, и вся операция обошлась без жертв.

Переночевали в Старолеушковской. На следующий день, никем не преследуемые, добровольцы совершили переход к станице Ираклиевской, где задержались почти на два дня. Утром 1 (14) марта армия выступила на юг в направлении станицы Березанской. Предполагалось, что здесь, вдали от железной дороги, риск натолкнуться на красных был минимальным. Тем более неприятным сюрпризом стало то, что на подходе к Березанской добровольцев встретил шквальный огонь из винтовок и пулеметов. Бой был коротким: атака Корниловского и Офицерского полков заставила противника покинуть окопы и отступить. Одновременно конный дивизион полковника Гершельмана обошел Березанскую и преследовал противника до станицы Журавской, находившейся в десяти верстах южнее.

Поначалу предполагалось, что у Березанской армия столкнулась с очередной бродячей шайкой из числа бывших солдат Кавказского фронта. Таких немало в ту пору было на Кубани, и советская власть в крае в значительной степени держалась на их поддержке. Но оказалось, что в бой с добровольцами вступила местная казачья молодежь. Это был тревожный сигнал, предвещавший серьезные проблемы.

Дальнейший путь на Екатеринодар вновь преграждала железнодорожная линия, связывавшая кубанскую столицу со станцией Тихорецкая. По плану Корнилова, армия должна была пересечь ее в районе Выселок. 2 (15) марта Выселки были захвачены силами Корниловского полка. После этого корниловцы продвинулись южнее до хутора Малеванного, а для охраны станции были оставлены кавалеристы Гершельмана. Однако по непонятной причине дивизион Гершельмана к вечеру покинул Выселки, которые немедленно были вновь заняты красными.

Станцию нужно было взять во что бы то ни стало. Эта задача была поручена Партизанскому полку генерала Богаевского. До Выселок было около семи верст — три часа ходу. Богаевский

решил дать возможность добровольцам отдохнуть, с тем чтобы выступить после полуночи и еще затемно внезапно ударить по красным. Но из-за множества досадных мелочей выступление задержалось и до станции Партизанский полк добрался уже на рассвете. Сам Богаевский писал об этом так: «Тихое, холодное, морозное утро. Невыспавшиеся, голодные, полусонные партизаны сумрачно шагали по дороге. Орудия батареи шумом колес обнаруживали наше движение. Стало уже светло, когда мы подошли к цели. На горизонте начали вырисовываться постройки станции и Выселок»{559}.

Застать красных врасплох не удалось. На подступах с станции партизаны Богаевского были встречены жестоким огнем. На ровном поле, не имея возможности укрыться, добровольцы были идеальной мишенью для врагов. Первоначальная атака захлебнулась, но на помощь партизанам уже спешили Офицерский и Корниловский полки. В итоге противник бежал, однако эта победа была достигнута очень высокой ценой. Добровольцы потеряли убитыми 36 человек — больше, чем в любом другом бою за предыдущий период похода. «На высоком, обрытом канавой с валом, кладбище вырыли большую братскую могилу. Отслужили панихиду. Одетых в жалкое рубище покойников клали по семь в рад, засыпали землей, потом снова 7 трупов поперек первых, и так четыре раза… Гробы некогда было делать. Ни холма могильного, ни креста не оставили: напротив, чисто заровняли место погребения. Ведь наши враги беспощадны одинаково и к живым, и к мертвым»{560}.

После тяжелого боя армии требовался отдых. Но возможности для этого не было. Добровольческое командование получило информацию о том, что в станице Кореновской (совсем рядом, всего в 15 верстах от Выселок) сосредоточена сильная группировка красных. По данным разведки, у противника было до десяти тысяч бойцов, многочисленная артиллерия и два бронепоезда. Количество штыков и сабель у добровольцев было в четыре раза меньшим. Уклониться от сражения было нельзя, и Корнилов принял решение атаковать первым.

На рассвете 4(17) марта добровольцы вновь выступили в путь и сумели скрытно подойти к Кореновской. Для боя были развернуты все наличные силы: Корниловскому полку было предписано предпринять лобовую атаку, справа в обход должны были двинуться Партизанский полк и Юнкерский батальон, слева — генерал Марков с силами Офицерского полка.

Бой начался ранним утром и затянулся до вечера. Не раз за это время казалось, что удача отворачивается от добровольцев. Генерал Марков и полковник Неженцев лично водили в атаку

свои полки. В атаку были брошены все, кто мог держать оружие. В результате обоз и раненые остались без прикрытия. Особенно много неприятностей добровольцам доставил бронепоезд красных. Пытаясь отогнать его, белые артиллеристы израсходовали почти все имевшиеся снаряды.

Наконец около четырех часов дня Партизанский и Офицерский полки почти одновременно обошли станицу с востока и запада. Красных охватила паника, и они бежали. Покинул поле боя и вражеский бронепоезд. В Кореновской и на соседней станции Станичная в руки добровольцев попала огромная добыча. Был захвачен целый состав, в котором оказалось 600 снарядов, патроны, пулеметы, одежда и медикаменты. Для нищей армии, живущей только трофеями, это было целое сокровище. Но заплаченная за это цена была слишком велика. В общей сложности потери составили около 100 человек убитыми и вчетверо больше ранеными. Походный лазарет, и без того немалый, после этого вырос еще на 200 подвод{561}.

В захваченной станице армия остановилась на дневку. Короткая передышка не давала возможности не только собраться с силами, но и задуматься о происходящем. Что-то определенно было не так. За неделю с небольшим пребывания в пределах Кубанской области добровольцы трижды были вынуждены вести бои. Это было меньше всего похоже на «землю обетованную», каковой в прежних мечтах белым представлялась Кубань.

За короткую историю существования армии у добровольцев сложились определенные представления о том, кто такие друзья и враги. Иногородний крестьянин заражен большевизмом, а значит, враг, казачество в большей мере сумело сохранить прежние ценности, и значит, казак — потенциальный союзник. В этом делении было немало странного, если вспомнить, что большинство добровольцев были уроженцами коренных губерний. Ситуация складывалась так, что добровольцы должны были чувствовать себя чужими среди своих и своими среди чужих.

Но дело было даже не в этом. Двухмерный подход на Кубани явно не срабатывал. Здесь против добровольцев с оружием в руках выступили не только пришлый элемент и иногороднее крестьянство, но и кубанские казаки. Справедливости ради, надо сказать, что ряды армии все же пополнялись казаками-добровольцами. После боя под Кореновской к отряду Корнилова присоединилась группа казаков из соседней станицы Брюховецкой. Однако эти случаи были нечастыми и не меняли общей безрадостной картины.

Трехтысячная армия была ничтожной каплей в многомиллионном российском море. При таком раскладе сил

рассчитывать исключительно на оружие было нельзя. Нужно было уметь объяснить, какие цели она перед собой ставит, а здесь начинались большие проблемы. Добровольцы твердо знали, с кем они воюют, а вот за что, сказать смог бы не каждый. Для самих добровольцев этот вопрос не стоял, достаточно было слепого поклонения вождю. «Так за Корнилова, за родину, за веру!» Новый кумир без особого труда (хотя и с нарушением стихотворного размера) заменил прежнего, и все встало на свои места.

Но для крестьян и казаков этого было мало. Им нужно было иное, то, что затрагивало бы их собственные чаяния и интересы. Добровольцы же чаще всего могли ответить только сбивчивыми рассуждениями об Учредительном собрании.

Р.Б. Гуль приводит в своих воспоминаниях характерный разговор, состоявшийся у него в станице Плосской с хозяином хаты, где он квартировал.

— Вот вы, образованный, так сказать, а скажите мне вот: почему это друг с другом воевать стали? Из чего это поднялось? — говорит хозяин и хитро смотрит.

— Из-за чего? Большевики разогнали Учредительное собрание, избранное всем народом, силой власть захватили — вот и поднялось.

Хозяин немного промолчал.

— Опять вы не сказали… Например, вот скажем, за что вот вы воюете?

— Я воюю? За Учредительное собрание. Потому что думаю, что оно одно даст русским людям свободу и спокойную трудовую жизнь.

Хозяин недоверчиво, хитро смотрит на меня.

— Ну, оно конечно, может вам и понятно, вы человек ученый.

— А разве вам не понятно? Скажите, что вам нужно? Что бы вы хотели?

— Чего? Чтобы рабочему человеку была свобода, жизнь настоящая, к тому же земля…

— Так кто же вам ее даст, как не Учредительное собрание? Хозяин отрицательно качает головой.

— Так как же? Кто же?

— В это собрание нашего брата и не допустят.

— Как не допустят? Все же выбирают, ведь вы же выбирали?

— Выбирали, да как там выбирали, у кого капиталы есть, те и попадут, — упрямо заявляет хозяин.

— Да ведь это же от вас зависит!

— Знамо от нас, только оно так выходит…{562}

Казак или тот же иногородний крестьянин мог поднять

оружие против большевиков, не высчитывая собственную выгоду, только в том случае, если он воспринимал большевизм как абсолютное зло. Так и произойдет уже через месяц на Дону, а через полгода на Кубани. Пока же белые могли в лучшем случае рассчитывать на нейтралитет местного населения. В одном из донских хуторов генерал Богаевский стал свидетелем следующего разговора. Кто-то из добровольцев спросил у местного крестьянина: «А что, дед, ты за кого, за нас, кадет, или за большевиков?» Тот ответил не задумываясь: «Чего же вы меня спрашиваете? Кто из вас победит, за того и будем»{563}.

Мы не хотели бы упрощать ситуацию. Дело было не только в том, что Добровольческая армия не могла предложить крестьянам действительно затрагивавшие их лозунги. Очень часто те, кто поднимал оружие против добровольцев, сами не могли рационально объяснить мотивы своего поведения. Позволим себе процитировать очередной разговор. На этот раз с кубанскими крестьянами беседовал один из корреспондентов советской газеты. «Кадеты — наши враги. Они борются за сохранение потомственной земли, а большевики — это мы сами; мы хотим, чтобы земля была общая, как для иногородних, так и для казаков…

— А еще чем отличаются большевики от кадетов? Ответа не было.

— Ну, а если кадеты отдадут землю всему народу, что тогда — будет отличие между кадетом и большевиком?

— Не отдадут, обманут… Лучше уж сразу с ними покончить, а самим забрать землю. Все надежнее будет…»{564}

Обе стороны не понимали и не хотели понять друг друга. Глубинные причины этого непонимания лежали в многовековой взаимной неприязни «чистых» и «нечистых». В этом и была страшная трагедия революции, делавшая неизбежной кровавую междоусобную бойню.

В КОЛЬЦЕ

В Кореновской из случайно найденной газеты добровольческое командование получило информацию о том, что кубанский атаман и краевое правительство незадолго до этого оставили Екатеринодар, а сам город занят красными. Это известие стало страшнейшим ударом. Деникин писал: «Терялась вся идея операции, идея простая, понятная всякому рядовому добровольцу накануне ее осуществления: до Екатеринодара оставалось всего два-три перехода. Гипноз “Екатеринодара” среди добровольцев был весьма велик, и разочарование должно было, казалось, отразиться на духе войск»{565}.

Раньше кубанская столица воспринималась как конечная точка похода, место, где армия может найти долгожданный отдых и собраться с силами. Теперь город предстояло брать штурмом. Если красные уже сейчас ожесточенно дрались за каждую станицу, то можно было предполагать, с каким сопротивлением добровольцы встретятся у Екатеринодара. Тем не менее Деникин считал возможным сохранить прежние планы. Заручившись поддержкой Романовского, он направился с этим к Корнилову.

— Я с вами согласен, — ответил Корнилов, — но вы говорили с Марковым и Неженцевым?

-Нет.

— Вот, видите ли. Они были у меня сегодня с докладом о состоянии полков…

Выяснилось, что и Марков, и Неженцев категорически настаивали на необходимости дать войскам отдых. Ежедневное напряжение стало страшным испытанием для добровольцев. Уйти, оторваться от противника, хотя бы несколько дней не чувствовать себя вечно окруженным — без этого армия уже не могла обойтись.

— Если бы Екатеринодар держался, — говорил Корни лов, — тогда не было бы двух решений. Но теперь рисковать нельзя. Мы пойдем за Кубань и там в спокойной обстановке в горных станицах и черкесских аулах отдохнем, устроимся и выждем более благоприятных обстоятельств{566}.

Уходя за Кубань, армия отрывалась бы от железных дорог — источника постоянной опасности. Но в этой ситуации новой проблемой становились бы многочисленные горные реки, переправа через которые, как правило, представляла собой серьезный риск. Главным же было то, что добровольческое командование не имело практически никаких сведений о том, что происходит в этом районе. Решение приходилось принимать

буквально с «закрытыми глазами».

Переправа через Кубань была намечена в районе станицы Усть-Лабинской, расположенной примерно в 15 верстах к юго-востоку. В ночь на 6 (19) марта армия покинула Кореновскую. Впереди шли Корниловский и Офицерский полки, замыкал колонну Партизанский полк Богаевского. Все было обставлено с максимальными мерами предосторожности, но красные узнали о происходящем и сразу же после ухода добровольцев заняли покинутую ими станицу.

На рассвете добровольческий авангард вышел к Усть-Лабинской. Многолюдная станица раскинулась на высоком правом берегу, прикрывая собой дамбу и мост через Кубань. Параллельно реке шла железнодорожная линия Екатеринодар—Кавказская. По приказу Корнилова Офицерский полк должен был предпринять фронтальную атаку позиций красных, Корниловский полк и Юнкерский батальон — нанести фланговые удары с востока и запада.

Этот план был уже опробован в боях под Лежанкой, Выселками и Кореновской. Собственно, это было единственное, что мог сделать командующий, имея под началом менее двух тысяч человек. Но в этот день добровольцам пришлось одновременно отбиваться от наседавшего с тыла противника. Не доходя четырех верст до Усть-Лабинской, Партизанский полк был вынужден остановиться и принять бой с силами красных, наступавших со стороны Кореновской. В наихудшем положении оказался обоз: телеги с ранеными и беженцами сгрудились на открытом поле, обстреливаемые со всех сторон.

Положение белых было критическим. В один момент показалось, что Партизанский полк не выдержит и красные ударят в тыл атакующим добровольцам. Но натиск Корниловского и Офицерского полков заставил красных отступить и покинуть Усть-Лабинскую. Добровольцы разбрелись по станице, выискивая и добивая затаившихся врагов. Впрочем, победа едва не обернулась разгромом. По железной дороге со стороны Кавказской подошел эшелон, доставивший красным подкрепление. В распоряжении же Корнилова не было ни одного организованного батальона. Около часа добровольческая батарея артиллерийским огнем удерживала красных на расстоянии. За это время подоспел Офицерский полк, внезапно атаковавший врага. Несмотря на свое численное превосходство, красные предпочли погрузиться в поезд и отбыть обратно.

Вечером началась переправа через Кубань. Для охраны моста был оставлен батальон Корниловского полка. Другим же полкам и обозу пришлось ночью идти еще 10 верст до станицы

Некрасовской, где наконец был объявлен привал. Ночь прошла беспокойно. В темноте красные попытались захватить мост через Кубань, но были отбиты корниловцами и, понеся большие потери, отступили. Не принесло облегчения и утро. Отряд красных, ранее занимавший Некрасовскую, перед приходом добровольцев отступил на другой берег Лабы и отсюда методично обстреливал оставленную станицу.

Корнилов со штабом расположился в одноэтажном каменном доме на центральной площади станицы напротив церкви. Ближе к полудню здесь собрались старшие генералы и строевые начальники. В ходе обсуждения все согласились с тем, что надеждам на отдых в Закубанье не суждено сбыться. Видимо, красные ждали, что Добровольческая армия повернет на Майкоп, и заранее подготовились к этому. Было решено поддерживать у противника это убеждение, двигаясь на юг, но затем, выйдя на реку Белую, круто повернуть на запад. В этом случае армия выходила в район черкесских аулов, население которых было дружественно настроено по отношению к добровольцам. Кроме того, этот маршрут давал возможность соединиться с отрядом кубанского правительства, по слухам, находящимся в районе Горячего Ключа.

Для выполнения принятого решения прежде всего нужно было переправиться через Лабу. Но днем под артиллерийским и ружейным огнем противника сделать это было невозможно. Корнилов приказал начать переправу в полночь. Юнкерский батальон должен был форсировать реку у западной окраины станицы, Партизанский полк — у восточной. В темноте генерал Боровский послал часть своих юнкеров на другой берег. Они открыли беспорядочный огонь и отвлекли красных от переправы основных сил. В неглубокой реке были затоплены негодные телеги и по ним, как по мосту, на левый берег перешли корниловцы и марковцы.

Не так удачно обстояло дело у генерала Богаевского. Организация переправы здесь была поручена есаулу Р.Г. Лазареву, лихому, хотя и несколько бесшабашному командиру. Но Лазарев ухитрился напиться вместе с казаками своей сотни и благополучно проспал намеченное время. Лишь на рассвете Партизанский полк перешел на другой берег все по тому же импровизированному «мосту», сооруженному юнкерами Боровского.

Здесь начинался ад. Предоставим слово генералу Деникину: «Каждый хутор, каждая роща, отдельные строения ощетинились сотнями ружей и встречали наступающие части огнем. Марковцы, партизаны, юнкера шли по расходящимся направлениям, выбивая

противника, появлявшегося неожиданно, быстро ускользавшего, неуловимого. Каждая уклонившаяся в сторону команда или отбившаяся повозка встречала засаду и… пропадала. Занятые с бою хутора оказывались пустынными: все живое население их куда-то исчезало, уводя скот, унося более ценный скарб и оставляя на произвол судьбы свои дома и пожитки. Скоро широкая долина реки, насколько видно было глазу, озарилась огнем пожаров: палили рвавшиеся гранаты, мстительная рука казака и добровольца или просто попавшая случайно среди брошенных хат непотушенная головня»{567}. По сравнению с тем, что происходило сейчас, бои предыдущих дней казались чем-то не заслуживающим внимания.

К наступлению темноты белым удалось пробиться вперед на считаные версты. Враг был повсюду — впереди, сзади, по бокам. На ночевку штаб армии разместился на Киселевских хуторах. Места под крышей для всех не хватило, и большинству, включая раненых, пришлось провести ночь прямо на улице. Шел дождь, резко похолодало. Стужа доставала даже в помещении, и все, кто мог, согревались любыми доступными способами. Видимо из-за этого уже глубокой ночью загорелся дом, где остановились Алексеев и Деникин. Началась паника, в горящем доме едва не забыли чемодан, в котором хранилась вся денежная казна армии.

Утром 9 (22) марта добровольческая колонна выступила в направлении хутора Филипповского. К вечеру шедший в авангарде Корниловский полк захватил оставленный жителями хутор. Здесь в волостном правлении были найдены большие запасы патронов и несколько ящиков с водкой. Счастливчики, первыми оказавшиеся на месте, мгновенно поделили трофеи между собой. Однако появился ротный командир и приказал немедленно в его присутствии разбить найденные бутылки. «Как ни неприятно это было для некоторых, но приказ есть приказ, а потому зазвенело стекло, и все успокоились»{568}. Действительно, даже ближайшие часы могли привести к чему-то непредсказуемому, и водка в такой ситуации была совершенно ни к месту.

Те, кто не спал в эту ночь, могли видеть на западе, в направлении Екатеринодара, далекие зарницы и слышать неясный шум, напоминавший шум боя. Первая мысль при этом была: «Наконец-то кубанский отряд!» Но каждый понимал, что это только надежда. В реальности же выпавшие на долю добровольцев испытания были еще далеко не исчерпаны.

В те дни о командующем в армии говорили с особым восхищением: «Ну, Корнилов! Что делает! Кругом пули свищут тучами, а он стоит на стогу сена, отдает приказания, и никаких.

Его адъютант, начальник штаба, текинцы просят сойти, — он и не слушает»{569}. На счастье, большинство не понимало, что безрассудная храбрость командующего есть показатель растущей неуверенности. Корнилов принадлежал к той категории людей, которые в сложных ситуациях сознательно провоцируют опасность. Это была своеобразная игра с судьбой, — если останусь жив, значит, решатся и другие проблемы.

Обстановка боя была для Корнилова отдыхом, так как в эти минуты можно было не думать о будущем. В другое время ему труднее было скрывать свое настроение. Он стал раздражителен, мог быть груб с собеседником, не раз в присутствии строевых начальников отчитывал свой штаб, да так, что генерал Романовский всерьез обиделся. Вновь начались конфликты между Корниловым и Алексеевым, на этот раз совсем по мелочам, вроде того, кому в каком помещении располагаться на ночь.

Периоды беспричинного раздражения сменялись часами, когда Корнилов становился мрачен и нелюдим. Он перестал приглашать к себе на ужин других генералов и, даже оставаясь вдвоем с адъютантом, больше молчал. Лишь единственный раз он вспомнил семью. Обращаясь к Хаджиеву, он сказал: «Я очень рад, хан, что они в безопасности, в руках хорошего и верного человека». — «Ваше превосходительство, — спросил Хаджиев, — а как вы думаете о Юрике? Он не боится сейчас учиться среди настоящих разбойников-горцев? Он ведь друзей-текинцев боялся, принимая их за башибузуков?» Корнилов улыбнулся и ответил: «Ничего, Хан, он их не будет бояться, он сам башибузук»{570}.

Во время долгих переходов Корнилов, как правило, шел пешком, опираясь на самодельную трость. Эту вырезанную из бука чуть кривую палку с надписью «Орлиное гнездо. 1915 год» еще в Ольгинской подарил ему полковник В.А. Симановский. В той же Ольгинской офицеры-корниловцы подарили командующему буланую кобылу, когда-то взятую в качестве трофея после боя с австрийцами. Но Корнилов ездил верхом только в часы сражений, когда ему нужно было быстро перемещаться с одного участка на другой. В обычное же время он предпочитал делить все тяготы пути с рядовыми добровольцами. Внешне он тоже мало отличался от рядовых добровольцев. Сверху кителя он носил простую солдатскую шинель, переделанную в полушубок. На голове — солдатскую папаху с белой повязкой наискосок.

Для того чтобы добраться до черкесских аулов, где армия надеялась найти долгожданный отдых, необходимо было переправиться через реку Белую. Ранним утром 10 (23) марта головной батальон Корниловского полка форсировал Белую у

западной окраины хутора Филипповского и двинулся в направлении станицы Рязанской. В двух верстах от реки параллельно ей шла высокая гряда холмов. Не успел добровольческий авангард приблизиться к ним, как на гребне появились густые цепи красных и открыли ожесточенный огонь по наступающим. Корниловцы были вынуждены залечь на землю. Остановилось движение Партизанского и Офицерского полков, наступавших справа и слева от корниловцев. В самом сложном положении вновь оказался обоз. С холмов прямо по переправе в упор била артиллерия красных. Одновременно противник начал наступление с тыла на хутор Филипповский. Много повозок было разбито снарядами, смертельное ранение получил кучер генерала Алексеева. Кое-кто из раненых уже собирался стреляться, чтобы не попасть в руки врагов.

Деникин писал, что этот бой был самым тяжелым за все время похода{571}. Под вражеским огнем добровольцы заколебались и начали отходить назад. Командир корниловцев полковник Неженцев спешно запросил помощи. К этому часу в действие были введены уже все резервы. Деникин вспоминал: «Корнилов со штабом стоял у моста, пропуская колонну, сумрачен и спокоен. По его приказанию офицеров и солдат, шедших с обозом и по наружному виду способных драться, отводят в сторону»{572}. Им раздали ружья и патроны и, поделив на две команды по 50—60 человек, направили на линию огня. Боевой ценности они не представляли, но как «психологическое подкрепление» все же сделали свое дело.

Около двух часов пополудни полурота Корниловского полка сумела обойти красных с левого фланга. Те не выдержали появления врага в своем тылу и побежали. Вид бегущего противника мгновенно влил в добровольцев новые силы. Раздалось громкое «ура», покатившееся по всей атакующей армии. После этого исход боя был решен.

К вечеру армия вступила в станицу Рязанскую. Здесь добровольцы узнали новость, которая еще больше подняла им настроение. Оказалось, что в этот день была установлена связь с кубанским отрядом. Конечно, можно было бы вспомнить о том, что кубанцы такие же изгнанники на своей земле, что сил у них не больше, чем находилось под началом Корнилова. Но об этом никто не задумывался. Главное то, что Добровольческая армия отныне была не одна, что в борьбе против красных у нее появился долгожданный союзник.

На следующий день добровольцы достигли аула Понежукай. Кривые улочки и глинобитные дома, старая мечеть с покосившимся минаретом — все это производило впечатление

азиатской экзотики. Сразу бросилось в глаза отсутствие в ауле жителей. Выяснилось, что местное население было буквально вырезано соседями из станицы Рязанской, причем в этом удивительно единодушны были и казаки, и иногородние.

По сообщениям разведчиков, кубанский отряд находился примерно в 50 верстах к западу от места пребывания Добровольческой армии. Два дня Корнилов вел добровольцев горными дорогами, не давая им отдыха. Но никто не жаловался, все понимали, что хочет командующий. Наконец, 15 (28) марта, когда армия стояла в ауле Шенджий, туда прибыл командующий кубанским отрядом генерал В.Л. Покровский. Начинался новый этап похода. Однако, прежде чем говорить об этом, остановимся на некоторых деталях походной жизни, обычно ускользающих от внимания историков.

ПОХОДНЫЕ БУДНИ

Персонажи легенд, как правило, мало похожи на живых людей. Их не заботят такие бытовые мелочи, как еда или необходимость выспаться. В дни Первого кубанского похода его участники еще не успели стать эпическими героями и потому были вынуждены думать в том числе и о вещах сугубо прозаических.

Сколь бы ни мала была Добровольческая армия, но и ее нужно было кормить. Это обстоятельство заставляло командование постоянно беспокоиться, особенно в первые дни похода, когда направление движения оставалось неясным. В ожидании предстоящих трудностей обоз загрузили до предела. Добровольцы везли с собой из Ростова не только печеный хлеб, но и зерновой фураж и даже прессованное сено{573}. Однако неповоротливый обоз уже очень скоро стал тормозить движение. К тому же выяснилось, что продовольствие без труда можно достать у местных жителей. Поэтому на второй неделе похода в станице Егорлыцкой излишки запасов были брошены. В качестве резерва было оставлено лишь по банке консервов на человека.

Голодать армии не пришлось и в дальнейшем. Часто не хватало папирос и табаку, подчас не было сахара, но продовольствия было в достатке. Участник похода журналист Б.А. Суворин вспоминал: «Ели, в общем, сытно, питаясь борщом, который с тех пор мне надоел так, что я видеть его не могу, хлебом и салом»{574}. В том же духе писал Н.Н. Львов: «Хозяйки большей частью были радушны, охотно готовили для нас и угощали жирными щами и сдобными пышками. В станицах всего было в изобилии. Ни в чем мы не терпели лишения»{575}.

За продовольствие и другие приобретаемые товары добровольцы расплачивались с местным населением наличными деньгами. Платили за все: за стол, за ночлег, за сено и овес для лошадей. Платили втридорога, так как прижимистые хохлы-кубанцы не стесняясь заламывали несусветные цены. Денежные запасы армии, всего около шести миллионов рублей, находились в ведении генерала Алексеева. Каждый раз, распределяя деньги между командирами частей, Алексеев вздыхал: «Не знаю, дотянем ли до конца похода», но безропотно выдавал требуемое. Проблема была лишь одна: в армейском казначействе деньги находились преимущественно в виде крупных купюр, разменять которые было практически невозможно. В результате содержание выдавалось одной бумажкой на целую группу лиц. Так стихийно сложились своего рода артели, члены которых старались

останавливаться на ночь в одном помещении и питаться из одного котла.

Корнилов категорически запретил любые реквизиции и насильственные изъятия имущества. Командование армии понимало, что в ситуации, когда большинство иногороднего крестьянства и немалая часть казачества относятся к добровольцам враждебно, инциденты такого рода способны привести к опасным последствиям. Но был во всем этом своеобразный подтекст. В воспоминаниях Н.Н. Львова воспроизведен характерный монолог офицера-добровольца: «Ну и народ, — жаловался капитан. — Приходишь усталый, голодный, целый день ничего не ел. А никто куска хлеба не дает: “нема и нема”. И зададим мы им за это “нема”, придет время, — раздраженно говорил он, — а начальство за каждую курицу угрожает судом. Нельзя клока сена вырвать из стога, бабы вопят благим матом, с вилами лезут. От начальства нагоняй»{576}. Обратим внимание: для этого безымянного капитана грабеж недопустим не по моральным соображениям, а потому что «начальство запрещает». Для начальства важно запретить грабежи, потому что армия слишком слаба. Значит, если изменится соотношение сил, то исчезнут прежние запреты. Через два года так оно и будет и «почти святые», по выражению В.В. Шульгина, превратятся в «почти бандитов».

Конечно, полностью избежать грабежей и мародерства не удавалось и в дни Первого похода, но если подобные случаи становились известны старшим начальникам, то наказывались они крайне строго. В станице Кагальницкой Корнилов лично приказал отдать под суд прапорщика, без спросу присвоившего на одном из дворов петуха. Командующий настаивал на самом суровом наказании, но офицерский суд, приняв во внимание, что похититель честно признался в содеянном, принял решение ограничиться сутками ареста{577}. Этот эпизод описан многими мемуаристами прежде всего потому, что провинившийся прапорщик был женщиной — баронессой Софьей де Боде.

В Первом кубанском походе принимало участие 165 женщин. Интересно, что из этого числа только шестеро не служили в армии. Пятеро были врачами и фельдшерицами, 122 —сестрами милосердия, 17 воевали в качестве рядовых добровольцев и 15 носили чин прапорщика{578}. Конечно, были среди них и такие, о которых говорили: «Сестра-то она сестра, даже больше чем сестра, но при чем тут милосердие?»{579} — но большинство честно и самоотверженно выполняли свой долг.

Пятнадцать женщин-прапорщиков — это выпускницы ускоренных курсов Александровского военного училища (всего в

этом экспериментальном наборе было 18 человек). Большая часть из них принимала участие в октябрьских боях в Москве, а позднее оказалась в Добровольческой армии. Самая известная из них — уже упомянутая баронесса де Воде. Н.Н. Львов позднее писал: «Я хорошо помню ее. Молоденькая, красивая девушка с круглым лицом, с круглыми голубыми глазами в своем военном мундире прапорщика казалась нарядным и стройным мальчиком. Дочь русского генерала, воспитанная в военной среде, она не подделывалась под офицера, а усвоила себе все военные приемы естественно, как если бы она была мужчиной. В круглой меховой шапке, надетой немного набекрень, в высоких лакированных сапогах и в хорошо сшитой военной поддевке, она не могла не нравиться»{580}.

Мы уже писали о том, что немалая часть первых добровольцев, в силу своей молодости, жила прежде всего чувствами и зачастую главными из этих чувств были ненависть и месть. Их ровесницы, надевшие мужскую одежду, переживали эти эмоции еще более болезненно. Софья де Воде запомнилась тем, кто ее знал, своим талантом прирожденного кавалериста, невероятной храбростью и столь же неодолимой жестокостью, смущавшей даже ее соратников-мужчин. Один из современников вспоминал: «Очевидцы говорили мне, что нестерпимо жутко было видеть, как к толпе испуганных пленников подскакивала молодая девушка и, не слезая с коня, прицеливалась и на выбор убивала одного за другим. И самое страшное в эти минуты было ее лицо: совершенно каменное, спокойное, с холодными грозными глазами»{581}. Погибла она во время конной атаки под Екатеринодаром 31 марта 1918 года.

В походном строю женщины-доброволицы отличались от мужчин разве что более аккуратным видом. В большей же своей части армия производила впечатление толпы оборванцев. Люди были одеты в разномастные мундиры, многие в гражданскую одежду. Ни о какой единой форме речи, разумеется, не шло. Только после боя под Лежанкой Корнилов приказал добровольцам в качестве отличительного знака укрепить на околышах фуражек белую ленточку. Позднее возникла легенда о том, что именно от этих белых ленточек пошел термин «белые», ставший самоназванием значительной части противников большевизма{582}.

Впрочем, на вторую неделю похода армия приняла единообразный вид, поскольку все оказались по уши в грязи.

Весенние дожди превратили кубанский чернозем в труднопроходимое месиво. После дневного перехода кони и люди «напоминали собой крокодилов, вылезших из тины»{583}. Больше

всего от этого страдала даже не столько одежда, сколько обувь. Подчас грязь засасывала сапоги так, что их приходилось вытаскивать двумя руками. Не удивительно, что вскоре армия оказалась почти босой. С убитых в бою, будь то свои или чужие, прежде всего снимали сапоги, и это было не мародерством, а насущной необходимостью.

Еще одним предметом дефицита стало нательное белье. Мало кто из добровольцев сумел взять с собой в поход запасную пару, а на стирку не было ни времени, ни сил. Белье было такой ценностью, что даже самые стойкие не всегда могли преодолеть искушение «позаимствовать» его в сундуках местных жителей. В бою у Выселок в руки добровольцев в числе прочих трофеев попала партия женского белья. Счастливцы, которым достался этот приз, тут же, нимало не стесняясь, обрядились в панталоны с кружевами.

Находясь в отрыве от цивилизации, в тяжелейших условиях, постоянно рискуя жизнью, армия неизбежно и очень быстро дичала. «В большинстве ее части, — вспоминал один из участников этих событий, — отборная, многоэтажная брань висела, развевалась, колыхалась волнами и каскадами в течение всего похода… Кто превосходил в этом искусстве — начальство или рядовые добровольцы — сказать трудно»{584}.

Гораздо реже имел место другой, столь же традиционно мужской способ снятия стресса. Как известно, с началом мировой войны в России был введен сухой закон. Временное правительство в марте 1917 года подтвердило запрет на «продажу для питьевого употребления крепких напитков и спиртосодержащих веществ». Однако торговля водкой была самым быстрым способом пополнения пустующей казны. Поэтому уже атаман А.М. Каледин в декабре 1917 года распорядился возобновить на Дону работу винных лавок. Водка продавалась по карточкам из расчета одна бутылка на человека (за каждую бутылку, оплаченную серебром, давалась еще одна, золотом — две){585}.

В Добровольческой армии не существовало никаких запретов на спиртное. Мы уже писали о том, что при случае и под настроение сам Корнилов мог пропустить рюмку-другую. Но массового пьянства, которое через два года станет серьезной проблемой белых режимов, в дни Кубанского похода не было да и быть не могло. Достать алкоголь было делом не простым, а главное — не было этого самого настроения. Приведем эпизод, сохранившийся в воспоминаниях одного из первопоходников: «Какие-то из наших офицеров нашли хорошую машину Зингера, продали ее и выпили, не скандально, тихо, но и это было тяжело»{586}. Пить допьяна в ситуации, когда каждую минуту

можно было ждать сигнала тревоги, было бы равнозначно самоубийству.

Главное, что запомнилось большинству участников похода, — это постоянная, непроходящая усталость. «Едва только придешь в отведенную хату, снимешь шинель, и усталый, в одежде, а иногда и прямо в шинели, бросишься на пол, постланный чем-нибудь, и через несколько минут уже спишь крепким сном. Еще темно, чуть свет, а уж нужно вставать»{587}. К этому добавлялось постоянное нервное напряжение. «Каково же настроение? Когда лежишь в цепи под огнем, то обуревает масса желаний. Усталость, так как сражение всегда после перехода; жажда, и если есть снег, то ешь снег; безумно иногда хочется курить, если нечего закурить, то способен под самым сильнейшим огнем побежать за папироской за несколько десятков шагов, что часто и приходилось делать; хочется спать, так как не выспался и встал очень рано, а если и выспался, то все равно хочется спать, так как никогда по-настоящему не выспишься и не отдохнешь; хочется есть — почему, трудно сказать, и, наконец, масса всевозможных желаний и ощущений. И мне кажется, что именно благодаря массе ощущений имеешь возможность взять себя в руки и идти вперед. Животный инстинкт самосохранения есть, но он стушевывается перед массой всевозможных желаний и усилием воли; если же он преобладает, то это трусость или панический страх…»{588}

Не следует, однако, думать, что мрачные настроения доминировали постоянно. Большинство добровольцев были совсем молодыми людьми, а это позволяло легче переживать лишения. Во время отдыха случались и танцы под граммофон. Находилось время для шуток и розыгрышей. Деникин в «Очерках русской смуты» упоминает о том, что в армии ходили разговоры, будто бы Корнилов собирается вести добровольцев аж в Туркестан, в Мервский оазис. Этот абсолютно фантастический слух получил распространение после того, как офицеры-марковцы разыграли своего взводного командира{589}.

Добровольческая армия не имела тыловой базы, все необходимое ей приходилось везти с собой. В результате армия должна была тащить за собой огромный обоз. Во время переходов он растягивался на три версты, а потом даже на все пять. Неповоротливый обоз был серьезной помехой, мешавшей маневренности армии, но отказаться от него было невозможно. Обоз совмещал в себе функции оружейного и провиантского склада, походного лазарета и пристанища для многочисленных беженцев. Кого только не было среди его обитателей! «Были и земские деятели, и члены Думы, и журналисты, и профессора, и учителя гимназий — осколки разбитой русской общественности,

а рядом певчий из архиерейского хора, Вольский мещанин, случайно попавший на Дон, чахлый портной из Новочеркасска, отставной генерал, чиновник судебного ведомства, остзейский барон с женою, предводитель дворянства и неизвестного общественного положения подозрительный субъект. Все сброшены в один мешок. Все тянулись по одной дороге, сходились на стоянках, кое-как добывали себе пищу, устраивались и вновь двигались в путь»{590}.

Оторванный от армии обоз жил слухами и сплетнями. Скученность и тяжелые условия провоцировали мелкие скандалы. Всего хватало: и эгоизма, и шкурничества, и откровенной трусости. Тем удивительнее те перемены, которые происходили с обитателями обоза в моменты наибольшей опасности. Давно известно, что обоз таит в себе угрозу для любой армии. Именно здесь рождается паника, способная увлечь и смять самых стойких и хладнокровных. Но ничего подобного не было (или почти не было) за весь период Кубанского похода. Добровольческое командование не имело возможности обеспечить обоз постоянной охраной. Во время боя, когда на счету была каждая винтовка, обоз нередко оставался без всякого прикрытия. Много раз бывало так, что обозные телеги застревали на ровном месте, становясь идеальной мишенью для красных артиллеристов. В таких случаях люди ждали и молились, чтобы очередной снаряд пролетел мимо. Стоило миновать угрозе, и обоз вновь пускался в путь.

При этом обитатели обоза оставались людьми со всеми присущими людям слабостями. Причиной такой сознательности была не феноменальная храбрость, а реальное осознание того, что любое проявление паники будет означать смерть. Со смертью, даже в обозе, приходилось сталкиваться каждый день. Медленно, но верно обоз превращался в госпиталь на колесах. Бросить раненых было невозможно. Так уже поступили при уходе из Ростова. Тогда часть раненых была устроена в надежных домах, а остальные оставлены в госпиталях по подложным документам. Но эта хитрость не сработала, и после прихода красных большая часть раненых была расстреляна. Во время похода было еще сложнее, ведь оставленные армией села и станицы немедленно занимались противником. Даже убитых приходилось хоронить тайно, чтобы враги не надругались над их телами, а о раненых и говорить нечего. Вот и приходилось везти их на телегах, производить операции в грязных хатах, а то и под открытым небом. Медикаментов страшно не хватало, из анестезирующих средств была только водка, и то не всегда. Спасала только невероятная самоотверженность немногочисленных врачей и медицинских сестер. Но, очнувшись, каждый раненый

немедленно требовал револьвер. Он был надежнее любого лекарства, поскольку оставлял надежду не попасть в плен живым.

Окруженная со всех сторон Добровольческая армия превращалась в маленький замкнутый мир. Здесь были свои маленькие радости и свои печали. Были проблемы, мелкие в иной ситуации, но сейчас выраставшие до космических масштабов. Но главное — была надежда, без которой армия не просуществовала бы и дня.

ОТРЯД ПОКРОВСКОГО

События, имевшие ранее место на Кубани, едва ли не в деталях повторяли происходившее на Дону. В апреле 1917 года в Екатеринодаре была созвана Краевая казачья рада. Она учредила должность войскового атамана и сформировала правительство. На пост атамана был избран полковник А.П. Филимонов. В прошлом он был военным юристом и некогда даже выступал защитником по нашумевшему делу эсеровской террористки Спиридоновой. Его профессорская внешность и седина способны были внушать уважение, но за этим скрывался слабый характер.

К тому же кубанская конституция предполагала парламентскую форму правления. Носительницей верховной власти в ней объявлялась Краевая рада, в промежутках между ежегодными сессиями передававшая свои функции постоянному парламенту — Законодательной раде. Роль же атамана по большей части была номинальной.

Расстановка политических сил на Кубани во многом определялась давним делением кубанского казачества на черноморцев и линейцев. Кубанское войско было создано в 70-е годы XIX века на основе слияния двух ранее самостоятельных групп. Черноморские казаки происходили от запорожцев, переселенных в кавказские предгорья еще Екатериной II. В быту они к началу XX века продолжали сохранять украинский язык, обычаи и традиции. Линейцы были потомками донских и частью терских казаков, поселенных русским правительством на пограничной линии во время войны с горцами. Из семи отделов (уездов) Кубанской области три считались линейскими и четыре черноморскими. Последние к тому же были более населенными. Поэтому на выборах в Краевую раду черноморцы получили большинство депутатских мест. К их числу принадлежал председатель рады Н.С. Рябовол и глава краевого правительства Л.Л. Быч.

Почти две трети депутатов составляли простые казаки, плохо разбиравшиеся в парламентских играх. Немногочисленная же политизированная часть депутатов-черноморцев была представлена социалистами эсеровского толка, тогда как лидеры линейцев принадлежали скорее к умеренно-либеральному крылу. Помимо этого среди черноморцев были сильны проукраинские настроения. Они отстаивали самую широкую автономию, а в перспективе и полный суверенитет Кубани. Линейцы же были готовы довольствоваться признанием Кубанского края самоуправляющейся областью в составе будущей федеративной

России.

После того как на Кубань дошли известия об октябрьском перевороте, краевое правительство заявило о том, что оно не признает большевиков и берет на себя управление областью. Стремясь снять остроту межсословных противоречий, кубанские власти в декабре реформировали Законодательную раду, включив в нее представителей иногороднего населения. Но часть делегатов проходившего в эти же дни съезда иногородних отказалась признать этот компромисс. По их инициативе в середине января 1918 года в станице Крымской был образован областной ревком, призвавший к установлению в крае советской власти.

Кубанское правительство попыталось организовать отпор большевикам. Был сформирован полевой штаб и учреждена должность командующего войсками Кубанского края. Штаб разместился в гостинице «Лондон» на Красной улице и мгновенно оброс отделами и управлениями{591}. Реальных же сил в его распоряжении фактически не было. Кубанские части, возвращавшиеся с фронта, были охвачены разложением и не хотели воевать.

Впрочем, в Екатеринодаре было немало офицеров, готовых пойти добровольцами на войну против красных. Но кубанские власти, еще больше, чем донские, зараженные казачьим сепаратизмом, поначалу противились созданию добровольческих формирований. В ноябре 1917 года на рассмотрение правительства поступила записка капитана В.Л. Покровского, предлагавшего начать создание Добровольческого отряда Учредительного собрания. Глава кабинета Л.Л. Быч с ходу отверг это начинание, заявив: «Пусть едет к себе в Нижегородскую губернию формировать такие отряды»{592}. Лишь месяц спустя, когда стало ясно, что на другую вооруженную опору рассчитывать не приходится, кубанские власти дали согласие на создание офицерских частей.

Для размещения добровольцев был предоставлен лазарет на Бурсаковской улице. Екатеринодарский биржевой комитет выделил на их содержание 80 тысяч рублей, значительную субсидию предоставил Союз хлеборобов. В конце января 100 тысяч рублей были ассигнованы краевым правительством{593}. К этому времени было создано два отряда под командованием войскового старшины В.А. Галаева и капитана В.Л. Покровского. Общая численность их составляла примерно 600 человек при двух орудиях и четырех пулеметах{594}.

К началу 1918 года власть кубанского атамана и правительства не распространялась за пределы столицы края. В

Новороссийске действовал большевистский ревком, узловые станции Владикавказской железной дороги были заняты солдатами 39-й дивизии, тоже настроенными пробольшевистски, а точнее, анархически. В самом Екатеринодаре на заводе «Кубаноль», в рабочих пригородах Покровке и Дубинке, не скрываясь, работали большевистские агитаторы. Ходили слухи о том, что в городе готовится «Еремеевская (Варфоломеевская) ночь», во время которой будут перебиты все офицеры.

В середине месяца стало известно о том, что красные начали наступление на Екатеринодар со стороны Новороссийска. Навстречу им были отправлены отряды Галаева и Покровского. 22 января у разъезда Энем состоялось сражение. Красные понесли большие потери и отступили. Победителям достались два эшелона с боеприпасами, многочисленные орудия, десятки пулеметов. Добровольцы потеряли всего троих, но среди них был и сам Галаев.

После его гибели командование всей группой перешло в руки Покровского. Два дня спустя ему удалось вторично разбить красных, на этот раз у станицы Георгие-Афинской. На время угроза Екатеринодару была снята. Кубанские власти устроили победителям триумфальную встречу. Прямо на дебаркадере городского вокзала атаман Филимонов произвел Покровского в полковники.

Новоявленный герой был фигурой в достаточной степени колоритной. Выходец из Нижегородской губернии, на Кубани он был чужаком. За плечами у Покровского были Одесский кадетский корпус и Павловское военное училище.

Необычным было то, что он успел закончить еще и Петербургский политехнический институт по классу авиации, а затем Севастопольскую авиационную школу. В мировую войну военный летчик Покровский стал первым российским авиатором, пленившим в воздушном бою неприятельский аэроплан. Летом 1917 года он числился состоящим в распоряжении начальника Морского Генерального штаба. В это время Покровский был активным участником нелегальных офицерских организаций, по его собственным словам, близко сотрудничал с адмиралом А.В. Колчаком. Осенью он не слишком понятным образом оказался в Екатеринодаре с мандатом какого-то полумифического «Харьковского военно-гражданского союза»{595}.

Несомненно, Покровский был энергичным человеком и талантливым организатором. Было в нем то, что привлекало к нему офицерскую молодежь. Но вместе с тем нельзя не видеть и откровенно авантюристических черт его характера. Впрочем, сама судьба, за месяц сделавшая 27-летнего капитана генералом,

провоцировала его на авантюризм. Было у Покровского еще одно, не самое приятное, качество. В его поведении имело место такое, что заставляло подозревать его в садистских наклонностях. Своими шутками в духе того, что «вид повешенного оживляет ландшафт», или манерой устраивать обеды с видом на виселицы — для улучшения аппетита он внушал неприязнь даже видавшим виды сподвижникам{596}.

С декабря 1917 года кубанские власти поддерживали регулярный контакт с командованием Добровольческой армии. В Екатеринодаре, как мы уже писали, дважды бывал генерал Алексеев. Корниловым для связи был направлен на Кубань генерал И.Г. Эрдели. Предполагалось, что именно он возглавит все добровольческие формирования в области. Однако Покровский быстро оттеснил корниловского эмиссара в сторону. После побед под Энемом и Георгие-Афинской встал вопрос о замещении должности командующего войсками Кубанского края (за предыдущие месяцы их сменилось трое). Генерал Эрдели от сделанного ему предложения отказался. По настоянию Быча и другого члена правительства — А.И. Калабухова, командующим был назначен Покровский. Это особенно любопытно, так как через полтора года именно Покровский по приказу Деникина повесит Калабухова «за измену России и кубанскому казачеству».

Покровский благодарил за оказанное ему доверие и уверенно заявил, что он спасет Кубань. Однако все оказалось не так просто. Окрыленный успехом, новый командующий решил взять под контроль Владикавказскую железную дорогу. В середине января войска краевого правительства заняли Выселки. Но через три недели красные внезапным ударом выбили добровольцев со станции. Над кубанской столицей вновь нависла гроза. К этому времени стало известно о самоубийстве Каледина и о том, что отряд Корнилова покинул пределы Донской области. Были получены непроверенные слухи, что Добровольческая армия находится в районе Лежанки, но куда она направляется — на Кубань или на Терек, никто не знал.

22 февраля (7 марта) в атаманском дворце состоялось совещание, на котором присутствовали сам атаман, Покровский, некоторые члены правительства и депутаты. То, что город придется покинуть, было ясно всем. Споры были лишь по вопросу о том, куда уходить и что делать дальше. Отступать в район железных дорог было чревато слишком большим риском. Поэтому было решено идти через черкесские аулы в горный Карачай. Путь этот был длинным и тяжелым, но зато в горах можно было отсиживаться неопределенно долгое время, тревожа большевиков внезапными вылазками.

Белый Екатеринодар доживал свои последние дни. Покровский собрал в здании реального училища всех находившихся в городе офицеров и приказал им немедленно двинуться на фронт. Но, как вспоминал один из участников этих событий, «дошло до фронта фактически меньше половины»[597]. Но новом совещании, состоявшемся 28 февраля (13 марта), было решено уходить немедленно. В пять часов вечера во все отряды было послано приказание покинуть город с наступлением темноты. О поспешном характере бегства говорит тот факт, что Филимонов забыл во дворце даже знак атаманского достоинства — булаву, за которой пришлось посылать специального нарочного[598].

К рассвету 1 (14) марта войска через железнодорожный мост переправились на другой берег Кубани. Сам мост было решено не взрывать, а лишь временно вывести из строя, организовав на нем крушение двух встречных поездов. К вечеру отряды сосредоточились в ауле Шенджий, где оставались весь следующий день. Здесь были подсчитаны наличные силы. Всего в строю находилось 2185 человек. Из этого числа было 1835 офицеров и 350 казаков[599]. Артиллерия была представлена девятью легкими орудиями, сведенными в батарею[600]. Значительную часть беглецов составляли гражданские лица, включая членов правительства и большинство депутатов рады. Были среди гражданских и столичные политические деятели, вроде М.В. Родзянко, ранее нашедшие приют в Екатеринодаре.

3 (16) марта отряд перешел в станицу Пензенскую. Разведчики, посланные в соседние станицы, сообщили, что они заняты хорошо вооруженными силами красных. Для кубанского отряда это был самый тяжелый день. Покровский фактически самоустранился от происходящего. Говорили, что он пьет, закрывшись в своей комнате. «В армии, — вспоминал участник похода, — началось брожение, грозившее вылиться в раскол. Ходил даже слух о предложении одной части арестовать командующего и назначить другого. Ночь около квартиры полковника Покровского стоял караул для предупреждения возможного ареста»[601]. Небольшая группа казаков все же отделилась и ушла в Майкопский отдел.

Кризис был готов разразиться в любую минуту, но в это время от местных жителей стало известно, что в направлении восточнее Екатеринодара в последние сутки была слышна артиллерийская стрельба. Это сразу возродило надежды. Противником, противостоявшим большевикам, несомненно должен был быть Корнилов, а это означало, что не все потеряно. Обратим внимание — и Добровольческая армия, и кубанцы явно

преувеличивали силы друг друга.

Командование кубанского отряда приняло решение оказать помощь Корнилову, предприняв диверсию в направлении Екатеринодара. В ночь на 7 (20) марта была захвачена переправа через Кубань у станицы Пашковской в непосредственной близости от столицы края. Два дня добровольцы удерживали занятый ими плацдарм, но никаких сведений о Корнилове в течение всего этого времени получить не удалось. На вызовы по радио никто не отвечал (у Корнилова не было радиостанции), не было слышно и орудийной стрельбы.

Один из тогдашних кубанских командиров подполковник В.Г. Науменко вспоминал: «Настроение отряда было подавленное. Большинство не понимало движения взад и вперед в районе Екатеринодара, Пензенской, Лакшукая. Подавленность еще больше усилилась, когда стало известно, что полковник Кузнецов, не исполнив возложенной на него задачи, ушел со своим отрядом в неизвестном направлении, уведя с собою лучшую часть нашей конницы… Такое положение привело некоторых участников похода в отчаяние, и усилился уход из отряда отдельных лиц. Как потом выяснилось, почти все они погибли»{602}.

Вечером 9 (22) марта атаман Филимонов собрал на совещание старших начальников, руководителей правительства и рады. Здесь было решено вернуться к прежнему плану и пробиваться в горы. Беда была в том, что и Пензенскую, и Шенджий после ухода добровольцев немедленно заняли красные. Оставалась единственная возможность — идти лесными тропами вдали от населенных пунктов. Уничтожив лишние телеги, бросив часть орудий и радиостанцию, отрад двинулся в путь.

У станицы Калужской добровольцы столкнулись с значительными силами противника. Бой был тяжелым и кровопролитным. Красные отступили, но было ясно, что на следующий день сражение возобновится. Именно в этот момент, когда ситуация казалась безнадежной, на отряд Покровского случайно наткнулся корниловский разъезд. Состояние духа кубанцев характеризует следующая деталь: командовавший разъездом штаб-ротмистр Баугис был взят под стражу, так как из-за отсутствия документов и нерусского акцента в нем заподозрили большевистского комиссара[13]. Только прибытие на следующий день второй группы посланцев Корнилова во главе с полковником В.П. Барцевичем, лично знакомым некоторым кубанским офицерам, убедило их в том, что это не провокация.

На рассвете 12 (25) марта Покровский выехал для свидания с Корниловым в аул Шенджий, накануне занятый Добровольческой армией. Перед отъездом правительство «для престижа» произвело

Покровского в генералы. С этой же целью ему были приданы конвойная сотня и сотня черкесов. В Шенджий Покровского встречали криками «ура». Впрочем, командование Добровольческой армии вело себя более сдержанно.

Покровский был приглашен на обед, на котором присутствовали Корнилов, Алексеев, Деникин, Романовский и Марков. Деникин вспоминал эту встречу: «В комнату… вошел молодой человек в черкеске с генеральскими погонами — стройный, подтянутый, с каким-то холодным металлическим выражением глаз, по-видимому, несколько смущенный своим новым чином, аудиторией и предстоящим разговором»{603}. После того как обе стороны обменялись информацией о состоянии дел, зашла речь о главном. Корнилов ультимативно потребовал, чтобы кубанский отряд был влит в состав Добровольческой армии и подчинен общему командованию. Покровский отстаивал сохранение отдельного кубанского отрада с подчинением его Корнилову лишь в оперативном отношении. По его словам, кубанское правительство хочет сохранить собственную армию, что «соответствует конституции края». Расформирование же кубанских частей вызовет недовольство и брожение в войсках. Алексеев не выдержал и вспылил:

— Полноте, полковник, извините, не знаю, как вас и величать. Войска тут ни при чем. Мы знаем хорошо, как от носятся они к этому вопросу. Просто вам не хочется посту питься своим самолюбием.

Корнилов был категоричен:

— Одна армия и один командующий. Иного положения я не допускаю. Так и передайте своему правительству{604}.

Стало ясно, что вопрос об объединении вызовет еще немало споров. Пока же приходилось решать насущные проблемы. Оба отряда разделяло всего 18 верст, но между ними лежала станица Ново-Дмитриевская, где укрепилась почти трехтысячная группировка красных. Ранним утром 15 (28) марта Корнилов двинул армию в путь. Дул пронизывающий ветер, шел мелкий холодный дождь. Часов около девяти появилось солнце, но почти сразу вновь скрылось за темными тучами. Около полудня еще сильнее похолодало и пошел снег. Мокрые шинели добровольцев превратились в ледяные панцири, промерзшие руки отказывались держать винтовки. Перед станицей путь армии преградила река Черная. Не слишком широкая в обычное время, сейчас она превратилась в бурлящий поток, мутный и холодный.

Одно было на руку — в такую погоду красные предпочитали сидеть по хатам, и потому нападение врага для них стало неожиданностью. Бой длился до глубокой ночи, но не из-за того,

что противник оказал ожесточенное сопротивление, а потому, что в снежном буране трудно было отличить своих и чужих. Именно этот эпизод получил название «Ледяного похода», позднее перенесенное на всю кубанскую эпопею. Авторство самого этого термина одни современники приписывали генералу С.Л. Маркову, другие — донскому журналисту Б.А. Бартошевичу. В любом случае, это не принципиально. Важнее другое. Яркое, запоминающееся название естественным образом стало частью легенды, каковой на глазах становился Кубанский поход.

Через день, 17 (30) марта, в Ново-Дмитриевской состоялось совещание руководства двух отрядов. Со стороны Добровольческой армии на нем присутствовали Корнилов, Алексеев, Деникин, Романовский и Эрдели. Кубанцы были представлены Филимоновым, Покровским, председателем рады Н.С. Рябоволом, товарищем председателя Султан Шахим Гиреем и главой правительства Л.Л. Бычем. Кубанская сторона опять отстаивала необходимость сохранения отдельной армии, апеллируя к «демократии» и конституции «суверенной Кубани». Деникин вспоминал: «На нас после суровой, жесткой и простой обстановки похода и боя от этого совещания вновь повеяло чем-то старым, уже, казалось, похороненным, напомнившим лето 1917 года — с бесконечными дебатами революционной демократии, доканчивавшей разложение армии»{605}.

В разгар споров в комнате зазвенели стекла, на площади разорвались две гранаты, пущенные со стороны позиций красных. Это ли сыграло свою роль или 11 виселиц на той же площади, где по приказу Корнилова были повешены захваченные в плен большевики, но кубанцы капитулировали. Было подписано соглашение, состоявшее из трех пунктов:

1. Ввиду прибытия Добровольческой армии в Кубанскую область и осуществления ею тех же задач, которые поставлены кубанскому правительственному отряду, для объединения всех сил и средств признается необходимым переход кубанского правительственного отряда в полное подчинение генералу Корнилову, которому предоставляется право реорганизовать отряд, как это будет признано необходимым.

2. Законодательная рада, войсковое правительство, войсковой атаман продолжают свою деятельность, всемерно содействуя военным мероприятиям командующего армией.

3. Командующий войсками Кубанского края и его начальник штаба отзываются в состав правительства для дальнейшего формирования Кубанской армии.

В последующие дни кубанские части были влиты в состав Добровольческой армии. Были созданы две пехотные бригады —

под началом генералов Маркова и Богаевского и конная бригада генерала Эрдели. Общая численность армии выросла до шести тысяч человек. В таком виде она могла позволить себе решать и более серьезные, нежели прежде, задачи.

ШТУРМ ЕКАТЕРИНОДАРА

После соединения с кубанцами вопрос о штурме Екатеринодара был фактически решен. Если и были сомневавшиеся в успехе, то они предпочитали молчать. По словам Деникина, кубанская столица стала для добровольцев чем-то вроде Иерусалима для первых крестоносцев, символом завершения всего тяжелого похода. «Он влек необыкновенно притягательной силой. Даже люди с холодным умом, ясно взвешивавшие военно-политическое положение, не обольщавшиеся слишком радужными надеждами, поддавались невольно его гипнозу. А массы видели в нем конец своим мучениям, прочную почву под ногами и начало новой жизни. Почему — в этом плохо разбирались, но верили, что так именно будет»[606].

Но прежде чем штурмовать Екатеринодар, нужно было переправить армию через Кубань. Железнодорожный мост в самом Екатеринодаре красные охраняли так, что туда даже не стоило соваться. Был еще деревянный мост в станице Пашковской к востоку от города, но здесь совсем недавно вел бои кубанский отряд Покровского, и можно было предположить, что красные приготовились к новому нападению. Корнилов решил захватить паромную переправу у станицы Елизаветинской, где скорее всего добровольцев не ждали.

По пути к переправе необходимо было пересечь железную дорогу у станции Георгие-Афипская. Здесь стоял многочисленный гарнизон красных, усиленный артиллерией и бронепоездами. Тем не менее приходилось рисковать, поскольку другого пути не было. Захват станции был поручен генералу Маркову. Однако с самого начала все сложилось не лучшим образом. Бригада Маркова выступила ночью 24 марта 1918 года, но к восходу солнца добровольцы были еще на расстоянии версты от Георгие-Афипской. Когда рассвело, красные внезапно увидели перед собой на ровном поле компактную массу пехоты и конницы, не успевшую еще развернуться в боевые порядки. После минутного замешательства два красных бронепоезда открыли шквальный пулеметный огонь.

Добровольцы рассыпались в цепь и залегли. Было много убитых и раненых. В десятом часу утра в тылу добровольческих позиций показалась группа всадников, скакавших галопом. Впереди на буланой кобыле ехал Корнилов, за ним — текинец с трехцветным значком на пике и несколько чинов свиты. Всадники спешились шагов за двести до передовой линии. Впрочем, и здесь

было небезопасно: шальной пулей в ногу ранило генерала Романовского. Корнилов осмотрел позиции противника в бинокль и жестко выговорил генералу Маркову:

— Сергей Леонидович! Я просил вас о ночном налете, а вы закатили мне дневной бой![607]

Командующий приказал бригаде генерала Богаевского начать глубокий обход Георгие-Афипской с запада и сам переехал на это направление. Марковцы же после нескольких неудачных атак залегли в укрытии. Часов около четырех после полудня добровольческой артиллерии удалось взорвать склад снарядов на станции. С одной стороны, это было досадно, поскольку у добровольцев уже были виды на трофейные боеприпасы, но с другой — взрыв вызвал панику среди красных. В это же время корниловцы и партизаны Богаевского вышли в тыл к большевикам и после короткого боя ворвались на станцию. Новая атака марковцев довершила дело. В Георгие-Афипской добровольцам досталось около 700 снарядов, большое количество ружейных патронов, удалось захватить даже красный бронепоезд. Но и потери превысили 150 человек. Для маленькой Добровольческой армии это было слишком много. Встал вопрос: если красные будут сопротивляться так и дальше, то для штурма Екатеринодара просто не хватит сил.

Не лучшие впечатления от боя у Георгие-Афипской несколько сгладили известия о том, что конница генерала Эрдели захватила переправу. Находившийся здесь паром в нормальных условиях перевозил максимум 50 человек, или 15 всадников, или четыре телеги с лошадьми. Позже нашли где-то еще один, неисправный и меньшей подъемной силы. Это, да плюс десяток рыбачьих лодок, составляло все наличные «плавсредства». Между тем на правый берег нужно было перебросить не менее девяти тысяч человек, включая обоз и гражданских лиц, четыре тысячи лошадей и около 600 повозок, орудий и зарядных ящиков. Кубань (если читатель простит нам избитое сравнение) стала для добровольцев своего рода Рубиконом. Пути назад после этого не было. Позднее Деникин писал об этом: «Обратный отход с боем потребовал бы значительно большего времени, вернее, был бы невыполним вовсе и в случае неудачи боя грозил армии гибелью»[608].

Первой к вечеру 26 марта переправу закончила бригада генерала Богаевского. Станица Елизаветинская была взята без боя. Здесь генерал Корнилов впервые объявил мобилизацию младших возрастов. Из казаков-елизаветинцев был сформирован Кубанский казачий полк, составивший вместе с добровольческой конницей кавалерийскую бригаду. Отряды генерала Маркова оставались пока на левом берегу, прикрывая обоз и раненых.

Корнилов очень рисковал. Если бы командование красных проявило больше инициативы, оно могло бы устроить добровольцам на переправе «вторую Березину», прижав их к реке с обеих сторон. Но, на удивление, все прошло спокойно. Лишь утром 27 марта красные начали наступление на Елизаветинскую со стороны Екатеринодара. Корниловский полк, стоявший в сторожевом охранении, понес большие потери. После полудня в дело вступил Партизанский полк генерала Казановича. Прошло не более часа, как вдруг красные совершенно неожиданно прекратили бой и отступили к городу. Добровольческий авангард выдвинулся далеко вперед, и только близившаяся ночь помешала дальнейшему наступлению. Но, в любом случае, это был большой успех. До Екатеринодара оставалось не более десяти верст.

Легкость, с которой была одержана эта победа, посеяла в добровольческом командовании уверенность в успехе всей операции. По словам Деникина, «27 марта мы беседовали в штабе о вопросах, связанных с занятием Екатеринодара, как о чем-то неизбежном и не допускающем сомнения»{609}. Говорили, что в рядах красных царит паника, что уже началась эвакуация города. Возможно, именно это и привело Корнилова к решению, которое многие позже считали роковым.

В штабе Добровольческой армии силы красных оценивали в 28—30 тысяч человек, при 20—25 орудиях и трех бронепоездах{610}. В реальности эта оценка была преувеличена. Численность защитников Екатеринодара не превышала 20 тысяч{611}. К тому же красные отряды были плохо организованы, а между руководителями обороны города Сорокиным и Автономовым существовал острый конфликт. Но при любом раскладе добровольцев было в три с лишним раза меньше. Казалось бы, логично было бросить на штурм города все имеющиеся резервы, положившись на мощь первого натиска. Однако Корнилов принял решение штурмовать Екатеринодар только силами бригады Богаевского (а это примерно три с половиной тысячи бойцов), оставив бригаду Маркова охранять переправу и обоз.

В этом был свой резон. Оставленный без охраны обоз мог стать легкой добычей красных, свободно перемещавшихся по железнодорожному мосту через Кубань. Такой исход был бы равносилен концу. Корнилов выбирал между двумя вариантами, каждый из которых мог закончиться катастрофой. Какое бы решение он ни принял, в случае неудачи оно было бы признано ошибкой, в случае победы — чудом военного гения и прозорливости.

Приказ за № 182, предписывавший начать штурм

Екатеринодара, был подписан Корниловым в Елизаветинской в 11 часов вечера 27 марта 1918 года. Партизанский полк Казановича должен был атаковать город с запада, корниловцы Неженцева — занять Черноморский вокзал, коннице генерала Эрдели было приказано обойти город со стороны предместья Сады и атаковать с севера. Казанович вспоминал, что его первым побуждением после получения приказа было идти к генералу Богаевскому и добиваться отмены изданного распоряжения. «Я был уверен, что сил бригады недостаточно для овладения городом и преждевременная атака приведет к тому, что наши без того небольшие силы будут введены в дело по частям и вместо планомерной атаки получатся разрозненные действия отдельных частей»[{612}]. Так думали и многие другие, но приказы, как известно, обсуждению не подлежат.

Утром 28 марта Партизанский полк развернул наступление вдоль дороги из Елизаветинской в Екатеринодар. К северу от дороги лежали поля с разбросанными по ним домиками-хуторами. Летом там жили хозяева участков, но сейчас хутора пустовали. К юго-востоку от дороги на высоком берегу Кубани находились образцовая ферма Екатеринодарского экономического общества и примыкавшее к ней опытное поле. К десяти утра партизаны Казановича захватили хутора и ферму, но около полудня красные, получив подкрепление из Екатеринодара, под прикрытием артиллерии перешли в контрнаступление. Хутора добровольцам удалось удержать, но ферму пришлось оставить. Богаевский перебросил на помощь Казановичу кубанских пластунов полковника Улагая. После вторичной атаки ферма вновь была взята. К вечеру добровольцам удалось продвинуться до артиллерийских казарм, расположенных непосредственно на окраине Екатеринодара.

Потери были очень велики. Среди раненых были сам Казанович и Улагай. Силы добровольцев были на пределе. Это понимал и Корнилов. С вечера 28 марта он начал перебрасывать на правый берег Кубани и постепенно вводить в бой части бригады генерала Маркова. Еще одну характерную деталь рисует короткая справка, составленная в штабе армии:

> *Сведения о боевых припасах на 28 марта 1918 года*
>
> Было ружейных патронов 53 400 штук, из них выдано 45 400 и отправлено россыпью 8000 штук. Пушечных снарядов 50 штук, которые в тот же день полностью выданы 3-й батарее. К 7 часам 29 марта патронов трехлинейных нет, снарядов нет[{613}].

Екатеринодар предстояло брать без патронов и снарядов, то

есть фактически голыми руками. Но рядовым добровольцам было сложно заметить и правильно оценить эти тревожные признаки. В обозе, по прежнему стоявшем в Елизаветинской, падение Екатеринодара ждали с минуты на минуту. Один из участников похода вспоминал: «Вести были оптимистические: “Город взят”, “Бой уже за городом”, “Город сегодня будет взят”…»{614}

Б.А. Суворин записал в своем дневнике: «Взятие Екатеринодара… Последний день 47 дней»{615}. На скорую руку был отслужен благодарственный молебен. Наиболее нетерпеливые уже подняли кружки с пивом в погребке у казака Кабанца.

Стремление выдать желаемое за действительное вполне понятно. Удивительным выглядит тот оптимизм, который царил в штабе армии. Деникин писал: «Уже никто не сомневался, что Екатеринодар падет. Не было еще случая, чтобы красная гвардия, потеряв окраину, принимала бой внутри города или станицы. Корнилов хотел уже перейти на ночлег в предместье, и ему с трудом отсоветовали ехать туда. Коменданту штаба армии послано было приказание — к рассвету выслать квартирьеров…»{616}

С трудом Корнилова уговорили разместиться на ночь в здании фермы. Это тоже был не лучший вариант, но командующий ни за что не соглашался возвращаться в Елизаветинскую, а другого подходящего помещения вблизи передовой не было. Территория фермы узкой полосой вытянулась между рекой и дорогой. Ближе к дороге располагалось опытное поле, окруженное редкими пирамидальными тополями, лишенными в это время года листвы. Единственным укрытием была небольшая хвойная роща на западном конце участка. Ближе к восточному краю стояли одноэтажный дом управляющего и небольшой сарай. Стены дома были дощатыми, обмазанными глиной и побеленными снаружи. Внутри — коридор и шесть небольших комнат. В двух расположился лазарет, в одной был установлен полевой телефон. Комнату напротив занимал генерал Романовский со своим штабом. Рядом в маленькой каморке без окна приютился генерал Деникин. Угловая комната с окнами на северо-восток (через коридор от лазарета) была предоставлена Корнилову.

Накануне, как мы уже указывали, территория фермы была ареной ожесточенного боя. Журналист Б.А. Суворин, посетивший штаб армии утром 29 марта, так описывал увиденное:

«Дорога, сначала уходившая от реки, в конце привела меня к роще на самом берегу Кубани, на ее высоком берегу. Здесь же, в только что начинавшейся зелени, находится маленький домик

фермы, где находился Корнилов и где он был позже убит. Отсюда открывался прекрасный вид. Весь Екатеринодар был виден; направо внизу бежала извилистая, мутная, как сами казаки ее называют, Кубань.

В роще еще лежали неприбранные трупы убитых большевиков. Одного из них я помню. Это был здоровый черноусый парень с простреляннной головой; на нем была матросская фуфайка под курткой (голландка), и на руке был выжжен порохом якорь. Почему этот матрос должен был погибнуть в этой прозрачной весенней роще? Какая ненависть увлекла его в эту борьбу? На дороге я видел еще два трупа. Один был “наш”. Молодой солдат, которому чья-то заботливая рука прикрыла глаза… Он лежал у обочины дороги, руки ему скрестили, и лицо было загадочное и торжественное. Недалеко от дороги была убита в тот же день сестра милосердия. Я, помню, издали заметил ее белую повязку, и мне только позднее рассказали о ее случайной гибели от шального снаряда»{617}.

Тела погибших еще не успели убрать, как появились новые жертвы. Как вспоминал генерал Богаевский, «дом со своими белыми стенами да и вся ферма были превосходной мишенью на отличной дистанции, и нужно только удивляться счастью или плохой стрельбе красных, что дом не был разбит артиллерийским огнем в первый же день»{618}. В течение трех дней красные непрерывно обстреливали ферму с утра и до темноты. Не проходило и часа, чтобы кого-то не убило или ранило. Корнилову неоднократно предлагали перенести штаб в другое место, но он не принимал никаких мер.

Его должно было беспокоить другое. Если рядовые добровольцы еще могли рассчитывать на скорый успех, то командующий уже по должности был слишком осведомлен для того, чтобы тешить себя иллюзиями. Армия выдохлась. К полудню 29 марта в бой были введены последние части бригады генерала Маркова. Обоз у Елизаветинской остался без прикрытия. Таким образом, первоначальное решение Корнилова, разделившего армию, оказалось бессмысленным. Бригада Богаевского за три дня непрерывных боев понесла огромные потери, а оставшиеся в живых были вымотаны до предела. Бригада Маркова перебрасывалась на передовую по частям и по этой причине тоже не смогла стать ударным кулаком свежих сил. Штурм Екатеринодара обнажил главную проблему, которая сопутствовала Добровольческой армии на протяжении всего «Ледяного похода» — полное отсутствие резервов. При таком положении вещей сражение должно было быть выиграно первым натиском или не выиграно вообще.

Частичные успехи не могли изменить ситуацию. Ближе к вечеру бригаде генерала Маркова в результате упорного боя удалось овладеть артиллерийскими казармами. Ожидалось, что на левом фланге атаку марковцев поддержит Корниловский полк, усиленный мобилизованными казаками-елизаветинцами. Командный пункт Корниловского полка располагался на невысоком придорожном кургане у кирпичного завода, откуда просматривалось все поле сражения. Беда была в том, что курган хорошо простреливался с позиций красных. Находиться здесь было можно только лежа на противоположном склоне, высовываясь наружу лишь время от времени.

Около пяти часов после полудня на кургане находились командир Корниловского полка полковник М.О. Беженцев, его заместитель капитан Н.В. Скоблин и прапорщик В.М. Иванов. Внезапно на вершине кургана разорвался снаряд. Иванов позднее вспоминал: «Вся правая часть тела обожжена; правый глаз перестал видеть; рот полный земли и невыносимая боль в ступне. Другим глазом я увидел, что полступни оторвано и нижняя часть длинной кавалерийской шинели капитана Скоблина залита моей кровью. Я начал страшно кричать, и полковник Неженцев, оторвавшись от бинокля, грубо приказал мне “не мешать ему”… Я пополз в другую яму, находившуюся сзади. Там мне стянули ногу проволокой над коленом, дабы остановить кровотечение, и свернули сигарку, которая тряслась в моих руках. Через 15 минут полк перешел в контратаку. Из ямы выскочил высокий полковник Неженцев со “стейером” в руке»{619}. С криком «вперед» он поднялся во весь рост и тут же упал, сраженный пулей в голову. Он встал, сделал несколько шагов и вновь упал с пулей в сердце{620}. Огонь красных был настолько интенсивным, что корниловцам удалось забрать тело своего командира лишь с наступлением темноты.

Вечером на кургане побывал генерал Богаевский. «Ощупью, ориентируясь по стонам раненых, добрался я до холмика с громким названием “штаб Корниловского полка” почти на линии окопов. Крошечный “форт” с отважным гарнизоном, среди которого только трое было живых, остальные бойцы лежали мертвые. Один из живых, временно командовавший полком, измученный почти до потери сознания, спокойно отрапортовал мне о смерти командира полковника Неженцева. Он лежал тут же, такой же стройный и тонкий; на груди черкески тускло сверкал Георгиевский крест. От позиции большевиков было несколько десятков шагов. Они заметили наше движение, и пули роем засвистали над нами, впиваясь в тела убитых. Лежа рядом с павшим командиром, я слушал свист пуль и тихий доклад его

заместителя о боевом дне…»[621]

Дело явственно оборачивалось катастрофой, но по поведению командующего этого нельзя было почувствовать, хотя он, больше чем кто-то другой, должен был представлять общую картину. Понимая, что обильное цитирование документов может утомить читателя, мы все же рискнем воспроизвести здесь один из последних приказов Корнилова по армии.

ПРИКАЗ
частям Добровольческой армии
Ферма Кубанского экономического Общества
29 марта 1918 года.
19 часов 30 минут
Командующий армией приказал:

1. По занятии города генералу Маркову с частями 1-й бригады занимать станцию Владикавказской железной дороги и выставить сильную заставу с пулеметами и одним орудием к железнодорожному мосту через Кубань. Район, подлежащий наблюдению и охранению частями 1-й бригады, ограничивается улицами Новой, Садовой и рекой Кубанью. Все части иметь в кулаке и держать связь.

2. Генерал-майору Богаевскому с частями 2-й бригады занять Черноморский вокзал и разветвление железной дороги на Тимашевскую, Тихорецкую и Кавказскую. Район города, подлежащий охранению частями 2-й бригады, ограничивается улицами Новой и Садовой и железной дорогой, ведущей на Тихорецкую.

3. Генералу Эрдели — занять станицу Пашковскую, выслав разведку по всем направлениям к северу от реки Кубань и выслать дозоры в предместье Дубинка. Выслать специальные разъезды для порчи железнодорожных путей. Всем частям располагаться возможно сосредоточено и установить связь с собой и со штабом армии. С последним через штаб генерала Маркова, к которому будет телефон.

Начальник штаба генерального штаба генерал-майор Романовский[622].

Обратим внимание: у командующего нет ни малейших сомнений в том, что Екатеринодар будет взят в тот же день. Трудно предполагать, что Корнилов был плохо информирован о положении дел. Просто он был непоколебимо уверен в том, что произойдет чудо. Не надеялся, а именно был уверен. Произойдет, потому что оно происходило всегда, потому что не могло не

произойти. Эта уверенность, передававшаяся окружающим, была главным секретом «магнетического воздействия» личности Корнилова.

И чудо действительно едва не произошло. Во время атаки на Екатеринодар Партизанский полк генерала Казановича занимал позиции на левом фланге марковской бригады. Получив известие о том, что Марков взял артиллерийские казармы, Казанович принял решение прорываться в город вслед за отступавшим противником. Отряд Казановича численностью примерно 250 человек при двух пулеметах в надвигавшейся темноте занял городскую окраину и начал продвигаться к центру по Ярмарочной улице. Попадавшихся по дороге одиночных большевиков «ловили и тут же приканчивали»{623}. Казанович был уверен, что по соседним улицам идут марковцы, и потому приказал время от времени кричать «ура генералу Корнилову», для того чтобы обозначить свое местонахождение.

Через какое-то время добровольцы достигли Сенной площади. Расположив на перекрестках дозоры с пулеметами, Казанович остановился, ожидая подхода марковцев. Но время шло и все было тихо. Не слышно было ни артиллерии, ни выстрелов. На поиски бригады Маркова Казанович послал своего ординарца сотника Хоперского. Вернувшись, тот доложил, что кругом только красные, которые, видимо, не подозревают о присутствии в городе добровольцев. Тут только Казановичу стало ясно, что его отряд оторвался от своих.

Не за горами был рассвет. Нетрудно было представить судьбу отряда в том случае, если красные его наконец обнаружат. В этой ситуации Казанович решил пробиваться обратно. Партизаны двинулись назад по все той же Ярмарочной улице. Встречным красным разъездам было приказано отвечать, что идет Кавказский отряд, прибывший на подмогу. Красные спохватились лишь в последний момент, но партизанам все же удалось благополучно выбраться из города, прихватив с собой даже несколько захваченных по дороге повозок с патронами и снарядами. Правда, при этом отряд Казановича едва не попал под выстрелы своих, но в итоге все обошлось.

Известие о рейде Партизанского полка быстро распространилось в армии. Генерал Марков предлагал Казановичу немедленно общими силами повторить атаку, но тот ответил, что время уже упущено. Прорыв партизан Казановича был последним ярким эпизодом боев за Екатеринодар. Судьба отвернулась от добровольцев. Наступали тяжелые дни.

СМЕРТЬ КОРНИЛОВА

30 марта 1918 года выдалось относительно спокойным. Красные продолжали поливать добровольческие позиции оружейным и артиллерийским огнем, но активных действий не предпринимали. Добровольцы вяло отстреливались, экономя боеприпасы. По контрасту с непрерывными боями предыдущих дней могло показаться, что не происходит вообще ничего. Однако подспудно, незаметно для наблюдателей, назревало нечто очень важное.

Утром в штаб армии привезли с передовой тело Неженцева. Хоронить его не стали, предполагая устроить торжественное погребение в Екатеринодаре, и по приказу Корнилова поместили в сарае рядом со зданием фермы. В течение дня командующий несколько раз заходил туда и подолгу оставался там один. Неженцев не был другом Корнилова, как, за неимением других слов, об этом пишут мемуаристы. У Корнилова вообще не было друзей. Неженцев был для него больше чем другом, он был живым талисманом, символом удачи. Гибель Неженцева очень повлияла на Корнилова. В тот день, беседуя с самыми разными людьми, он часто не к месту говорил: «Неженцев убит… Какая потеря…»{624}

Вечером, впервые после Ольгинской, Корнилов собрал военный совет. На нем, помимо командующего, присутствовали генералы М.В. Алексеев, А.И. Деникин, И.П. Романовский, С.Л. Марков, А.П. Богаевский и кубанский атаман А.П. Филимонов. Комната, которую занимал Корнилов в здании фермы, площадью была не больше двух квадратных саженей (примерно девять квадратных метров). Здесь стояли узкая кровать, стол, заваленный бумагами и картами, и единственный стул. Собравшимся не хватило места: пришлось натащить соломы и расположиться прямо на полу. Помещение слабо освещалось двумя-тремя восковыми свечами. Окно, выходившее на позиции красных, было для маскировки завешено какой-то циновкой.

Настроение собравшихся было подавленным. Все были усталые и измотанные. Генерал Марков просто заснул, сидя в углу на соломе. В докладах начальника штаба армии и командиров бригад прозвучали пугающие факты. В боях за Екатеринодар армия потеряла почти половину своего состава. В Партизанском полку осталось триста штыков. Еще больше пострадал Корниловский полк. Здесь в строю оставалось меньше ста человек, были убиты командир полка Неженцев и его заместитель полковник Индейкин. В несколько лучшем

положении находился Офицерский полк, поскольку он участвовал в боях лишь в течение последних суток.

Резервов больше не оставалось. Мобилизованные в окрестных станицах казаки уходили прямо с позиций. Тревожным признаком было то, что мемуаристы деликатно называют «утечкой добровольцев», то есть дезертирство из офицерских частей{625}. Боеприпасы полностью закончились.

Деникин вспоминал: «Корнилов за ночь как-то осунулся, на лбу легла глубокая складка, придававшая лицу суровое страдальческое выражение. Глухим голосом, но резко и отчетливо он сказал: “Положение действительно тяжелое, и я не вижу другого выхода как взятие Екатеринодара. Поэтому я решил завтра на рассвете атаковать по всему фронту. Как ваше мнение, господа?”»{626} Все присутствовавшие, за исключением Алексеева, высказались против продолжения штурма. Алексеев же предложил дать войскам день на передышку.

Деникин позднее писал: «На мой взгляд, такое половинчатое решение, в сущности лишь прикрытое колебание, не сулило существенных выгод: сомнительный отдых в боевых цепях, трата последних патронов и возможность контратаки противника. Отдаляя решительный час, оно сглаживало лишь психологическую остроту данного момента»{627}. Корнилов должен был все это понимать. К тому же исходило это предложение от Алексеева, и можно представить, что в другое время Корнилов не упустил бы возможности выговорить все, что он думает. Тем удивительнее, что сейчас он сразу согласился.

— Итак, будем штурмовать Екатеринодар на рассвете 1 апреля.

Расходились участники совещания мрачными. Марков, вернувшись в свой штаб, сказал: «Наденьте чистое белье, у кого есть. Будем штурмовать Екатеринодар. Екатеринодара не возьмем, а если возьмем, то погибнем»{628}. Удивительнее всего, что это тот самый Марков, который еще утром с азартом предлагал генералу Казановичу повторить попытку прорваться в город. Напомним, что еще двумя днями ранее все, от обитателей обозного «табора» в Елизаветинской до чинов штаба армии, были убеждены в том, что взятие Екатеринодара вопрос решенный. За эти два дня безудержный оптимизм перерос в такое же безудержное отчаяние.

Объяснение этому нужно искать в том уникальном эмоциональном единстве, которое дотоле позволяло Добровольческой армии побеждать многократно превосходящего противника. Человек, долгое время находящийся на пределе возможностей, неизбежно обречен на депрессию. Коллективное

«я» добровольцев было подчинено тем же законам. Добровольцы не знали страха до тех пор, пока сохраняли веру. Веру в правоту своего дела и прежде всего веру в Корнилова. Если бы веру в успех потерял сам Корнилов, то армию уже ничто бы не спасло.

С Корниловым же явно что-то происходило. Об этом свидетельствовал уже сам факт созыва военного совета. Когда тремя днями ранее командующий подписывал приказ о штурме Екатеринодара, ему не понадобилось созывать для этого высший генералитет. Корнилов приказал и все не раздумывая подчинились. Теперь же в разговоре с генералом Казановичем он почти оправдывался: «Конечно, мы все можем при этом погибнуть, но, по-моему, лучше погибнуть с честью. Отступление теперь тоже равносильно гибели: без снарядов и патронов это будет медленная агония»{629}.

В этот день Корнилов вообще много говорил о смерти. После того как члены военного совета разошлись, выслушав решение о новом штурме, Деникин спросил Корнилова:

— Лавр Георгиевич! Почему вы так непреклонны в этом вопросе?

— Нет другого выхода, Антон Иванович. Если не возьмем Екатеринодар, то мне останется пустить себе пулю в лоб.

Деникина эта реплика сильно взволновала:

— Ваше высокопревосходительство! Если генерал Корни лов покончит с собой, то никто не выведет армии — она вся погибнет{630}.

Деникин воспринял этот разговор вполне серьезно. Он сообщил о нем Романовскому, и они договорились о том, что кто-то из них обязательно должен быть всегда рядом с Корниловым. Впрочем, нам кажется, что все рассуждения о «пуле в лоб» были скорее свидетельством мрачного настроения командующего, нежели действительного намерения покончить жизнь самоубийством. Но Корнилов потерял уверенность, а это было ничуть не лучше.

Все его поведение в этот вечер было каким-то странным, во всяком случае, не похожим на обычное. Поздним вечером, уже после военного совета, Корнилов встретил генерала Казановича и пригласил его к себе на ужин. Третьим в компании был генерал Романовский. Деникин наверняка к этому времени уже успел поставить его в известность о состоявшейся беседе. В этой связи присутствие Романовского на ужине выглядит не случайным.

За едой (холодная курица и яйца) Корнилов расспрашивал Казановича о подробностях ночного боя. Позднее Казанович писал: «После ужина мы остались вдвоем; Корнилов вспоминал наше первое знакомство в Кашгаре, когда мы оба были молодыми

офицерами и нам, конечно, не снилось, где нас вновь сведет судьба. Несколько раз он вспоминал и жалел Неженцева, который, несмотря на разницу лет и положение, был его близким другом. Я почувствовал глубокую жалость к герою — я понял, до чего он одинок на свете…»{631}Неожиданно Корнилов предложил:

— Оставайтесь у меня ночевать. Вам сюда принесут сена. Казанович счел это неудобным и отговорился необходимостью идти на перевязку. Однако уже само предложение было удивительным. Прежде Корнилов всегда предпочитал уединение (вспомним его отдельную камеру в быховской тюрьме). Похоже, сейчас ему просто не хотелось оставаться одному.

Мы не знаем, спал ли Корнилов в ту ночь. Лег он около двух часов, а в пять был уже на ногах. То утро врезалось в память многих очевидцев, и мы можем восстановить происходившее в мельчайших деталях. «В сизой дымке тонул Екатеринодар. Вдали за серебристой Кубанью виднелись силуэты города. Ближе к реке — перелески с распускающейся зеленью и залитые весенней водой плавни, а прямо на юг от фермы (в которой помещался штаб), через реку, в грустной дремоте раскинулся разоренный большевиками аул Бжегокай»{632}. Полевая кухня затопила печь, и дым от нее стал подниматься над рощей. Кто-то спохватился и приказал кухне немедленно покинуть территорию фермы. Но было поздно — красная артиллерия, пользуясь появившимся ориентиром, возобновила затихший было ночью обстрел{633}.

Еще до завтрака Корнилов вышел из дома. В коридоре он встретил Деникина. Они перебросились несколькими ничего не значащими фразами и разошлись. Деникин пошел к реке и сел на склоне, где под защитой высокого берега уже грелись на утреннем солнце несколько офицеров. Корнилов же, в сопровождении своего адъютанта поручика Хаджиева, направился в сарай, где лежало тело Неженцева. Пробыл он там примерно 15 минут и вернулся на ферму. У тропинки два казака, сидя на траве, чистили пулемет. Вдруг совсем рядом прогремел взрыв. Один из казаков был убит на месте, у второго осколками перебило ноги. Корнилов приказал отнести раненого в лазарет на ферму.

На ферме Корнилова увидел ночевавший в лазарете Казанович. Он спросил, не будет ли каких-либо приказаний по полку, и получил ответ:

— Пока никаких — отдыхайте!{634}

Около половины седьмого утра к Корнилову зашел генерал Богаевский. Он, по-видимому, был последним, с кем Корнилов виделся и разговаривал, и потому его рассказ представляет для нас особый интерес. «Лавр Георгиевич сидел на скамье лицом к

закрытому циновкой окну, выходившему на сторону противника. Перед ним стоял простой деревянный стол, на котором лежала развернутая карта окрестностей Екатеринодара и стоял стакан чая. Корнилов был задумчив и сумрачен. Видно было, что он плохо спал эту ночь, да это и понятно. Смерть Неженцева и тяжелые известия с фронта, видимо, не давали ему покоя.

Он предложил мне сесть рядом с собой и рассказать то, что я видел. Невесел был мой доклад. Упорство противника, видимо, получившего значительные подкрепления, большие потери у нас, смерть командира Корниловского полка, недостаток патронов, истощение резервов… Мой рассказ продолжался около получаса. Корнилов молча выслушал меня, задал несколько вопросов и, отпустив меня, мрачно углубился в изучение карт. Его последние слова, сказанные как бы про себя, были: “А все-таки атаковать Екатеринодар необходимо: другого выхода нет…”»{635}

Попытаемся восстановить общую мизансцену того, что происходило на ферме в следующие минуты. Итак, карманные часы «Павел Буре», лежавшие на столе перед Корниловым, показывают начало восьмого утра. В лазарете — фельдшер и раненый казак. Крики его страшно нервировали Корнилова, и он неоднократно посылал справляться, не пришел ли доктор. В соседней комнате Казанович (видимо, менее восприимчивый) пьет чай со свободными от дежурства медицинскими сестрами. В комнате с телефоном — генерал Трухачев пытается связаться с Офицерским полком. «В комнате, где находился генерал Романовский с чинами штаба, тесно, но радостно: после двух дней впервые удалось разогреть самовар и офицеры штаба собирались пить чай»{636}. В коридоре, почти у выхода, с кем-то разговаривает генерал Богаевский. В другом конце коридора Хаджиев нес Корнилову завтрак — чай и кусок белого хлеба. Корнилов находился в своей комнате один. Придя с улицы, он не разделся и по-прежнему был в полушубке, слишком теплом для весенней поры. Поверх карт на столе перед ним лежало донесение генерала Эрдели.

Предоставим далее слово очевидцу: «Пристрелявшись к дому шрапнелью, большевики стали закидывать его гранатами. Вскоре одна упала непосредственно перед домом, под окнами телефонной комнаты. Звенят разбитые стекла, падает штукатурка, порваны провода. Мы с удивлением переглянулись, не ожидая такой меткости от красных артиллеристов. Через секунду к нам зашел генерал Трухачев, стряхивая с себя куски извести. Начали разливать чай… Вдруг наш маленький домик весь наполнился грохотом. Задрожали стены, зазвенели остатки стекол. Ясно, что снаряд попал в дом, но в какую комнату?»{637}

Первым в комнате Корнилова оказался Хаджиев. Подоспевший через минуту Богаевский увидел следующую картину: «Корнилов лежал на полу с закрытыми глазами, весь покрытый белой пылью. Его голову поддерживал адъютант корнет Бек-Хаджиев; по левому виску текла струйка крови; правая нога была вся в крови; шаровары были разорваны. Корнилов тихо стонал.

В комнате все было перевернуто вверх дном. В наружной стене, немного выше пола, как раз против того места, где сидел командующий армией, видно было отверстие, пробитое снарядом, который, видимо, разорвался, ударившись в стенку за спиной Корнилова»{638}.

Пыль, стоявшая в воздухе, не позволяла внимательно осмотреть раненого. Врач ограничился тем, что перевязал ногу Корнилова выше колена резиновым жгутом для того, чтобы остановить кровь. Хаджиев вместе с офицером-текинцем Силябом Сердаровым, морским офицером Ратмановым[14] и еще одним офицером из команды связи вынесли Корнилова из дома наружу. Вокруг собралось много людей: Деникин, Романовский — все, кто был на ферме. Хаджиев вспоминал: «Голова Верховного была в моих руках. Он, открывая глаза и закрывая их, начал хрипеть. Мы его положили на землю близ берега реки Кубани. Все лицо было покрыто пылью и известью, из рукава левой руки сочилась кровь. Вся одежда была покрыта пылью и известью как у меня, так и у него. Раньше чем доктор-марковец подошел, он на мгновение открыл глаза, обвел нас взглядом и тотчас же захрипел и закрыл глаза навсегда. Доктор только ответил Деникину, спросившему: “Доктор, есть ли надежда?” — мотанием головы: дескать, нет!»{639} Дальше продолжает Богаевский: «Кто-то сложил ему руки на груди крестом. Совершенно случайно я опустил руку в карман пальто и нашел там маленький крестик, машинально сделанный мною из восковой свечи во время последнего военного совета. Я вложил этот крестик в уже похолодевшие руки своего вождя»{640}.

Любопытные подробности, связанные с гибелью Корнилова, приводит в своих воспоминаниях участник обороны Екатеринодара Ф.Ф. Крутоголов. По его словам, накануне вечером в штаб красных поступила информация от разведчика В. Иванушкина, проникшего в расположение добровольцев под видом казачьего офицера. Он сообщил, что на следующее утро в помещении фермы должно собраться все добровольческое руководство. Ночью вручную две пушки были выкачены на передний край боевых позиций и замаскированы. Огонь одной из них и поразил намеченную цель{641}. По данным другого

источника, тоже исходящего со стороны красных, обстрел фермы был произведен целенаправленно после того, как о месте пребывания Корнилова стало известно от перебежчика{642}.

Все это вполне могло быть: и перебежчиков, из числа только что мобилизованных казаков, хватало, и красный лазутчик без труда мог проникнуть в ряды добровольцев, поскольку своего от чужого отличить было почти невозможно. Место же расположения штаба ни для кого в армии не было секретом. Но, в конце концов, это не столь важно. Главное было в другом. В последние дни штурма Екатеринодара Добровольческая армия держалась только благодаря своеобразному гипнозу личности Корнилова. Смерть его грозила подорвать боевой дух добровольцев и привести армию к гибели.

Первоначально добровольческое командование попыталось скрыть происшедшее, но слух об этом быстро просочился, вызвав настоящую панику. Настроение тех часов может проиллюстрировать выдержка из дневника офицера-корниловца: «Разнеслась ужасная весть, что Корнилов убит. Сначала никто не хотел этому верить. Но потом, когда пришло подтверждение, все впали в отчаяние. Если нет с нами Корнилова, то это значит конец, конец всем нам, конец всех наших надежд»{643}. Чувство обреченности и страх, накапливавшиеся с самого начала похода, теперь были готовы вырваться наружу.

Необходимо было немедленно обеспечить преемственность командования. Сделать же это было очень непросто. Нормальная армия в идеале должна представлять собой отлаженный механизм, действующий независимо от того, кто нажимает на рычаги. Но Добровольческая армия создавалась вокруг конкретной личности вождя. Формально заместителем командующего числился генерал Деникин. Однако этот пост был чистой воды синекурой. Свое назначение Деникин получил исключительно потому, что был старшим по прежде занимаемой должности из всех наличных генералов (не считая, разумеется, Алексеева). Сам Корнилов, по словам его адъютанта Хаджиева, относился к Деникину «терпимо», но не более того{644}.

Большую часть похода Деникин провел в обозе, и в армии его мало знали. Среди офицеров, особенно офицеров 1-й бригады (напомним, что она понесла относительно небольшие потери и потому была наиболее боеспособной), настойчиво называлась другая кандидатура — генерал Марков{645}. Это очень показательно. В старой армии сама мысль о выборности командования была абсолютно невозможной. Но Добровольческая армия и не была слепком с армии царской России. Хотя генетически она была связана с прошлым куда теснее, чем

создававшаяся в это же время Красная армия, но и как и та несла в себе черты революционной эпохи.

В этой ситуации Деникин счел необходимым заручиться поддержкой Алексеева. Сообщая ему о смерти Корнилова (Алексеев ночевал в Елизаветинской), Деникин сознательно придал этой записке форму рапорта:

Доношу, что в 7 часов 20 минут в помещении штаба снарядом был смертельно ранен генерал Корнилов, скончавшийся через 10 минут. Я вступил во временное командование войсками Добровольческой армии.

31 марта 1918 года. 7 часов 40 минут.

Генерал-лейтенант Деникин{646}.

Было решено, что назначение Деникина на должность командующего будет оформлено приказом Алексеева. Правда, встал вопрос, как тому подписываться, ведь Алексеев формально не занимал в армии никаких постов. Решил проблему Романовский:

— Пишите «генерал от инфантерии»… и больше ничего. Армия знает, кто такой генерал Алексеев{647}.

Этот приказ стал своеобразной эпитафией Корнилову:

1

Неприятельским снарядом, попавшим в штаб армии, в 7 ч. 30 м. 31 сего марта убит генерал Корнилов.

Пал смертью храбрых человек, любивший Россию больше себя и не могший перенести ее позора.

Все дела покойного свидетельствуют, с какой непоколебимой настойчивостью, энергией и верой в успех дела отдался он служению Родине.

Бегство из неприятельского плена, августовское выступление, Быхов и выход из него, вступление в ряды Добровольческой армии и славное командование ею известны всем нам.

Велика потеря наша, но пусть не смутятся тревогой наши сердца и пусть не ослабнет воля к дальнейшей борьбе. Каждому продолжать исполнение своего долга, памятуя, что все мы несем свою лепту на алтарь Отечества.

Вечная память Лавру Георгиевичу Корнилову — нашему незабвенному вождю и лучшему гражданину Родины. Мир праху его!

2

В командование армией вступить генералу Деникину[{648}].

* * *

Новый командующий немедленно собрал генералов на военный совет. Расположились в роще, под прикрытием деревьев, прямо на бурках, брошенных на землю. Никто не хотел в этом признаваться, но все чувствовали некоторое облегчение. Теперь, когда Корнилова не стало, можно было вслух говорить о том, что про себя думал каждый. Точнее всего эту мысль высказал Алексеев: «Если бы Екатеринодар был бы взят, удержать его с 300 пехотинцами и 1000 истомленной конницы не удалось бы. Правда, благодаря успеху к нам подходили бы казаки, но ведь это было бы не войско, это было бы ополчение ниже критики»[{649}]. Единодушно было решено начать отступление.

Днем в Елизаветинскую привезли тела Корнилова и Неженцева. На церковной площади в одном из домиков в маленькой комнатке было положено тело покойного. Окна были закрыты. Было полутемно. Вокруг гроба были свечи и цветы. В ногах читали псалтырь. «Корнилов лежал на столе, головой к висевшей иконе. На лице его было видно несколько ссадин и царапин. Выражение лица его было спокойно, он точно отдыхал крепким сном после тяжелой бесконечной работы. Оно не было подвергнуто мучениям перед смертью, только глубокая морщина на лбу показывала то, что он думал “крепкую думу”, так с этой думой и ушел от жизни»[{650}].

Вечером в станичной церкви состоялось отпевание. Н.Н. Львов вспоминал: «Раздались звуки военных труб, торжественные звуки похоронного марша. Медный трубный гул сливался с колокольным звоном в тихом вечернем воздухе. Он возвещал в глухой казачьей станице о том героическом и роковом, что совершилось в это утро на берегу Кубани.

Я видел генерала Корнилова в гробу, в серой тужурке, с генеральскими золотыми погонами. Первые весенние цветы были рассыпаны на черном покрывале и внутри гроба. Огоньки восковых свечей тускло освещали лицо мертвенно спокойное. Я глядел на черты лица типично киргизского, всегда полного жизненной энергии и напряжения и не узнавал его в мертвенном облике, неподвижно лежавшем в гробу. Точно это не был генерал Корнилов.

Отошла служба, офицеры вынесли гроб, а все казалось, что Корнилов не здесь, в этом гробу, а там, под Екатеринодаром, откуда доносился рев орудийных выстрелов все еще не

затихавшего боя»{651}.

Участники панихиды не стали задерживаться долго. Нужно было побыстрее закончить сборы. Ночью армия снова уходила в никуда.

ГНАЧБАУ

Ближе к полуночи, не зажигая огней, армия снялась с позиций и двинулась на север. Впереди шел Офицерский полк, прикрывала отход бригада Богаевского. Для того чтобы не задерживать движение, в Елизаветинской бросили половину обоза. Самое страшное — бросили раненых. Деникин пишет, что узнал об этом с запозданием. «Начальник обоза доложил, что окрестности были уже заняты противником, перевязочных средств одной Елизаветинской не хватало, и пришлось оставить в ней 64 тяжело раненых из числа безнадежных и тех, которые, безусловно, не в состоянии были вынести предстоящие форсированные марши. С ранеными оставлены врач, сестра и денежные средства»{652}.

На самом деле все было еще страшнее. В Елизаветинской были брошены 252 человека, все, кто не смог захватить место в обозе. Брошены обманом, так как им пообещали, что за ними заедут позже. Большая часть раненых была перебита красными прямо на больничных койках. В живых осталось только 28 человек, и то только потому, что победители решили отпраздновать триумф, а для этого нужно было показать пленных{653}. Известие о том, что раненые были брошены без всякой помощи, произвело среди добровольцев самое тяжелое впечатление. Шли разговоры о том, что Корнилов никогда бы так не поступил.

В этом страшном ночном отступлении Корнилов был вместе со своей армией. Тела его и полковника Неженцева везли на одной из обозных телег. Везли просто потому, что не успели похоронить — даже для этого не нашлось времени. Армия шла без остановок всю ночь и весь следующий день. У станицы Андреевской красные попытались обстрелять проходивших мимо добровольцев, но были отброшены мощной контратакой. Вечером армия переправилась на восточный берег реки Понуры (Паныри). Здесь полосой располагались богатые немецкие колонии и хутора. Центром их была колония Гначбау[15], где добровольцы, наконец, разместились на отдых.

Во время остановки на пути к Гначбау, когда добровольцам пришлось чинить мост через реку, адъютант Корнилова Хан Хаджиев предложил похоронить тела командующего и Неженцева здесь же. «Кругом была степь безлюдная, темно и глухо — обстоятельства благоприятные, и никто не видел и не знал бы. Но бывший начальник конвоя Корнилова полковник Григорьев воспротивился этому, заявив: “Это поручено мне, и я сам скажу,

где сделать это”»{654}.

Колония Гначбау была невелика, но впечатление производила солидное и самое мирное. «Белые, крытые черепицей, домики, чистые улицы. Пивоваренный завод, Bierhalle[16], люди хорошо одеты…»{655} В эту-то пасторальную картинку шумной и грязной ордой кочевников ворвались добровольцы. В Гначбау командование смогло, наконец, подсчитать наличные силы. Результаты оказались неутешительны. Партизанский полк, имевший к началу штурма Екатеринодара 800 штыков, теперь насчитывал едва 300. В Корниловском полку осталось менее ста человек, весь полк был сведен в одну роту. Офицерский полк генерала Маркова пострадал меньше, но тоже потерял около половины своего состава. Добровольческая армия, насчитывавшая в целом накануне боев за Екатеринодар свыше шести тысяч человек, сократилась до трех тысяч{656}.

В таком состоянии армия была неспособна воевать. Единственный выход состоял в том, чтобы как можно скорее оторваться от противника. Скорость передвижения становилась условием выживания. В Гначбау Деникин отдал приказ уничтожить лишние орудия, испортив затворы и лафеты. Оставлены были лишь четыре пушки — для запаса в 30 снарядов достаточно было и их. Была приведена в негодность и большая часть обоза, беженцам было оставлено по одной телеге на шесть человек{657}.

Долго отдыхать добровольцам не пришлось. Около десяти утра красные атаковали Гначбау с юга, со стороны станицы Андреевской. Навстречу им выдвинулись роты Офицерского полка, но огонь не открывали, экономя патроны. Между тем к полудню красные подвезли орудия и начали артиллерийский обстрел колонии. Один из снарядов попал в дом, где разместился генерал Алексеев. На единственной улице Гначбау теснились повозки и люди. Армия попала в западню, но и бежать было некуда. При дневном свете на равнинной местности красная артиллерия без труда бы поставила точку во всей истории похода.

Деникин позднее вспоминал: «Этот день останется в памяти первопоходников навсегда. В первый раз за три войны мне пришлось увидеть панику. Когда люди, прижатые к реке и потерявшие надежду на спасение, теряли всякий критерий реальной обстановки и находились во власти самых нелепых фантастических слухов. Когда обнажились худшие инстинкты, эгоизм, недоверие и подозрительность друг к другу, к начальству, одной части к другой»{658}. В любой момент можно было ожидать самого непредсказуемого. «Говорили о тревожных вещах. Будто

бы существует заговор в кавалерийских частях против генералов Деникина и Романовского, которых хотят арестовать и выдать красным и тем, видимо, спасти свои жизни. Это подтверждалось тем, что 4-я рота Офицерского полка стала у штаба армии и выставила часовых»{659}. Армия быстро превращалась в неуправляемую толпу. Многие, не таясь, срывали погоны и нашивки, доставали штатское платье. Среди дезертиров оказался даже генерал Я.Ф. Гиллендшмидт, ушедший во главе небольшого отряда и бесследно после этого сгинувший.

В этой обстановке, когда большинство думало только о том, как бы спастись, незамеченными прошли похороны Корнилова и Неженцева. Решение об этом единолично принял полковник Григорьев, поставив в известность старших начальников только задним числом. Было два часа дня 2 апреля 1918 года. Могилы копали текинцы из прежнего конвоя Верховного, сравнявшие их потом с землей. Корнилова похоронили у подножия дерева на невысоком холме шагах в трехстах к северо-востоку от Гначбау на земле, принадлежавшей колонисту Иону. Рядом, в 16 саженях, на земле колониста Зоммерфельда был похоронен Неженцев. Для того чтобы потом могилы можно было найти, были сняты кроки местности (ориентир — высокая труба пивоварни).

В ночь на 3 апреля поредевшая армия выступила из Гначбау на север. Настроение было самое мрачное. Даже добровольческое командование в глубине души не верило в благополучный исход дела. Как вспоминал Б.А. Суворин, он попытался выяснить, куда генералы собираются вести армию дальше, и задал этот вопрос адъютанту Алексеева А.Г. Шапрону. «Он пожал плечами. — В черную ночь? — спросил я. — Да, в черную ночь»{660}. В мемуарах кубанского атамана А.П. Филимонова приводится еще один характерный разговор. Перед уходом из Гначбау он спросил Деникина, какого он мнения о складывающейся ситуации. Деникин ответил: «Если доберемся до станицы Дядьковской, то за три дня я ручаюсь, дня три еще проживем»{661}.

На помощь вновь пришло чудо, необъяснимая, фантастическая удача, так часто сопутствовавшая добровольцам в дни похода. Покинув Гначбау, армия сумела оторваться от красных и 3 апреля вновь вступила в пределы Донской области, где к этому времени власть большевиков была уже свергнута восставшими казаками. У многих современников возникала мысль о том, что смерть Корнилова стала жертвой, спасшей армию. Деникин писал: «Рок — неумолимый и беспощадный. Щадил долго жизнь человека, глядевшего сотни раз в глаза смерти. Поразил его и душу армии в часы ее наибольшего томления. Неприятельская граната попала в дом только одна,

только в комнату Корнилова, когда он был в ней, и убила только его одного. Мистический покров предвечной тайны покрыл пути к свершению неведомой воли»{662}. Честно говоря, это не совсем точно. Снаряд, ставший причиной смерти Корнилова, унес жизнь еще одного человека. От контузии и болевого шока погиб безымянный казак, тот самый, которому за полчаса до этого перебило ноги прямо на глазах у командующего. Но действительно, впору поверить, что Корнилова преследовал какой-то злой рок, не оставивший его и после смерти.

Красные вступили в Гначбау через несколько часов после ухода добровольцев и сразу бросились искать якобы «зарытые кадетами кассы и драгоценности». Довольно скоро они наткнулись на свежевскопанную землю. Могилы Корнилова и Неженцева были вскрыты, и в одном из трупов по генеральским погонам опознали Корнилова. На опознание была приведена оставшаяся в Гначбау раненая сестра милосердия Добровольческой армии. Она заявила, что Корнилова не узнает, но уверенность победителей это не поколебало. Тело Неженцева было брошено обратно в могилу, а труп Корнилова, в одной рубашке, прикрытый лишь брезентом, повезли в Екатеринодар на повозке колониста Давида Фрука.

В городе повозка эта въехала во двор гостиницы Губкина на Соборной площади. Двор был переполнен красноармейцами. Воздух оглашался отборной бранью. Ругали покойного. Отдельные увещания из толпы не тревожить умершего человека, ставшего уже безвредным, не помогали. Обратимся далее к справке, составленной позднее Особой комиссией по расследованию злодеяний большевиков: «Настроение большевистской толпы повышалось. Через некоторое время красноармейцы вывезли на своих руках повозку на улицу. С повозки тело было сброшено на панель.

Один из представителей советской власти, Золотарев, появился пьяный на балконе и, едва держась на ногах, стал хвастаться перед толпой, что это его отряд привез тело Корнилова, но в то же время Сорокин оспаривал у Золотарева честь привоза Корнилова, утверждая, что труп привезен не отрядом Золотарева, а темрюкцами. Появились фотографы, и с покойника были сделаны снимки, после чего тут же проявленные карточки стали бойко ходить по рукам. С трупа была сорвана последняя рубашка, которая рвалась на части, и обрывки разбрасывались кругом. “Тащи на балкон, покажи с балкона”, — кричали в толпе, но тут же слышались возгласы: “Не надо на балкон, зачем пачкать балкон. Повесить на дереве”. Несколько человек оказались уже на дереве и стали поднимать труп. “Тетя,

да он совсем голый", — с ужасом заметил какой-то мальчик стоявшей рядом с ним женщине. Но тут же веревка оборвалась, и тело упало на мостовую»{663}.

Толпа все прибывала, волновалась и шумела. С балкона был отдан приказ замолчать, и когда гул голосов стих, то какой-то находившийся на балконе представитель советской власти стал доказывать, что привезенный труп, без сомнения, принадлежит Корнилову, у которого был один золотой зуб. «Посмотрите и увидите», — приглашал он сомневающихся. Кроме того, он указывал на то, что на покойнике в гробу были генеральские погоны и что в могиле, прежде чем дойти до трупа, обнаружили много цветов, «а так простых солдат не хоронят», — заключил он. После речи с балкона стали кричать, что труп надо разорвать на клочки. Толпа задвигалась, но в это время с балкона послышался грозный окрик: «Стой, буду стрелять из пулемета!» — и толпа отхлынула. Все это продолжалось не менее двух часов.

Наконец отдан был приказ увезти труп за город и сжечь его. Вновь тронулась вперед та же повозка с той же печальной поклажей. За повозкой двинулась огромная шумная толпа, опьяненная диким зрелищем и озверевшая. Труп был уже неузнаваем: он представлял собой бесформенную массу, обезображенную ударами шашек, бросанием на землю и прочее. Но этого было мало: дорогой глумление продолжалось. К трупу подбегали отдельные лица из толпы, вскакивали на повозку, наносили удары шашкой, бросали камнями и землей, плевали в лицо. При этом воздух оглашался грубой бранью и пением хулиганских песен.

Свидетелями этой сцены стали раненые добровольцы, захваченные красными в Елизаветинской (точнее, те из них, кто уцелел после устроенной победителями бойни). Утром их погрузили на телеги и повезли в Екатеринодар. Вспоминает прапорщик Иванов: «Ввозят в город, который уже знает о предстоящем прибытии первых белых пленных, город, переживший пять дней боев и наполненный большевиками. Толпа бежит за нами, улюлюкает и ругается. Подводы временами останавливаются и нас обступает толпа. К капитану Вендту подходит матрос и нажимает ладонью на рану, спрашивает: "Болит?" Ко мне наклоняется какая-то старуха, долго собирает запас слюны и плюет мне в лицо…

Вдруг крики и возбуждение — ведут коня, к хвосту которого привязан труп генерала Корнилова. Все кажется бесконечным… В толпе не вижу ни одного сочувствующего лица — одна ненависть и злорадство… Казалось — весь мир наполнен одним злом!»{664}

Наконец, тело было привезено на городские бойни, где его

сняли с повозки и, обложив соломой, стали жечь в присутствии высших представителей большевистской власти. Языки пламени охватили со всех сторон обезображенный труп; подбежали солдаты и стали штыками колоть тело в живот, потом подложили еще соломы и опять жгли. В один день не удалось окончить этой работы: на следующий день продолжали жечь жалкие останки, жгли и растаптывали ногами.

Через несколько дней по городу двигалась какая-то шутовская процессия ряженых; ее сопровождала толпа народа. Это должно было изображать похороны Корнилова. Останавливаясь у подъездов, ряженые звонили и требовали денег «на помин души Корнилова».

Гражданская война отличалась крайней жестокостью. Но, даже учитывая это, описанная выше картина поражает своей чрезмерностью. Первое, что приходит на ум, когда читаешь описание всего этого кошмара, — расправа с телом самозванца во время майского восстания в Москве 1606 года. Триста лет — это, конечно, слишком большой временной отрезок для того, чтобы проводить прямые аналогии. Однако какое-то объяснение в этом сходстве найти можно.

Для современников первой Смуты самозванец был не столько человеком, сколько материализованным фантомом, мифом, обретшим плоть. Точно так же мифом еще при жизни стал Корнилов. Человека можно убить, убить миф гораздо сложнее, отсюда и выходящая за рамки жестокость и ритуализированный характер самого действа. Корнилов воспринимался как символ (добра или зла — не важно) и в качестве такового имел все шансы восстать после смерти, как это произошло с самозванцем.

Любая смута — это смута не только в государстве, но и в умах. Особенно это заметно в отсутствии информации, компенсацией чего становятся самые фантастические слухи. Кубанский поход Добровольческой армии был настолько яркой и трагичной эпопеей, что как бы подразумевается — вся Россия, затаив дыхание, следила за подробностями происходящего. Это не так, большая часть страны об этом знать не знала. Читатель газет потерял Корнилова из виду. Потерял, но не забыл. 14 апреля по новому стилю (1-го по старому) 1918 года московское «Наше слово» в редакционной статье писало: «Судьба генерала Корнилова все еще продолжает занимать широкие обывательские и, пожалуй, некоторые общественные круги. От него чего-то ждут. Обыватель не верит, что генерал Корнилов может затеряться в современном сумбуре жизни, как иголка, и совершенно исчезнуть с поля зрения»{665}.

Обратим внимание на дату. Газета сдавалась в типографию в

ночь накануне. Значит, написаны эти строки были в день гибели Корнилова, о чем их автор, разумеется, не знал. Только 20 апреля 1918 года на страницах «Известий ВЦИК» была опубликована телеграмма из Екатеринодара, сообщавшая, что генерал был убит «революционной мортирой». Однако в том же номере была помещена информация о том, что Корнилов «убит двумя чеченцами своего отряда».

На следующий день в газете появились подробности: «В последнее время в корниловские отряды привлекались люди, ничего общего с убеждениями Корнилова не имевшие, и они являлись элементом чисто случайным. Среди них было много казаков и чеченцев, людей, искавших случая пограбить и разбогатеть… По-видимому, они намеревались выдать Корнилова советским войскам живым, чтобы этим снискать себе снисхождение со стороны советских властей. Но так как выдать живым, по-видимому, представлялось невозможным, то они решили его убить».

По сообщению «Известий»: «…В отряде Корнилова, в его походе на Ростов, принимали участие горцы за хорошее вознаграждение. Горцы поставили непременным условием, чтобы им была дана полная свобода действий. Ночью, когда советские войска подошли вплотную, в рядах Корнилова произошло смятение. Горцы рванулись вперед, но были отброшены советскими войсками. Тогда сам Корнилов со словами: “Вы меня погубили”, — приказал горцам вновь пойти в наступление. Горцы отказались, заявив, что не согласны наступать и что они сами понимают, что нужно делать. Корнилов вспыхнул и, назвав горцев предателями и бросив несколько бранных слов по их адресу, сам бросился во главе своего отряда в бой. Но тут же был убит подскочившими к нему двумя горцами. Эта сцена во время грандиозного боя ошеломила войска, и они бросились врассыпную».

Обстоятельства смерти Корнилова даны здесь, как мы видим, абсолютно не верно, но зато вполне в духе мифа. Герой, погибающий в тот момент, когда он ведет свой отряд в бой, выглядит гораздо более романтично, чем жертва случайного снаряда. Самое интересное, что в данном случае создателями мифа выступают не сторонники, а враги убитого главковерха. Свою роль в распространении этой легенды внес и Ленин. Выступая 23 апреля 1918 года на заседании Московского совета, он упомянул «первого по смелости из наших контрреволюционеров» Корнилова, убитого своими же солдатами{666}. Как известно, Ленин был скуп на похвалы, в особенности по адресу политических противников. В данном

случае эту оценку, прозвучавшую вполне в духе мифа о герое, можно объяснить только радостью от полученного известия.

Однако не успел Корнилов умереть, как тут же восстал из гроба. Через несколько дней пресса заявила, что в Екатеринодаре будто «убит не он, а какой-то другой генерал». Газеты «Наше слово» и «Раннее утро», ссылаясь на осведомленное лицо, приехавшее с Северного Кавказа, сообщили, что «Корнилов жив, находится в одном из аулов под охраной горных племен и формирует новые отряды». Это заставило «Известия» вновь вернуться к этой теме и в качестве доказательства факта смерти Корнилова опубликовать интервью члена Кубанского областного ЦИК Скворцова газете «Знамя труда» от 15 мая 1918 года. В нем говорилось: «После соединения Корнилова с кубанскими контрреволюционерами 8 апреля Корнилов, имея в своем распоряжении 15-тысячную армию, совместно с Бычем и Филимоновым повели постепенное наступление от станицы Елизаветинской, тесня советские войска. 9 апреля он приблизился к Екатеринодару, 10-го была сильная перестрелка. 11-го, заняв передовые окопы, находился в 5 верстах от Екатеринодара. Корнилов со своим штабом занял ферму, находившуюся в 8 верстах от Екатеринодара. Ферма эта называется “научным полем”. 12 апреля один из удачных снарядов легкой батареи попал в домик “опытного поля”, где находился Корнилов со штабом. Разрывом снаряда в лицо Корнилов был смертельно ранен и, не приходя в сознание, через несколько минут умер. 15-го после осмотра пленными, которые удостоверили, что это генерал Корнилов, пригласили тех, кто его знал. При осмотре трупа Корнилова присутствовал и я, так как Корнилова я знал еще в Петербурге, работая в военной секции Центрального] исполнительного] комитета. Несколько раз беседовал с ним лично, затем, когда его произвели верховноглавнокомандующим, мы, солдаты, сильно негодовали. Кроме того, 1 июля 1917 года я видел его на Московском совещании, когда его офицеры несли на руках со станции. Вот почему я говорю: “Сомнения в сторону, Корнилов убит, и труп его сожжен, а пепел развеян по ветру”».

Позднее разговоры о том, что смерть Корнилова связана с некой тайной, возникали не раз. Говорили, что тело Корнилова в последний момент было перепрятано, что глумились большевики над трупом совсем другого человека. По приказанию Деникина, Особая комиссия по расследованию злодеяний большевиков (образованная в декабре 1918 года) занялась изучением этого вопроса. Итогом стала пространная справка, резюме которой звучало следующим образом: «Произведенным расследованием

приходится считать установленным, что все это безгранично дикое глумление совершено над телом именно генерала Корнилова (выделено в источнике. — *А. У., В.* Ф.), который был тут же опознан лицами, его знавшими»[{667}].

Семья Корнилова после возвращения белых на Дон перебралась в Новочеркасск. Его жена Таисия Владимировна 20 сентября 1918 года умерла здесь в одной из городских больниц от крупозного воспаления легких. Старшая дочь Наталья, ранее состоявшая в фиктивном браке с морским офицером Маркиным, после развода в эмиграции вышла замуж за бывшего адъютанта Алексеева А.Г. Шапрона дю Ларре. Их сын, названный в честь деда, родился в 1931 году. Он был одним из первых представителей русской эмиграции, в годы перестройки посетивших Советский Союз. Лавр Алексеевич скончался в 2000 году и похоронен под Парижем на известном русском кладбище Сен-Женевьев-де-Буа. Наталья Лавровна жила в Бельгии и умерла в Брюсселе в 1983 году. Сын Корнилова Георгий (тот самый «башибузук»), которому ко времени смерти отца было 12 лет, позднее стал инженером-механиком и большую часть жизни прожил в США, где и умер в 1980-х. Младший брат первого командующего Добровольческой армией полковник П.Г. Корнилов (до Первой мировой войны служил на различных командных должностях в войсках Туркестанского военного округа, занимал должность русского военного представителя при хивинском хане, в годы Первой мировой войны воевал на Северо-Западном фронте) был расстрелян в июле 1918 года в Ташкенте после неудачной попытки антибольшевистского восстания. Сестра Корнилова Анна жила под фамилией мужа и потому некоторое время ей удавалось скрывать свое происхождение. Она учительствовала в Луге, но в 1929 году была арестована и расстреляна.

ЛЕГЕНДА. ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Судьба участников «корниловской истории» сложилась по-разному. В мае 1925 года в Москве, во внутренней тюрьме на Лубянке, покончил с собой Б.В. Савинков. Семь лет он вел свою войну с большевиками, с тем чтобы в итоге нелепым образом попасть в руки врагов. Его бывший помощник М.М. Филоненко почти на тридцать лет пережил своего начальника. В Гражданскую он некоторое время находился в Архангельске, где играл заметную роль среди местных эсеров. Уже в эмиграции бывший инженер получил юридическое образование и стал популярным в русской среде адвокатом.

Удивительнее всего оказалась дальнейшая жизнь В.Н. Львова. Вихрь Гражданской войны буквально протащил его через всю Россию. За это время он успел побывать и в Оренбурге у атамана Дутова, и в Омске у адмирала Колчака. После разгрома белых Львов уехал в Японию, а оттуда во Францию. В эмиграции он попытался опубликовать свои воспоминания о деле Корнилова, но был обвинен во лжи и в результате подвергнут всеобщему остракизму. Долгое время он бедствовал и чуть ли не ночевал под мостами в компании парижских клошаров. Возможно, это толкнуло его к неожиданному решению — в 1922 году Львов вернулся в Советскую Россию. Здесь он работал в Высшем церковном управлении, был известен как сторонник «живой церкви». Далее начинается какая-то темная история. В феврале 1927 года он был арестован «по уголовному делу», как пишут справочники, не уточняя деталей. Постановлением коллегии ОГПУ Львов был отправлен в ссылку в Томск сроком на три года. После освобождения он остался в Томске и здесь же умер в 1934 году.

Самый долгий срок судьба отпустила Керенскому. Он умер только в 1970-м в Соединенных Штатах Америки, 89 лет от роду. Все эти долгие годы Керенский продолжал жить в 1917-м, в те революционные месяцы, которые ознаменовались взлетом и крушением его карьеры. Ни о чем другом он не мог ни думать, ни писать. Время и страстное желание видеть прошлое таким, каким бы ему хотелось, деформировали его память. В изложении Керенского Россия под его руководством уверенно шла в счастливое будущее и лишь деятельность многочисленных врагов помешала ему добиться этой цели.

Показательно, что в длинном перечне этих врагов Керенский

ставит Корнилова даже выше Ленина. По его словам, большевики должны были бы поставить памятник Корнилову, так как именно он проложил им дорогу к власти. Нужно признать, что основания для такой оценки действительно были. Корниловский мятеж вдохнул новую жизнь в угасавший большевизм. После июльских событий авторитет большевиков был значительно подорван. Обвинение в сотрудничестве с немцами, неважно были или нет для этого реальные основания, было воспринято на веру значительной частью населения страны. Говорить о сочувствии большевикам стало просто неудобно, как несколькими месяцами раньше было неудобно признаваться в своем монархизме.

В такой ситуации мятеж стал подарком сторонникам Ленина. Прежний образ врага-немца уступил место новому: генерала-контрреволюционера. Большевики сумели очень удачно разыграть эту карту, объявив себя единственной партией, которая с самого начала и последовательно выступила против мятежников. Под предлогом борьбы с мятежом они начали формировать отряды своих боевиков — Красной гвардии, сыгравшие решающую роль в октябрьские дни.

Все это так, но нельзя не видеть и другое последствие августовских событий. Выступление Корнилова стало толчком к консолидации тех сил, для которых революция прежде всего олицетворяла анархию и развал. Людей, думавших так, было немало и ранее, но голоса их было не слышно за громкими дифирамбами в адрес свободы и демократии. Пример Корнилова показал, что «Родина» и «патриотизм» вовсе не являются бранными словами, что революция не только великий праздник, но и великое несчастье.

Среди тех кто думал таким образом, на первое место нужно поставить офицерство. Августовские события привели к новому всплеску гонений на офицеров. Тем показательнее, что большинство из них Корнилова в этом не винило; более того, в офицерской среде его имя вознеслось на небывалую высоту. Еще при жизни Корнилов превратился в легенду, а после смерти окончательно обрел черты мифологического героя. Это не просто образ, мы не ошибемся, если скажем, что в случае иного исхода Гражданской войны бронзовый Корнилов появился бы в самых различных вариациях. Не думаем, что он приблизился бы к рекорду позднейших памятников Ленину, но, несомненно, без этого бы не обошлось. Еще в 1919 году предполагалось открытие памятника Корнилову в Омске как выпускнику местного кадетского корпуса. Интересно, что автором этой идеи был скульптор И.Д. Шадр, чьи бюсты рабочих, крестьян и красноармейцев украсили позже советские банкноты и почтовые

марки.

Можно понять, что наибольшим почитанием имя Корнилова пользовалось на Юге, где действовала созданная им Добровольческая армия. В его честь был переименован крейсер «Кагул» — флагман белого флота. На московском направлении воевал бронепоезд «Генерал Корнилов». Была создана передвижная корниловская выставка — ядро будущего музея. В Екатеринодаре действовал Союз общественных организаций имени генерала Корнилова. Тысячи портретов Корнилова были расклеены по городам и железнодорожным станциям.

Как ни покажется странным, но в советской традиции имя Корнилова тоже обрело черты легенды. Правда, в этом случае речь шла не о герое, а о чудовище, олицетворявшем все самое мрачное.

> Вот Корнилов, гнус отборный,
> Был Советам враг упорный.
> Поднял бунт пред Октябрем —
> Все Советы уберем, заживем опять с царем.

Легенда о Корниловском мятеже давала легитимное обоснование захвату власти большевиками. Генералы-мятежники стремились вернуть страну к старым порядкам, предатель Керенский сговорился с Корниловым, и только большевики спасли Россию от возвращения к прошлому. Это примитивное изложение той версии, которая многие десятилетия повторялась на страницах работ советских историков.

В последнее время развенчивание легенд стало занятием массовым и популярным. Что делать, публике нравится, когда у нее на глазах раздевают былых кумиров и недавние герои предстают в совсем не героическом образе. Как правило, все это делается под лозунгом восстановления исторической правды, хотя цель эта (во всяком случае, при использовании таких методов) абсолютно недостижима. Массовое представление об истории неизбежно складывается из стереотипов. Любители показать пальцем на голого короля лишь заменяют прежние схемы новыми.

Легенда сама по себе есть вполне реальная часть прошлого, даже если она и расходится с изначальной основой. Корнилова можно увидеть по-разному. Молодой человек, упорством и трудолюбием сумевший восполнить то, что не смогли дать ему происхождение и среда. Храбрый офицер-разведчик с потенциальными возможностями талантливого ученого-востоковеда. Бесстрашный, хотя и не всегда удачливый генерал.

Герой, без всяких оговорок, сумевший бежать из вражеского плена.

Мы пытались избежать идеализации нашего главного персонажа. Корнилов был человеком со сложным характером, честолюбивым, но часто недостаточно решительным. Но главное другое — в том момент, когда можно было бы отсидеться в стороне, он решился сказать то, что шло вразрез с настроением бушующей толпы. Корнилов вспомнил о России, когда само это слово стремительно забывалось. Он вернул надежду многим и сделал выбор для себя. С тех пор этот выбор вел его за собой вплоть до последнего дня.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Л.Г. КОРНИЛОВА

1870, 18 августа — рождение Лавра Георгиевича Корнилова в городе Усть- Каменогорске.

1879 — поступление в Каркаралинскую приходскую школу.

1883—1889 — учеба в Сибирском кадетском корпусе (Омск).

1889—1892 — учеба в Михайловском артиллерийском училище (Санкт-Петербург).

1892, 29 августа — присвоение чина подпоручика.

1892—1895 — служба в Туркестанской артиллерийской бригаде.

1894, 10 августа — присвоение чина поручика.

1895—1897 — учеба в Николаевской академии Генерального штаба (Санкт-Петербург).

1897, 13 июля — присвоение чина штабс-капитана.

1898 — присвоение чина капитана.

1898—1904 — служба на различных должностях в Туркестанском военном округе.

1899, конец — 1901, середина — командировка в Восточный Туркестан.

1901, ноябрь — 1902, март — командировка в Восточную Персию.

1901, 6 декабря — присвоение чина подполковника.

1902, 3 октября — 1903,

30 сентября — командир роты в 1-м Туркестанском стрелковом батальоне.

1903, ноябрь — 1904, июнь — командировка в Индию.

13 июня — 30 сентября 1904 — служба столоначальником Главного штаба.

1904—1905 — участие в Русско-японской войне.

1905, 26 декабря — присвоение чина полковника.

1905 — награждение орденом Святого Георгия IV степени.

1906, 1 мая — 1907, 1 апреля — служба делопроизводителем Управления генерал-квартирмейстера Генерального штаба.

1907 — награждение Золотым оружием «За храбрость».

1907, 1 апреля — 1911, 24 февраля — военный агент в Китае.

1911, 24 февраля — назначен командиром 8-го пехотного Эстляндского полка.

3 июня — назначен начальником 2гго Заамурского отряда Отдельного корпуса пограничной стражи.

1911, 26 декабря — присвоение чина генерал-майора.

1913, шюль — 1914 — командир 1-й бригады 9-й Сибирской стрелковой дивизии.

1914, 19—24 августа — командир 1-й бригады 49-й пехотной дивизии.

1914, 25 августа — 1915, апрель — командир 48-й пехотной дивизии.

1914 — присвоение чина генерал-лейтенанта.

1915, апрель — в результате неудачной военной операции попал в австрийский плен.

28 апреля — указ о награждении орденом Святого Георгия III степени.

12 мая — отчисление от должности начальника 48-й пехотной дивизии за нахождение в плену.

1916, шюль — побег из плена.

Сентябрь — командир XXV армейского корпуса.

1917, март-апрель — командующий войсками Петроградского военного округа.

29 апреля — назначен командующим 8-й армией.

Июль — присвоение чина генерала от инфантерии.

7 *шюля* — назначен Главнокомандующим войсками Юго-Западного фронта.

18 шюля — назначен Верховным главнокомандующим.

27 августа — объявлен мятежником и смещен с поста Верховного главнокомандующего.

2 сентября — ноябрь — арест и заключение в Могилеве и Быхове.

6 декабря — прибытие в Новочеркасск.

25 декабря — назначен командующим Добровольческой армией.

1918, 14 (28) февраля — выступление в Первый кубанский (Ледяной) поход.

31 марта (13 апреля) — убит снарядом при штурме Екатеринодара.

ИЗБРАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

ТРУДЫ Л.Г. КОРНИЛОВА

Очерки административного устройства Синь-Цзяна // Сведения, касающиеся стран, сопредельных с Туркестанским военным округом. Вып. XXVI. Ташкент, 1901.

Сведения, касающиеся стран, сопредельных с Туркестанским военным округом. Вып. XXXII. Ташкент, 1902.

Кашгария или Восточный Туркестан. Ташкент, 1903.

Историческая справка по вопросу о границах Хорасана с владениями России и Афганистана. СПб., 1905.

Нушкисеистанская дорога. СПб., 1905.

Отчет о поездке по Индии. СПб., 1905.

Вооруженные силы Китая. Иркутск, 1911.

ЛИТЕРАТУРА

Александр Федорович Керенский по материалам Департамента полиции. Пг., 1917.

Алексеева-Борель В. Сорок лет в рядах русской императорской армии. Генерал М.В. Алексеев. СПб., 2000.

Амфитеатров-Кадышев В. Страницы из дневника // Минувшее. Т. 20. М., 1996.

Аустрин Г., Дубинский В. Владимирский Киевский кадетский корпус // Военная быль. Париж, 1967. № 83.

Басханов А. К. Генерал Лавр Корнилов. L.: Skiff Press, 2000.

Богаевский А.П. Воспоминания. 1918 год. Нью-Йорк, 1963.

Брусилов А.А. Мои воспоминания. М., 2001.

Брюс Локкарт Р. Г. История изнутри. Мемуары британского агента. М., 1991.

Будилович Б. Чем был Корнилов для России. Б.м., б.д.

«Будущий артист Императорских театров». Письма Александра Керенского родителям//Источник. 1994. № 3.

В память 1-го Кубанского похода / Сб. под ред. Б.И. Казановича, И.К. Кириенко, К.Н. Николаева. Белград, 1926.

Волков А.А. Около царской семьи. М., 1993.

Врангель Я.Н. Записки. Кн. 1. М., 1991.

Гессен И.В. В двух веках: жизненный отчет // Архив русской революции. Т. 22. Берлин, 1937.

Гиацинтов Э.Н. Трагедия русской армии в 1917 году//

Русское прошлое. Вып. 1. СПб., 1991.

Глиноецкий Н.П. Исторический очерк Николаевской академии Генерального штаба. СПб., 1882.

Головин Н.Н. Российская контрреволюция в 1917—1918 гг. Т. 1 — 12. Париж, 1937.

Гордеев Ю.Н. Генерал Деникин. Военно-исторический очерк. М., 1993.

Гулевич А.А. Императорская Николаевская военная академия // Часовой. Париж, 1932. № 93.

Гуль Р. Ледяной поход. С Корниловым. Берлин, 1921.

Гусев Н. Юбилейная памятка Омского кадетского корпуса. 1813— 1913. Омск, 1913.

Данилов Ю. На пути к крушению. Очерки последнего периода российской монархии. М., 2000.

Дело генерала Л.Г. Корнилова. Август 1917 — июнь 1918 г. В 2 т. М., 2003.

Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т. 1. Крушение власти и армии. М., 1991.

Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т. 2. Борьба генерала Корнилова. Август 1917 — апрель 1918 г. М., 1991.

Деникин А.И. Старая армия. Париж, 1929.

Допрос Колчака//Арестант пятой камеры. М., 1990.

Дуров В.А. Ордена России. М., 1993.

Жилин А.П. Последнее наступление (июнь 1917 года). М., 1983.

Завадский С.В. На великом изломе // Архив русской революции. Т.И. Берлин, 1923.

Заговор Корнилова (по воспоминаниям А.И. Путилова) // Последние новости. Париж, 1937. 20 января.

Зайончковский А.М. Первая мировая война. СПб., 2000.

История Русско-японской войны. М., 1977.

История Первой мировой войны. 1914—1918 гг. М., 1975.

Иоффе Г. З. «Белое дело». Генерал Корнилов. М., 1989.

Иоффе Г. З. Семнадцатый год: Ленин, Керенский, Корнилов. М., 1995.

Катанаев Г.Е. Краткий исторический обзор службы Сибирского казачьего войска с 1582 по 1908 год. СПб., 1908.

Катанаев Г.Е. Западно-сибирское служилое казачество и его роль в обследовании и занятии русскими Сибири и Средней Азии. СПб., 1908.

Катков Г.М. Дело Корнилова. Париж, 1987.

Керенский А.Ф. Дело Корнилова. М., 1918.

Кологривов К. Арест Государыни императрицы Александры Федоровны и августейших детей Их Величеств // Русская

летопись. Кн. 3. Париж, 1922.

Корниловские дни. Бюллетени Вр. Военн. Комитета при ЦИК СР и СД с 28 августа по 4 сентября 1917 г. /Сост. В.А. Колеров. Пг., 1917.

Краснов П.Н. На рубеже Китая. Париж, 1939.

Критский М.А. Корниловский ударный полк. Париж, 1936.

Лукомский А.С. Из воспоминаний // Архив русской революции. Т. 2. Берлин, 1922.

Марков А. Кадеты и юнкера. Русские кадеты и юнкера в мирное время и на войне. М., 2001.

Марков С. Краткий исторический обзор 1-го Сибирского императора Александра 1-го кадетского корпуса//Военная быль. Париж, 1969. № 96.

Мартынов Е.И. Корнилов (Попытка военного переворота). Л., 1927.

Мельгунов С.П. Судьба императора Николая II после отречения. Нью-Йорк, 1991.

Милюков П.Н. История второй русской революции. М., 2001.

Миновский А. Премьер и Елена//Родина. 1989. № 3.

Набоков В.Д. Временное правительство//Архив русской революции. Т. 1. Берлин, 1922.

Новиков Г.И. Об архиве А.Ф. Керенского в Техасе // Новая и новейшая история. 1993. № 1.

Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М., 1991.

Пауль С.М. С Корниловым // Белое дело. Ледяной поход. М., 1993.

Платов А., Кирпинев Л. Исторический очерк образования и развития Артиллерийского училища. 1820—1870. СПб., 1870.

Плетнев В.Д. Первый народный главнокомандующий генерал-лейтенант Лавр Георгиевич Корнилов. Пг., 1917.

Поликарпов В.Д. Пролог Гражданской войны в России. М., 1976.

Поликарпов В.Д. Начальный этап Гражданской войны: История изучения. М., 1980.

Половцев Л.В. Дни затмения. М., 1999.

Португальский Р.М., Алексеев П.Д., Рунов В.А. Первая мировая в жизнеописаниях русских военачальников. М, 1994.

Пронин Б. Генерал Лавр Георгиевич Корнилов. Ростов н/Д., 1919.

Разложение армии в 1917 году. М.; Л., 1925.

Рутыч Н.Н. Биографический справочник высших чинов Добровольческой армии и Вооруженных сил Юга России. М., 1997.

Савинков Б.В. К делу Корнилова. Пг., 1919.

Севский В. Генерал Корнилов. Ростов н/Д., 1919.

Семанов С. Брусилов. М., 1980.

Словцов Р. Последние дни Николая II в Царском Селе (из дневника графа П.К. Бенкендорфа) // *Мельник Т.* Воспоминания о царской семье и ее жизни до и после революции. М, 1993.

Стенограммы допроса следователем Е.С. Кобылинского в качестве свидетеля, А.П. Медведева, Ф. Проскурякова и А. Акимова в качестве обвиняемых по делу об убийстве императора Николая II // Историк и современник. T.V. Берлин, 1924.

Строков А.А. Вооруженные силы и военное искусство в Первой мировой войне. М., 1974.

Теттау Э. Куропаткин и его помощники. СПб., 1913.

Туземцев Н. (Добровольский Н. Т.) Генерал Лавр Георгиевич Корнилов. Ростов н/Д., 1919.

Усов Ф.Н. Статистическое описание Сибирского казачьего войска. СПб., 1879.

Федюк В.П. Белые. Антибольшевистское движение на Юге России. М., 1996.

Хаджиев Р.Б. Великий Бояр. Белград, 1929.

Чайлд Дорр Р. Человек-загадка или политический фокусник? // Учительская газета. 1994. 23 апреля.

Шишов А.В. Корнилов. Несостоявшийся диктатор. М., 2004.

Шкловский В. Сентиментальное путешествие. М., 1990.

Шульгин В.В. Годы. Дни. 1920. М., 1990.

ИЛЛЮСТРАЦИИ





Улица Зайсана, Фото конца XIX в.



Семья сибирских казаков. Фото конца XIX в.



Сибирские казаки в походе. Фото конца XIX в.



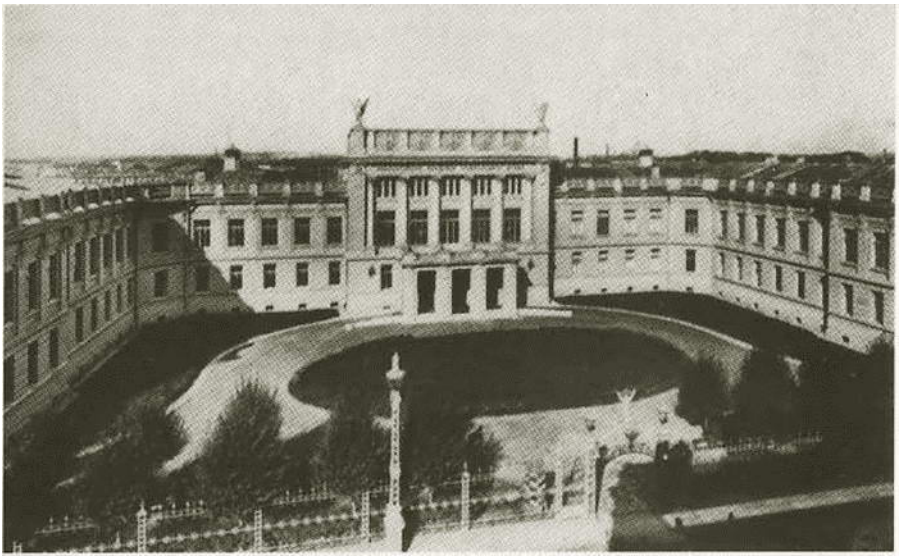
Сибирский кадетский корпус в Омске. Открытка конца XIX в.



Михайловское артиллерийское училище в Петербурге. Открытка конца XIX в.



Улица Ташкента. Открытка начала XX в.



Николаевская Академия Генерального штаба. Открытка начала XX в.



Административное здание в Бомбее. Английская открытка начала XX в.



Подполковник Генерального штаба Л, Г. Корнилов, штаб-офицер при управлении 1-й стрелковой бригады. 1905.



Японский пехотинец, 1904,



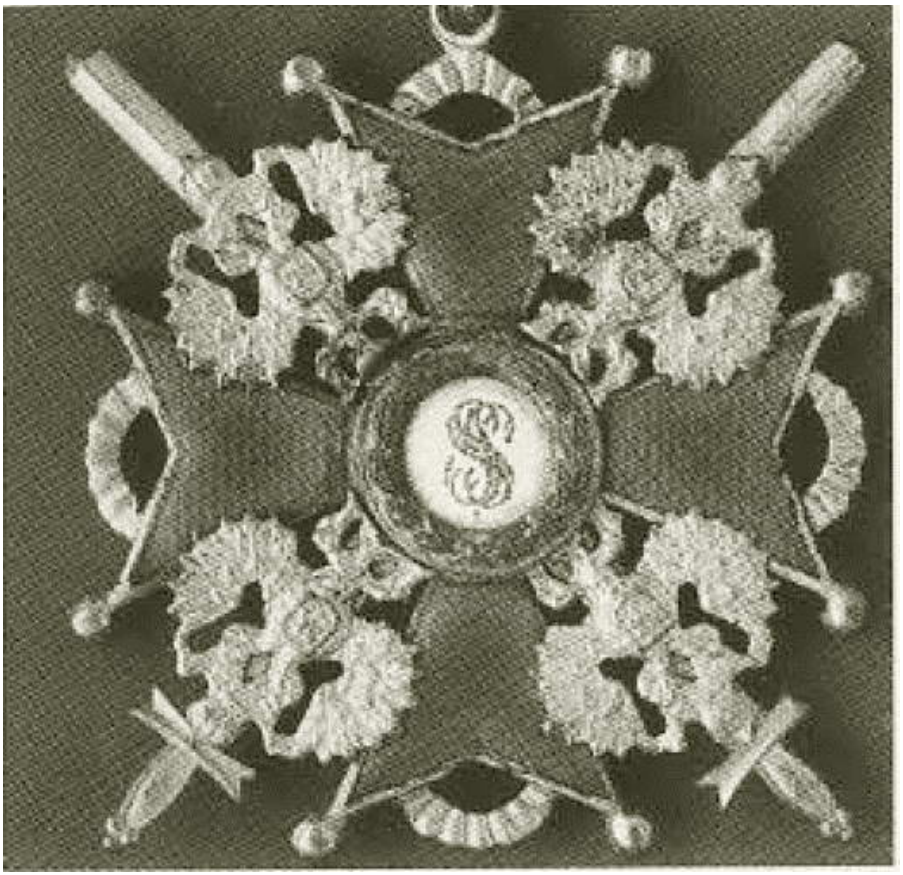
Русская артиллерия на позиции. 1904.



Пленные китайские хунхузы.



Отдых русских солдат в Маньчжурии, 1904.





Награды Л.Г. Корнилова: знак ордена Синюю Станислава II степени с мечами, знак ордена Святого Георгия IV степени



Военные атташе на маневрах китайской армии в 1909 году. В центре — полковник Корнилов.



Главнокомандующий русской армией великий князь Николай Николаевич (слева), 1914,



Генерал-лейтенант Л.Г. Корнилов на наблюдательном пункте. 1916.



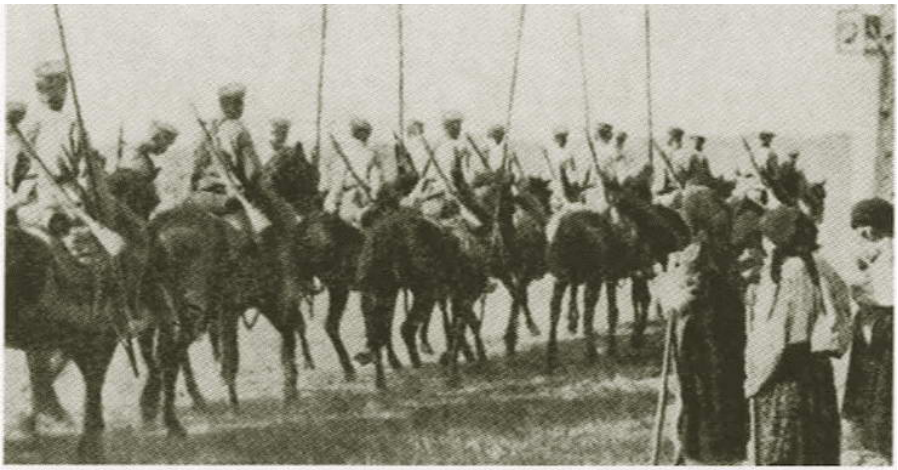
Русская артиллерия встречает австрийскую пехоту.



Командующий Юго-Западным фронтом генерал от кавалерии А.А. Брусилов.



Знак ордена Святого Владимира III степени с мечами.



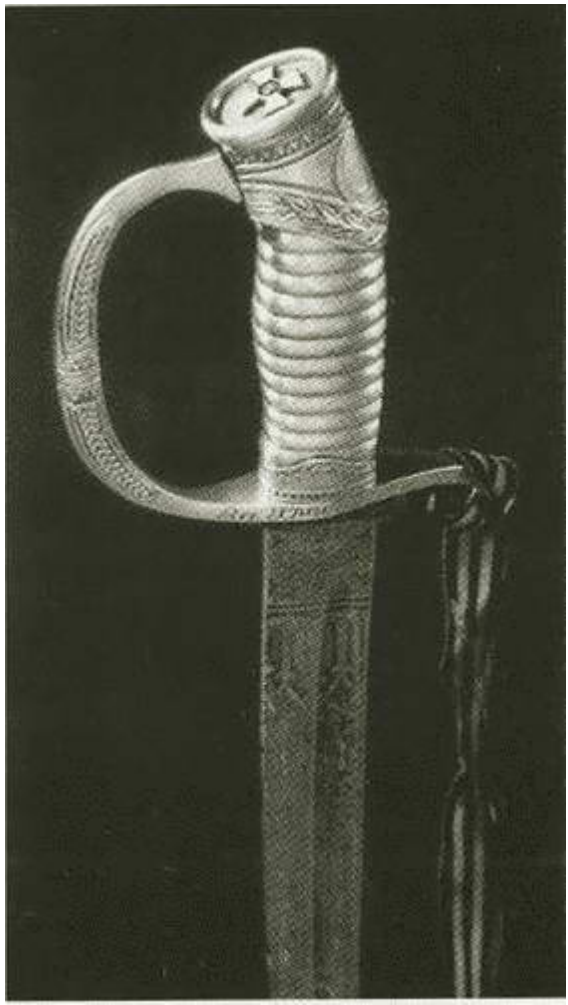
Русская кавалерия пересекает границу австрийской Галиции в 1916 году.

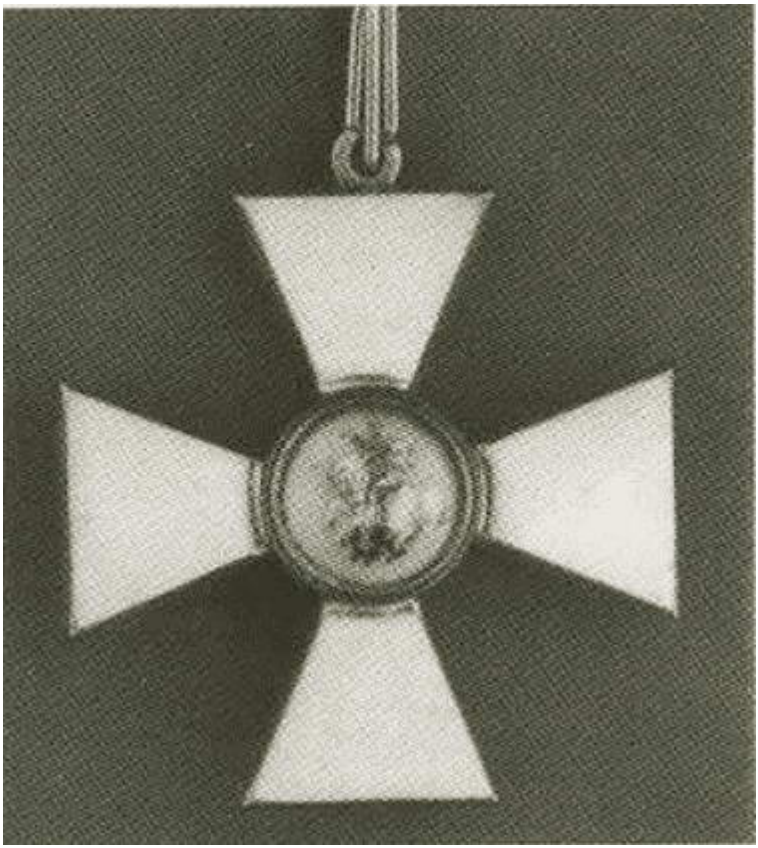


Генерал-лейтенант Л.Г. Корнилов после побега из австрийского плена, 1916.



Русские солдаты в австрийском плену





Награды Корнилова: знак ордена Святого Георгия III степени, Золотое оружие «За храбрость».



Группа георгиевских кавалеров.



Генерал-лейтенант Л.Г. Корнилов (в центре) среди солдат и офицеров 25-го армейского корпуса. 1916,



Русские пулеметчики на передовой позиции.



Молитва о России. Л, Г. Корнилов перед строем 25-го армейского корпуса. 1916.



Лавр Георгиевич Корнилов в 1917 году.



Так встречали Февральскую революцию на фронте,



Главнокомандующий Петроградским военным округом генерал-лейтенант Л.Г. Корнилов принимает в марте 1917 года парад юнкеров на Дворцовой площади Петрограда,

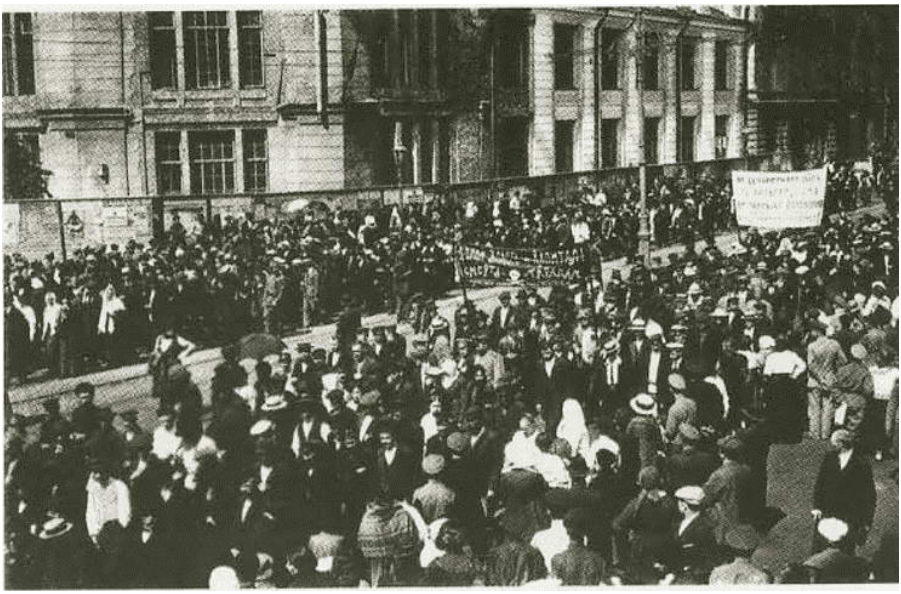




Министры Временного правительства: военный министр А.И. Гучков, министр иностранных дел и лидер кадетов П.Н. Милюков,



Выступление одного из комиссаров Временного правительства в действующей армии в марте-апреле 1917 года.



Июльская демонстрация в Петрограде. 1917.



Верные правительству части, вызванные в июле 1917 года с фронта для подавления беспорядков.



Бегство солдат с фронта. 1917.



Глава Временного правительства А.Ф. Керенский (второй справа) с ближайшими помощниками в бывшей царской библиотеке Зимнего дворца (третий слева — Б.В. Савинков).



Временное правительство чествует генерала Корнилова. 3 августа 1917 года.



Здание Большого театра в Москве, в котором в августе 1917 года проходило Государственное совещание.



Встреча Л.Г. Корнилова на Александровском (ныне Белорусском) вокзале в Москве,



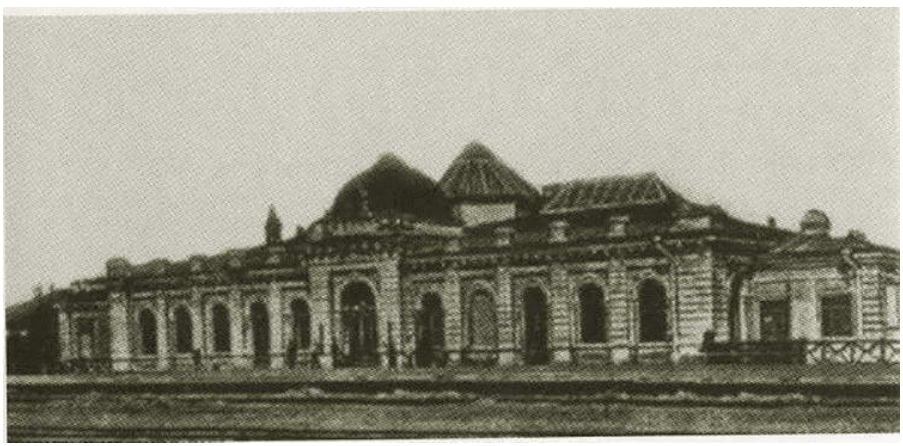
Поручик Р. Хаджиев, адъютант Л.Г. Корнилова. 1917.



Корнилов в Москве в августе 1917 года



Генерал от инфантерии Л.Г. Корнилов принимает парад юнкеров Александровского военного училища 13 августа 1917 года в Москве.



Вокзал Могилева, через который шло сообщение Ставки главнокомандующего русской армией в 1917 году. Открытки начала XX в.



Главнокомандующий Л, Г. Корнилов перед строем солдат. 1917.



Начальник Генерального штаба М.В. Алексеев и А.Ф. Керенский летом 1917 года.



В окопах позиционной войны летом 1917 года.



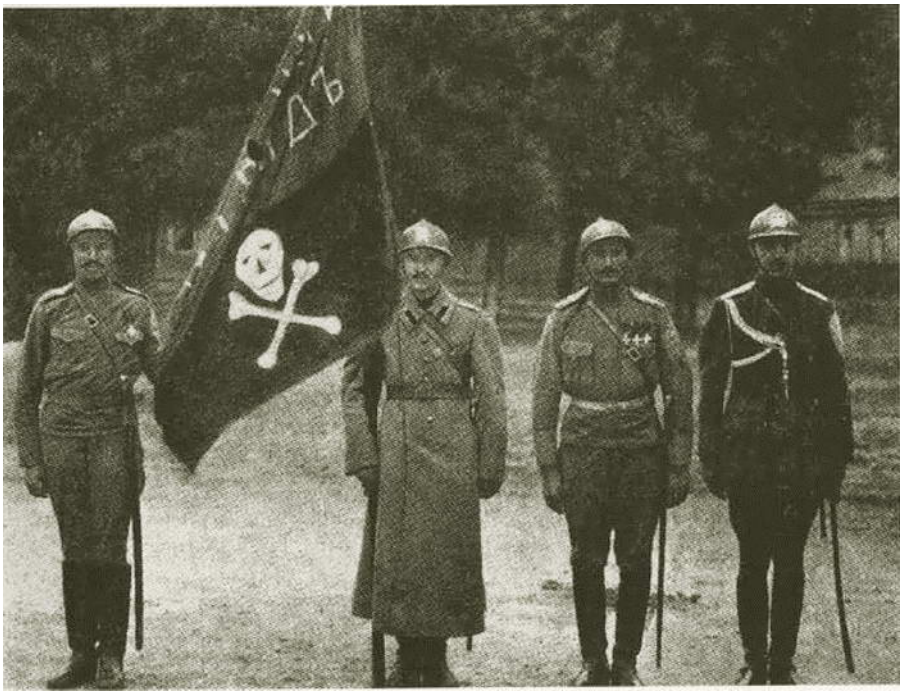
Б.В. Савинков.



Командующий Петроградским военным округом генерал П.А. Половцов проводит смотр частей женского батальона М.Л. Бочкаревой



Проект погона рядового Корниловского ударного полка.



Знаменщик и почетный караул Корниловского ударного полка.



Мобилизация рабочих для отпора Корнилову в августе 1917 года.



Разоружение мятежных корниловцев. Конец августа 1917 г.



Последний Верховный главнокомандующий русской армией генерал-лейтенант Н.Н. Духонин.



Здание в Быхове, где содержались под стражей участники корниловскою выступления. Сентябрь 1917 г.



Л.Г. Корнилов (в центре) среди «быховских узников».



Первый командующий Добровольческой армией генерал от инфантерии Л.Г. Коршилов.



Л.Г. Корнилов в офицерской казарме в Ростове-на-Дону. Слева от него — подполковник М.О. Неженцев. Январь 1918 г.



Молодые кубанские красноармейцы, 1918.



Группа командиров частей Красной гвардии на Дону Декабрь 1917 г.



Верховный руководитель Добровольческой армии генерал от инфантерии М.В. Алексеев.



Новочеркасск. Открытка начала XX века



Преемник Корнилова на посту командующего генерал-лейтенант А.И. Деникин, 1918,



Донской атаман генерал от кавалерии А.М. Каледин,



Генерал-лейтенант С.Л. Марков,



Смерть генерала Корнилова. Картина неизвестного художника, составлявшая центр экспозиции передвижной выставки, посвященной памяти Л.Г. Корнилова. 1919.



Знамя одного из «полков смерти». 1917 - 1918 гг.



Памятный жетон, продававшийся на передвижной выставке, посвященной памяти Л.Г. Корнилова



Самодельный погон рядового Корниловского полка



Здание в Таганроге, в котором летом 1919 года проходила выставка, посвященная памяти Л.Г. Корнилова. Фото из Архива Гуееровскоео института войны, революции и мира (Стэнфорд, США). Публикуется впервые.





Центральная экспозиция выставки, посвященной памяти Л.Г. Корнилова в Таганроге летом 1919 года. Фото из Архива Гуверовского института воины, революции и мира (Стэнфорд, США). Публикуется впервые.



Екатеринодар. Открытка начала XX в.



Руководители казачьих государственных образований. 1919.





Знаки 1-го Кубанского (Ледяного) похода 1-й и 2-й степеней. Учреждены 21 сентября 1918 года в Екатеринодаре приказом главнокомандующего Добровольческой армией А.И. Деникина. Знак 1-й степени за № 1 был посмертно присвоен Л.Г. Корнилову.





Участники Ледяного похода генералы Е.Ф. Эльснер и Н.С. Тимановский



Генерал-Лейтенант И.П. Романовский.



Генерал-лейтенант А.С. Лукомский.



Генерал от кавалерии А.М. Драгомиров.



Генерал-майор Н.В. Скоблин, последний начальник Корниловской дивизии.



Группа корниловцев в эмиграции, 1921.



Командующий красным Донским корпусом Филипп Миронов в Балашовской тюрьме в ожидании расстрела. Революция начинает пожирать своих героев. 1919.



Знак Корниловского ударного полка. Утвержден председателем Русского общевоинского союза 12 июля 1931 года в Париже,



Дети Л.Г. Корнилова — Юрий и Наталья, 1918



Восстановленное захоронение Л.Г. Корнилова. 1919.



Открытие памятника Белому движению в Галлиполи. 1921.

notes

Примечания

1

Ныне город Каркаралинск Карагандинской области Казахстана.

2

В 1907 году корпус был переименован в Омский кадетский корпус, а ко дню своего 100-летия, 1 мая 1913 года, стал именоваться 1-м Сибирским императора Александра I кадетским корпусом.

3

Ранее были образованы следующие кадетские корпуса: Морской (1701), 2-й кадетский императора Петра Великого (1712), Первый кадетский (1732), 1-й Московский императрицы Екатерины II (1778) и Пажеский Его Императорского Величества (1802).

4

Для сравнения: Владимирский Киевский кадетский корпус «дал» только шесть георгиевских кавалеров в Русско-японскую войну.

5

В различных работах, посвященных Корнилову, название этого города пишут по-разному: Коссег, Косек, Кессог, Кесек, Кессиг, Кассек. В написании этого названия мы выбрали транскрипцию, сделанную переводчиком воспоминаний Ф. Мрняка (см.: Часовой. Париж, 1932. № 88-90, 92).

Другое написание — Карон-Шебеш.

7

Нового стиля.

8

Старого стиля.

9

Судьба.

10

Н. Н.Духонин был одним из последних кавалеров ордена Святого Георгия III степени. Приказ о его награждении вышел в июне 1917 года.

С этого времени все даты даются параллельно по старому и новому стилю.

12

Ординарец Деникина.

13

Тогда многие были убеждены, что большевистские вожди — сплошь евреи и немецкие шпионы.

14

Это был тот самый Ратманов, который в 1916 году, будучи военным агентом в Румынии, принимал бежавшего из плена Корнилова.

15

В некоторых документах встречается написание Гнаденау.

16

Пивная.

comments

Комментарии

1

Туземцев Н. (Добровольский Н. Т.) Генерал Лавр Георгиевич Корнилов. Ростов н/Д., 1919. С. 2.

2

Шишов А.В. Корнилов // Белые генералы. Ростов н/Д., 1998. С. 8.

3

Плетнев В.Д. Первый народный главнокомандующий генерал-лейтенант Лавр Георгиевич Корнилов. Пг., 1917. С. 5; *Туземцев Н. (Добровольский Н. Т.)* Генерал Лавр Георгиевич Корнилов. Ростов н/Д., 1919. С. 2; *Севский В.* Генерал Корнилов. Ростов н/Д., 1919. С. 5.

Мартынов Е.И. Корнилов (Попытка военного переворота). Л., 1927. С. 12.

5

Басханов М.К. Генерал Лавр Корнилов. L.: Skiff Press, 2000. С. 1.

Усов Ф.И. Статистическое описание Сибирского казачьего войска. СПб., 1879. Приложения. С. 28.

7

Там же.

Катанаев Г.Е. Краткий исторический обзор службы Сибирского казачьего войска с 1582 по 1908 год. СПб., 1908. С. 1.

9

Катанаев Г.Е. Западно-сибирское служилое казачество и его роль в обследовании и занятии русскими Сибири и Средней Азии. СПб., 1908. С. 1.

Катанаев Т.Е. Западно-сибирское служилое казачество… С. 2.

11

Катанаев Г.Е. Краткий исторический обзор службы Сибирского казачьего войска с 1582 по 1908 год. С. 49.

Там же. С. 53.

13

Там же. С. 55.

Басханов М.К. Генерал Лавр Корнилов. С. 5.

Плетнев В.Д. Первый народный главнокомандующий… С. 6.

16

Усов Ф.Н. Статистическое описание Сибирского казачьего войска. СПб., 1879. С. 266-268.

17

Там же. С. 272.

18

Там же. С. 273.

Хаджиев Р.Б. Генерал Л.Г. Корнилов в «Ледяном походе» // Первый кубанский («Ледяной») поход. М., 2001. С. 101.

20

Гусев Н. Юбилейная памятка Омского кадетского корпуса. 1813— 1913. Омск, 1913. С. 1, 9.

21

Там же. С. 9

Военная быль. Париж, 1967. № 83. С. 4.

23

Марков А. Кадеты и юнкера. Русские кадеты и юнкера в мирное время и на войне. М., 2001. С. 19.

Военная быль. № 83. С. 5.

Басханов М.К. Генерал Лавр Корнилов. С. 13.

Игнатьев А.А. 50 лет в строю. М., 1948. С. 38.

27

Там же.

Там же. С. 21.

29

Платов А., Кирпичев Л. Исторический очерк образования и развития Артиллерийского училища. 1820—1870. СПб., 1870. С. 1.

Там же. С. 31.

31

Там же. С. 277.

Платов А., Кирпичев Л. Исторический очерк образования и развития… С. 278.

33

Там же. С. 151.

Там же. С. 372.

Плетнев В.Д. Первый народный главнокомандующий… С. 8.

Марков А. Кадеты и юнкера. С. 77.

Там же. С. 64.

Там же. С. 67.

Туземцев Н. Генерал Лавр Георгиевич Корнилов. С. 4.

Плетнев В.Д. Первый народный главнокомандующий… С. 9.

Басханов М.К. Генерал Лавр Корнилов. С. 29.

42

Хаджиев Р.Б. Генерал Л.Г. Корнилов в «Ледяном походе». С. 101.

Гулевич А.А. Императорская Николаевская военная академия // Часовой. Париж, 1932. № 93. С. 5.

Глиноецкий И.П. Исторический очерк Николаевской академии Генерального штаба. СПб., 1882. С. 337.

Там же. С. 337.

Там же. С. 369-371.

Деникин А.И. Старая армия. Париж, 1929. С. 58.

Глиноецкий Н.П. Исторический очерк Николаевской академии Генерального штаба. С. 14.

Гулевич А.А. Императорская Николаевская военная академия. С. 7.

Там же. С. 7-8.

Там же. С. 8.

Там же. С. 9.

Деникин А.И. Старая армия. С. 52.

Басханов М.К. Генерал Лавр Корнилов. С. 36.

Севский В. Генерал Корнилов. С. 8.

Деникин А.И. Старая армия. С. 61.

Там же.

Игнатьев А.А. 50 лет в строю. С. 102—103.

Басханов М.К. Генерал Лавр Корнилов. С. 37.

Глиноецкий Н.П. Исторический очерк Николаевской академии Генерального штаба. С. 285.

Игнатьев А.А. 50 лет в строю. С 124—125.

Богаевский А.П. 1918 год//Белое дело. Ледяной поход. М., 1993. С. 17.

Деникин А.И. Старая армия. С. 65.

Список Генерального штаба. Пг., 1914. С. 222.

Басханов М.К. Генерал Лавр Корнилов. С. 47.

Игнатьев А.А. 50 лет в строю. С. 129.

Басханов М.К. Генерал Лавр Корнилов. С. 47.

Там же.

Игнатьев А.А. 50 лет в строю. С. 129.

Басханов М.К. Генерал Лавр Корнилов. С. 68.

Плетнев В.Д. Первый народный главнокомандующий генерал- лейтенант Лавр Георгиевич Корнилов. СИ.

Севский В. Генерал Корнилов. С. 9.

Там же. С. 10.

Плетнев В.Д. Первый народный главнокомандующий… С. 15.

Басханов М.К. Генерал Лавр Корнилов. С. 88.

Корнилов Л. Г Кашгария или Восточный Туркестан. Опыт военно-статистического описания. Ташкент, 1903. С. 230—231.

Корнилов Л.Г. Кашгария или Восточный Туркестан. С. 57.

Басханов М.К. Генерал Лавр Корнилов. С. 96.

Там же. С. 89.

Корнилов Л.Г. Кашгария или Восточный Туркестан. С. 65—66.

Басханов М.К. Генерал Лавр Корнилов. С. 104.

Там же. С. 128.

Плетнев В.Д. Первый народный главнокомандующий… С. 16.

Там же. С. 17; *Севский В.* Генерал Корнилов. С. 11.

85

См.: *Корнилов Л.Г.* Сведения, касающиеся стран, сопредельных с Туркестанским военным округом. Вып. XXVI. Ташкент, 1901; *Он же.* Сведения, касающиеся стран, сопредельных с Туркестанским военным округом. Вып. XXXII. Ташкент, 1902; *Он же.* Историческая справка по вопросу о границах Хорасана с владениями России и Афганистана. СПб., 1905; *Он же.* Нушкисеистанская дорога. СПб., 1905.

Плетнев В.Д. Первый народный главнокомандующий… С. 18.

Корнилов Л.Г. Отчет о поездке по Индии. СПб., 1905. С. 1.

Там же. С. 3.

Список Генерального штаба. Пг., 1914. С. 222.

Севский В. Генерал Корнилов. С. 11.

91

Список Генерального штаба. С. 222.

История Русско-японской войны. М., 1977. С. 85.

93

Новейшая история Отечества. XX век. В 2 т. Т. 1. М., 1998. С. 118.

Теттау Э. Куропаткин и его помощники. СПб., 1913. С. 20.

Игнатьев А.А. 50 лет в строю. С. 256.

Там же. С. 259.

Там же.

Там же. С. 263.

Там же. С. 267.

Басханов М.К. Генерал Лавр Корнилов. С. 184—185.

101

Там же. С. 185.

Там же. С. 187-188.

103

Там же. С. 189.

Дуров В.А. Ордена России. М., 1993. С. 37.

105

Там же. С. 48.

Список Генерального штаба. Пг., 1914. С. 222.

Севский В. Генерал Корнилов. С. 14.

108

Там же.

Басханов М.К. Генерал Лавр Корнилов. С. 224.

Там же. С. 235.

111

Мартынов Е.И. Корнилов (Попытка военного переворота). С. 13.

112

Там же.

113

Там же.

Басханов М.К. Генерал Лавр Корнилов. С. 260.

Брусилов А.А. Мои воспоминания. М., 2001. С. 218.

Басханов М.К. Генерал Лавр Корнилов. С. 276.

117

Брусилов А.А. Мои воспоминания. С. 90—91.

Там же. С. 91.

Зайончковский А.М. Первая мировая война. СПб., 2000. С. 149.

Там же. С. 251.

Басханов М.К. Генерал Лавр Корнилов. С. 281.

Брусилов А.А. Мои воспоминания. С. 109.

123

Басханов М.К. Генерал Лавр Корнилов. С. 283.

Басханов М.К. Генерал Лавр Корнилов. С. 286—287.

125

Брусилов А.А. Мои воспоминания. С. 139.

Зайончковский А.М. Первая мировая война. С. 329.

127

Там же. С. 335-338.

Брусилов А.А. Мои воспоминания. С. 109.

Плетнев В.Д. Первый народный главнокомандующий… С. 24.

130

Там же.

131

Государственный архив Российской Федерации (далее ГА РФ). 440. Оп. 1. Д. 26. Л. 8.

132

Мартынов Е.И. Корнилов (Попытка военного переворота). С. 14.

133

Там же. С. 14-15.

Там же. С. 15.

135

Там же. С. 16.

136

Там же.

137

Человек, который спас Корнилова//Часовой. 1932. № 89. С. 16.

Там же. № 88. С. 19.

139

Там же. № 89. С. 16.

140

Там же.

Мартынов Е.И. Корнилов… С. 17.

Человек, который спас Корнилова. С. 17.

Мартынов Е.И. Корнилов… С. 17.

Шишов А.В. Корнилов. Несостоявшийся диктатор. М., 2004. С. 91.

145

Человек, который спас Корнилова. С. 17.

Там же. С. 18.

147

Там же.

Там же. С. 19.

149

Там же. С. 20.

150

Там же.

151

Там же. С. 19.

Там же. С. 20.

153

Пронин В. Генерал Лавр Георгиевич Корнилов. Ростов н/Д., 1919. 11-12.

Севский В. Генерал Корнилов. С. 23.

155

Человек, который спас Корнилова. С. 21—22.

Там же. С. 22.

157

Там же.

Половцев Л.В. Дни затмения. М., 1999. С. 39.

159

Иоффе Г. З. Семнадцатый год: Ленин, Керенский, Корнилов. М., 1995. С. 39.

Бонч-Бруевич М.Д. Вся власть Советам. М., 1958. С. 136—137.

161

Половцев Л.В. Дни затмения. С. 50.

Дело генерала Л.Г. Корнилова. Т. 2. М., 2003. С. 185.

163

Цит. по: *Иоффе Г. З.* Семнадцатый год. С. 43.

164

А.И. Гучков рассказывает… Воспоминания председателя Государственной думы и военного министра Временного правительства. М., 1993. С. 73.

165

Походы и кони. Записки поручика Сергея Мамонтова. 1917—1920. М., 2001. С. 15.

Там же. С. 16.

Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т. 1. Крушение власти и армии. М., 1991. С. 444.

Половцев Л. В. Дни затмения. С. 50.

169

Мельник Т. Воспоминания о царской семье и ее жизни до и после революции. М., 1993. С. 52.

170

Стенограммы допроса следователем Е.С. Кобылинского в качестве свидетеля. А.П. Медведева, Ф. Проскурякова и А. Акимова в качестве обвиняемых по делу об убийстве императора Николая II // Историк и современник. T.V. Берлин, 1924. С. 171.

171

Мельгунов С.П. Судьба императора Николая II после отречения. Нью-Йорк, 1991. С. 35.

172

Кологривов К. Арест Государыни императрицы Александры Федоровны и августейших детей Их Величеств // Русская летопись. Кн. 3. Париж, 1922. С. 193-194.

Волков А.А. Около царской семьи. М., 1993. С. 68—69.

Словцов Р. Последние дни Николая II в Царском Селе (из дневника графа П.К. Бенкендорфа) // *Мельник Т.* Воспоминания о царской семье и ее жизни до и после революции. М., 1993. С. 178.

175

Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т. 2. Борьба генерала Корнилова. Август 1917 — апрель 1918 г. М., 1991. С. 15.

Дело генерала Л.Г. Корнилова. Т. 2. С. 81.

177

Пауль С.М. С Корниловым // Белое дело. Ледяной поход. М., 1993. С. 183.

Мартынов Е.И. Корнилов (попытка военного переворота). Л., 1927. С. 16.

179

Цит. по: *Мельгунов С.П.* Трагедия адмирала Колчака. Т. 2. М., 2004. С. 24.

Врангель П.Н. Записки. Кн. 1. М., 1991. С. 27.

181

Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М., 1991. С. 320.

182

Суханов Н.И. Записки о революции. Т. 2. Кн. 3. М., 1991. С. 96.

183

Амфитеатров-Кадышев В. Страницы из дневника // Минувшее. Т. 20. М., 1996. С. 458.

Суханов Н.Н. Записки о революции. Т. 2. Кн. 3. С. 100.

185

А.И. Гучков рассказывает… С. 76.

Допрос Колчака//Арестант пятой камеры. М., 1990. С. 301.

187

Милюков Я.Я. Воспоминания. Т. 2. М., 1990. С. 312; *Суханов Я.Я.* Записки о революции. Т. 2. Кн. 3. С. ПО.

Врангель Я.Я. Записки. Кн. 1. С. 28.

189

А.И. Гучков рассказывает… С. 77.

Цит. по: *Иоффе Г. З.* Семнадцатый год. С. 64.

191

Суханов Я.Я. Записки о революции. Т. 2. Кн. 3. С. 126.

Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т. 1. С. 445.

193

Там же. С. 446.

194

Русские ведомости. 1917. 3 марта.

195

Набоков В.Д. Временное правительство // Архив русской революю ции. Т. 1. Берлин, 1922. С. 19.

Милюков П.Я. История второй русской революции. М., 2001. С. 52.

197

ГА Р Ф.Ф. 629. Оп. 1. Д. 20. Л. 6.

198

Так охарактеризовал состав аудитории на одном из заседаний съезда корреспондент газеты «Курьер». См.: Курьер. 1917. 30 марта.

199

Гессен И.В. В двух веках: жизненный отчет // Архив русской революции. Т. 22. Берлин, 1937. С. 356.

200

Заговор Корнилова (по воспоминаниям А.И. Путилова) // Последние новости. Париж, 1937. 20 января.

201

А.И. Гучков рассказывает… С. 68.

202

Цит. по: *Деникин А.И.* Очерки русской смуты. Т. 2. Борьба генерала Корнилова. Август 1917 —апрель 1918 г. М., 1991. С. 27.

Кавтарадзе А. Г Военные специалисты на службе республики Советов. 1917—1920 гг. М., 1988. С. 28; *Волков С.В.* Трагедия русского офицерства. М., 1999. С. 7.

Алексеева-Борель В. Сорок лет в рядах русской императорской армии. Генерал М. В.Алексеев. СПб., 2000. С. 51.

Иоффе Г.З. Семнадцатый год. С. 78.

Врангель П.И. Записки. Кн. 1. С. 28.

Там же. С. 31.

Данилов Ю. На пути к крушению. Очерки последнего периода российской монархии. М., 2000. С. 50.

209

Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т. 1. С. 299.

Там же. С. 301.

211

Там же.

Дело генерала Л.Г. Корнилова. Т. 2. С. 185.

213

Там же. С. 331.

Там же. С. 330.

215

Критский М.А. Корниловский ударный полк. Париж, 1936. С. 10.

Столыпин А.А. Записки драгунского офицера. 1917—1920 гг.// Русское прошлое. Вып. 3. СПб., 1992. С. 22.

Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т. 1. С. 392.

Разложение армии в 1917 году. М.; Л., 1925. С. 29.

219

Лукомский А.С. Из воспоминаний // Архив русской революции. Т. 2. Берлин, 1922. С. 40.

Жилин А.П. Последнее наступление (июнь 1917 года). М, 1983. С. 30.

Гиацинтов Э.Н. Трагедия русской армии в 1917 году//Русское прошлое. Вып. 1. СПб., 1991. С. 87.

Ленин В.И. Поли. собр. соч. Т. 32. С. 302.

Жилин А.П. Последнее наступление. С. 57.

Там же. С. 62.

225

Суханов Н.Н. Записки о революции. Т. 2. Кн. 3. С. 329.

Гиацинтов Э.Н. Трагедия русской армии в 1917 году. С. 88—89.

227

История Первой мировой войны. 1914—1918 гг. М., 1975. Т. 2. С. 314.

Жилин А.П. Последнее наступление. С. 72.

229

ГА РФ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 30. Л. 21.

Дело генерала Л.Г. Корнилова. Т. 2. С. 80.

231

Врангель П.Н. Записки. Кн. 1. С. 31.

Дело генерала Л.Г. Корнилова. Т. 2. С. 87.

Мартынов Е.И. Корнилов (попытка военного переворота). Л., 1927. С. 16.

Шкловский В. Сентиментальное путешествие. М., 1990. С. 38.

235

Дело генерала Л.Г. Корнилова. Т. 2. С. 85.

Брюс Локкарт Р. Г История изнутри. Мемуары британского агента. М, 1991. С. 166.

Милюков П.Н. История второй русской революции. М., 2001. С. 247.

Брюс Локкарт Р.Г. История изнутри. С. 166.

239

Дело генерала Л.Г. Корнилова. Т. 2. С. 300.

Жилин А.П. Последнее наступление. С. 73.

241

Врангель П.Я. Записки. Кн. 1. С. 35.

Дело генерала Л.Г. Корнилова. Т. 2. С. 185.

243

Там же. С. 553.

Русское прошлое. Т. 1. СПб., 1991. С. ПО.

245

Там же. С. 111.

Суханов Н.Н. Записки о революции. Т. 3. Кн. 5. М., 1992. С. 7.

247

Милюков П.Н. История второй русской революции. С. 244—245.

Русское прошлое. Т. 1. СПб., 1991. С. 113.

249

Милюков П.Н. История второй русской революции. С. 247—248. Милюков ошибочно датирует эту телеграмму 7 июля.

Шкловский В. Сентиментальное путешествие. С. 77.

В-ий В. А.Ф. Керенский. Пг., 1917. С. 3.

Миновский А. Премьер и Елена// Родина. 1989. № 3. С. 71.

«Будущий артист Императорских театров». Письма Александра Керенского родителям//Источник. 1994. № 3.

Александр Федорович Керенский по материалам Департамента полиции. Пг., 1917. С. 6.

Брюс Локкарт Р.Г. История изнутри. С. 163.

Чайлд Дорр Р. Человек-загадка или политический фокусник? // Учительская газета. 1994. 23 апреля. С. 23.

Завадский С.В. На великом изломе // Архив русской революции. Т. 11. Берлин, 1923. С. 33.

Гуль Р. Я унес Россию. Т. 2. Россия во Франции. М., 2001. С. 76.

Кроль Л.А. За три года. Владивосток, 1921. С. 20.

Шульгин В.В. Годы. Дни. 1920. М., 1990. С. 443.

261

Гиппиус З. Петербургские дневники. 1914—1919. Нью-Йорк; М., 1990. С. 144.

Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте. Мемуары. М., 1993. С. 190.

263

Половцев Л.В. Дни затмения. С. 102.

Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте. С. 194—195.

Брусилов А.А. Мои воспоминания. М., 1983. С. 241.

Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т. 1. С. 428.

Брусилов А.А. Мои воспоминания. С. 241.

Алексеева-Борель В. Сорок лет в рядах русской императорской армии. С. 536.

Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте. С. 201.

Дело генерала Л.Г. Корнилова. Т. 2. С. 131.

Там же. С. 86.

Новиков Г.Я. Об архиве А.Ф.Керенского в Техасе//Новая и новейшая история. 1993. № 1. С. 212.

Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т. 1. М., 1991. С. 160.

Дорошенко Д.И. Война и революция на Украине // Историк и современник. Т.V. Берлин, 1924. С. 103.

Спиридович А.И. Великая война и Февральская революция (1914— 1917). Минск, 2004. С. 162.

Бонч-Бруевич М.Д. Вся власть Советам. М., 1958. С. 181.

Хаджиев Р.Б. Генерал Л.Г. Корнилов в «Ледяном походе» // Пер вый кубанский («Ледяной») поход. М., 2001. С. 95.

Хаджиев Р.Б. Великий Бояр. Белград, 1929. С. 82.

Там же. С. 80.

Кручинин А.М. Первый начальник 7-й уральской дивизии горных стрелков// Белая армия, Белое дело. Вып. 10. Екатеринбург, 2002. С. 101.

281

Махров П.С. В штабе генерала Деникина // Русское прошлое. Вып. 3. СПб., 1992. С. 148.

Дело генерала Л.Г. Корнилова. Т. 2. М., 2003. С. 292.

283

Махров П.С. В штабе генерала Деникина. С. 148.

Лукомский А.С. Из воспоминаний // Архив русской революции. Т. 5. Берлин, 1922. С. 104.

285

Дело генерала Л.Г. Корнилова. Т. 2. С. 559.

Там же. Т. 2. С. 188.

Дорошенко Д.И. Война и революция на Украине. С. 75.

Несин В. Зимний дворец в царствование императора Николая II (1894-1917). СПб., 1999. С. 206.

289

Дело генерала Л.Г. Корнилова. Т. 2. С. 188.

Там же. С. 140.

291

Там же. С. 89.

Там же. С. 301.

293

Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте. Мемуары. М., 1993. С. 207.

Катков Г.М. Дело Корнилова. М., 2002. С. 71.

Гиппиус З. Петербургские дневники. 1914—1919. Нью-Йорк; М., 1990. С. 143.

Дело генерала Л.Г. Корнилова. Т. 2. С. 341.

Там же. С. 189, 343.

Дорошенко Д.И. Война и революция на Украине. С. 75.

Милюков П.Н. История второй русской революции. М., 2001. С. 276.

Суханов Н.Н. Записки о революции. Т. 3. Кн. 5. М., 1992. С. 53.

301

Лукомский А.С. Из воспоминаний. С. 105.

Гиппиус 3. Петербургские дневники… С. 149.

303

Там же. С. 148.

Лукомский А.С. Из воспоминаний. С. 108—109.

305

Колоницкий Б.И. Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры революции 1917 года. СПб., 2001. С. 315—316.

306

Цит. по: *Милюков П.Н.* История второй русской революции. С. 292.

307

Дело генерала Л.Г. Корнилова. Т. 2. С. 554.

Милюков П.Н. История второй русской революции. С. 302.

309

Государственное совещание. Стенографический отчет. М., Л., 1930. С. 15.

Дело генерала Л.Г. Корнилова. Т. 2. С. 345.

Мартынов Е.И. Корнилов (попытка военного переворота). Л., 1927. С. 67.

312

Временное правительство у власти (из воспоминаний князя В.А. Оболенского) // Советские архивы. 1991. № 2. С. 68.

313

Государственное совещание. С. 66.

Там же. С. 75.

Шидловский С.В. Воспоминания // Февральская революция в воспоминаниях белогвардейцев. М., 1926. С. 312.

316

Государственное совещание. С. 307.

317

Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т. 2. Борьба генерала Корнилова. Август 1917 — апрель 1918 г. М., 1991. С. 32.

Там же.

Там же. С. 31.

320

Заговор Корнилова (по воспоминаниям А.И. Путилова) // Последние новости (Париж). 1937. 20 января.

321

Катков Г.М. Дело Корнилова. С. 169. Выделено В.А. Маклаковым.

Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте. Мемуары. М., 1993. С. 260.

Врангель П.Н. Записки. Кн. 1. М., 1991. С. 10.

Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т. 1. С. 143.

325

Там же. Т. 2. С. 37.

Дело генерала Л.Г. Корнилова. Т. 2. С. 570.

Винберг Ф.В. В плену у «обязьян». Киев, 1918. С. 105.

Милюков П.И. История второй русской революции. С. 337.

Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т. 2. С. 37.

История Первой мировой войны.1914—1918 гг. М., 1975. Т. 2. С. 317.

331

Станкевич В.Б. Воспоминания. 1914-1919 гг. М., 1994. С. 107.

Войтинский В.С. 1917-й. Год побед и поражений. М., 1999. С. 212.

Там же. С. 213.

История Первой мировой войны. 1914—1918 гг. С. 321.

Войтинский В.С. 1917-й. Год побед и поражений. С. 212.

Суханов Н.Н. Записки о революции. Т. 3. Кн. 5. М., 1992. С. 78.

337

Дело генерала Л.Г. Корнилова. Т. 2. С. 189—190.

Краснов П.Н. На внутреннем фронте // Архив русской революции. Т. 1. Берлин, 1922. С. 110-111.

339

Цит. по: *Милюков П.Н.* История второй русской революции. С. 323.

Гиппиус З. Петербургские дневники. С. 163. (Курсив автора).

341

Там же. С. 154.

Дело генерала Л.Г. Корнилова. Т. 1. С. 480.

343

Гиппиус 3. Петербургские дневники. С. 163.

Революционное движение в России в августе 1917 г. Разгром Корниловского мятежа. М., 1959. С. 421—422.

Лукомский А.С. Из воспоминаний // Архив русской революции. Т. 5. Берлин, 1922. С. 113.

Дело генерала Л.Г. Корнилова. Т. 2. С. 561.

347

Там же. С. 304.

Лукомский А.С. Из воспоминаний. С. 114.

349

Дело генерала Л.Г. Корнилова. Т. 2. С. 352.

Набоков В. Временное правительство // Архив русской революции. Т. 1. Берлин, 1922. С. 43.

351

Дело генерала Л.Г. Корнилова. Т. 2. С. 151.

Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте. С. 238.

Дело генерала Л.Г. Корнилова. Т. 2. С. 233.

Там же. С. 224.

Половцев Л.В. Дни затмения. М., 1999. С. 192.

Дело генерала Л.Г. Корнилова. Т. 2. С. 233.

Там же. С. 100.

Там же. С. 218.

359

Милюков П.Н. История второй русской революции. С. 357.

Дело генерала Л.Г. Корнилова. Т. 2. С. 546.

361

Милюков П.Н. История второй русской революции. С. 358.

Дело генерала Л.Г. Корнилова. Т. 2. С. 104.

Лукомский А.С. Из воспоминаний. С. 115.

Дело генерала Л.Г. Корнилова. Т. 2. С. 233.

365

Революционное движение в России в августе 1917 г. С. 434.

Дело генерала Л.Г. Корнилова. Т. 2. С. 65.

367

Революционное движение в России в августе 1917 г. С. 442.

Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте. С. 241.

369

Революционное движение в России в августе 1917 г. С. 443.

Дело генерала Л.Г. Корнилова. Т. 2. С. 363.

Милюков П.Н. История второй русской революции. С. 371.

Дело генерала Л.Г. Корнилова. Т. 2. С. 327.

Лукомский А.С. Из воспоминаний. С. 117.

Дело генерала Л.Г. Корнилова. Т. 2. С. 232.

375

Революционное движение в России в августе 1917 г. С. 448.

Вырубов В.В. Воспоминания о Корнилове ком деле // Минувшее. Т. 12. М.; СПб., 1993. С. 14.

377

Революционное движение в России в августе 1917 г. С. 451.

Алексеева-Борель В. Сорок лет в рядах русской императорской армии. Генерал М.В. Алексеев. СПб., 2000. С. 576.

Дело генерала Л.Г. Корнилова. Т. 2. С. 306.

380

Революционное движение в России в августе 1917 г. С. 454.

381

Дело генерала Л.Г. Корнилова. Т. 2. С. 161.

Вырубов В.В. Воспоминания о корниловском деле. С. 16.

Гуль Р. Я унес Россию. Т. 2. Россия во Франции. М., 2001. С. 94.

Краснов П.Н. На внутреннем фронте. С. 113.

Лукомский А.С. Из воспоминаний. С. 120.

Краснов П.Н. На внутреннем фронте. С. 114.

Дело генерала Л.Г. Корнилова. Т. 2. С. 493.

Там же. С. 494.

389

Там же. С. 231.

Иоффе Г.З. Белое дело. Генерал Корнилов. М., 1989. С. 130.

391

Дело генерала Л.Г. Корнилова. Т. 2. С. 421.

Там же. С. 361.

393

Краснов П.Н. На внутреннем фронте. С. 115.

394

Цит. по: *Милюков П.И.* История второй русской революции. С. 410.

395

Революционное движение в России в августе 1917 г. С. 456—457.

Там же. С. 469.

Заговор Корнилова (по воспоминаниям А.И. Путилова) // Последние новости. Париж, 1937. 24 января. (Путилов ошибочно датирует этот визит 27 августа).

398

Революционное движение в России в августе 1917 г. С. 461.

399

Дело генерала Л.Г. Корнилова. Т. 2. С. 26.

Там же. С. 69.

401

ГА РФ. Ф. 5827. Оп. 1. Д. 24. Л. 7.

Вырубов В.В. Воспоминания о корниловском деле. С. 17.

Алексеева-Борель В. Сорок лет в рядах русской императорской армии. С. 580.

Вырубов В.В. Воспоминания о корниловском деле. С. 19.

Там же. С. 20.

Лукомский А.С. Из воспоминаний. С. 124.

Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т. 2. С. 77.

Вырубов В.В. Воспоминания о корниловском деле. С. 21.

409

Там же.

Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т. 2. С. 56.

411

Из воспоминаний участника корниловского выступления секретаря Главного комитета Союза офицеров армии и флота капитана С.Н. Ряснянского о пребывании в быховской тюрьме // Дело генерала Л.Г. Корнилова. Август 1917 — июль 1918 г. М., 2003. Т. 1. С. 407.

412

Из воспоминаний члена Чрезвычайной комиссии — помощника военного прокурора Петроградского военно-окружного суда Н.П. Украинцева о создании и деятельности комиссии // Дело генерала Л.Г. Корнилова. Август 1917 — июль 1918 г. М., 2003. Т. 1. С. 361.

413

Из воспоминаний участника корниловского выступления секретаря Главного комитета Союза офицеров армии и флота капитана С.Н. Ряснянского. С. 420.

Дело генерала Л.Г. Корнилова. Т. 1. С. 85.

415

Рай за решеткой. Из тюремного дневника генерала Маркова (1917 г.)//Родина. 1990. № 10. С. 37.

Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т. 2. С. 98.

417

Рай за решеткой. Из тюремного дневника генерала Маркова. С. 38.

Алексеева-Борель В. Сорок лет в рядах русской императорской армии. Генерал М.В. Алексеев. СПб., 2000. С. 653.

419

ГА РФ. Ф. 5913. Оп. 1. Д. 58. Л. 3.

420

Отчет о командировке из Добровольческой армии в Сибирь в 1918 году//Архив русской революции. Берлин, 1923. Т. 9. С. 243.

Алексеева-Борель В. Сорок лет в рядах русской императорской армии. С. 610.

Марковцы в боях и походах за Россию в освободительной войне 1917-1920 гг. Париж, 1962. Кн. 1. С. 21.

Алексеева-Борель В. Сорок лет в рядах русской императорской армии. С. 612.

Лисенко И. Записки юнкера 1917 года // Зарождение Добровольческой армии. М., 2001. С. 67.

425

Шапрон дю Ларре А.Г. Воспоминания о выезде из Петрограда в 1917 году//Русское прошлое. Кн. 4. СПб., 1993. С. 153.

Шульгин В.В. 1917—1919//Лица: биографический альманах. М.; СПб., 1994. С. 180.

Нестерович-Берг М.А. В борьбе с большевиками. Париж, 1931. С. 44, 78, 94.

Там же. С. 59.

Суворин А. Поход Корнилова. Ростов н/Д., 1918. С. 7.

Марковцы в боях и походах за Россию в освободительной войне 1917-1920 годов. Париж, 1962. Кн.1. С. 76.

Там же. С. 102.

432

Ростовская речь. 1918. 3 января.

433

Там же. 9 января.

Мезерницкий М. Так пролилась первая кровь // Зарождение Добровольческой армии. С. 442.

Николаев И.Н. Первый кубанский поход // Вестник первопоходника. Лос-Анджелес, 1964. № 29. С. 24.

Лютер А. Дневник офицера//Памятники Отечества. 1992. № 25. С. 156.

Ларионов В. Последние юнкера. Франкфурт-на-Майне, 1984. С. 36.

Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т. 2. Борьба генерала Корнилова. Август 1917 — апрель 1918 г. М, 1991. С. 201.

Половцев А. Рыцари тернового венца // Зарождение Добровольческой армии. С. 255.

440

ГА РФ. Ф. 440. Оп. 2. Д. 100. Л. 81.

Алексеева-Борель В. Сорок лет в рядах русской императорской армии. С. 631.

Денежные документы генерала Алексеева//Архив русской революции. Берлин, 1922. Т. 5. С. 352.

Марковцы на Дону// Зарождение Добровольческой армии. С. 371.

Экспедиция в село Лежанка за орудиями // Там же. С. 482.

Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т. 2. С. 202.

446

Письмо генерала от инфантерии М.В. Алексеева к генерал-лейтенанту М.К. Дитерихсу. С. 77.

Богаевский А.П. 1918 год//Белое дело. Ледяной поход. М., 1993. С. 27.

Вольный Дон. Новочеркасск, 1917. 3 ноября.

Харламов В. Юго-Восточный союз в 1917 году//Донская летопись. Т. 2. Вена, 1923. С. 289.

Филимонов А.П. Кубанцы: 1917—1918 гг. // Белое дело. Т. 2. Берлин, 1927. С. 80.

Мезерницкий М. Так пролилась первая кровь. С. 444.

Марковцы на Дону//Зарождение Добровольческой армии. М., 2001. С. 373.

Половцев А. Рыцари тернового венца // Зарождение Добровольческой армии. М., 2001. С. 258.

Львов Н.Н. Свет во тьме // Зарождение Добровольческой армии. М., 2001. С. 344.

455

Вольный Дон. Новочеркасск, 1917. 30 ноября.

Алексеева-Борель В. Сорок лет в рядах русской императорской армии. С. 645.

Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т. 2. С. 142—143.

Там же. С. 137.

Хаджиев Р.Б. Великий Бояр. Белград, 1929. С. 147.

460

Из воспоминаний члена Чрезвычайной комиссии помощника военного прокурора Петроградского военно-окружного суда Н.П. Украинцева о создании и деятельности комиссии // Дело генерала Л.Г. Корнилова. Август 1917 — июль 1918 г. М., 2003. Т. 1. С. 398.

461

Из воспоминаний участника корниловского выступления секретаря Главного комитета Союза Офицеров армии и флота капитана С.Н. Ряснянского о пребывании в быховской тюрьме// Дело генерала Л.Г. Корнилова. Август 1917 — июль 1918 г. М., 2003. Т. 1. С. 429.

462

Из воспоминаний члена Чрезвычайной комиссии помощника военного прокурора Петроградского военно-окружного суда Н.П. Украинцева. С. 403.

Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т. 2. С. 143.

Станкевич В.Б. Воспоминания. 1914-1919 гг. М., 1994. С. 159.

Там же. С. 160-161.

Там же. С. 161.

Там же. С. 162.

Хаджиев Р.В. Великий Бояр. С. 168.

469

Там же. С. 77.

Вольный Дон. Новочеркасск, 1917. 17 ноября.

471

Вольный Дон. Новочеркасск, 1917. 6 декабря.

Поликарпов В.Д. Пролог Гражданской войны в России. Октябрь 1917-февраль 1918 г. М., 1976. С. 256.

Хаджиев Р.Б. Великий Бояр. С. 182.

ГА РФ. Ф. 5827. Оп. 1. Д. 264. Л. 9.

Там же. Л. 10.

Там же. Л. 13.

477

Великая Россия. Екатеринодар, 1919. 12 (25) октября.

Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т. 2. С. 155.

Поликарпов В.Д. Пролог Гражданской войны в России. С. 303.

480

ГА РФ. Ф. 5827. Оп. 1. Д. 264. Л. 22.

481

Вольный Дон. 1917. 30 ноября.

Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т. 2. С. 187.

Лукомский А.С. Воспоминания//Белое дело. Генерал Корнилов. М., 1993. С. 224.

Черепов А. Зарождение антикоммунистической борьбы на юге России//Зарождение Добровольческой армии. М., 2001. С. 438.

Лукомский А.С. Воспоминания. С. 226.

486

ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 255. Л. 23.

487

ГА РФ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 30. Л. 21.

Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т. 2. С. 188.

Суворин Б.А. За Родиной. Героическая эпоха Добровольческой армии. 1917-1918 гг. Париж, 1922. С. 22.

Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т. 2. С. 188.

491

Там же. С. 189.

492

ГА РФ. Ф. 5827. Оп. 1. Д. 35. Л. 8.

Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т. 2. С. 191.

Дело Бориса Савинкова. М., 1925. С. 30.

Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т. 2. С. 196.

Половцев Л.В. Рыцари тернового венца. Прага. Б.г. С. 40.

Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т. 2. С. 199.

Белый архив. Т. 1. Париж, 1926. С. 196.

Лембич М. Великий печальник. Омск, 1919. С. 13.

500

Вольный Дон. Новочеркасск, 1917. 8 декабря.

501

Головин Н.Н. Российская контрреволюция в 1917—1918 гг. Ч. 2. Кн. 1. Париж, 1937. С. 56.

Суворин А.А. Поход Корнилова. Ростов н/Д., 1918. С. 76.

Там же. С. 111-122.

Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т. 2. С. 98.

Лембич М. Политическая программа генерала Л.Г. Корнилова январских дней 1918 года// Белый архив. Т. 2. Париж, 1928. С. 179.

506

ГА РФ. Ф. 446. Оп. 2. Д. 1. Д. 35.

Лембич М. Великий печальник. С. 12.

Лукомский А. С Воспоминания. С. 229.

509

Лембич М. Политическая программа генерала Л.Г. Корнилова январских дней 1918 года. С. 181.

510

ГА РФ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 26. Л. 40.

511

Богаевский А.П. 1918 год// Белое дело. Ледяной поход. М, 1993. С. 30.

Клементьев В.Ф. В большевицкой Москве (1918-1920). М., 1998. С. 16.

Поликарпов В.Д. Пролог Гражданской войны в России. С. 386.

514

ГА РФ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 30. Л. 21.

515

Лисовой С.Я. Заседание Политического совещания Добровольческой армии 15 января 1918 года//Белый архив. Т. 1. Париж, 1926. С. 98.

Там же. С. 99.

Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т. 2. С. 160.

Богаевский А.П. 1918 год. С. 12.

Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т. 2. С. 219.

Мельников Я А/. А.М. Каледин — герой Луцкого прорыва и донской атаман. Мадрид, 1968. С. 281.

521

Цит. по: *Поликарпов В.Д.* Пролог Гражданской войны в России. С. 391.

522

Ростовская речь. 1918. 11 января.

523

ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 255. Л. 35.

Гуль Р.Б. Ледяной поход (с Корниловым) // Белое дело. Ледяной поход. М., 1993. С. 246.

525

Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т. 2. Борьба генерала Корнилова. Август 1917 —апрель 1918 г. М., 1991. С. 226.

Там же. С. 227.

Марковцы в первом походе Добровольческой армии // Первый кубанский («Ледяной») поход. М., 2001. С. 319.

528

ГА РФ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 30. Л. 31.

529

Там же.

Суворин А. Поход Корнилова. Ростов н/Д., 1919. С. 6.

531

ГА РФ. Ф. 446. Оп. 2. Д. 101. Л. 94.

Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т. 2. С. 230.

533

Каклигин К.Я. Степной поход в Задонье 1918 года и его значение//Донская летопись. Т. 3. Белград, 1924. С. 5.

Хаджиев Р.Б. Генерал Л.Г. Корнилов в «Ледяном походе» // Первый кубанский («Ледяной») поход. М., 2001. С. 94.

Богаевский А.П. 1918 год // Белое дело. С. 40.

Гуль Р.Б. Ледяной поход (с Корниловым) // Там же. С. 250.

Половцев А. Рыцари тернового венца // Первый кубанский «Ледяной поход». М., 2001. С. 177.

Александров Я. Белые дни. Ч. 1. Берлин, 1922. С. 5.

539

Суворин Б.А. За Родиной. Героическая эпоха Добровольческой армии. 1917-1918 гг. Париж, 1922. С. 46.

Алексеева-Борель В. Сорок лет в рядах русской императорской армии. Генерал М.В. Алексеев. М., 2000. С. 669.

541

Там же. С. 670.

Лукомский А. С Воспоминания. Т. 2. Берлин, 1922. С. 8.

543

ГА РФ. Ф. 5827. Оп. 1. Д. 95. Л. 1.

544

ГА РФ. Ф. 5936. Оп. 1. Д. 69. Л. 1.

Гуль Р.Б. Ледяной поход (с Корниловым). С. 252.

Богаевский А.П. 1918 год// Белое дело. Ледяной поход. М., 1993. С. 47.

Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т. 2. Борьба генерала Корнилова. Август 1917 — апрель 1918 г. М., 1991. С. 237.

Пауль С.М. С Корниловым // Белое дело. С. 196.

Марковцы в первом походе Добровольческой армии // Первый кубанский («Ледяной») поход. М., 2001. С. 331.

Суворин А. Поход Корнилова. Ростов н/Д., 1919. С. 33.

551

Рындин. С Кубани на Дон // Октябрь на Кубани и Черноморье. Краснодар, 1924. С. 164.

Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т. 2. С. 315.

553

Гуль Р.Б. Ледяной поход (с Корниловым). С. 53.

Пауль С.М. С Корниловым. С. 183.

555

ГА РФ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 26. Л. 25.

Нестеровичберг М.А. В борьбе с большевиками. Париж, 1931. С. 97.

Деникин А.Я. Очерки русской смуты. Т. 2. Борьба генерала Корнилова. Август 1917 — апрель 1918 г. М., 1991. С. 240.

Какурин И. Первый кубанский генерала Корнилова поход // Первый кубанский «Ледяной поход». С. 48.

Богаевский А.П. 1918 год// Белое дело. С. 53.

Там же. С. 56.

561

Какурин И. Первый кубанский генерала Корнилова поход. С. 54.

Гуль Р.Б. Ледяной поход (с Корниловым). С. 258.

Богаевский А.П. 1918 год. С. 43.

Метелов А. Кубанское крестьянство в борьбе с корниловщиной // Пролетарская революция. 1926. № 4 (51). С. 105.

Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т. 2. Борьба генерала Корнилова. Август 1917 — апрель 1918 г. М., 1991. С. 247.

Там же.

Там же. С. 258.

Левитов М. Корниловский ударный полк в 1 -м Кубанском походе // Первый кубанский «Ледяной поход». М., 2001. С. 512.

Гуль Р.Б. Ледяной поход (с Корниловым). С. 281.

Хаджиев Р.Б. Генерал Л.Г. Корнилов в «Ледяном походе» // Первый кубанский («Ледяной») поход. М., 2001. С. 98.

Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т. 2. С. 263.

Там же. С. 264.

Половцев А. Рыцари тернового венца // Первый кубанский «Ледяной поход». М, 2001. С. 175.

Суворин Б. За родиной // Первый кубанский «Ледяной поход». М., 2001. С. 220.

Львов Н. Свет во тьме // Первый кубанский «Ледяной поход». М., 2001. С. 106.

Львов Н. Свет во тьме. С. 127.

Половцев А. Рыцари тернового венца. С. 176.

Волков С.В. Белое движение в России: организационная структура. М., 2000. С. 14.

Амфитеатров-Кадышев В. Страницы из дневника // Минувшее. Т. 20. М.; СПб., 1996. С. 581.

Львов Н. Свет во тьме. С. 112.

581

Амфитеатров-Кадышев В. Страницы из дневника. С. 580.

Вавpик В.Р. Карпатороссы в Корнилове ком походе и Добровольческой армии. Львов, 1923. С. 16.

Половцев А. Рыцари тернового венца. С. 178.

Рындин. С Кубани на Дон // Октябрь на Кубани и Черноморье. Краснодар, 1924. С. 149.

585

Вольный Дон. Новочеркасск, 1917. 22 декабря.

Пауль С.М. С Корниловым // Белое дело. Ледяной поход. М., 1993. С. 197.

Там же.

Там же. С. 193-194.

589

Рейнгард Ю. Мой взвод // Первый кубанский «Ледяной поход». М., 2001. С. 442.

Львов Н. Свет во тьме. С. 120.

591

Сербии Ю. Генерал В.Л. Покровский // Первые бои Добровольческой армии. М., 2001. С. 258.

Кубань и Добровольческая армия в 1918—1919 гг. // Русское прошлое. 1994. № 5. С. 99.

593

Леонтовин В. Первые бои на Кубани. Мюнхен, 1923. С. 26.

Третьяков В. Первые добровольцы на Кубани и кубанцы в 1-м по ходе // Военная быль. Париж, 1957. № 24. С. 18.

Кубань и Добровольческая армия в 1918—1919 гг. С. 81.

Шкуро А.Г. Записки белого партизана. М., 1991. С. 97.

Николаев К. 1-й кубанский поход// Первые бои Добровольческой армии. М., 2001. С. 254.

Хижняк И.Л. Годы боевые. Краснодар, 1973. С. 84.

599

Николаев К.Н. Смутные дни на Кубани // В память 1-го Кубанского похода. Белград, 1926. С. 92.

Науменко В. Начало Гражданской войны на Кубани // Первые бои Добровольческой армии. М., 2001. С. 290.

601

Рындин. С Кубани на Дон // Октябрь на Кубани и Черноморье. Краснодар, 1924. С. 149.

Науменко В. Начало Гражданской войны на Кубани. С. 292.

603

Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т. 2. Борьба генерала Корнилова. Август 1917 — апрель 1918 г. М., 1991. С. 272.

Там же. С. 273.

Там же. С. 278.

Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т. 1. Борьба генерала Корнилова. М., 1990. С. 284.

Марков и марковцы. М., 2001. С. 148.

Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т. 1. С. 282.

609

Там же. С. 283.

610

Богаевский А.П. 1918 год// Белое дело. Ледяной поход. М., 1993. С. 89.

611

Очерки истории Краснодарской организации КПСС. Краснодар, 1966. С. 204.

612

Казанович Б. Движение Добровольческой армии в марте месяце и штурм Екатеринодара//Первый кубанский («Ледяной») поход. М., 2001. С. 688.

613

ГА РФ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 26. Л. 34.

Ларионов В. Последние юнкера // Первый кубанский («Ледяной») поход. М., 2001. С. 862.

615

Суворин Б.А. За Родиной // Первый кубанский («Ледяной») поход. М., 2001. С. 244.

Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т. 2. С. 188.

617

Суворин Б.А. За Родиной. С. 245.

Богаевский А.Я. 1918 год. С. 88.

619

Иванов В. Где вы, пережившие? (29 марта — 3 августа 1918 года) // Первый кубанский («Ледяной») поход. М., 2001. С. 618.

620

ГА РФ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 5. Л. 7.

Богаевский А.П. 1918 год. С. 90.

622

ГА РФ. Ф. 5827. Оп. 1. Д. 95. Л. 9.

623

Казанович Б. Движение Добровольческой армии в марте месяце и штурм Екатеринодара. С. 694.

Богаевский А.Я. 1918 год. С. 91.

625

Марковцы в боях и походах за Россию в освободительной войне 1917-1920 гг. Кн. 1. Париж, 1962. С. 199.

Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т. 2. С. 294.

627

Там же.

Там же. С. 295.

629

Казанович Б. Движение Добровольческой армии в марте месяце и штурм Екатеринодара. С. 698.

Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т. 2. С. 294.

Казанович Б. Движение Добровольческой армии в марте месяце и штурм Екатеринодара. С. 698.

632

ГА РФ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 26. Л. 49.

633

«Сердце не выдержало…» (Воспоминания штабс-капитана А. Тюрина о смерти генерала Корнилова.) С. 81.

Казанович Б. Движение Добровольческой армии в марте месяце и штурм Екатеринодара. С. 698.

Богаевский А.П. 1918 год. С. 97.

636

ГА РФ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 26. Л. 49.

Там же. Л. 50.

Богаевский А.П. 1918 год. С. 98.

639

Хаджиев Р.Б. Генерал Л.Г. Корнилов в «Ледяном походе» // Первый кубанский («Ледяной») поход. М., 2001. С. 69.

Богаевский А.П. 1918 год. С. 98.

641

Крутоголов Ф.Ф. Огненные версты. Краснодар, 1975. С. 30.

Ладоха Г. Очерки гражданской борьбы на Кубани. Краснодар, 1923. С. 87.

643

Корниловский ударный полк. Париж, 1936. С. 34.

Хаджиев Р.Б. Генерал Л.Г. Корнилов в «Ледяном походе». С. 103.

645

Марковцы в боях и походах за Россию. С. 203.

646

ГА РФ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 26. Л. 35.

Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т. 2. С. 302.

Там же. С. 304.

649

ГА РФ. Ф. 446. Оп. 2. Д. 23. Л. 2.

650

«Сердце не выдержало…» (Воспоминания штабс-капитана А. Тюрина о смерти генерала Корнилова.) С. 82.

651

Львов Н. Свет во тьме // Первый кубанский («Ледяной») поход. М., 2001. С. 158.

Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т. 2. С. 294.

653

Иванов В. Где вы, пережившие? (29 марта — 3 августа 1918 года) // Первый кубанский («Ледяной») поход. М., 2001. С. 620.

Сердце не выдержало…» (Воспоминания штабс-капитана А. Тюрина о смерти генерала Корнилова) // Отечественные архивы. 2002. № 4. С. 82.

655

Гуль Р.Б. Ледяной поход. С. 291.

Какурин И. Первый кубанский генерала Корнилова поход // Первый кубанский («Ледяной») поход. М., 2001. С. 78.

Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т. 2. С. 294.

Там же.

659

Марковцы в боях и походах. С. 207.

Суворин Б.А. За Родиной. С. 121.

Филимонов А.П. Кубанцы. 1917—1918 гг. С. 125.

Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т. 2. С. 299.

663

ГА РФ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 26. Л. 47.

Иванов В. Где вы, пережившие? С. 620.

665

Наше слово. 1918. 14 (1) апреля.

Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 233.

667

ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 26. Л. 3.